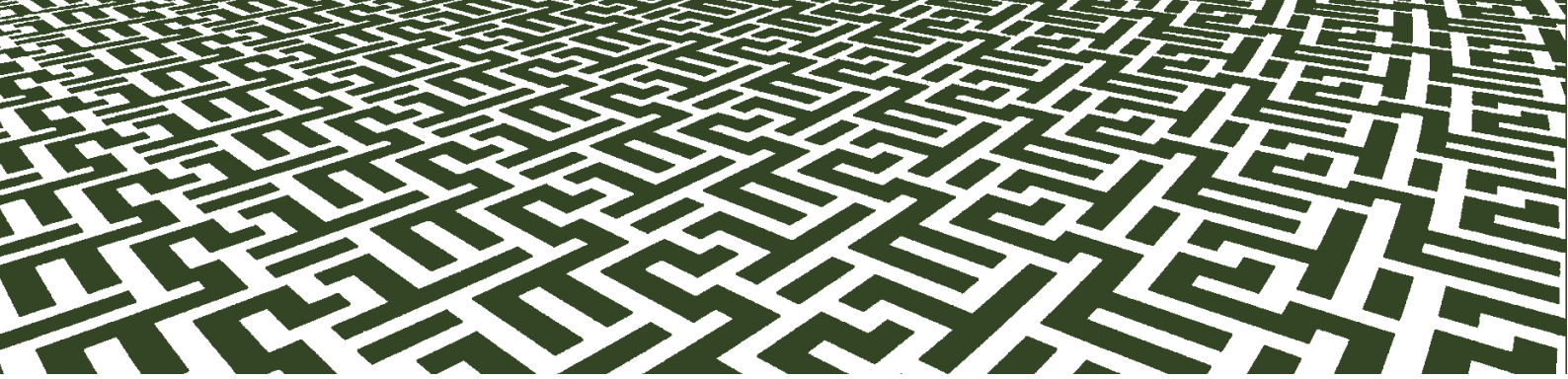

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№4
2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 4/2024

дата публикации: 25.11.2024 г.

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

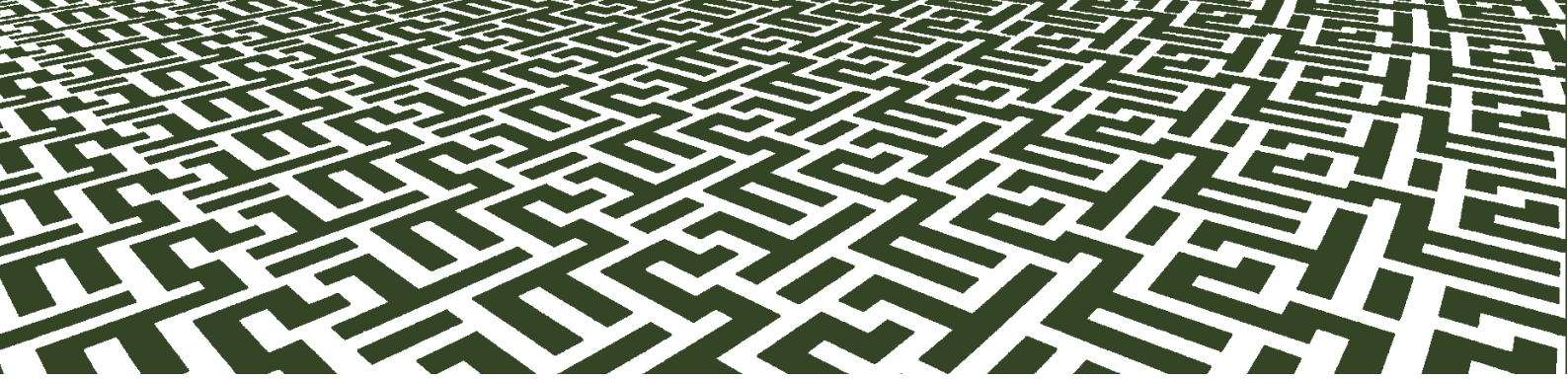
Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов
О.И. Ананьин
М.Р. Байсингер (США)
А.Е. Варшавский
М.И. Воейков
зам. гл. редактора
Г.Д. Гловели
Р.С. Гринберг
В.Е. Дементьев
А.П. Заостровцев
зам. гл. редактора
Л.В. Зеленоборская
Р.И. Капелюшников
С.Г. Кирдина-Чэндлер
А.М. Либман (ФРГ)
В.И. Маевский
Н.А. Макашева
В.С. Мартьянов
В.Ю. Музычук
А.Н. Олейник (Канада)
Н.М. Плискевич
зам. гл. редактора
Л.И. Полищук
В.М. Полтерович
Т.Ф. Ремингтон (США)
А.Я. Рубинштейн
М.Е. Симон
Н.Е. Тихонова
М.Ю. Урнов
Б.А. Хейфец
Т.В. Чубарова
зам. гл. редактора

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Economic Theory
- Methodology of economic science
- From Theory to Economic Policy
- History of thought
- Interdisciplinary Studies
- Economic History
- Surveys & reviews

№4
2024

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 4/2024

Publication Date: 25.11.2024

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov
O.I. Anan'in
M.R. Beissinger (USA)
A.E. Varshavskiy
M.I. Voyeikov
Deputy Chief Editor
G.D. Gloveli
R.S. Grinberg
V.E. Dementiev
A.P. Zaostrovtsev
Deputy Chief Editor
L.V. Zelenoborskaya
R.I. Kapelyushnikov
S.G. Kirdina-Chandler
A.M. Libman (FRG)
V.I. Mayevskiy
N.A. Makasheva
V.S. Martyanov
V.U. Muzychuk
A.N. Oleinik (Canada)
N.M. Pliskevich
Deputy Chief Editor
L.I. Polishchuk
V.M. Polterovich
T.F. Remington (USA)
A.Y. Rubinshtein
M.E. Simon
N.E. Tikhonova
M.Y. Urnov
B.A. Kheyfets
T.V. Chubarova
Deputy Chief Editor

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.В. Вольчик, Е.В. Фурса
Идеология и теоретические нарративы в экономической науке 7

А.П. Заостровцев
Государство благосостояния: великодушие или хищничество? 22

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Л. Тамбовцев
Народная экономическая теория и феномен отступления демократии 45

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова
Селективная территориальная диффузия технологий с учётом эффекта масштаба 59

К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков
«Нашествие роботов»: приступ луддизма или реальный вызов? 86

Т.В. Чубарова
Неравенство в состоянии здоровья: социально-экономический подход 100

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

О.Н. Борох
Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 2. Критический взгляд через призму советской политической экономии) 115

Д.В. Мельник
Либералы и государство в Италии: либеральный реформизм Джованни Джолитти и его критики 128

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть II) 142

Н.Н. Зарубина
Научная метафора «человеческий потенциал»: аналитические возможности цивилизационного подхода 159

В.Л. Римский
Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских граждан (Часть 1. Социальное государство) 175

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.А. Фельдман
Секретное совещание в ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931 г. — поиск нового экономического курса 197

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М.С. Круглова
Китайская модель государства развития: обзор исследовательской литературы 215

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

V. Volchik, E. Fursa
Ideology and Theoretical Narratives in Economics 7

A. Zaostrovtsev
Welfare State: Generosity or Predatory? 22

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Tambovtsev
Folk Economics and Democratic Backsliding Phenomenon 45

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

E. Balatsky, N. Ekimova
Selective Territorial Diffusion of Technologies Taking into Account the Scale Effect 59

K. Yanovskiy, S. Zhavoronkov
«Robots' Invasion»: New Attack of Luddism or Real Challenge? 86

T. Chubarova
Health Inequalities: A Socio-Economic Approach 100

HISTORY OF THOUGHT

O. Borokh
Economic Teaching of Chiang Kai-shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 2. A Critical Look through the Prism of Soviet Political Economy) 115

D. Melnik
Liberals and the State in Italy: Giovanni Giolitti's Liberal Reformism and Its Critics 128

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Medushevskiy
Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? (Part II) 142

N. Zarubina
Scientific Metaphor «Human Potential»: Analitical Capabilities of the Civilizational Approach 159

V. Rimskiy
A Fair Social State as a Value and as a Reality for Russian Citizens (Part 1. Social State) 175

ECONOMIC HISTORY

M. Feldman
Secret Meeting in the Central Committee of the CPSU (b) on June 22–23, 1931 — Search the New Economic Course 197

SURVEYS & REVIEWES

M. Kruglova
Chinese Model of Developmental State: A Literature Review 215

В.В Вольчик
д.э.н., профессор, Южный федеральный университет
Е.В. Фурса
к.э.н., доцент, Южный федеральный университет

ИДЕОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ[1]

Аннотация. В статье развиваются подходы нарративной экономики к анализу идеологии как важной составляющей теоретических нарративов в экономической науке. С одной стороны, многие экономисты признают, что влияние идеологии на научные исследования нельзя совсем элиминировать, а с другой, идеология продолжает рассматриваться как нечто препятствующее объективным научным исследованиям. Однако идеологии, непосредственно связанные с коллективными и ндивидуальными интересами акторов, формируют картину мира через призму ментальных моделей, которая релевантна для приверженцев той или иной идеологической позиции или установки. В данной статье на основании нортовского подхода к определению идеологии авторы предлагают рабочее определение идеологии. Идеология — это общие ментальные модели для групп индивидов. Группы индивидов через ментальные модели объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами для проведения политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (научные школы, политические организации и т.д.) и их действия по установлению и продвижению предполагаемых или реальных связей межу средствами и результатами. Идеология в социальных науках часто принимает форму теоретических нарративов, которые можно рассматривать как одну из форм исследовательских нарративов, использующихся в практике нарративной экономики. Теоретический нарратив в рамках экономической теории сильно отличается от нарративов, с которыми работают лингвисты. Для экономистов, которые используют понятие нарратива, существенно, какие идеи, мораль или правила транслируются вместе с историей или нарративом. И здесь очень важно, как теоретические составляющие или упрощённые модели связаны с историческими или национальными контекстами. Теоретические нарративы или тесно связаны, или включают элементы исторических нарративов. В совокупности с теоретическими, исторические нарративы позволяют реконструировать и создавать объяснения важных исторических событий для продвижения той или иной идеологической повестки. В статье на примере идеологий социализма и неолиберализма рассматриваются теоретические нарративы, которые имеют идеологическую составляющую и используются для оправдания проводимой экономической политики и объяснения важных закономерностей развития российского хозяйственного порядка.

Ключевые слова: *идеология, экономическая наука, теория, нарративы, ментальные модели, научные школы.*
JEL: B2, B4, E6, P5
УДК: 330.101, 330.88
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21
© В.В. Вольчик, Е.В. Фурса, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вольчик В.В., Фурса Е.В.* Идеология и теоретические нарративы в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.
FOR CITATION: *Volchik V.V., Fursa E.V.* Ideology and Theoretical Narratives in Economics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, https://rscf.ru/project/24-18-00665/ «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Введение

Идеология имеет значение для развития науки и научного знания. Однако в научном сообществе нет консенсуса, какое это значение: положительное, отрицательное, нейтральное, нормативное или политически мотивированное. В социологии науки долгое время существует и обсуждается подход Дж. Кангилема [*Canguilhem*, 1988] к научной идеологии. Она существует в двух воплощениях: в первом она предшествует науке, а во втором паразитирует на ней. Первый тип идеологии включает в себя системы идей, которые занимают ту же область, что затем и наука, но которые не являются полностью научными в методологическом и операциональном плане. В качестве примеров этого типа идеологии Кангилем привёл атомистические теории Демокрита и Лукреция. Другой тип научной идеологии паразитирует на науке, поскольку распространяет научные теории на области, которые не входят в их компетенцию. Примером этого типа идеологии является теория эволюции Герберта Спенсера. Спенсер расширил область применения законов, которые принадлежали эмбриологии и биологии, на всю совокупность человеческого опыта [*Sauerland*, 2015. P. 67]. Такой подход к научной идеологии в целом выводит идеологию за рамки собственно науки: её теорий, моделей и методологии. Истоки данного подхода также можно соотнести с известной марксистской трактовкой идеологии как «ложного сознания».

Является ли идеология важной составляющей теоретических нарративов в экономической науке (общественных науках)? Для того чтобы проанализировать влияние идеологии на теоретические и методологические основания экономической науки, необходимо опираться на чёткое понимание концепта идеологии. В данной работе мы развиваем подходы нарративной экономики к анализу идеологической составляющей в экономической науке.

Идеологии в экономической науке

В экономической науке на протяжении долгого времени складывалось негативное отношение к проблеме идеологии. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, идеология, которая ассоциируется с политическими движениями и властью, определяется как внешний элемент относительно научного знания. Поэтому она рассматривается отдельно от теории и собственно науки. Во-вторых, идеология, которая ассоциируется с мировоззрением, также выходит за рамки предмета экономической науки. В-третьих, идеология связана с ценностными и плохо формализуемыми факторами, что затрудняет моделирование и препятствует строгости научных построений.

Наиболее известными и влиятельными в экономической науке остаются соображения Й. Шумпетера относительно места идеологии в научных исследованиях: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись» [*Шумпетер*, 2012. С. 264]. Авторитет Й. Шумпетера способствовал тому, что в дальнейшем сформировалось двойственное отношение среди учёных-экономистов к проблеме идеологии. С одной стороны, многие признают, что влияние идеологии на научные исследования нельзя совсем элиминировать, а с другой — идеология продолжает рассматриваться как нечто, препятствующее объективным научным исследованиям.

Также в экономической науке существует подход, согласно которому та или иная идеология ассоциируется с конкретной научной школой или, по выражению У. Сэмюэлса,

«фундаментальной парадигмой» [*Samuels*, 1992. P. 239]. Такое понимание идеологии отражается в следующем определении: «Таким образом, идеологию в широком смысле можно рассматривать как охватывающую наши конечные представления о природе экономического порядка и процессов. Она определяет экономическую реальность и ценности, и делает это таким образом, что чрезвычайно трудно отделить утверждения о фактах от утверждений о ценностях. Каждый тип утверждений маскируется под другой в борьбе за последовательность и единообразие» [*Samuels*, 1992. P. 236].

В странах с государственной идеологией её влияние на науку и особенно на общественные науки всегда было значительным. Например, в СССР марксистско-ленинская идеология всецело определяла направленность и даже возможность тех или иных экономических исследований. Поэтому в ранний постсоветский период в среде российских экономистов доминировало негативное отношение к идеологии. Однако, если об идеологии не говорят явно, она может, вследствие многих исторических и институциональных особенностей той или иной страны или групп стран, не только присутствовать, но и доминировать в имплицитной форме.

По мере развития новой институциональной экономической теории и росту её влияния снова появился интерес к проблематике идеологии. Это связано прежде всего с именем и работами нобелевского лауреата Д. Норта. У Норта также можно найти наиболее чёткое и непротиворечивое определение: «Идеологии — это имеющиеся у групп индивидов общие рамки ментальных моделей, которые обеспечивают как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» [*North*, 1994. C. 363].

В трактовке Д. Норта идеологии (как общие ментальные модели) могут быть также соотнесены с институтами. Институты, как и идеологии, прежде всего связаны с упорядочиванием повторяющихся социальных взаимодействий, но имеют несколько иную природу: «Между ментальными моделями и институтами существует тесная взаимосвязь. Ментальные модели — это внутренние представления, которые индивидуальные когнитивные системы создают для интерпретации окружающей среды; институты — это внешние (по отношению к разуму) механизмы, которые создают люди для структурирования и упорядочения окружающей среды» [*North*, 1994. P. 363]. Важность общих ментальных моделей определяется прежде всего тем, что они связаны с коллективными действиями: «Ментальные модели включают категории, концепции, идентичности, прототипы, стереотипы, причинно-следственные связи и мировоззрения. Без ментальных моделей мира люди не смогли бы принимать большинство решений в повседневной жизни. А без общих ментальных моделей во многих случаях людям было бы невозможно создавать институты, решать проблемы коллективных действий, испытывать чувство принадлежности и солидарности или даже понимать друг друга…» [*World Bank,* 2014].

Идеологии непосредственно связаны с коллективными и индивидуальными интересами акторов, но, что ещё более важно, через призму ментальных моделей формируется картина мира, которая релевантна для приверженцев той или иной идеологической позиции или установки: «Политические и экономические акторы непосредственно ведут себя в соответствии с ментальными моделями того, что, по их мнению, максимизирует их выгоды и минимизирует потери. Такие факторы, как информационные издержки, ограниченность кругозора, ранее существовавшие предубеждения, парадигмы обучения и образовательная подготовка, создают когнитивные фильтры, которые влияют на то, как люди пытаются понять политические, социальные и экономические события, происходящие с ними» [*Roy, Denzau,* 2020.C. 328].

Для того чтобы идеология была действенной, необходимо распространение общих ментальных моделей среди широкого круга сторонников, которые осуществляют постоянную коммуникацию: «Слова, используемые для передачи идей ментальной модели, исполь-

зуются многократно, поскольку сторонники обсуждают свои идеи между собой, как устно, так и письменно. В результате ментальные модели двух людей должны стать более похожими… Ментальные модели передаются посредством коммуникации, а коммуникация позволяет создавать идеологии и институты в процессе совместной эволюции» [*Denzau, North,* 1994. P. 20].

Исходя из вышесказанного мы используем следующее рабочее определение: *идеология — это общие ментальные модели для различных групп индивидов*. Через ментальные модели индивиды объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами для проведения политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (это могут быть научные школы, политические организации и т.д.) и их действия по установлению и продвижению предполагаемых или реальных связей между средствами и результатами.

Теоретические нарративы

Идеология в социальных науках часто принимает форму теоретических нарративов. Теоретические нарративы можно рассматривать как одну из форм исследовательских нарративов, которые используются в практике нарративной экономики [*Вольчик,* 2022].

В рамках нарративной экономики в исследовательских целях рассматривается несколько типов нарративов. Согласно традиции, заложенной Р. Шиллером [*Shiller*, 2017; *Shiller,* 2019], а также Дж. Акерлофом и Д. Сноуером [*Akerlof, Snower,* 2016], нарративы содержат информацию о социальных контекстах различных экономических явлений и могут принимать форму упрощённых протомоделей или протонарративов.

В оригинальной институциональной экономической теории широко используется дискурсивный анализ как один из подходов качественных исследований институтов. Например, известный представитель институционализма В.М. Ефимов характеризует дискурсы и нарративы как источники данных об институтах: «Для нас здесь важно только понять, что с помощью дискурсов и нарративов фиксируются и передаются правила/привычки и связанные с ними верования-убеждения, которые исследователь и должен выявить с помощью анализа дискурсов и нарративов» [*Ефимов,* 2016. С. 43]. Однако в философской традиции понятие дискурса шире понятия нарратива. В определении дискурса обычно подчёркивается его роль в «лингвистическом производстве» в процессе человеческой коммуникации: «Дискурс является наиболее общей категорией лингвистического производства. Человеческие существа общаются посредством большого числа способов, включая вербальный. Как правило, вербальное общение происходит одновременно и независимо от других материальных и символических способов, именно в этом смысле мы называем лингвистический продукт (как процесс, так и результат) дискурсом» [*Брокмейер, Харре,* 2000. С. 31]. Нарратив в такой трактовке становится более узким понятием, связанным с более широким —дискурсом: «Мы рассматриваем нарратив как подвид дискурса, но как вид наивысшего уровня или классифицирующего понятия в таксономии нарративных форм более низкого уровня» [*Брокмейер, Харре,* 2000. С. 31].

Научный дискурс, таким образом, содержит теоретические нарративы, которые Р. Шиллер ассоциировал с упрощёнными экономическими протомоделями. Понятие теоретического нарратива *у́же* понятия научного дискурса. Но использование понятия теоретического нарратива оправдано, чтобы сконцентрировать внимание на конкретной научной проблеме и её решении в плане исторического и идеологического контекста.

В современных социальных науках мы находим достаточно много примеров использования концепта теоретического нарратива: «Традиционно дисциплины, ориен-

тированные на человека (психология, антропология, экономика, лингвистика, семиотика, социология, медицина, социальная нейронаука и многие другие), характеризуют модели как нарративы. В нарративе описываются действующие лица и сущности, а также роли, которые они играют в событиях, и соответствующие свойства событий. Нарратив включает в себя понимание более широкого контекста и мотивов, обсуждений и намерений действующих лиц» [*Steels,* 2022. P. 21–22].

Однако научный нарратив в рамках экономической теории довольно сильно отличается от нарративов, с которыми работают лингвисты. Для экономистов, которые используют понятие нарратива, существенно, какие идеи, мораль или правила транслируются вместе с историей или нарративом. И здесь очень важно, как теоретические составляющие или упрощённые модели связаны с историческими или национальными контекстами. Поэтому теоретические нарративы или тесно связаны, или включают элементы исторических нарративов. В совокупности с теоретическими исторические нарративы позволяют реконструировать и создавать объяснения важных исторических событий для продвижения той или иной идеологической повестки. В научной литературе присутствует интересный взгляд на идеологическую нагруженность исторических исследований: «Современная эпистемология исторического знания выявила фиктивную реальность исторической науки, теоретическую нагруженность фактов и предзаданность интерпретаций. Доказана неустранимость идеологического стержня исторических реконструкций» [*Баранец, Верёвкин*, 2018. С. 185]. Поэтому форма теоретического нарратива чаще всего тесно связана с идеологией в понимании Д. Норта и его научной традиции.

Использование теоретических нарративов позволяет обращать внимание научного сообщества на проблемы, которые по тем или иным причинам выпадают из предмета исследований или находятся на периферии экономической науки. С помощью продвижения теоретического нарратива можно не только обратить внимание широкой научной общественности на проблему, но также стимулировать новые направления исследований: «Посредством фирмы осуществляется отказ от простых чисто рыночных взаимодействий, чтобы сэкономить на трансакционных издержках, используя гибкие властные полномочия для устранения неопределённости. Этот теоретический нарратив вдохновил экономистов на более детальное рассмотрение организации фирм как взаимосвязи власти/иерархий и рынков» [*de Vries,* 2023. P. 179].

Форма теоретического или аналитического нарратива очень полезна в том случае, если необходимо связать логику тех или иных теорий с конкретными историческими и социальными контекстами, что может иметь большой эффект, например, в сфере преподавания экономических дисциплин [*Kurien,* 2019].

Концепт теоретического нарратива в научных дискуссиях может использоваться для «навешивания» идеологических или политических ярлыков. Например, у Дж. Ходжсона мы находим интересный аргумент против ассоциации гетеродоксальной экономической теории с левыми политическими течениями: «С неспособностью установить чёткую теоретическую идентичность для гетеродоксальности, слишком заманчиво использовать левую идеологию как альтернативный клей, чтобы связать людей вместе. Но чтобы достичь этого, необходимо сфабриковать ложный теоретический нарратив, где неоклассическая экономика считается обязательно “правой”. Это формирует неправильное понимание неоклассической теории и подрывает цель научного прогресса» [*Hodgson,* 2019. P. 160].

Далее мы рассмотрим, как теоретические (включая связанные с ними исторические) нарративы в своей совокупности используются для оправдания проводимой экономической политики и объяснения важных закономерностей развития российского хозяйственного порядка.

Примеры теоретических и исторических нарративов

В российской экономической науке, сформировавшейся под влиянием политических, экономических, социальных и исторических факторов, наблюдаются группы теоретических нарративов, которые отражают различные идеологические точки зрения на формирование экономической политики и хозяйственного порядка. Эти идеологемы образуют своеобразный набор нарративов, сочетающих догматы марксистского учения, идеалы построения рыночной экономики, поиск собственного пути, а также глобальные мировые тренды, влияющие на социально-экономическое развитие страны. В качестве гипотезы авторы выделяют пять доминирующих идеологий (неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь и экологизм), распространённых в современной российской экономической науке, чтобы в дальнейшем на базе анализа корпуса научных текстов за период 1992–2023 гг. проследить эволюцию идеологических нарративов. В основе классификации доминирующих идеологий лежат релевантные ценности, характерные для различных экономических порядков [*Robbins,* 1994; *Robbins,* 2007]. Идеологию можно представить, как иерархическую систему, в основе которой лежит верховная ценность, которая объединяет идеи и другие ценности [*Dumont,* 1980; *Казаков,* 2023. С. 328]. Так, на основе экспертного мнения авторов, верховной ценностью неолиберальной идеологии является рыночная эффективность, социализм базируется прежде всего на равенстве и справедливости, в качестве ценности идеологии дирижизма учёные выдвигают планирование, ведущее к благосостоянию. Идеология особого пути развития связана с национальной идентичностью и поиском новых возможностей для экономического роста, а экологизм, отражающий мировые экономические тренды, в качестве верховной ценности выдвигает сохранение окружающей среды для потомков.

Остановимся на примерах теоретических нарративов, которые лежат в основе двух самых распространённых идеологий в российской экономической науке (социализм и неолиберализм), которые отражают значительный спектр актуальных социально-экономических взаимодействий в обществе.

Современная российская экономическая наука прошла непростой путь, начиная от господства идей, связанных с построением социалистической экономики до кардинальной смены ценностей всего общества на неолиберальные. Несмотря на формальный отказ от идеологии социализма как государственной, в теоретических нарративах российских экономистов продолжают звучать отголоски марксистских и социалистических принципов построения экономики. Идеология социализма, приобретая множество других видов, остаётся востребованной, реализуясь в других странах, и продолжает оказывать огромное влияние на развитие экономической науки [*Клисторин,* 2015. С. 95]. Так, например, А.В. Бузгалин выделял следующие основные направления в изучении социализма в экономических исследованиях:

- социализм как разные варианты отождествления теоретической модели социализма с «реальным» социализмом, который наблюдался ранее в разных странах;
- социализм как трактовка процессов движения к социальной справедливости;
- социализм как теоретические модели посткапиталистического общества, предполагающие снятие социально-экономических основ отчуждения [*Бузгалин,* 2009].

Идеология социализма транслирует теоретические нарративы, связанные с социальной справедливостью и социальным равенством, достижение которых реализуется посредством государственного регулирования и общественной собственности на средства производства. Кроме того, экономическая идеология социализма предполагает построение централизованной плановой экономики. Подобные теоретические нарративы связаны с социализмом марксистского толка и широко представлены в российских экономических исследованиях. При анализе теоретических нарративов идеологии социализма также сле-

дует разделять нарративы государственного и рыночного социализма [*Вольчик, Ширяев,* 2024]. Идеология государственного социализма связана с принципами построения плановой экономики, отдаётся предпочтение централизованному планированию. Рыночный социализм предполагает наличие рынка, деятельность которого может регулироваться со стороны государства, также сохраняется частная собственность, которая регламентируется частично государством. Теоретические нарративы о рыночном социализме отображаются в идеологии построения социализма с китайской спецификой, а также в программах Л.И. Абалкина и др. [*Вольчик, Ширяев,* 2024]. В настоящий момент среди теоретических нарративов, характеризующих идеологию социализма, преобладают в основном две точки зрения: одна отображает положительное влияние идеологии социализма на экономическое развитие, другая придерживается критической точки зрения на развитие советской политэкономии и социалистической экономики. В своих исследованиях Р.М. Нуреев и П.А. Ореховский отмечают, что «в 1970-е гг. политэкономия социализма оказалась в когнитивном тупике, что, с одной стороны, вело к воспроизводству всё более изощрённых марксистских идеологем, с другой — закрывало возможности продвижения к варианту "социализма с китайской спецификой"» [*Нуреев, Ореховский,* 2021. С. 185]. Авторы подчёркивают, что социалистическая экономика не имела достаточной теоретической базы для понимания всех закономерностей и особенностей функционирования собственной системы. Так, первый учебник по политической экономии вышел только в 1954 году и, по мнению авторов, не давал ответы на многие вопросы, связанные со строительством социализма и его содержательной формой. «В сущности, учебник представлял собой бодрийаровский симулякр — "копию", не имеющую оригинала в реальности… Поскольку никто не знал, что такое социализм, в качестве такового можно было предъявить реальность практически любой национальной экономики — например, Англии, ФРГ, Швеции, а не только СССР» [*Нуреев, Ореховский,* 2021. С. 187–189]. Авторы отмечают, что «к 1970-м гг. советская политэкономия исключила важнейший необходимый элемент развития любой научной дисциплины — возможность критики и уточнения положений предшественников». Так, дискурс о развитии социалистического товарного производства, который в настоящее время определяют как китайский социализм, подвергся жёсткой критике и не получил дальнейшего развития [*Нуреев, Ореховский,* 2021. С. 187–189].

После 30 лет критики советской идеологии в научной среде начинают циркулировать теоретические нарративы, транслирующие дискуссии о возрождении социализма. Так, А.И. Колганов в своей работе «Что такое социализм?» подчёркивает, что «социалистическое общество пока не является полномасштабной реальностью, и материал для его изучения поневоле ограничен. Всё, чем мы располагаем для этого — некоторые выводы из тенденций и противоречий развития предшествующих исторических эпох, и исторически краткий (около 70 лет) опыт попытки построения социалистического общества» [*Колганов,* 2012. С. 224]. Автор также делает оптимистичный вывод, что «сложившаяся в России неэффективная модель капитализма сама питает культурную оппозицию капитализму», а в дальнейшем «постиндустриальные тенденции создают новые предпосылки для перехода к социалистическому обществу» [*Колганов,* 2012. С. 386].

М.И. Воейков в своих исследованиях подчёркивает роль государства как главного регулятора экономики, задачей которого является осуществление народнохозяйственного планирования экономики, благодаря которому СССР в прошлом смог стать мощной индустриальной державой [*Воейков,* 2022. С. 9–11]. В современных реалиях автор сравнивает народнохозяйственное планирование с цифровой экономикой: «Сейчас много пишут о цифровой экономике, причём вкладывая в это понятие самый разный смысл. Когда же знакомишься с работами тех людей, которые в 1920-х гг. стояли у истоков советского планирования (а это были В.А. Базаров, В.Г. Громан, Г.М. Кржижановский, С.Г. Струмилин и др.), можно понять, что они пишут именно о цифровой экономике. До пятилетнего

плана в Советском Союзе составлялись ежегодные планы, которые назывались "контрольными цифрами" на соответствующий год» [*Воейков,* 2022. С. 9–11]. Также значимость народнохозяйственного плана отмечает А.А. Пороховский: «…выдающимся достижением советского строя стало создание единого народнохозяйственного комплекса на всей территории страны с последующим подключением к нему стран Совета Экономической Взаимопомощи» [*Пороховский*, 2022. С. 24].

Всё больше экономистов продвигают необходимость государственного регулирования экономики: «главная особенность современного хозяйственного механизма состоит в переходе от стихийно действующего механизма к регулируемому типу развития, в сочетании полезных свойств рыночного механизма с механизмом сознательного регулирования хозяйственных процессов на основе планирования на корпоративном и государственном уровне» [*Елисеев,* 2017. С. 70–71].

Проведённый анализ теоретических нарративов о социализме свидетельствует о всё большем распространении этой идеологии в противовес неолиберальной доктрине, доминирующей в течение 30 лет в российской экономической науке.

На экономическое развитие многих стран мира большое влияние оказывает неолиберализм, который по признанию российских и зарубежных экономистов является господствующей идеологией и содержит следующие основные идеологемы: рыночная экономика обладает наибольшей эффективностью; конкурентный рынок как механизм обеспечивает функционирование экономики; необходимо сокращать государственные расходы; сохранять нерушимость частной собственности и личные свободы при соблюдении правовых норм государства [*Капелюшников,* 2022; *Turner,* 2008].

Неолиберальные теоретические нарративы появились в российской экономической науке с начала проведения «шоковой терапии», в основе которой лежал Вашингтонский консенсус, сформулированный в 1989 г. Дж. Уильямсоном в качестве рекомендаций для проведения экономической политики в странах Латинской Америки. Программа ускоренных рыночных реформ, представляющая собой неолиберальный манифест мейнстрима экономической науки, по мнению разработчиков, представляла собой «благоразумную макроэкономическую политику, ориентацию на открытую экономику и капитализм свободного рынка» [*Ананьин, Хаиткулов, Шестаков*, 2010. С. 16]. Эта идеологическая программа содержала теоретические нарративы реформирования российской экономики и основывалась на правилах, которые были интегрированы политиками в российскую экономику: быстрая либерализация цен и внешней торговли, приватизация, ограничение государственного регулирования, сокращение бюджетных расходов на социальные проекты, жёсткая монетарная политика, контроль над инфляцией, защита прав собственников, создание валютных резервов и др.

Реформаторы, которые пытались осуществить программу по переходу к рыночной экономике, в своих нарративах декларировали неизбежность и необходимость реализации именно шоковой терапии, включающей уменьшение роли государства в реализации экономической политики. Так, отдельные экономисты оправдывали выбор радикального варианта экономических преобразований следующими нарративами: «К концу 1991 года градуалистская трансформация иерархически организованной экономической системы в рыночную путём параллельного осуществления институциональных и стабилизационных мер была практически невозможной … полное разрушение финансовой системы не оставляло времени для институциональной трансформации, призванной дополнять радикальную либерализацию экономики» [*Экономика переходного периода,* 1997. С. 115]. Российский экономист В. Мау отмечал, что проводимая политика спасла российскую экономику от полного краха: «Главное, чего удалось добиться в результате первых шагов экономических реформ — преодолеть товарный дефицит и отвести угрозу надвигающегося голода зимой 1991–1992 гг., а также обеспечить внутреннюю конвертируемость рубля» [*Мау*, 1999. С. 10].

Негативные последствия от «шоковой терапии» реформаторы связывали прежде всего со структурными проблемами, которые достались в наследство от советской экономики. В частности, они отмечали, что «важными факторами нарастания бюджетных диспропорций накануне распада социалистической системы было падение цен энергоносителей и сырья на мировом рынке во второй половине 80-х годов, ошибки экономической политики, рост оборонных расходов, техногенные и природные катаклизмы и др.» [*Экономика переходного периода,* 1997. С. 119–120]. «Падение ВВП в России в 1992–1996 годах происходило вследствие структурных сдвигов, независимо от проводимой бюджетной и денежно-кредитной политики, и потому не могло быть предотвращено стандартными мерами государственного вмешательства» [*Экономика переходного периода,* 1997. С. 120].

Кроме того, ряд финансовых и экономических проблем, наблюдавшихся в стране, политики связывали с низкой адаптивностью экономических агентов к проводимым реформам. «В большинстве случаев руководство предприятий просто оказалось не способно адекватно оценить последствия происходивших изменений, надеясь на быстрое свёртывание реформ». «Резкое повышение уровня цен в 1992 году привело к обесценению оборотных средств, от которого пострадали в равной мере все предприятия. Их реакция на данный "шок" выявила различия в поведении, компетентности и стимулах менеджмента» [*Экономика переходного периода,* 1997. С. 120–122].

В то же время ряд российских экономистов рассматривает программу Вашингтонского консенсуса как рекомендации, не имеющие научного анализа, не учитывающие национальную специфику, институциональные ограничения. «Шоковая терапия» оказалась неэффективной, что подтверждалось историческим опытом и о чём неоднократно заявляли российские и зарубежные экономисты, характеризуя эту программу как неолиберальную идеологию [*Полтерович,* 2017. С. 58]. Е.В. Якимова и А.М. Пономарева отмечают в своей статье о неолиберализме, что с 1965 по 1995 гг. программа Вашнигтонского консенсуса была реализована в 89 странах, однако в 48 странах после реализации этой программы социально-экономическая ситуация не изменилась, а в 32 странах наблюдались ухудшения [*Якимова, Пономарева,* 2019]. В.М. Полтерович отмечает в своих работах, что во время проведения рыночных реформ авторитетные российские и западные экономисты, включая нобелевских лауреатов, несколько раз обращались к российскому правительству с предложением об отказе от программы «шоковой терапии», которая не оправдала себя, прекращения политики невмешательства государства и переходу к ориентации на экономические программы смешанных экономик [*Полтерович,* 2017. С. 58].

В своих работах С.Ю. Глазьев отмечает идеологичность проводимой в России в условиях перехода к рынку политики, которая пришла на смену социалистической идеологии: «Вашингтонский консенсус сыграл фундаментальную роль в нашей экономической реформе. Именно как идеология. Может быть не столько как теория или как детальный набор рекомендаций, который постулировался Международным валютным фондом и затем переписывался в известных заявлениях российского правительства и Центробанка, а именно как целостная система идеологии» [*Глазьев,* 1998. С. 40].

Несмотря на критику «шоковой терапии» со стороны научного сообщества, её сторонники всё равно продолжали реализацию своей программы, дополнив последнюю тезисами об улучшении качества и создании новых институтов, регулирующих функционирование российской экономики. Предполагалось, что подобные изменения можно достичь с минимальными издержками за короткий период, независимо от национальных особенностей и действующих старых институтов [*Полтерович,* 2017. С. 59]. Так, В.М. Полтерович даёт следующую оценку проводимым изменениям: «По существу, мы имеем дело с новым, ослабленным вариантом шоковой терапии — идеологией, которую, используя термин Стиглица, можно назвать институциональным рыночным фундаментализмом» [*Полтерович,* 2017. С. 59].

Несмотря на неоднозначную оценку проводимым реформам по переходу к рыночной экономике в России и других странах, теоретические нарративы неолиберальной идеологии, связанной с Вашингтонским консенсусом, до сих пор циркулируют в научном сообществе и доминируют в сознании некоторых политических элит. Так, польский исследователь Е. Казьмерчик в своей статье «Неолиберализм жив? Принципы и Вашингтонский консенсус» исследовал причины популярности неолиберальной доктрины и провёл социологический опрос среди польских экономистов-исследователей для оценки степени распространения неолиберальных идей, получивших отражение в Вашингтонском консенсусе [*Kazmierczyk,* 2018]. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов поддерживают принципы, содержащиеся в консенсусе, и считают, что для эффективного функционирования современной экономики нужно придерживаться неолиберальной доктрины.

Неолиберальные теоретические нарративы неоднократно использовались как аргумент в дискуссиях о направлениях и мерах проведения реформ и экономической политики. Так, в рамках теории экономики предложения был сформулирован тезис, основанный на оптимистических теоретических основаниях о сильной реакции экономических акторов на снижение налогов в условиях высокого налогового бремени [*Laffer, Seymour,* 1979]. Этот нарратив использовался для обоснования неолиберальной реформы рейганомики и получил в дальнейшем широкое распространение [*Shiller,* 2019]. В академическом сообществе сложилось неоднозначное отношение к кривой Лаффера, начиная от жёсткой критики со стороны авторитетных экономистов, включая П. Кругмана и Дж. Стиглица, до использования этого тезиса при оправдании проводимых экономических преобразований [*Соколов,* 2010; *Васильев,* 2009]. Отдельные экономисты встраивают теорию экономики предложения в ряд других теорий или строят математические модели, опровергающие или подтверждающие теорию А. Лаффера [*Балацкий,* 2003; *Ананиашвили, Папава,* 2010; *Мазур,* 2007].

Рассмотрим ряд теоретических нарративов, циркулирующих в научной среде, которые отражают идеологическое содержание неолиберальной концепции кривой Лаффера. Так, В.С. Автономов отмечает, что кривая Лаффера представляет собой своего рода абстракцию, в частности: «“экономика предложения” 1980-х гг. была построена на упрощённом представлении о реальном экономическом поведении. Кривая Лаффера была основана на вере в то, что единственным фактором, определяющим поведение экономических субъектов, является ставка налоговых отчислений. Это сильная абстракция, но не идеализация» [*Автономов*, 2013. С. 161].

Экономисты заявляют об идеологичности применения кривой Лаффера для обоснования проводимой экономической политики. Б.А. Букач в своих исследованиях отмечает: «Поскольку общая концепция кривой Лаффера имеет ярко выраженную идеологическую окраску, и она неоднократно использовалась республиканской партией США в предвыборной кампании, то для лучшего усвоения электоратом её сущности широко использовались патриотические метафоры… В результате таких действий в общественном сознании действительно удалось создать иллюзию наличия в экономике чрезмерного завышенного налогового бремени и крайне неэффективной системы социальной защиты населения. Далее предлагалось элегантное решение “гордиевого узла” этих проблем — кривая Лаффера» [*Букач,* 2014. С. 58].

Кривая Лаффера, несмотря на неоднозначное отношение со стороны экономистов, остается привычным инструментов, который используется при анализе проблем налогообложения, а также имеет широкое распространение в образовательной среде — в многих учебниках по макроэкономике есть информация об этой концепции. В России кривая Лаффера также нашла своё отражение при реализации трансформационной политики. Так, например, в бюджетной политике 2004 г. отмечалось, что «сохранится курс на дальнейшее снижение налогового бремени... Это придаст новый импульс инвестиционной активности,

усилит мотивацию роста прибыли и отказа от теневой хозяйственной деятельности, будет стимулировать инновационную деятельность и развитие высоких технологий. Тем самым будут созданы необходимые условия для диверсификации структуры экономики и ее дальнейшего роста»[2].

Ещё больше в научной литературе распространились дискуссии относительно кривой Филлипса и различных её модификаций, связанных как с конкуренцией научных школ, так и политическими процессами [*Gordon,* 2011]. Более того, именно теоретические нарративы, отражающие в упрощённой форме содержание разных модификаций кривой Филлипса, использовались преимущественно в политических кругах для обоснования реформ [*Summa, Braga,* 2020]. Однако П. Самюэльсон и Р. Солоу отмечали в своих исследованиях, что наличие отрицательной зависимости между безработицей и инфляцией может использоваться в качестве тезиса при проведении экономической политики только в краткосрочном периоде [*Samuelson, Solow,* 1960]. В российской практике реализации мер экономической политики теоретический нарратив кривой Филлипса использовался в дискуссиях реформаторов и их противников в ходе проведения шоковой терапии по переходу к рынку в России в 90-х гг. [*Кара-Мурза,* 2014]. Наличие обратной зависимости между уровнем безработицы и уровнем инфляции стало проявляться в российской экономике только со второй половины 2000-х гг. [*Гафаров,* 2011. С. 155–156]. В своей статье «Кризис экономической теории» В.М. Полтерович, рассуждая о природе кризиса, приводит в качестве примера кривую Филлипса, которая «много лет рассматривалась как твёрдо установленный факт и являлась постоянной компонентой теоретических моделей. Однако с течением времени простота исходной закономерности исчезла. Большинство экономистов перестало верить в стабильность кривой Филлипса. Более того, в ряде последних исследований авторы стремятся показать наличие отрицательной связи между инфляцией и темпами роста производства, что плохо согласуется с логикой кривой Филлипса» [*Полтерович,* 1998. С. 59]. Российские экономисты отмечают в своих работах непосредственную связь теоретического нарратива кривой Филлипса с идеологией. Так, В.З. Баликоев отмечает, что «многие «выдающиеся» открытия в экономической теории совершались по идеологическому заказу. К таким открытиям относится и знаменитая кривая Филлипса» [*Баликоев,* 2014. С. 4–5].

Таким образом, на фоне распада СССР и смены политического режима в странах бывшего социалистического лагеря, идеологическая компонента в экономическом развитии, несмотря на её критику, получает новые формы и содержание. Идеи неолиберализма в явной или не явной форме продолжают формировать экономическую повестку и развитие многих стран мира. «Фактически неолиберализм становится распространённой идеологией государственной бюрократии» [*Вольчик,* 2023. С. 15].

Заключение

Проблема состоит не только в том, что идеология негативно влияет на научное знание. Если идеология предшествует постановке научной проблемы [*Шумпетер,* 2012], созданию дизайна исследования и проникает в теорию через ту или иную фундаментальную парадигму [*Samuels,* 1992. P. 239], то, может быть, вполне рациональной стратегией является акцент на выявлении идеологических оснований?

[2] Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 мая 2003 года «О бюджетной политике в 2004 году» (п. 4). Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22009.

Исследования по приданию идеологических оснований тех или иных теорий или их совокупностей явной формы приобретает ещё большую важность в условиях бурного развития средств коммуникации. Идеи, «которые правят миром», могут не только быть отражением теоретического наследия экономистов прошлого. Не менее важным по степени воздействия на экономическую политику и общественное развитие становится сознательное продвижение идеологем, которые облечены в одежды «настоящей объективной науки». Намеренные искажения в средствах массовой информации для большей убедительности связываются с теми или иными теориями и объяснительными моделями.

Негативное отношение к идеологии уводит от содержательного анализа генезиса и последствий использования идеологем в сторону споров о добре и зле. И здесь можно согласится с П.А. Ореховским, что «“идеологическое” отождествляется с плохим, фальшивым, корыстным; напротив, понятие “научный” идентифицируется как хорошее, честное, благородное» [*Ореховский,* 2020. С. 9].

Научное знание обладает значительным авторитетом, особенно в контексте разнообразной экспертной деятельности. Учёные-экономисты в своих трудах и публичных выступлениях в явной или неявной форме продвигают разнообразные теоретические нарративы, через которые объясняются текущие события, меры экономической политики и создаётся образ будущего в плане возможностей и перспектив прогрессивного развития.

Влияние идеологических установок, транслируемых через экономическую науку, сказывается на важном вопросе о прогрессе или регрессе, к которому ведут те или иные теоретические нарративы.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Автономов В.С. (2013). Абстракции в экономической науке [*Avtonomov V.S.* (2013). Abstractions in Economic Science] // *Журнал НЭА*. Т. 17. №1. С. 160–162.

Ананиашвили Ю.Ш., Папава В.Г. (2010). *Налоги и макроэкономическое равновесие: лафферо-кейнсианский синтез* [*Ananiashvili Yu.Sh., Papava V.G.* (2010). Taxes and Macroeconomic Equilibrium: Laffer-Keynesian Synthesis]. — Стокгольм: ИД CA&CC Press.

Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв. [*Ananyin O., Khaitkulov R., Shestakov D.* (2010). Washington Consensus: Landscape after the Battles] // *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 15–27.

Балацкий Е.В. (2003). Инвариантность фискальных точек Лаффера [*Balatsky E.V.* (2003). Invariance of Laffer Fiscal Points] // *Мировая экономика и международные отношения.* № 6. С. 62–71.

Баликоев В.З. (2014). Идеология в экономической теории: за или против [*Balikoev V.Z.* (2014). Ideology in Economic Theory: For or Against] // *Инновационная экономика и общество.* № 3. Т. 5. С. 2–8.

Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. (2018). *Идеология в науке* [*Baranets N.G., Verevkin A.B.* (2018). Ideology in Science]. — Ульяновск: УлГУ.

Брокмейер Й., Харре Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [*Brockmeyer J., Harre R.* (2000). Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm] // *Вопросы философии*. №3. С. 29–42.

Бузгалин А.В. (2009). Социализм: методолого-теоретические проблемы исследования [*Buzgalin, A.V.* (2009). Socialism: methodological and theoretical problems of research] // *Альтернативы.* №11. URL: https://alternativy.ru/ru/content/socializm-metodologo-teoreticheskie-problemy-issledovaniya (дата обращения 05.08.2024).

Букач Б.А. (2014). Анализ реалистичности абстракции и риторики убеждения кривой Лаффера [*Bukach B.A.* (2014). Analysis of the Realism of Abstraction and Rhetoric of Persuasion of the Laffer Curve] // *Экономическая теория в XXI в.: поиск эффективных механизмов хозяйствования*: Материалы междунар науч.-практ. конф. / И.В. Зеньковая (ред.) URL: https://elib.psu.by/handle/123456789/18832.

Васильев В.С. (2009). Конец эры академических экономистов [*Vasiliev V.S.* (2009). The End of the Era of Academic Economists] // *США. Канада.* №7. С. 3–22.

Воейков М.И. (2023). Государственный патернализм и народнохозяйственное планирование [*Voeykov M.I.* (2023). State paternalism and national economic planning] // Вестник МФЮА. №3. С. 9–17.

Вольчик В.В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики [*Volchik V.V.* (2022). To the issue of the theory and methodology of narrative economics] // *Вопросы теоретической экономики*, №3. С. 31–46.

Вольчик В.В. (2023). Идеи, символы и нарративы для экономического развития России [*Volchik V.V.* (2023). Ideas, symbols and narratives for the economic development of Russia] // *Russian Journal of Economics and Law*. Т. 17. № 1. С. 5–22. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.

Вольчик В.В., Ширяев И.М. (2024). Идеологические нарративы либерализма и социализма в экономической науке [*Volchik V.V., Shiriaev I.M.* (2024). Ideological narratives of liberalism and socialism in Economics] // *Russian Journal of Economics and Law*. Т. 18. №3. С. 577–592. DOI:. 10.21202/2782-2923.2024.3.000-000.

Гафаров Б.Н. (2011). Кривая Филлипса и становление рынка труда в России [*Gafarov B.N.* (2011). The Phillips Curve and the Formation of the Labor Market in Russia] // *Экономический журнал Высшей школы*. № 2. С. 155–176.

Глазьев С.Ю. (1998). «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России [*Glazyev S.Yu.* (1998). «Washington Consensus» and Scientific and Technological Progress in Russia] // *Экономическая наука современной России.* №5. С. 39–46.

Ефимов В.М. (2016). *Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики* [*Yefimov V.M.* (2016). Economic science in question: other methodology, history and research practices]. — М.: КУРС: ИНФРА-М.

Казаков И.В. (2023). Происхождение и классификация политических идеологий: междисциплинарный подход. [*Kazakov I.V.* (2023). The Origins and classification of ideologies: a multidisciplinary approach] // *Политическая наука.* №1. 322–337. DOI: 10.31249/poln/2023.01.14.

Капелюшников Р.И. (2022). *Приключения «неолиберализма». Серия WP3 «Проблемы рынка труда»* [*Kapeliushnikov R.I.* (2022). The Adventures of «Neoliberalism». Series WP3 «Labour Markets in Transition»]. — М.: НИУ ВШЭ.

Кара-Мурза С.Г. (2002). *Идеология и мать её наука.* [*Kara-Murza S.G.* (2002). Ideology and Its Mother Science]. — М.: Алгоритм.

Клисторин В.И. (2015). Социализм с экономической точки зрения [*Klistorin V.I.* (2015). Socialism from an economic point of view] // *Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия: Социально-экономические науки.* Т. 15. Вып. 3. С. 95–101.

Колганов А.И. (2012). *Что такое социализм? Марксистская версия* [*Kolganov A.I.* (2012). What is socialism? Marxist version]. — М.: ЛИБРОКОМ.

Мазур Ю.А. (2007). *Модели динамики экономического роста с учётом налогового фактора* [*Mazur Yu.A.* (2007). Models of Economic Growth Dynamics Taking into Account the Tax Factor]. — Донецк: Институт экономики промышленности.

Мау В. (1999). Российские экономические реформы глазами западных критиков [*Mau V.* (1999). Russian Economic Reforms through the Eyes of Western Critics] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 4–23.

Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х [*Nureev R.M., Orekhovsky P.A.* (2021). Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s] // *Журнал экономической теории.* Т. 18. № 2. С. 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2.

Ореховский П.А. (2020). *Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.)*: Научн. докл. Препринт. [*Orekhovsky P.A.* Socialism and the Left Utopia in the XXI Century (C. Crouch, T. Picketty, N. Srnichek, A. Williams and others)]. — М.: Институт экономики РАН.

Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории [*Polterovich V.M.* (1998) The Crisis of Economic Theory] // *Экономическая наука современной России.* №1. С. 46–66.

Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегии социально-экономического развития: наука против идеологии [*Polterovich V.M. (*2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *Вопросы теоретической экономии.* № 1. С. 55–65.

Пороховский А.А. (2022). СССР как вектор развития [*Porokhovsky A.A.* (2022). USSR as a Vector of Development] // *Вопросы политической экономии*. № 4. С. 24–26.

Соколов М. (2010). Фантом в теории, или кривая Лаффера [*Sokolov M.* (2010). Phantom in Theory, or the Laffer Curve] // *Экономист.* № 2. С. 45–53.

Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология // *Философия экономики*: Антология / Д. Хаусман *(ред.)* [*Schumpeter J.* (2012). Science and ideology]. — М.: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.

Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 (1998) / *Е.Т. Гайдар (ред.).* [The Economy of the Transition Period: Essays on the Economic Policy of Post-Communist Russia, 1991–1997 (1998)]. — М.: Институт экономических проблем переходного периода.

Якимова Е.В., Пономарева А.М. (2019). Неолиберализм и homo neoliberalus под прицелом социологической и психологической критики [*Yakimova E.V., Ponamareva A.M.* (2019). Neoliberalism and homo neoliberalus through the prism of sociological and psychological criticism: introduction to the thematic section] // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология:* Реферативный журнал. С. 6–23. DOI: 10.31249/RSOC/2019.02.01.

Akerlof G.A., Snower D.J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 126. Pp. 58–71. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.021.

Canguilhem G. (1988). *What is a scientific ideology. Ideology and Rationality in the History of the Life Sciences.* — Cambridge, MA: MIT Press.

Denzau A.T., North D.C. (1994). Shared mental models: Ideologies and institutions // *Kyklos.* No. 47. Pp. 3–31.

Dumont L. (1980). *Homo hierarchicus: the caste system and its implications.* — Chicago: Chicago University Press.

Gordon R.J. (2011). The History of the Phillips Curve: Consensus and Bifurcation // *Economica*. Vol. 78 No. 309. Pp. 10–50. DOI: 10.1111/J.1468-0335.2009.00815.X.

Hodgson G. (2019). *Is There a Future for Heterodox Economics? Institutions, Ideology and a Scientific Community.* — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Kaźmierczyk J. (2018). Is Neoliberalism Alive? Principles and the Washington Consensus // *Economic and Law Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. 212–225. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-1-212-225.

*Kurien C.T. (*2019). *Pluralistic Economics and Its History.* — New York: Routledge.

Laffer A.B., Seymour J.P. (1979). *The economics of the tax revolt*: a reader. Working Paper. — N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich.

North D.C. (1994). Economic performance through time //*American Economic Review*. Vol. 84. No. 3. Pp. 359–368.

Robbins J. (2007). Between reproduction and freedom: morality, value, and radical cultural change // *Ethnos.* Vol. 72. No. 3. Pp. 293–314.

Robbins J. (1994). Equality as a Value: Ideology in Dumont, Melanesia and the West // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice.* No. 36. Pp. 21–70.

Roy R.K., Denzau A.T. (2020). Shared mental models: Insights and perspectives on ideologies and institutions // *Kyklos.* Vol. 73. Is. 3. Pp. 323–340. DOI: 10.1111/kykl.12244.

Samuels W.J. (1992). *Ideology in Economics. Essays on the Methodology and Discourse of Economics.* — London: Palgrave Macmillan.

Samuelson P.A., Solow R.M. (1960). Analytical Aspects of Anti-inflation Policy // *The American Economic Review*. Vol. 50. Is. 2. Pp. 177–194.

Sauerland D. (2015). Ideologies, Institutions, and the New Institutionalism. // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / J.D. Wright (ed.). — Amsterdam: Elsevier Ltd. Pp. 561–572. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.63109-4.

Shiller R.J. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review.* Vol. 107. Is. 4. Pp. 967–1004. DOI: 10.1257/AER.107.4.967.

Shiller R.J. (2019). *Narrative Economics.* — Princeton University Press. DOI: 10.1515/9780691189970.

Shiller R.J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now // *Journal of Policy Modeling.* Vol. 41. No. 3. Pp. 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015.

Steels L. (2022). Towards meaningful human-centric AI // *Foundations for meaning and understanding in human-centric AI*. — Venice: Venice International University. Pp. 5-28.

Summa R., Braga J. (2020). Two routes back to the old Phillips curve: the amended mainstream model and the conflict-augmented alternative // *Bulletin of Political Economy.* Vol. 14. No. 1. Pp. 81–115.

Turner R. (2008). *Neo-liberal Ideology. History, concepts and policies.* — Edinburgh: Edinburgh University Press.

Vries P. de (2023). *New Institutional Economics as Situational Logic: A Phenomenological Perspective.* — NY: Routledge Taylor & Francis Group. DOI: 10.4324/9781315764221.

World Bank. (2014). *Mind, society, and behavior*: World Development Report 2015. Washington: World Bank.

Вячеслав Витальевич Вольчик
volchik@sfedu.ru

Vyacheslav Volchik
DSc in Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don
volchik@sfedu.ru

Фурса Елена Владимировна
efursa@sfedu.ru

Elena Fursa
PhD in Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don
efursa@sfedu.ru

IDEOLOGY AND THEORETICAL NARRATIVES IN ECONOMICS[3]

Abstract. The article develops narrative economics approaches to analyzing ideology as an important component of theoretical narratives in economic science. On the one hand, many economists cannot eliminate the influence of ideology on scientific research. On the other hand, ideology continues to be considered as something that rather hinders objective scientific research. However, through the prism of mental models, ideologies directly related to actors' collective and individual interests form a worldview relevant to adherents of a particular ideological position or attitude. In this article, the authors offer a working definition of ideology based on North's approach to defining ideology. Ideologies are shared mental models for groups of individuals. Through mental models, groups of individuals explain the supposed and real connections between means and results for implementing policies aimed at transforming society. Of key importance are groups of individuals (scientific schools, political organizations, etc.) and their actions to establish and promote supposed or real connections between means and results. Ideology in social sciences often takes the form of theoretical narratives, one of the research narratives used in narrative economics. The theoretical narrative in economic theory differs significantly from the narratives linguists work with. For economists who use the concept of narrative, first of all, it is essential to know what ideas, morals or rules are transmitted along with history or narrative. Here, it is vital to understand how theoretical components or simplified models are related to historical or national contexts. Theoretical narratives are either closely related to or include elements of historical narratives. Together with theoretical ones, historical narratives allow us to reconstruct and create explanations of critical historical events to promote a particular ideological agenda. Using the ideologies of socialism and neoliberalism as an example, the authors examine theoretical narratives that have an ideological component and are used to justify the economic policy and explain important development patterns of the Russian economic order.

Keywords: *ideology, economics, theory, narratives, mental models, scientific schools.*
JEL: B2, B4, E6, P5.

[3] This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/ "Ideological landscape of Russian economic science" at Southern Federal University.

А.П. Заостровцев
к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; с.н.с., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ВЕЛИКОДУШИЕ ИЛИ ХИЩНИЧЕСТВО?

Аннотация. Статья посвящена происхождению, природе и проблемам государства благосостояния. Показано, что оно порождает дисбаланс в общественных финансах, завышенные социальные обязательства, которые невозможно станет исполнять в будущем. В настоящее время оно живет за счёт эксплуатации будущих поколений, часть представителей которых ещё не родилась. Происходит вытеснение государства защищающего («ночного сторожа») государством раздающим: растущее финансирование социальных программ оставляет всё меньше средств на оборону и другие первичные функции государства. Государство благосостояния привлекает мигрантов из отсталых стран, которые нередко нацелены не на поиск места на рынке труда, а на получение пособий. Одновременно возникает и усугубляется конфликт культур, утрачивается национальная идентичность принимающих миграционные потоки стран. Рассмотрена концепция хищнического государства применительно к государству благосостояния. Его хищническая природа проявилась в вытеснении им гражданского общества как организатора социальной сферы. Современное государство благосостояния, предоставляющее универсальные социальные услуги для всех граждан страны, родилось в результате двух мировых войн, из вовлеченности в них гражданских масс, которым надо было обеспечивать существование. Это качество мобилизационной экономики не ушло в прошлое после Второй мировой войны — общенациональные системы предоставления социальных благ и социальной защиты только развивались. Наблюдалось переплетение «эффекта храповика», когда послевоенные расходы не снижаются на довоенный уровень, с «эффектом колеи», когда появившиеся в военное время социальные нормы не исчезают в мирной жизни. В итоге есть основания рассматривать государство благосостояния как продукт ползучей социалистической революции бюрократии.

Ключевые слова: *государство благосостояния, дискретные и обязательные расходы, миграция, хищническое государство, эффект храповика, эффект колеи, война.*
JEL: D73, I31, I38, J15
УДК: 364.6
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44
© А.П. Заостровцев, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Заостровцев А.П.* Государство благосостояния: великодушие или хищничество? // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44.
FOR CITATION: *Zaostrovtsev A.* Welfare State: Generosity or Predatory? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44.

Что такое государство благосостояния?

Анализ любого явления лучше всего начать с поиска его определений. Применительно к государству благосостояния таковых найдется немало. В «Энциклопедии качества жизни и исследований благосостояния» оно «представляет собой набор институтов, социально-экономической политики и культурных установок, которые определяют размеры и силу социальной защиты общества» [*Gonzales*, 2023. P. 7627]. В «Оксфордском справочнике политических институтов» под ним понимается «комплекс мер политики, которые в той или иной форме приняли все богатые демократии для смягчения нищеты и предоставления ценных социальных товаров и услуг» [*Hacker*, 2006. P. 385].

За конкретизацией приведённых дефиниций можно обратиться к весьма авторитетному источнику — статье известного исследователя государства благосостояния шведского экономиста А. Линдбека в «Новом экономическом словаре Пэлгрэйва». «Государство благосостояния складывается из двух типов государственных расходов: а) денежные пособия домохозяйствам (трансферты, включая обязательное страхование доходов) и б) субсидии или прямое предоставление государством социальных услуг (таких, как уход за детьми, дошкольное обучение, образование, здравоохранение и уход за престарелыми)» [*Lindbeck*, 2008. P. 70–88]. Это определение он называет узким и отмечает, что более широкое определение может включать регулирование цен (например, контроль арендной платы и поддержку цен на сельскохозяйственную продукцию), жилищную политику, регулирование условий труда, законодательство о гарантиях занятости и экологическую политику. Однако сам автор в рассмотрении государства благосостояния исходит из узкого его понимания [Ibid.].

Примерно на такие же две части делят государство благосостояния польские экономисты — Л. Бальцерович («отец» польской «шоковой терапиии») и М. Раджиковский. По минимуму оно включает денежные социальные трансферты (перераспределительную пенсионную систему, пособия по безработице, семейные пособия, программы для бедных) и натуральные социальные трансферты (в особенности финансируемые обществом здравоохранение и образование, но также некоторые программы для бедных). К этим компонентам социальных расходов можно добавить два дополнительных инструмента: налоговые субсидии (например, субсидии за финансируемые нанимателями медицинские страховки в США) и «социальное» регулирование: уровень минимальной зарплаты, контроль цен за аренду жилья и защиту занятости. Подобно А. Линдбеку, авторы концентрируют свое внимание на социальных расходах, рассматривая их как наиболее важную компоненту государства благосостояния [*Balcerowicz, Radzikowski*, 2018. Pp. 1–2].

Британский экономист Н. Барр представил схему, которая формирует достаточно чёткое представление о структуре государства благосостояния (опираясь на практику Великобритании, рис. 1).

Выше были приведены инструментальные определения государства благосостояния. В то же время в них нередко включают и его идеологические интерпретации. Такой подход характерен обычно для его апологетов. Американский социолог Х. Виленски пишет следующее:

> «Суть государства благосостояния заключается в минимальных стандартах дохода, питания, здоровья и безопасности, образования и жилья, гарантированных каждому гражданину как *социальное право* (курсив мой – *А.З.*), а не как благотворительность. Основные программы государства благосостояния, часто включаемые в общее название “Социальное обеспечение”, приняли форму социального страхования от основных рисков современной жизни: производственных травм, болезней, безработицы, инвалидности, старости и потери дохода из-за болезни, изменений в составе семьи или других случайных потрясений. … Поскольку государство благосостояния касается общих рисков, затрагивающих поколения, регионы, классы,

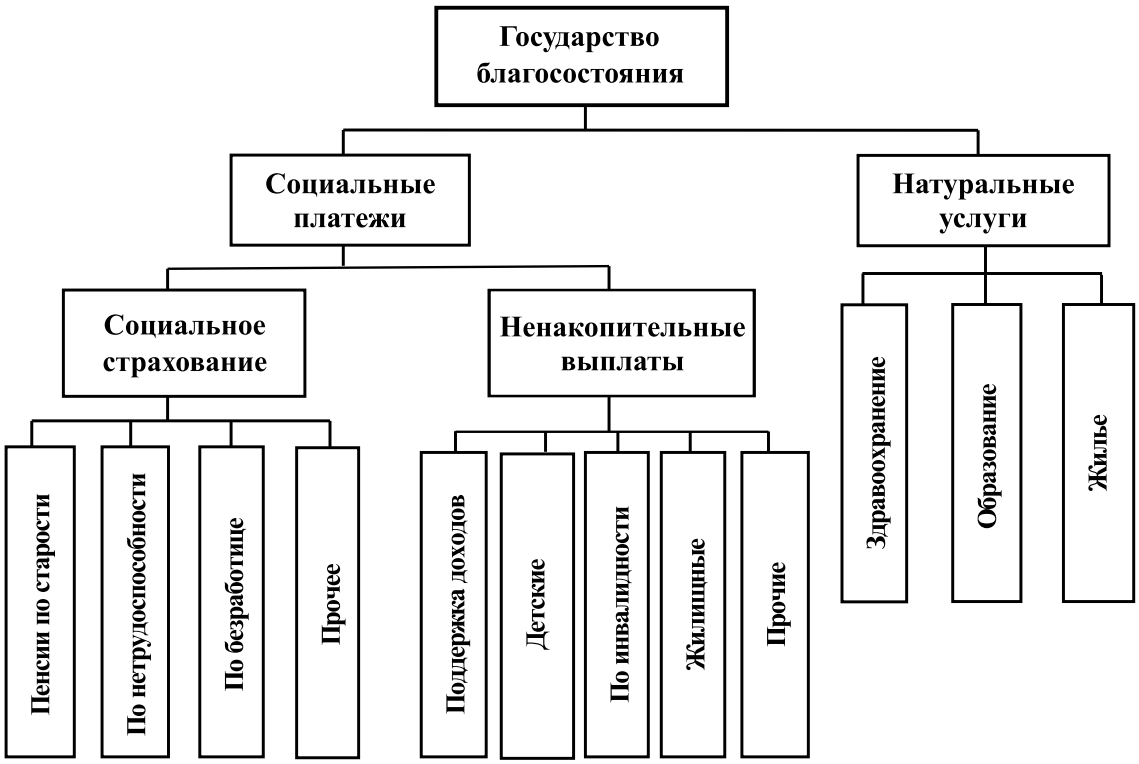

Рис. 1. Структура государства благосостояния
Источник: Barr N. (1998). The Economics of the Welfare State. 3-rd ed. — Stanford, California: Stanford University Press. P. 8.

этнические и расовые группы и уровни образования, оно является основным источником *социальной интеграции* (курсив мой – *А.З.*) в современном обществе» [*Wilensky*, 2002. P. 251].

В этом случае обращают на себя внимание два момента. Во-первых, упор на социальные права, которыми наделяются граждане. Подчёркивается, что это именно права, а не благотворительность. Здесь присутствует принципиально важный аспект идеологии государства благосостояния, сформировавшейся в XX в. Он в корне противоречит традиционному либеральному подходу к правам как возможностям приобретения благ, а не правам быть наделённым ими. Последние в своем пределе вырождаются в тотальный контроль, не оставляющий места рынку как спонтанному порядку. «Старые гражданские права и новые социально-экономические права не могут быть реализованы одновременно, потому что они несовместимы; новым правам невозможно придать законную силу, не разрушив либеральный порядок, являющийся целью старых гражданских прав» [*Хайек*, 2006. С. 271][1].

Во-вторых, указание в заключительной фразе приведённой выше цитаты на социальную миссию данного государства, дополняющую перечисление его функций. Социальная интеграция включается в сферу его ответственности. Это одна из многочисленных разновидностей оправдания государства благосостояния.

Индийский исследователь Б. Вивеканандан подробно описывает основные характеристики государства благосостояния. При этом он идёт ещё дальше и придерживается явно выраженного эгалитаристского и широкого альтруистического подхода к организации его услуг. Есть смысл привести данное им описание полностью.

[1] В этой связи либертарианская писательница и философ Айн Рэнд писала: «Право не подразумевает материальную поддержку этого права другими людьми; оно подразумевает лишь свободу заработать это право самостоятельно» [*Рэнд*, 2011. С. 404].

«Основной чертой системы государства благосостояния являются гарантированные государством всеобщие социальные права, которые поддерживают права каждого человека на бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, оплачиваемую работу, достойное жильё и условия для удовлетворения различных непредвиденных обстоятельств в жизни. Она обеспечивает благополучие всех своих жителей посредством институционализированного, управляемого государством социального обеспечения и социальной помощи в рамках солидарности и сотрудничества. Действительно, государство обязано обеспечить достойный уровень жизни всем своим жителям посредством различных мер социального обеспечения. Оно объединяет риски и средства правовой защиты всего населения и компенсирует прерывание основного заработка из-за непредвиденных обстоятельств, таких как безработица, болезнь, производственная травма, инвалидность, старость и даже банкротство бизнеса, посредством различных схем замещения дохода для покрытия необходимых расходов в домашнем хозяйстве. Цель состоит в том, чтобы обеспечить стабильный, эгалитарный, доход домохозяйств и укрепить социальную интеграцию. Кроме того, система распространяет финансируемые за счёт налогов государственные услуги бесплатно на все социально-экономические группы в стране на справедливой основе. Во всех таких ситуациях правительство выполняет роль как поставщика, так и регулятора. Оно регулирует качество и количество предоставляемого. В совокупности система указывает путь к гуманизации обществ, предоставляя людям *психологическую безопасность*, *которая будет служить стабильным положительным влиянием на их общее социальное поведение и отношения, вдали от колеи эгоизма* (курсив мой – *А.З.*)» [*Vivekanandan*, 2022. Pp. 6–7].

В этом длинном пассаже дважды звучит призыв к эгалитаризму и, опять же, социальной интеграции. Однако есть и упор на безопасность (в данном случае – психологическую) — модный тренд в современном мире. Обусловленная услугами государства благосостояния, она призвана гармонизировать социальное поведение, избавив от эгоизма. Фактически декларируется воспитательная миссия этого государства как искоренение индивидуализма. Очевидно, что в итоге этот утопический идеал тем более несовместим с рыночным порядком — его реализация потребует организации, заворачивающей человека в кокон всеохватывающих поведенческих регламентов и лишающей его инициативы.

Размеры государства благосостояния и их последствия

Опережающий рост государства благосостояния по сравнению с ростом ВВП в странах ОЭСР[2] продолжался последние сорок с лишним лет. Временные торможения и отходы от этой тенденции были несущественными и не сказались на результирующем векторе движения. Лишь Швеции удалось изменить картину. В остальных развитых странах ситуация обратная — доли общественных социальных расходов[3] в ВВП заметно выросли по отношению к 1980 г. Франция на данный момент лидирует по этому показателю, а в США в XXI в. он быстро растёт (рис. 2).

---

[2] В ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в 2024 г. состоит из 38 стран. Из бывшего СССР в неё входят Балтийские страны (Латвия, Литва и Эстония).

[3] Согласно классификации ОЭСР, общественные социальные расходы включают: выплаты по старости (пенсии), по нетрудоспособности (инвалидности, болезни), расходы на здравоохранение (медицинские товары и услуги), семьи (семейные пособия, оплачиваемые отпуска родителям и пр.), активную политику на рынке труда (содержание служб занятости и пр.), безработных (пособия по безработице), жильё (например, жилищные пособия) и прочие (например, разные виды социальной поддержки для низкодоходных домохозяйств [*Adema W., Fron P., Ladaique M.* Sizing up welfare state: How do OECD countries compare? February 2, 2023. URL: https://oecdstatistics.blog/2023/02/02/sizing-up-welfare-states-how-do-oecd-countries-compare/ (access date: 13.09.2023).

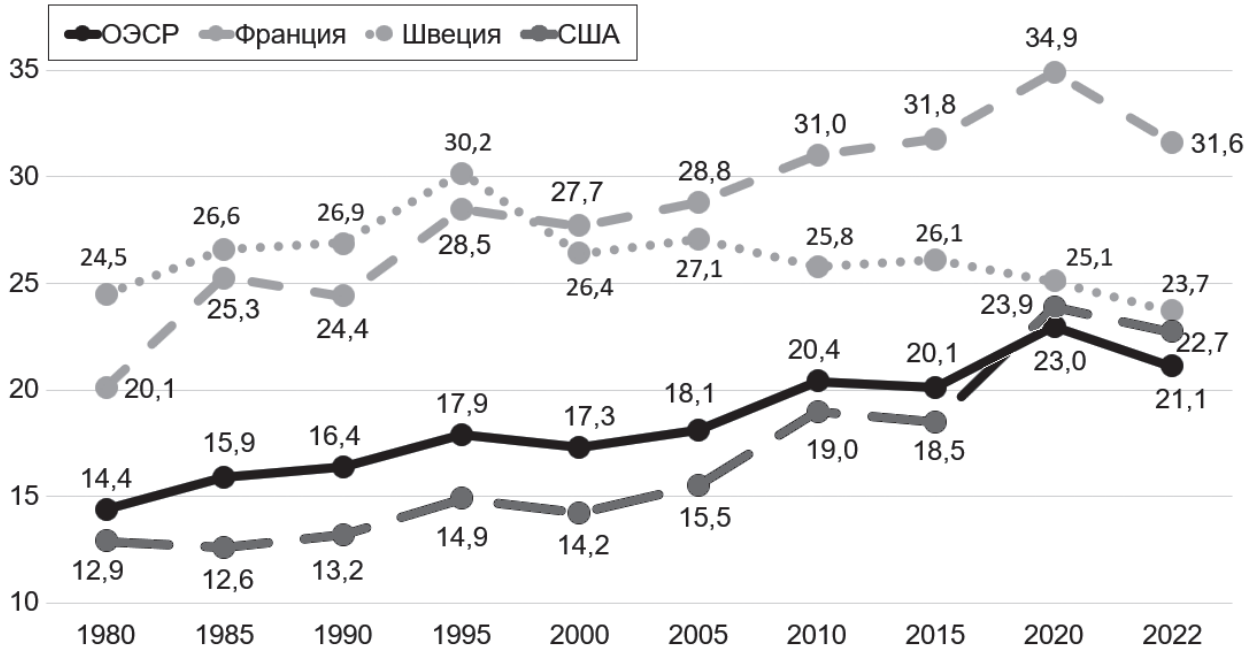

Рис. 2. Общественные социальные расходы, % от ВВП

Источник: OECD. Data. Social spending. URL: https://www.oecd.org/en/data/indicators/social-spending.html (access date: 13.09.2024).

Шведская модель государства благосостояния пережила кризис в 90-е гг. прошлого века и к настоящему времени представляет собой наименее проблемное её воплощение. Как отмечает шведский экономист А. Берг, «государство благосостояния остаётся универсальным, но позволяет больше конкуренции и свободы выбора» [*Bergh*, 2014. P. 2]. Однако Швеция не может служить образцом для всех, поскольку она почти не несла на себе бремени расходов на те общественные блага, ради поставки которых изначально и сформировалось государство как институт.

В этом плане последствия роста социальных расходов лучше проследить на примере США. Тем более, что, как видно из рис. 2, их доля в ВВП с 80-х гг. прошлого века выросла почти в 2 раза! Начать стоит с рассмотрения федерального бюджета. Если обратиться к данным Бюджетного управления Конгресса США, то, прежде всего, следует указать на исторические показатели, характеризующие структуру бюджетных расходов.

На рис. 3. представлены обязательные расходы (закреплённые законами). Они переходят из года в год как предопределённые. Практически целиком они представляют социальные расходы федерального бюджета. За 60 лет они выросли с 4,8 до 13,9% ВВП (их резкий взлёт в 2020–2021 гг. связан с пандемией COVID-19). Расходы на социальное обеспечение выросли более чем в 2 раза. И две главные финансируемые федеральным правительством медицинские программы (Медиккэа и Медикэйд) выросли с 0 (они стартовали в 1967 г.) до 6,1% ВВП.

Противоположная картина наблюдается относительно дискретных расходов (рис. 4). Их доля в ВВП упала почти в 2 раза. А доля входящих в эту категорию военных расходов сократилась ровно втрое (с 9 до 3% ВВП).

Тенденция вытеснения дискретных расходов продолжится и далее. Согласно долгосрочному прогнозу, она с 6,4% ВВП в 2024 г. к 2054 г. снизится до 4,9%, тогда как доля обязательных расходов вырастет с 13,9% в 2023 г. до 16,2% в 2054 г. При этом расходы на социальное обеспечение за этот период увеличатся с 5,0 до 5,9%, а на основные медицинские программы с 5,8 до 8,3%. Финансирование социальных обязательств потребует сохранения дефицитного бюджета (предполагается, что дефицит возрастет с 6,2% ВВП в 2023 г. до 8,2% в 2054 г.) и, естественно, дальнейшего роста госдолга. Его сумма в виде гособязательств на

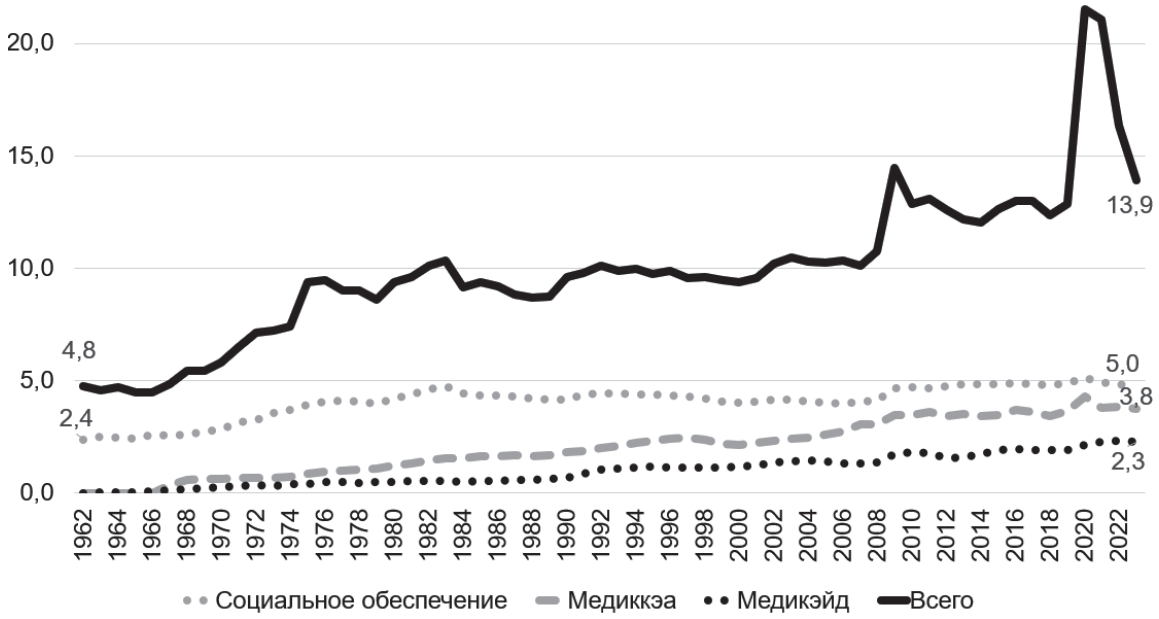

Рис. 3. Обязательные (mandatory) расходы федерального бюджета США, % ВВП
Источник: Congressional Budget Office. URL: https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#2 (access date: 13.09.2024).

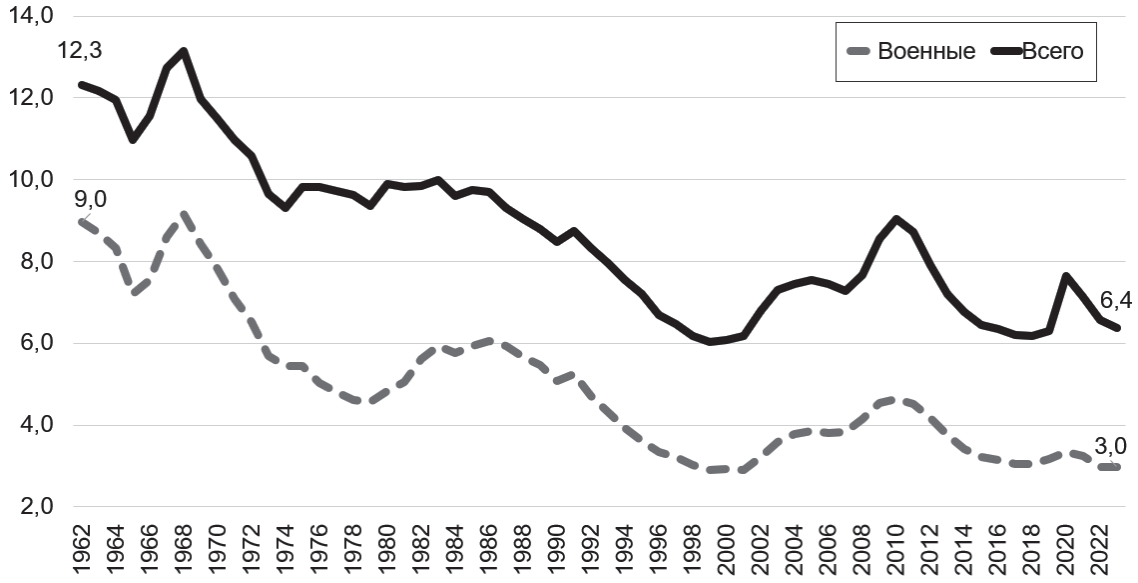

Рис. 4. Дискретные расходы (discretionary) федерального бюджета США, % ВВП
Источник: Congressional Budget Office. URL: https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#2 (access date: 13.09.2024)

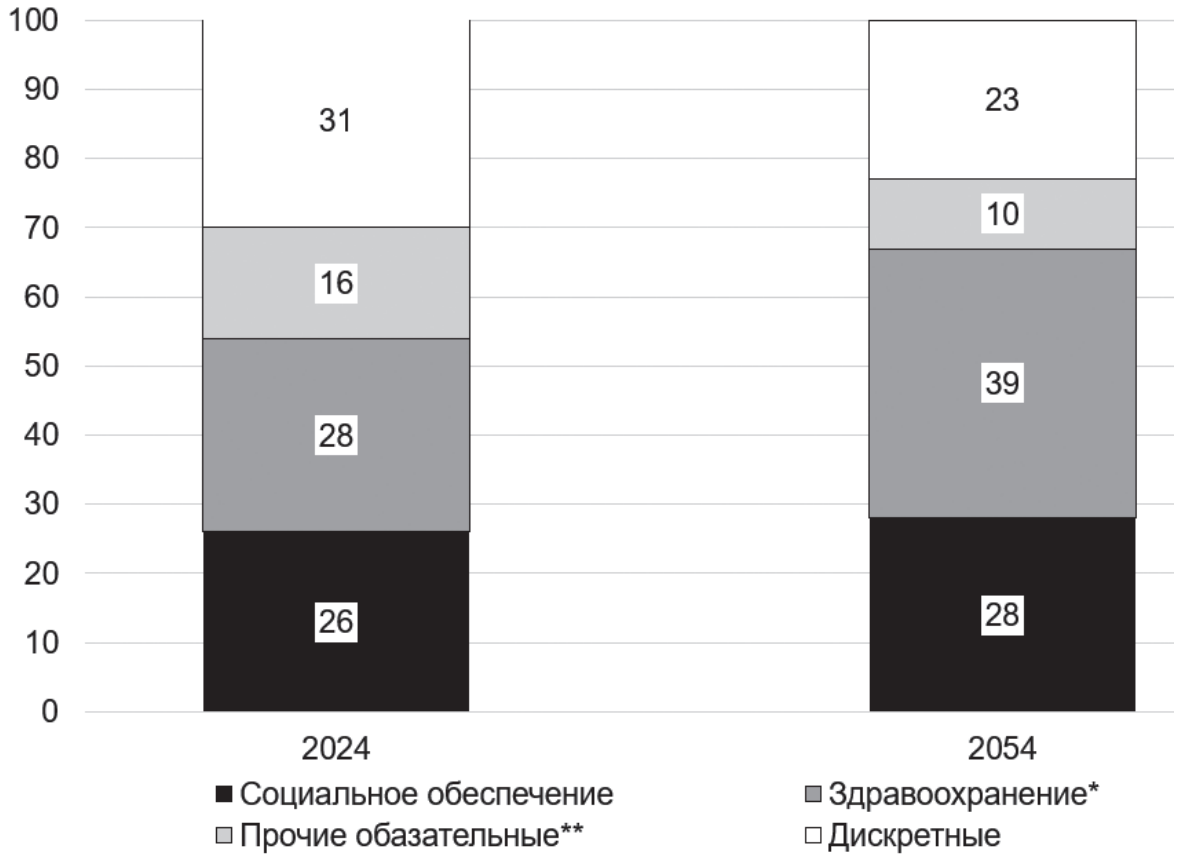
руках частных лиц вырастет с 97% ВВП в 2023 г. до 166% в 2054 г. При этом всё большее место в бюджетных расходах станут занимать чистые процентные платежи по долгу: их рост прогнозируется с 2,4% ВВП в 2023 г. до 6,3% в 2054 г.[4]

Вышеприведённые данные свидетельствуют об одном из главных последствий государства благосостояния: вытеснении расходов на более чистые общественные блага расходами на менее чистые или, как их называют, смешанные, а то и мериторные блага. Действительный интерес граждан в защите права на жизнь и собственность становится слишком узким для государства, которое в своём имманентном стремлении к экспансии объявляет всё более и

[4] Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook: 2024 to 2054. URL: https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#1 (access date: 13.09.2024).

более широкий круг благ наделёнными социальной полезностью[5]. Отчасти это объясняется со стороны предложения: государству, как правило, требуется меньше трансакционных издержек на одну аппаратную единицу для расширения финансирования и контроля отраслей гражданского сектора по сравнению с военным. С другой стороны, можно посмотреть на проблему и со стороны спроса: «оборонные расходы “продаются” бюджетно-зависимому избирателю с куда большим трудом» [*Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий*, 2018. С. 55]. В этом последнем обстоятельстве кроется причина вечной неготовности демократий к войне (в отличие от недемократических режимов). В целом же идёт процесс, который можно назвать урезанием государства — ночного сторожа и заменой его разбухшим Левиафаном, который стремится действовать по принципу «я отвечаю за всё»[6].

Нельзя пройти мимо и проблемы распухающего государственного долга. Он сдавливает будущий федеральный бюджет США. Согласно долгосрочному прогнозу, доля выплачиваемых чистых процентов по госдолгу в общих бюджетных расходах вырастет с 13% в 2024 г. до 23% в 2054 г.[7] С другой же стороны, дискретные расходы будут сжиматься увеличивающимися обязательными расходами. Выше был показан имевшийся и прогнозируемый рост их доли в ВВП. На рис. 5 показаны прогнозируемые изменения долей обязательных и дискретных расходов в федеральном бюджете США.

* Расходы на здравоохранение складываются из двух программ: Медиккэа и Медикэйд.

** Прочие обязательные расходы включают различные виды налоговых кредитов.

Рис. 5. Структура непроцентных расходов в федеральном бюджете США, %

Источник: Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook: 2024 to 2054. URL: https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#1 (access date: 13.09.2024).

[5] См. теорию опекаемых благ Р. Гринберга – А. Рубинштейна [*Гринберг, Рубинштейн*, 2013. С. 244–270].

[6] Р. Капелюшников рассматривал этот процесс как переход от государства благосостояния к патерналистскому государству на основе идеологии поведенческой экономики [*Капелюшников*, 2013. С. 45–51].

[7] Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook: 2024 to 2054. URL: https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#1 (access date: 13.09.2024).

Требуется отметить и самоедский характер государства благосостояния. Проявляется он прежде всего в том, что его расширение подрывает основы его финансирования по причине негативного воздействия государственного долга (вызванного, преимущественно, необходимостью покрытия растущих социальных расходов) на экономический рост. Американский экономист Дж. Салмон проанализировал 40 работ по проблеме взаимосвязи государственного долга с экономическим ростом: в 36 из них установлено его тормозящее воздействие. Медианный и средний пороги госдолга (после прохождения которых начинается отрицательное влияние на рост) составляют для развитых стран 78 и 82%, соответственно. Делается вывод о том, что им желательно не превышать порог в 80% [*Salmon*, 2016. Pp. 502–503, 505].

Напомним, выше отмечалось, что госдолг только на руках граждан США в 2023 г. уже составил 97% ВВП, а в 2054 г. прогнозируется на уровне 166%. Бюджетное управление Конгресса США прогнозирует снижение темпов экономического роста с 2,5% в 2023 г. до 1,8% в 2034 г. и 1,6% в 2044–2054 гг. [Ibid].

О кризисе государства благосостояния заговорили достаточно давно. А. Линдбек разделил его проблемы на экзогенные и эндогенные. К первым он отнес демографическую ситуацию, снижение производительности, интернационализацию (глобализацию) национальных экономик, «болезнь издержек» по Баумолю (производительность в сфере социальных услуг почти не растёт, а рост зарплат в частном секторе подталкивает к росту зарплат и в этой сфере, что требует повышения общественных расходов на её содержание, а, следовательно, и налогов) [*Lindbeck*, 2008. Pp. 7093–7096].

Относительно демографической ситуации можно сказать, что она является не только экзогенным, но и одновременно эндогенным фактором кризиса. Она включает в себя как воспроизводство населения, так и миграцию. Государство благосостояния снижает стимулы к деторождению и поощряет миграцию за пособиями и прочими не связанными с трудом благами. Роль детей как акторов социальной защиты родителей (в старости, при болезни) тем ниже, чем лучше поставлена работа государственных социальных служб. Происходит вытеснение семей активностью этих служб.

Что же касается притока мигрантов из других стран, то он как на сегодняшний день, так и на перспективу представляет собой фактор долгосрочной дестабилизации западного общества. В настоящее время всё настойчивее ставится вопрос о его окупаемости. Потребляют приезжие больше или меньше ресурсов в стране пребывания за период пребывания в ней, чем создают? В положительном балансе — весь смысл и оправдание миграции. В противном случае последняя ложится дополнительным чистым бременем на налогоплательщиков, на коренное население.

Ответ на вопрос о «самоокупаемости» миграции даёт регулярный ежегодный тематический обзор ОЭСР «International Migration Outlook» за 2021 г . Исследованием охватывались 22 европейские страны ОЭСР, а также Австралия, Канада и США в период с 2006 по 2018 г. Во всех странах иммигранты вносили больший вклад в виде налогов и других платежей, чем государственные расходы на их социальную защиту, здравоохранение и образование. Однако если учесть все общественные расходы, то их общий чистый фискальный вклад остаётся положительным только для трети стран. Общий чистый фискальный вклад иммигрантов постоянно находится в диапазоне между –1% и +1% ВВП [*OECD*, 2021. P. 112].

Рис. 6 убедительно показывает, что иммигранты явно «перетягивают одеяло на себя» по сравнению с родившимися внутри страны. Разрыв между ними в наиболее продуктивном возрасте (25–54) обусловлен не более высокими государственными расходами на первых, а более высоким уровнем безработицы среди них. Если бы не он, то чистый фискальный вклад иммигрантов увеличился бы на 0,5% ВВП в Бельгии и Швеции, и более

чем на треть процента в Австрии, Дании, Люксембурге и Нидерландах [Ibid. P. 113]. При этом проблема безработицы среди мигрантов обостряется[8].

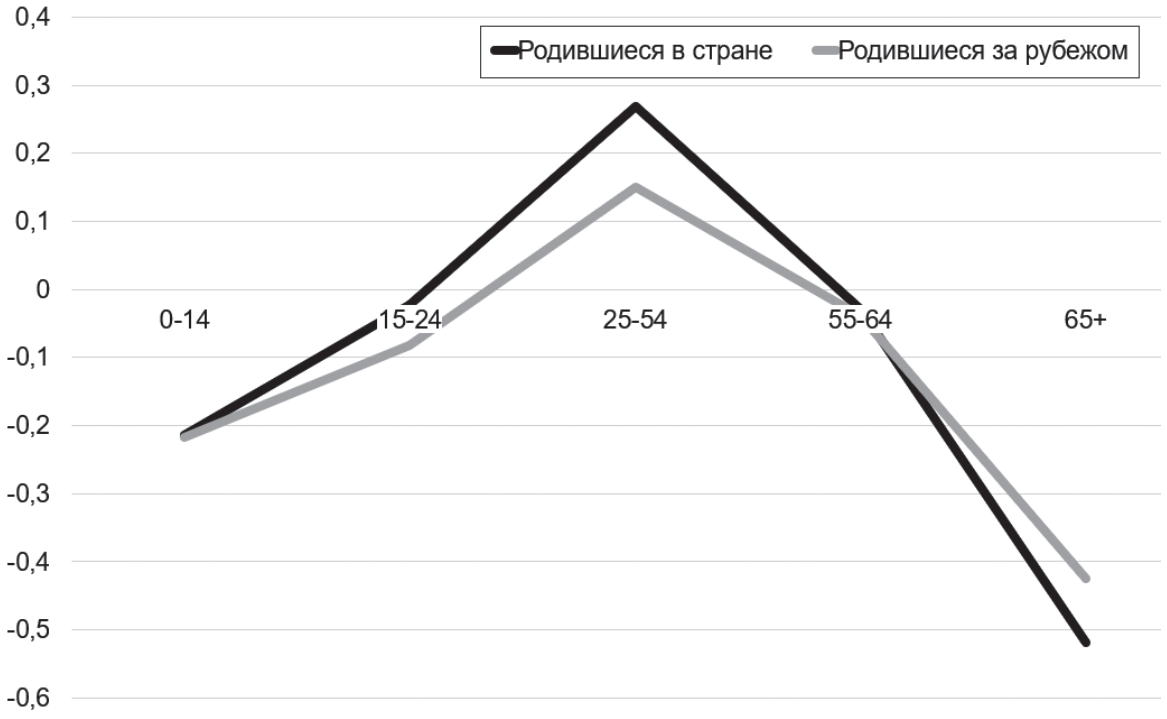

Рис. 6. Общий чистый фискальный вклад на душу населения, делённый на ВВП на душу населения, родившихся в стране и за рубежом по возрастным группам, 2006–2018 гг.
Источник: International Migration Outlook 2021 / OECD Publishing, Paris, 2021. P. 154. https://doi.org/10.1787/ 29f23e9d-en.

Есть основания предположить, что безработица мигрантов далеко не вынужденная, а является разновидностью оппортунистического поведения. Это утверждение относится не ко всему контингенту. Обратим внимание на цели переезда в Великобританию неродившихся в ней по регионам происхождения (табл. 1). Как видим, переезжающие из стран ЕС более настроены на работу, чем из стран вне ЕС. Особо контрастируют показатели для стран ядра ЕС (ЕС-8) и стран Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии, а также стран южнее Сахары[9]. Очевидно, если за безработицу платить, то безработные будут.

Если вернуться к рассматриваемой А. Линдбеком второй группе проблем государства благосостояния, которые обозначены как эндогенные, то здесь он как раз подчёркивает, что «дестимулирующие эффекты из-за налоговых искажений и морального риска (по определению) являются результатом эндогенного приспособления индивидов к самому государству благосостояния» [*Lindbeck*, 2008. P. 7095].

---

[8] Так, недавно в Великобритании зафиксировано 1 689 тыс. незанятых мигрантов (в это число не включаются студенты и искатели убежища), которые обходятся британскому налогоплательщику в 8,5 млрд фунтов в год. Общая сумма государственных средств (включая затраты на здравоохранение, образование, транспортные и жилищные нужды, а также пособия), расходуемая на эту категорию мигрантов, может достигать 20,3 млрд фунтов. — Beckford M. (2024). Record numbers of migrants living in Britain are jobless with more than 1.6 million unemployed or 'economically inactive' people costing taxpayers an estimated £8billion Daily Mail. Published: 30 Aug. 2024. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-13794959/Recordnumbers-migrants-living-Britain-jobless.html (access date: 13.09.2024).

[9] Во время одного из погромов, устроенных мигрантами во Франции уже почти 20 лет назад, один из них писал в сети: «Я ничего не делаю и получаю 5–6 штук в месяц по пособиям Le RMI, Allocation familliale, Allocation pour parents isole, Allocation jeune enfants, Allocation logement, Allocation rentre scolaire, Les bonds de vacances, Aide Assistante sociale. И втюхиваю какое-нибудь дерьмо твоему брату или сестре. Да здравствует Франция, наша супердойная корова!» [*Жвирблис А.* (2005). Кузьминки-Су-Буа // *Коммерсантъ-Власть*. 14.11.2005. URL: https://www.kommersant.ru/doc/626096 (дата доступа: 13.09.2024)].

Таблица 1
Цели переезда мигрантов в Великобританию, %

Регион выезда	Цель переезда			
	Работа	Семья	Учёба	Прочие
ЕС	42	37	12	9
Не-ЕС	22	48	14	16
ЕС 8	55	27	8	10
Страны, южнее Сахары	21	43	14	22
Ближний Восток, Сев. Африка и Центральная Азия	12	44	12	32

Источник: Migrants in the UK: An Overview. 09.08.2024. URL: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/migrants-in-the-uk-an-overview (access date: 13.09.2024).

А. Линдбек отмечает, что индивид предпочтет работу пособиям только если:

$$u[w(1-t)] > u(bw) + \alpha - f(n),$$

где u — полезность потребления, w — заработная плата, t — средняя налоговая ставка, b — норма замещения зарплаты пособием (отношение последнего к зарплате), α — разность между полезностью досуга и внутренней полезностью, которую некто может извлечь из труда. Особое внимание обратим на последний член правой части неравенства — $f(n)$, который интерпретируется как отрицательная полезность стигматизации нарушения преобладающих трудовых норм (этики), где n — общее число индивидов (или сверстников), которые действительно следуют трудовым нормам (или нормам, препятствующим жизни на государственные пособия).

А. Линдбек предполагает, что отрицательная полезность от стигматизации растёт вместе с числом индивидов, которые предпочитают работу жизни на пособия; таким образом, $f(n) > 0$. Если на время абстрагироваться от $f(n)$, то индивид может предпочесть жить на пособия, а не работать, когда $(1-t)$ хоть немного выше b (при условии, что он ценит досуг несколько выше, чем труд; иначе говоря, α хотя бы немного положительна) [Ibid.].

В случае с мигрантами с Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии (если допустить, что структура их стимулов для миграции в страны Европы примерно такая же, как и в Великобританию), есть все основания предположить, что у них величина $f(n)$ вряд ли положительная, а, скорее всего, даже отрицательная. Жизнь на пособия в развитых демократических странах рассматривается в их среде не как позор, а, скорее, как достижение. Величина α, по всей видимости, устойчиво положительная, поэтому с увеличением доли мигрантов из этого региона присущая коренным европейцам (особенно в Северной Европе) трудовая этика будет размываться (увеличиваться число индивидов n предпочитающих жить на пособия)[10].

Пока же можно зафиксировать следующую цепь последствий государства благосостояния. С одной стороны, оно со временем сделало невыгодным домашнюю занятость

[10] Согласно прогнозу исследовательской организации Pew Research Center, при умеренном сценарии роста миграционных потоков процент мусульман в таких странах, как Швеция, Франция, Великобритания, Италия и Германия, достигнет в 2050 г. 20,5, 17,4, 16,7, 12,4 и 10,8%, соответственно. В случае более интенсивной миграции эти цифры будут 30,6, 18,0, 17,2, 14,1 и 19,7% — Europe's Growing Muslim Population. 29.11.2017. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2017/11/29/europes-growing-muslim-population (access date: 13.09.2024).

в сфере воспроизводства населения. Детей в роли гарантов социального страхования родителей заместили государственные фонды и службы. Это породило кризис семьи как базового общественного института и стало одной из причин суженного воспроизводства населения[11]. С другой стороны, появился дефицит рабочей силы (старшие, более многочисленные поколения освобождали рабочие места, которые не могли полностью заместить младшие) и спрос на импорт рабочей силы из стран, где государство благосостояния не заняло значительного места в силу общей бедности. Однако развитые страны, как видно из табл. 1, привлекают мигрантов не только высокой оплатой труда, но и возможностями пользоваться его благотворительностью без трудового участия[12]. Это порождает появление массовых категорий мигрантов, преимущественно из обозначенных в табл. 1 двух последних регионов, которые не облегчают, а, напротив, усиливают фискальное общественное бремя. И, если принять во внимание прогноз Pew Research Center, Европу ждёт массовое народозамещение и потеря собственной цивилизационной идентичности даже в случае умеренного сценария роста мусульманского населения[13]. Кроме того, будет расти и удельный вес носителей других, чуждых западным ценностям культур.

Волна критики государства благосостояния поднялась после европейского финансового кризиса 2010–2011 гг. В специальном выпуске журнала Института Катона (США) кризис этого государства рассматривался с самых разных сторон [*Tanner,* 2013a; *Tanner,* 2013b; *Gokhale, Partin*, 2013; *Lemeiux*, 2013; *Hallerberg*, 2013; *Schwartz*, 2013]. И М. Таннер, и П. Лемье подчёркивают процесс «европеизации» экономики США в плане роста социальных обязательств. Традиционные представления о большей зависимости европейских стран от них становятся не столь очевидными, как ранее [*Tanner*, 2013b; *Lemeiux*, 2013].

Дж. Гокхейл и Э. Патин сформулировали актуальное и в настоящее время заключение о том, что «до тех пор, пока рост социальных программ (так называемых социальных прав) не будет урезан, более высокое фискальное бремя сегодняшних молодых работников и будущих поколений и сжатие расходов на не связанные с этими программами правительственные мероприятия станут неизбежными» [*Gokhale*, *Partin*, 2013. P. 209]. Этот процесс сжатия уже был показан выше.

Что же касается роста фискального бремени для будущих поколений, то об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1950 г. в США на одного получающего пенсию бенефициара приходилось 16 работающих, тогда как к 2040 г. 2,2 работающих на 1 пенсионера[14]. Уже сейчас значительные объёмы средств перераспределяются в пользу старшего поколения за счёт молодых. В США в 2020 г. 66% расходов на социальные пособия в США при-

---

[11] «Если семья была институтом, который в известной степени создавался и сохранялся как форма взаимного страхования против жизненных рисков, то разве передача этих страховых функций государству не подтачивает сам институт, упадок которого теперь оплакивают политики всех западных государств всеобщего благосостояния?» [*Лал*, 2007. С. 200].

[12] Если один из родителей в семейной паре с детьми двух и трёх лет выходит на работу на полное время (при условии, что другой получает 67% средней зарплаты на полной занятости), то его потери за счёт более высоких налогов или потери социальных выплат составят в среднем по ОЭСР 47% от средней зарплаты в стране (по данным на 2022 г.). При этом наиболее высокие потери в процентах от средней зарплаты будут в Новой Зеландии (84), Дании (70), Канаде (67), Швейцарии (66). В США они составят 63%, Великобритании — 57, Франции — 51, Германии — 44, Испании — 29%, — OECD 2024. Financial disincentives to enter employment with childcare costs. URL: https://www.oecd.org/en/data/indicators/financial-disincentive-to-enter-employment-with-childcare-costs.html (access date: 13.09.2024). Таким образом, дестимулирование занятости по причине значительных социальных льгот за пребывание дома с детьми весьма сильно. Очевидно, что, например, женщины из регионов с традиционными семьями вряд ли займутся поиском работы при таких условиях.

[13] «Проблема Европейского союза в том, что наивные бюрократы … одурачены ярлыками. Они считают, что салафизм — всего лишь религия …, хотя на самом деле это нетерпимая политическая система, которая пропагандирует (или дозволяет) насилие и отвергает западные институции — те, что защищают салафитов» [*Талеб*, 2018. С. 292].

[14] *Tanner M.D.* (2022). Social security. Cato Institute. URL: https://www.cato.org/cato-handbook-policymakers/cato-handbook-policymakers-9th-edition-2022/social-security (access date: 13.09.2024).

шлось на 17% населения в возрасте 65 лет и старше. В то время как эта возрастная группа принесла лишь 11% прямых налоговых поступлений. В этой связи К. Поуп делает вывод о том, что «несмотря на предполагаемую цель перераспределения от более обеспеченных к менее обеспеченным, американское государство всеобщего благосостояния перераспределяет гораздо больше в пользу пенсионеров среднего класса, чем в пользу бедных»[15]. Как показывают и другие исследования, получение прямо противоположного декларируемому реального результата — весьма характерный провал государства благосостояния [*Gallaway, Garrett.* 2016].

Развёрнутая критика государства благосостояния была представлена на страницах журнала Института Катона пятью годами позже упомянутыми выше Л. Бальцеровичем и М. Раджиковским Они выделили четыре направления этой критики: экономическое, моральное, философское и политическое. Экономическое сводится преимущественно к негативному влиянию на экономический рост. Моральное направление показывает, как оппортунистическое поведение (злоупотребление различными социальными благами) разрушает такие социальные нормы, как честность, сильная трудовая этика и семейные ценности[16]. Философское и политическое направления относятся к эрозии социальных норм, важных для либеральных (либертарианских) критиков. Сопровождающие государство благосостояния высокие налоги подрывают свободу, а разрастание поддерживающих его групп интересов ослабляет гражданское общество [*Balcerowicz, Radzikowski*, 2018. P. 3].

Концепции государства благосостояния: от «благородного деспота» до хищничества

Разросшееся до 20–30% ВВП государство благосостояния потребовало теоретического обоснования своего права на существование и развитие. В английском языке такое обоснование обозначается словом justification. Поскольку в этом вопросе сталкиваются разные точки зрения, то, наверное, для начала стоит посмотреть на эволюцию взглядов экономистов на государство как таковое. Обратимся к систематизации этой проблемы П. Беттке и П. Лисоном [*Boettke, Leeson*, 2015].

Они начинают систематизацию с напоминания о так называемом «парадоксе правительства», сформулированном ещё Дж. Мэдисоном. Вкратце суть его в следующем: правительство предназначено управлять теми, кто должен его контролировать. Отсюда, чем больше функций и полномочий у правительства, тем менее оно поддаётся контролю тех, кто делегирует ему полномочия. Очевидно, что проблема роста государства благосостояния вполне вписывается в этот парадокс.

П. Беттке и П. Лисон выделяют четыре исторически последовательные предпосылки политико-экономического анализа государства [Ibid. Pp. XII–XIII]:

1. Laissez-faire: доминировала в XVIII и начале XIX в.

2. Провалы рынка: доминировала с конца XIX в. и до середины XX в.

---

[15] *Pope C.* (2024). The overextended retirement state. Manhattan Institute. URL: https://media4.manhattan-institute.org/wp-content/uploads/the-overextended-retirement-state.pdf#page=13 (access date: 13.09.2024).

[16] Кульминационным пунктом развития идеологии государства благосостояния является выдвигаемая и широко пропагандируемая ныне концепция безусловного базового дохода. Её поддерживает даже группа либертарианцев, именующих себя «либертарианцами с кровоточащим сердцем» (bleeding-heart libertarians) [*Zwolynski, Fleischer,* 2023]. П. Лемье в критическом обзоре книги М. Зволински и М. Флейшер обратил внимание не только на финансовую несостоятельность концепции (что очевидно), но и на её разлагающее действие в случае гипотетического воплощения в жизнь: «Люди, освобождённые от ответственности самостоятельности, вероятно, более склонны стать сторонниками тиранов или же праздными и скучающими нигилистами, открытыми для жестоких приключений» [*Lemieux*, 2024. P. 36].

3. Провалы государства: прервала доминирование концепции провалов рынка с конца XX в.

4. Анархия, которая, по их признанию, не является установившимся экономическим подходом; эта посылка плодотворна в случае, когда альтернативой является ультрахищническое государство.

Понятно, что в системе laissez-faire для государства благосостояния вряд ли найдётся много места. Поэтому сразу перейдём к провалам рынка. В основе этого подхода лежат две идеи. Во-первых, это дисфункциональность рынков, которые не в состоянии координировать действия автономных индивидов так, чтобы принести максимум пользы самим участникам (выйти на парето-эффективное состояние). Во-вторых, это функциональность государства, которое представляют просвещённые и преисполненные чувством долга политические акторы, которым можно доверить власть для исправления провалов рынка. Если в эпоху laissez-faire бремя доказательства целесообразности лежало на тех, кто предлагал расширить полномочия государства, то идеология провалов рынка, напротив, требует такого доказательства от сторонников сокращения государственного интервенционизма. Экономисты стали «наделять государство “божественным знанием” и доброжелательностью» [Ibid. P. XVIII].

Видение, когда государство предстает как великодушный диктатор-доброжелатель, максимизирующий общественную полезность, было заложено в неоклассическую экономическую теорию А. Пигу [*Pigou*, 1920], развито П. Самуэльсоном [*Samuelson*, 1974] и стало методологической основой новой в 1970-е гг. области экономической теории — экономики общественного сектора (public economics) [*Musgrave, Musgrave*, 1973]. Наделённое всезнанием государство играет роль «всеобщего доктора», который бросается лечить провалы рынка: обеспечивает оптимальное количество общественных благ и корректирует экстерналии, ликвидируя разрывы между частными и общественными издержками.

А. Линдбек суммирует аргументы в оправдание государства благосостояния и делит их на соображения с позиции эффективности и с позиции распределения [*Lindbeck*, 2008. Pp.7088-7089]. К первым он относит:

1. Провалы рынков добровольного рыночного страхования:

а) отбор лучших («снятие сливок») среди обращающихся за страхованием, когда страховщик может разграничить подверженных высоким и низким рискам индивидов;

б) отбор худших (adverse selection), когда страховщик не в состоянии произвести такое разграничение;

в) миопия, когда индивиды недооценивают свою потребность в доходах в будущем;

г) безбилетничество (free-riding) на альтруизме других, когда индивид ожидает бескорыстной помощи от других в случае экономического стресса;

д) межпоколенческие риски, когда заключение страхового контракта и его выполнение сильно разорваны во времени.

Весь этот комплекс проблем обретающее патерналистскую форму государство благосостояния решает через обязательное социальное страхование.

2. Дефицит инвестиций в человеческий капитал (образование, здравоохранение), который возникает по причинам:

а) невозможности «приватизировать» создаваемые в будущем позитивные экстерналии за счёт лучшего человеческого капитала;

б) проблем заимствования на частном рынке кредитования в случае, когда залогом выступает будущий человеческий капитал.

Напротив, с точки зрения распределения выделются:

1. Снижение бедности: принудительный альтруизм может быть оправдан противодействием связанными с ней негативными экстерналиями (заразные болезни, состояние городской среды и пр.).

2. Снижение неравенства: принудительный альтруизм может быть оправдан (как и в случае снижения бедности) ростом безопасности и социальным миром.

Многое из обусловленной вышеперечисленными соображениями социальной политики, как часто утверждается, создаёт условия для повышения производительности труда и положительно сказывается на экономическом росте. Снижение бедности и неравенства представляется чем-то вроде общественного блага, позитивный эффект которого распространяется на всех.

Однако даже если не принимать во внимание часто оспариваемую способность государства «делать лучше рынка», стоит обратить внимание на то, что само представление об экстерналиях (общественные блага можно интерпретировать как особый вид экстерналий с общедоступной внешней выгодой) весьма субъективно и противоречиво. Одни могут страдать от негативных экстерналий, порождённых завистью к богатым, другие от таких же экстерналий, проистекающих из сострадания к бедным. Один и тот же объект может быть источником позитивных экстерналий для одних и негативных — для других (цветущая липа за забором соседа вызывает положительные эмоции у любителя липового меда, но отрицательные от испытывающего аллергию от пыльцы). «В целом вывод, к которому я … пришёл, заключается в том, что у нас нет настоящего определения экстерналии» [*Таллок*, 2011. С. 61].

Теория провалов государства развилась в рамках становления теории общественного выбора (public choice). Начиная с основополагающих трудов Дж. Бьюкенена и Г. Таллока [*Бьюкенен*, 1997], она продвигает скорректированную версию общественного договора. Государство здесь не просто «благонамеренный диктатор», оно может включать и «хищников». Хищническая деятельность есть разновидность провалов государства, которая связана с целями групп специальных интересов, склонностью политиков к краткосрочному видению, ловушкой регулирования и поведением бюрократии. Ей противостоит общественный договор в форме конституционного договора, который помещает в клетку государство-Левиафана (ограничивает его поле деятельности). Этот конституционный договор есть продукт добровольного общественного согласия (в идеале — единогласия), заключаемого в условиях «вуали неведения» [*Бреннан, Бьюкенен*, 2005].

Классическое определение хищнического государства принадлежит Д. Норту. Под ним он понимал такое государство, которое «специфицирует права собственности так, чтобы максимизировать доход властвующей группы, не считаясь с влиянием на благосостояние общества в целом» [*North,* 1981. P. 22]. В той же работе говорится о сравнительных преимуществах государства в применении насилия. Это преимущество может быть использовано двояко. Оно может быть направлено «на определение и защиту прав собственности, но также и на присвоение ресурсов граждан для блага правящего класса» [*Holcombe*, 2020. P. 288].

М. Вахаби видит отличие договорной концепции государства, допускающей хищничество, от альтернативной (недоговорной) в том, что первая рассматривает хищничество как средство обеспечения защиты, тогда как вторая исходит из того, что хищническое государство предоставляет защиту только ради обеспечения собственного хищничества [*Vahabi*, 2020. P. 235].

В первой хищники могут превратиться в защитников, если они соберут достаточно протекционной ренты (предприниматели обменяют ренту на защиту). Во второй при наличии мультихищнической системы хищник получает монопольный доступ к жертве, защищая её от других претендентов на ренту. Тиран в конкуренции с другими тиранами должен будет предоставить некоторую защиту прав собственности, чтобы избежать утечки капиталов. Здесь защита вытекает не из договора, а стремления хищника максимизировать рентный поток.

Р. Холкомб видит следующее упущение в теории общественного выбора: «В то время как общественный выбор показывает, как современное хищническое государство

способно обеспечить выигрыш некоторым индивидам и группам за счёт наложения издержек на других, он не оказывается столь же ясным в объяснении того, что элитная группа людей — правящий класс — систематически способен обеспечивать себя благами за счёт масс» [*Holcombe*, 2020. P. 294].

Теория хищнического государства была подробно разработана М. Вахаби [*Vahabi*, 2016a; *Vahabi,* 2016b]. В статье «Позитивная теория хищнического государства» он пишет, что хищнические отношения между государством и его подданными зависят от способности государства захватывать или принудительно присваивать, а также от способности подданного убежать или спрятаться. Поэтому границы государства определяются характером активов, которые можно более или менее легко захватить. В результате деление активов на захватываемые (captive) и неконтролируемые (fugitive) государством фиксирует границы государственного пространства [*Vahabi*, 2016b. P. 153].

М. Вахаби и его соавторы распространяют понятие хищнического государства на все государства, включая либеральные демократии. В частности, он с соавторами ставит вопрос о том, присуще ли хищническое поведение государству благосостояния или оно относится только к авторитарным политическим режимам и провалившимся государствам. Ответ даётся в статье, где вводится такое понятие, как «хищническое государство благосостояния» [*Vahabi, Batifoulier, Da Silva,* 2020].

Как отмечал Д. Грин, «“социальное государство” вытесняет гражданское общество» [*Грин*, 2009. С. 187]. В его книге подробно показано, как государство наступало на организации взаимопомощи в Великобритании. В 1910 г., накануне принятия закона о национальной системе страхования 1911 г., в стране действовало 26 877 обществ взаимопомощи всех типов, в рядах которых насчитывалось 6 623 тыс. зарегистрированных членов [Там же. С. 73]. В 1907 г. 25% жителей Лондона получали бесплатную медицинскую помощь [Там же. С. 112]. Больницы и диспансеры содержались общественными и благотворительными организациями.

В книге описан процесс постепенного вытеснения организаций взаимопомощи. Он начался с принятия в 1911 г. закона о национальном страховании. Общества взаимопомощи были включены в состав системы государственного страхования. Медицинские учреждения обществ взаимопомощи были включены в созданную в 1948 г. Национальную службу здравоохранения. Этот год ознаменовал финальную точку в замещении гражданского управления социальной сферой государственным.

Во Франции после Второй мировой войны протекал аналогичный процесс, хотя конкретные формы его реализации отличались от тех, что имели место в Великобритании. Коллапс государства во время войны привёл к тому, что система социального обеспечения стала гражданской: она управлялась наёмными работниками и нанимателями, а не государством. Вытеснение гражданского социального обеспечения (civil welfare) государственным (state welfare) протекал в три этапа: в 1946, 1967 и 1996 гг. М. Вахаби с соавторами называют его реапроприацией (re-appropriation). В итоге «институциональные реформы расширили возможности государства по регулированию социального обеспечения, что привело к усилению государственного контроля и в то же время к потере возможности самостоятельного управления социальным обеспечением гражданами» [*Vahabi, Batifoulier, Da Silva,* 2020. P. 266].

Государство благосостояния демонстрировало свою хищную природу в XX в. через подавление конкурента в сфере предоставления социальных услуг — ассоциаций граждан. Государство бюрократии с его иерархической организацией вытесняло гражданский капитализм как несовместимый с ней общественный уклад. Это вполне можно интерпретировать как ползучую социалистическую революцию в социальной сфере. Гражданское общество, пользуясь термином М. Вахаби, оказалось в роли captive asset (захватываемого актива). Экспансия государства негативным образом сказалась и на морали людей. «“Государство всеобщего благосостояния” не только разрушает систему стимулов конкурентного рынка,

но и подавляет те институты, которые позволяли мужчинам и женщинам проявить свою душевную щедрость, были прибежищем идеализма, служения другим и самореализации» [*Грин*, 2009. С. 20].

Поиски причин появления и роста государств благосостояния во всём мире показывают большой спектр различных мнений по этому вопросу. Среди них выделяющие уровень индустриализации и экономической открытости, соотношение сил (например, между организациями труда и организациями, представляющими консервативные круги), межклассовые союзы (когда наёмные работники и наниматели совместно выступают в защиту социального страхования, например, в случае конкуренции за привлечение высококвалифицированных работников) и, наконец, ориентированные на государство подходы. В числе последних центральное место занимают устремления бюрократии, которые приобретают особую важность в роли устанавливающих повестку дня в развивающихся странах из-за слабости профсоюзов [*Carnes, Mares,* 2009].

Р. Холкомб (*Holcombe*, 2020) показывает, что хищнические государства будут более успешными, если они смогут убедить своих граждан в том, что действия государства осуществляются в интересах общества. Идеология «прогрессистской демократии» побуждает граждан к сотрудничеству с государством и легитимирует хищническую деятельность государства. По мнению автора, она оправдывает наложение издержек на одних ради выгоды других.

Всё это в полной мере относится и к государствам благосостояния. Как пример, можно привести следующую его характеристику: «Основой системы государства благосостояния является доброжелательное демократическое государство, которое функционирует как поставщик и регулятор социальных благ для народа» [*Vivekanandan*, 2022. P. 5]. У того же автора читаем: «Система государства благосостояния и социальная политика, её подразумевающая, направлены на построение этически обоснованного и ценностно-ориентированного хорошего общества, лишённого эксплуатации посредников. Это также вопрос о том, как человечество должно быть организовано с целью построения более справедливого общества, основанного на человеческой солидарности» [Ibid. P. 6]. По сути, это не анализ явления, а идеологическая индоктринация, хотя и помещённая в академическую работу.

В этой связи есть основания утверждать, что исследования голосования разных доходных и прочих групп населения за и против тех или иных социальных программ [*Borck*, 2019] не лишены смысла, но и принципиального значения для объяснения динамики государства благосостояния не имеют. Согласно концепции рациональной иррациональности Б. Каплана, избиратели не имеют возможности за счёт личного участия в выборах изменить реальность (вероятность стать решающим голосующим для каждого в отдельности ничтожна), а поэтому при принятии решения могут не ощущать потерь от следования принятым в обществе идеологическим установкам. «Они хотят верить, что программы сделают мир лучшим местом. Постановка под сомнение этого предположения нарушила бы их мировоззрение, не повышая существенно при этом вероятность того, что лучшие программы возобладают» [*Caplan*, 2002. P. 472].

Война и хищническое государство благосостояния

Что же породило столь огромные хищнические государства благосостояния и сделало их устойчивыми? Ответ на этот вопрос можно найти в упоминавшийся выше статье М. Вахаби с соавторами [*Vahabi, Batifoulier, Da Silva*, 2020]. И он очень прост: они — продукт двух тотальных войн — Первой и Второй мировых. Казалось бы, нет ничего более мирного, чем государство благосостояния. И хотя его хищническая природа привела к сжатию гражданского общества благосостояния, вытеснению ряда его институтов, но при чём тут война?

Объяснение даётся при помощи двух открытых экономистами эффектов: эффекта храповика и зависимости от прошлого пути, получившего в отечественной экономической литературе название «эффект колеи» [*Аузан*, 2015]. Эффект храповика был впервые рассмотрен в работе А. Пикока и Дж. Вайсмана [*Peacock, Wiseman*, 1961] применительно к росту налогов и государственных расходов: взлетая во время войны, они впоследствии не возвращаются к довоенному уровню, а закрепляются на более высокой отметке. Последнее обусловливается эффектом колеи: массовым привыканием, институциональной жёсткостью и необходимостью выполнять возникшие в результате войны обязательства. Р. Холкомб положил эти эффекты в основу теории роста государства, обращая внимание на то, что снижение по окончании войны военных расходов перекрывается ростом невоенных, в первую очередь социальных, расходов [*Holcombe*, 2005. P. 100][17].

М. Вахаби с соавторами указывает на три фактора, лежащие в основе эффекта храповика. Во-первых, прерывистая эволюция. Постепенные изменения являются нормой в экономической и институциональной эволюции, но периоды относительной стабильности прерываются быстрыми, существенными институциональными изменениями, которые трансформируют основные правила, политические инструменты, роли агентов и отношения между государством и обществом. Они вполне могут быть реакцией на такой экзогенный шок, как война.

Во-вторых, возросшая автономия государства. Во время войны государство берет на себя гораздо более автономную роль, чем способны предсказать теории политики или модели медианного избирателя. Институциональные инновации и радикальные реформы, которые в обычные периоды встретят сопротивление общества, могут быть проведены государством в условиях чрезвычайной ситуации.

В-третьих, необратимость. Здесь в эффект храповика встраивается появление зависимости от прошлого пути. Создаются связанные с кризисными изменениями новые агентства и расширяются старые, обретая новые полномочия. Они заинтересованы в сохранении сложившегося в результате экстренного события положения вещей. Поэтому изменения, произведённые во время кризиса, часто закрепляются. Они становятся институционализированными и со временем обретают институциональную жёсткость. Одновременно во время войны усиливается то, что авторы называют «мощностью государства» (state capacity): способностью к реализации введённых правил и сбору повышенных налогов [*Vahabi, Batifoulier, Da Silva*, 2020. P. 248].

Модели зависимости от прошлого пути совместимы с рассмотренным выше подходом к объяснению государства благосостояния как страхового продукта. Во время редких крупных шоков, таких как война, начинают преобладать провалы рынка, связанные не с асимметричностью информации, а с общей неопределённостью (shared uncertainty). В таких ситуациях как продавцы, так и покупатели не способны оценивать грядущие риски. При общей неопределённости государству делегируется роль «страховщика последней инстанции» (insurer of last resort), и предпочтения всех граждан смещаются в пользу обязательного всеобщего страхования [Ibid.].

М. Вахаби с соавторами разработали то, что было названо ими «оригинальной версией объяснения зависимости от прошлого пути для государства благосостояния в терминах эффекта тотальной войны» [Ibid. P. 249]. Они замечают, что массовые войны XX столетия, в отличие от средневековых, перестали быть «спортом королей». Эти войны не ограничиваются участием профессиональных военных, но охватывают всё и всех. Государство организует всю экономику и размещает всю рабочую силу согласно военным

[17] Это явление обозначают как «эффект смещения» (displacement effect), и отражаемая в нём зависимость от прошлого пути хорошо иллюстрирует хищническую природу государства благосостояния организации, максимизирующей свой доход.

нуждам. Война в больших масштабах стирает различия между гражданским и негражданским населением, подчиняет всё население требованиям войны и подвергает его её последствиям [Ibid. Pp. 249–250].

Ещё в конце 50-х гг. прошлого века Р. Титмусс писал о том, что возрастающие масштабы и интенсивность войны заставляет государство проявлять озабоченность количеством и качеством подданных. Сначала оно беспокоится о количестве доступных для военной активности мужчин. Потом об их качестве. В дальнейшем появляется забота о здоровье и благополучии не только военнообязанных, но и всего населения, и в первую очередь детей как будущих рекрутов. И, наконец, требуется подумать о «гражданской морали» — убедить людей в том, что после страданий войны все они будут располагать благами, недоступными врагам [*Titmuss*, 1958. P. 82]. Само собой разумеется, что всё это требует институциональной трансформации в государство благосостояния.

Таким образом, государство благосостояния явилось результатом необходимости для хищнического государства развития сотрудничества между гражданскими и не-гражданскими ради успешного ведения войны. Если такое сотрудничество расценивается как приоритетная задача, то неравенство в обществе должно быть сокращено и пирамида социальной стратификации снижена. «Несмотря на важность эффекта храповика в тесной связи с кризисом, — пишут М. Вахаби с соавторами, — наш аргумент подчёркивает исходный фактор в понимании возникновения государства благосостояния, а именно тотальную военную экономику» [*Vahabi, Batifoulier, Da Silva*, 2020. P. 248]. В этой статье далее на примере Франции подробно рассматривается еу путь от воюющего государства в I и II мировые войны к государству благосостояния (from warfare state to welfare state) [Ibid. Pp. 253–260].

Послевоенное развитие государств благосостояния в Европе было подробно проанализировано К. Поупом [*Pope*, 2023]. Он пришёл к заключению, что более крупные государства благосостояния европейских стран являются продуктом преобразующего эффекта Второй мировой войны. «Тотальная война приостановила ограничения на расширение прав за пределы нуждающегося меньшинства: она сковала частное финансирование медицинского страхования и пенсионного обеспечения, оправдала широкомасштабное повышение налогов, необходимое для заполнения пробела государственными средствами, и ослабила политический потенциал тех, кто проигрывает, чтобы сопротивляться» [Ibid. P. 457].

По словам К. Поупа, современное европейское государство всеобщего благосостояния является побочным продуктом разрушительной природы Второй мировой войны и включает политику, которая зародилась в нацистской Германии. «Вторая мировая война навязала Западной Европе ещё более драматические потрясения (по сравнению с Первой — *А.З.*), и огромные государства всеобщего благосостояния на континенте остаются наследием тех потрясений, которые они претерпели» [Ibid].

До Второй мировой войны европейские программы социального обеспечения были нацелены на семьи с низким доходом. Пенсии по старости и государственное здравоохранение проверялись на нуждаемость, поскольку более состоятельные граждане должны были сами обеспечивать свои потребности. В Великобритании национальное медицинское страхование охватывало малообеспеченных людей, а бесплатные муниципальные больницы были предназначены исключительно для обслуживания рабочего класса. Система социального обеспечения довоенной Германии, созданная О. Бисмарком, была более обширной, чем в Великобритании, и работала по обязательной, связанной с доходами модели, финансируемой за счёт налогов на заработную плату. Тем не менее участие было ограничено промышленными рабочими. И в Великобритании, и в Германии, а также в других европейских странах люди с более высокими доходами полагались на частное страхование.

Война предоставила европейским правительствам возможность расширить роль правительства в предоставлении пособий для всех социальных классов и повысить налоги с минимальным сопротивлением. Как отмечает Поуп, «приостановка демократической

политики (со всеми её спорами и противоречиями) позволила революционизировать государство всеобщего благосостояния с долгосрочным эффектом» [Ibid. P. 460].

С большими ресурсами и расширенными обязанностями правительства перешли от целевых к универсальным правам, расширив социальные программы, включив в них не только бедных, но и более состоятельных граждан. Это расширение программ социального обеспечения привело к последующему вытеснению рыночных альтернатив. В Великобритании расходы военного времени оправдывали масштабные налоговые повышения, увеличив максимальную предельную ставку подоходного налога с 65% в 1936 г. до 97,5% к 1941 г. и утроив базу подоходного налога, чтобы включить лиц с низким доходом [Ibid. P. 459]. Первоначально обусловленная потребностями военного времени, более широкая налоговая база сохранялась и после окончания войны.

Кроме того, война нарушила частные рынки и структуру финансирования системы здравоохранения, побудив правительство распространить национальное медицинское страхование на более состоятельных людей. С 1938 г. некоммерческие больницы были перепрофилированы для нужд военного времени, что привело к их сильной зависимости от средств центрального правительства. Важно отметить, что У. Беверидж, учёный, которому было поручено рекомендовать реформы британских программ пособий, опубликовал в 1942 г. доклад, в котором выступал за отмену проверки нуждаемости при назначении государственных пенсий и переход от целевого подхода к всеобщим пособиям с фиксированной ставкой[18].

Аналогичные события, на которые повлияла политика нацистской Германии, происходили и в других странах Европы. Как утверждает Поуп, «нацисты ... считали, что всеобъемлющие социальные льготы и принципы национальной солидарности отличают национал-социализм от практики либеральных капиталистических стран, которые направляют помощь бедным» [Ibid. P. 455]. Вот почему нацисты стремились заменить бисмарковскую модель целевых пенсий, привязанных к заработку, на систему всеобщих фиксированных льгот. И в целом в нацистской Германии «социальная политика была действенным инструментом социальной стабилизации, и масштабы этой стабилизации вполне можно определить как прецедент *welfare state*, который в прочих западных странах в подобных масштабах появился лишь после войны» [*Пленков*, 2004. С. 125–126].

В то время как нацисты не смогли полностью реализовать свои социальные программы в Германии из-за поражения, их политика способствовала трансформации программ пособий в оккупированных странах. Австрия приняла новую социальную политику после Аншлюса, введя пособия по безработице и широкие детские пособия. Франция, где коллаборационистское правительство, как и нацисты, считало ограничение пособий для бедных либеральной концепцией, расширила медицинские пособия и универсализировала детские пособия. Аналогичным образом, в соответствии с нацистским указом 1941 г. в оккупированных Нидерландах, максимальная предельная налоговая ставка увеличилась с 4,8 до 65%, что способствовало значительному росту голландских программ пособий [*Pope*, 2023. P. 458].

Трансформация европейских социальных программ во время войны обеспечила идеальную основу сохранения или даже расширения программ пособий для левых послевоенных правительств. Осознавая эту возможность, послевоенное лейбористское правительство в Великобритании и приняло закон о Национальной службе здравоохранения 1946 г. Как пишет К. Поуп, «политическая тяжёлая работа, необходимая для социализации здравоохранения ..., была полностью проделана войной» [Ibid. P. 461]. Кроме того, вдохновлённое докладом У. Бевериджа правительство отменило ограничения доходов для получения пособий и установило фиксированную ставку пособий по старости, безработице и болезни.

---

[18] Подробно о докладе У. Бевериджа см.: [*Barr*, 1998. Pp. 32–34]. «Подход Бевериджа концентрировался на снижении бедности с упором на выравнивание доходов, что сильно контрастировало с подходом Бисмарка (привязанные к заработкам взносы, дающие права на привязанные к ним же пособия)» [Ibid. P. 34].

Таблица 2
Влияние Второй мировой войны на Европейские социальные программы

Страна	Социальное обеспечение до войны	Изменения во время войны	Драйверы перемен
Австрия	Ограниченное предоставление помощи при отказе от расширенных пособий	Введение пенсий по старости, пособий по безработице и детских пособий	Нацистская политика после Аншлюсса
Бельгия	Ограниченное государство благосостояния с добровольным медицинским страхованием	В 1944 г. временное правительство существенно увеличило социальные программы и ввело 23,5%-ный налог на зарплаты	Послевоенное правительство, вдохновлённое докладом Бевериджа, эксплуатировало хаос, наступивший после окончания нацистской оккупации
Великобритания	Целевые, с проверкой нуждаемости социальные права преимущественно для низкодоходных групп	Универсализация социальных прав, расширение государственного контроля над здравоохранением и социальным обеспечением	Экономика военного времени и политическое давление способствовали главным реформам
Франция	Сеть социальной защиты расширилась из-за урона от Первой мировой войны; тем не менее, была привязана к низкодоходным работникам	В 1945 г. временное правительство установило «*sécuruté sociale*», устранив ограничения по верхним доходам, распространив социальную поддержку на всех граждан	Нацистская оккупация привела к расширению социальных благ при коллаборационистском правительстве. Временное правительство завершило начинания Виши
Германия	Модель Бисмарка: обязательная, привязанная к заработкам, финансируемая налогами с заработной платы, ограниченная работниками с низким доходом	Нацисты расширили доступность и контроль над программами, нацеленными на универсальные социальные блага	Цели режима, направленные на использование социальных прав ради достижения нацистских идеалов
Нидерланды	Ограниченное государство благосостояния, сопротивление обязательному медицинскому страхованию и более широкому охвату	Нацистская оккупация привела к навязыванию всеохватывающих систем социального страхования и более высоких налогов	Нацистский декрет 1941 г.

Источник: [*Pope*, 2023. P. 463].

В Австрии структура пособий, созданная нацистами, сохранилась после войны. Нацистский указ 1941 г., который сделал государственное медицинское страхование обязательным для рабочего и среднего класса в Нидерландах, оставался в силе до 2006 г., продолжая формировать голландскую систему здравоохранения по сей день. Попытки нацистов перестроить бельгийскую систему социального обеспечения, аналогичные их усилиям в Нидерландах, столкнулись с сопротивлением и в конечном итоге были прекращены. Тем не менее в 1944 г. временное бельгийское правительство, воспользовавшись сложной ситуацией, расширило программы социальных выплат, не проконсультировавшись с другими непосредственными заинтересованными сторонами.

После освобождения от нацистской оккупации временное правительство Франции полностью отменило ограничения и создало всеобщую программу пособий, известную как «*sécurité sociale*»[19].

Эти примеры (табл. 2) иллюстрируют, как Вторая мировая война сформировала современные европейские системы социального обеспечения. В результате европейские правительства обычно тратят на программы социального обеспечения больше, чем США. Это также означает, что европейские государства благосостояния участвуют в большем количестве аспектов жизни людей, заменяя частные альтернативы и взимая более высокие налоги, которые оставляют его людям меньше ресурсов для самостоятельного проектирования своей жизни.

Заключение: Государство благосостояния как ползучая социалистическая революция бюрократии

Государство благосостояния вышло на свои нынешние размеры ближе к концу XX в. Первопричины его появления и роста — борьба государства за максимизацию своей доли в обществе и обретение новых властных полномочий. Иначе говоря, реализация его экспансионистской, хищнической природы. Движущей силой этого процесса являлась бюрократия. На протяжении прошлого века произошло вытеснение гражданского общества из роли организатора социальной сферы и замена его централизованным государственным управлением. Политический механизм пришёл на смену гражданскому капитализму. Это можно интерпретировать как социалистическую революцию бюрократии. Свершалась она не одномоментно, а была «ползучей», растянутой во времени. Корни универсального государства благосостояния — в тотальной войне, мобилизационной экономике и идеологии единства общества ради высших целей.

Государство благосостояния — не некий деспот-доброжелатель, а захватчик и эксплуататор. В настоящее время оно создаёт огромные дисбалансы в общественных финансах и живёт за счёт будущих поколений, часть представителей которых еще не родились. Создаваемые им блага — не милость, а непреднамеренный продукт его деятельности, нацеленной на всесторонний контроль над обществом. В то же время оно ослабляет трудовую мораль, ответственность за свою жизнь и благополучие и стимулирует многих к поиску ренты в виде социальных трансфертов. Понизив стимулы к участию в воспроизводстве народонаселения, оно породило дефицит рабочей силы в развитых странах, который массово восполняется эмиграцией из отсталых стран. В результате происходит народозамещение, в ходе которого меняется культурная среда и нарушается идентичность Западной цивилизации. Продолжение этого процесса грозит обострением противостояния в обществе и подрывом потенциала развития.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез [*Auzan A.A.* (2015). Path dependence. The problem of path dependence: evolution of hypotheses] // *Вестник МГУ*. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 3–17.

Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. (2005). *Причина правил. Конституционная политическая экономия* [*Brennan J., Buchanan J.* (2005). The Reason of Rules. Constitutional Political Economy]. — СПб.: Экономическая школа.

Бьюкенен Дж. М. (1997). *Сочинения*. [*Buchanan J.M.* (1997). Collections.]. — М.: «Таурус Альфа».

Грин Д. Дж. (2009). *Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства* [*Green D.J.* (2009). Reinventing Civil Society: The Rediscovery of Welfare Without Politics]. — М.: Новое издательство.

[19] Об истории государства благосостояния во Франции см.: [*Vahabi, Batifoulier, Da Silva*, 2020. Pp. 253–267].

Гринберг Р., Рубинштейн А. (2013). *Индивидуум и Государство: экономическая дилемма* [*Grinberg R., Rubinstein A*. (2013). Individual & State: Economic Dilemma]. — М.: Весь мир.

Капелюшников Р. И. (2013). *Поведенческая экономика и новый патернализм*. [*Kapelyushni-kov R.I.* (2013). Behavioral Economics and the New Paternalism]. Препринт WP3/2013/03. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Лал Д. (2007). *Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты* [*Lal D.* (2007). The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics jn Long-Run Economic Performance]. — М.: ИРИСЭН.

Пленков О.Я. (2004). *Третий Рейх. Социализм Гитлера (Очерки истории и политологии)* [*Plenkov O.Ya.* (2004). The Third Reich. Hitler's Socialism (Essays on History and Political Science]. — СПб: Издательский Дом «Нева».

Рэнд А. (2011). *Капитализм. Незнакомый идеал* [*Rand A.* (2011). Capitalism. Unknown Ideal]. — М.: Альпина Паблишерз.

Талеб Н.Н. (2018). *Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни* [*Taleb N.N.* (2018). Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life]. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

Таллок Г. (2011). *Общественные блага, перераспределение и поиск ренты* [*Tullock G.* (2011). Public Goods, Redistribution and Rent-seeking]. — М.: Изд. Института Гайдара.

Хайек Ф.А. фон. (2006). *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов и политики* [*Hayek F.A. von*. (2006). Law, Liberation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy]. — М.: ИРИСЭН.

Яновский К., Жаворонков С., Черный Д., Затковецкий И. (2018). *Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира* [*Yanovskyi K., Zhavoronkov S., Chernyi D., Zatcovetsky I.* (2018). Strategy for Long-Term Prosperity: In Search of a Melted Landmark]. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Balcerowicz L., Radzikowski M. (2018). The case for targeted criticism of the welfare state // *Cato Journal*. Vol. 38. No. 1. Pp. 1–16.

Barr N. (1998). *The Economics of the Welfare State*. — Stanford, California: Stanford University Press.

Bergh A. (2014). *Sweden and the Revival of the Capitalist Welfare State*. —Cheltenham: Edward Elgar.

Boettke P.J., Leeson P.T. (2015). Introduction // *The Economic Role of the State: The Interna-ional Library of Critical Writings in Economics. — Cheltenham*. UK: Northampton, MA: Edward Elgar. Pp. XI–XXV.

Borck R. (2019). Political participation and the welfare state // *The Oxford Handbook of Public Choice*. Vol. 2. / R.D. Congleton, B. Grofman, S. Voigt (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 544–559. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190469771.013.25.

Caplan B. (2002). Rational irrationality // *The Encyclopedia of Public Choice*. Vol. 2. / C.K. Rowely, F. Schneider (Eds.). — New York: Kluwer Academic Publishers. Pp. 470–472.

Carnes M.E., Mares I. (2009). The welfare state in the global perspective // *The Oxford Handbook of Comparative Politics* / C. Boix, S.C. Stokes (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 869–884. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0035.

Gallaway L.E., Garrett D.C. (2016). The unintended consequences of the war on poverty // *Cato Journal*. Vol. 36. No. 1. Pp. 33–45.

Gokhale J., Partin E. (2013). Europe and the United States: on the fiscal brink? // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 193–210.

Gonzales V. (2023). Welfare state(s) // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Re-search* / F. Maggino (Ed.). Cham: Springer. Pp. 7626–7631. DOI:10.1007/978-3-031-17299-1_3214.

Hacker J.S. (2006). The welfare state // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 385–406. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548460.003.0020.

Hallerberg M. (2013). Challenges for the German welfare state before and after the global finan-cial crisis // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 263–267.

Holcombe R. G. (2005). Government growth in the twenty-first century // *Public Choice*. Vol. 124. Nos. 1/2. Pp. 95–114. DOI: 10.1007/s11127-005-4748-x.

Holcombe R.G. (2020). Progressive Democracy: the ideology of the modern predatory state // *Public Choice*. Vol. 182. Nos. 3–4. Pp. 287–301. DOI: 10.1007/s11127-019-00637-z.

International Migration Outlook 2021 (2021). — OECD Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/ 29f23e9d-en.

Lemieux P. (2013). American and European welfare states: similar causes, similar effects // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 227–232.

Lemieux P. (2024). Designed for another world // *Regulation*. Vol. 47. No. 2. Pp. 34–36.

Lindbeck A. (2008). Welfare state //. *The New Palgrave Dictionary of Economics Online* / S.N. Durlauf, L.E. Blume (Eds). — London: Palgrave Macmillan. Pp. 7087–7094. DOI: 10.1007/978-1-349-58802-2_1823.

Musgrave R., Musgrave P. (1973). *Public Finance in Theory and Practice* (1st ed.). — New York: McGraw Hill.

North D. (1981). *Structure and Change in Economic History*. — New York: W.W. Norton and Company.

Peacock A. T., Wiseman, J. (1961). *The Growth of Government Expenditures in the United King dom*. — Princeton: Princeton University Press.

Pigou A.C. (1920). *The Economics of Welfare*. — London: Macmillan.
Pope C. (2023). War and European Welfare Exceptionalism // *Independent Review*. Vol. 28. No. 3. P. 453–469.
Salmon J. (2021). The impact of public debt on economic growth // *Cato Journal*. Vol. 41. No. 3. Pp. 487–509. DOI: 10.36009/CJ.41.3.2.
Samuelson P. (1954). The pure theory of public expenditure // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 36. No. 4. Pp. 387–389.
Schwartz P. (2013). The welfare state as the underlying cause of Spain debt crisis // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 275–285.
Tanner M. (2013a). Introduction. Europe's crisis and the United States // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 187–191.
Tanner M. (2013b). Is America becoming Greece? // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 211–225.
Titmuss R. M. (1958). *Essays on the Welfare State*. — London: George Allen and Unwin LTD.
Vivekanandan B. (2022). *The Welfare State System and Global Security. A Global Vision for a Common Future*. — Cham: Palgrave Macmillan.
Vahabi M. (2016a). *The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Es-cape*. — New York: Cambridge University Press.
Vahabi M. (2016b). A Positive theory of the predatory state // *Public Choice*. Vol. 168. No. 1. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
Vahabi M. (2020). Introduction: A symposium on the predatory state // *Public Choice*. Vol. 182. Nos. 3–4. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00715-2.
Vahabi M., Batifoulier P., Da Silva (2020). A theory of predatory welfare state and citizen welfare: The French case // *Public Choice*. Vol. 182. Nos. 3–4. Pp. 243–271. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
Wilensky H.L. (2002). The welfare state convergence and divergence // *Rich Democracies Po-litical Economy, Public Policy and Performance* / H. L. Wilensky (Ed). — Berkeley, CA: University of California Press*. Pp. 211–251. DOI: 10.1525/9780520928336.
Zwolynski M., Fleischer M.P. (2023). Universal Basic Income: What Everyone Needs to Know. — Oxford: Oxford University Press.

Заостровцев Андрей Павлович
zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtsev
PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics (St.-Petersburg); senior research fellow, "Leontiev Center" (St. Petersburg)
zao-and@yandex.ru

WELFARE STATE: GENEROSITY OR PREDATORY?

Abstract. The article is devoted to the origin, nature and problems of the welfare state. Its consequences are shown. It generates an imbalance in public finances, inflated social obligations that will be impossible to fulfill in the future. At present, it exists at the expense of the exploitation of future generations, some of whose representatives have not yet been born. The protective state (the "night watchman") is being displaced by the distributing state: growing funding for social programs leaves less and less money for defense and other primary functions of the state. The welfare state attracts migrants from backward countries, who are often focused not on finding a place in the labor market, but on receiving benefits. At the same time, a conflict of cultures arises and worsens, and the national identity of the countries receiving migration flows is in danger. The concept of a predatory state is considered in relation to the welfare state. Its predatory nature manifested itself in its displacement of civil society as the organizer of the social sphere. The modern welfare state, providing universal social services for all citizens of the country, was born as a result of two world wars, from the involvement of the civilian masses in them and the necessity to ensure their existence. This quality of the mobilization economy did not become a thing of the past after World War II - national systems of providing social benefits and social protection were only developing. There was an interweaving of the "ratchet effect", when post-war expenditures do not decrease to the pre-war level, with the "path dependence", when social norms that appeared in wartime do not disappear in peacetime. As a result, there are grounds to consider the welfare state as a product of the creeping socialist revolution of the bureaucracy.

Keywords: *welfare state, discretionary and compulsory spending, migration, predatory state, ratchet effect, path dependence, mass war.*
JEL: D73, I31, I38, J15.

*** University of California, Berkeley (UC Berkeley, «Калифорнийский университет в Беркли») (США) признан нежелательной организацией в России**

В.Л. Тамбовцев
д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

НАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ФЕНОМЕН ОТСТУПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние так называемой народной экономической теории, достаточно широко распространённой среди неспециалистов, на электоральные процессы, происходящие последние годы в ряде демократических стран, часто трактуемые как отступление демократии. Для этого рассматривается понятие народной экономической теории, её содержание, причины и источники возникновения, а также факторы её устойчивости во времени. Показывается, что соответствующие убеждения состоят в понимании экономики как игры с нулевой суммой. На этой основе даётся обзор исследований тех политических последствий, которые генерирует народная экономическая теория. Характеризуется политический процесс, трактуемый как отступление демократии, и показывается, что фактор наличия у населения различных стран народных экономических убеждений является одной из причин возникновения процесса отступления демократии. На этой основе делается вывод о том, что действенные меры по преодолению отступления демократии должны включать также и действия по обеспечению отступления убеждений народной экономической теории.

Ключевые слова: *народная экономическая теория, игра с нулевой суммой, отступление демократии.*
JEL: D70
УДК: 303.01, 330.11, 330.161
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_45_58
© В.Л. Тамбовцев, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Тамбовцев В.Л.* Народная экономическая теория и феномен отступления демократии // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 45–58. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_45_58.
FOR CITATION: *Tambovtsev V.* Folk Economics and Democratic Backsliding Phenomenon // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 45–58. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_45_58.

Введение. Мировоззрение и поведение

Принимая решения, люди исходят из широкого разнообразия учитываемых при этом факторов. Что именно учитывается, зависит, в свою очередь, также от многих разных причин, начиная от понимания важности решения и кончая чертами личности индивида, такими как его когнитивные способности, склонность к риску и т.п. Особое место в этом многообразии факторов занимает мировоззрение индивида. Согласно [*Koltko-Rivera*, 2004. P. 4], мировоззрение — это «способ описания мира и жизни в нём, как в терминах “есть”, так и в терминах “должно быть”. Любое мировоззрение представляет собой множество убеждений, которые включают исчерпывающие (limiting) утверждения и предположения относительно того, что существует, а что нет (в действительности или в принципе), какие объекты или переживания хороши или плохи, какие цели, действия и отношения желательны или нежелательны. Мировоззрение определяет, что можно узнать или сделать в мире, и как это можно узнать или сделать».

Перечисленные характеристики мировоззрения, как легко видеть, включают и общие черты, присущие всем подсистемам окружающего мира, и специфические, свойственные лишь отдельным областям последнего. Очевидно, описание всех возможных составных частей мировоззрений, которые могут сформироваться у людей, — особая задача, требующая специальных исследований как теоретических, так и эмпирических. Исходя из тематики данной статьи, здесь имеет смысл вкратце очертить содержание двух таких частей — политического и экономического мировоззрения[1].

Первым будем называть совокупность убеждений индивида в том, как: а) формируется и должна формироваться система координации действий людей и их групп в том обществе, где он живет, а также в других человеческих сообществах; б) как она действует и должна действовать, включая формы и способы её воздействия на людей, наличие/отсутствие обратных связей и т.п. Иными словами, политическое мировоззрение — это представления индивида о системе власти в обществе, её формировании, действии и допустимых изменениях[2]. Понятно, что каждый «блок» названных убеждений имеет различные возможные значения, что в совокупности обусловливает большое разнообразие политических мировоззрений, допускающее различные объединения в более общие разновидности таких мировоззрений.

Экономическое мировоззрение — это совокупность убеждений индивида в том, что: 1) представляет собой и должна представлять экономика; 2) как она работает и должна работать; 3) что в ней можно делать и чего нельзя; 4) как в ней взаимодействуют и должны взаимодействовать люди; 5) как можно и нужно получать знания о ней, чтобы она приносила больше пользы как самому индивиду, так и другим людям (кому именно, зависит от того, как индивид считает, кого под ними понимать). Как и в случае политического мировоззрения, каждый «блок» экономического допускает множество вариантов, что определяет широкое разнообразие экономических мировоззрений и возможность формирования их несовпадающих типологий.

Люди редко в явном виде и достаточно чётко формулируют свои убеждения очерченных типов, составляющие их мировоззрения. Обычно они существуют латентно, в виде ментальных моделей в нейросетях мозга, проявляя себя наиболее часто в ситуациях, когда намечаемый к выбору вариант решения оказывается в противоречии с ними. Именно в этих случаях мировоззренческие убеждения актуализируются и переходят из долговременной в рабочую память, подталкивая субъекта к тому, чтобы ещё раз подумать, тот ли вариант решения он наметил выбрать. Такое «вмешательство» мировоззрения не означает, что индивид непременно к нему прислушается и примет другое решение. Более того, составные части мировоззрения динамичны и поддаются внешнему воздействию проводимых государством и другими организациями политик [*Ash, Mukand, Rodrik*, 2021]. Тем не менее индивидуальное мировоззрение безусловно влияет на решения людей, а стало быть — и на их поведение.

Следовательно, изучение различных типов поведения без учёта мировоззренческого фактора было бы неполным. Особую важность, как представляется, имеет анализ влияния на тот или иной тип действий «непрофильных» компонентов мировоззрения: скажем, воздействие эстетических воззрений на экономические решения, или представлений об экономике на политическое поведение. Изучение такого рода «перекрёстных» влияний факторов одного качества на действия людей в другой сфере жизни не является чем-то новым: начиная с классической книги М. Вебера о протестантской этике и развитии капитализма, было проведено множество исследований, выявлявших подобные связи между подсистемами

---

[1] Как представляется, их можно также назвать политической и экономической *идеологиями*.

[2] Согласно [*Jost, Nosek, Gosling,* 2008], системы политических убеждений могут быть классифицированы по двум ключевым направлениям: а) содействовать или препятствовать социальным изменениям; б) отвергать или допускать неравенство.

общества. Например, в [*Facchini, Melki*, 2014] показано, что во Франции за период от 1871 г. по наше время увеличение доли правой идеологии среди избирателей связано с ускорением экономического роста; по результатам обработки данных репрезентативных опросов населения Голландии, полученным в [*Kirchmaier, Prüfer, Trautmann*, 2018], верующие менее склонны к неэтическому экономическому поведению типа уклонения от уплаты налогов, чем неверующие, и менее склонны к перераспределению; в [*Chrysanthou, Guillo*, 2024] подтверждена (для Великобритании) гипотеза экономического голосования, т.е. эмпирически показано, что поддержка правящей политической партии положительно связана с субъективным восприятием собственного финансового благополучия; и это лишь небольшая часть такого рода эмпирических исследований. Заметим, однако, что речь в упомянутых современных работах идёт о различных факторах, характеризующих политическую и экономическую сферы жизни, но не о взаимосвязи или взаимовлиянии соответствующих мировоззрений.

Попытке проанализировать связь между экономическим мировоззрением определённого типа и его политическими последствиями и посвящена данная статья. В следующем её разделе мы обсудим основные черты народной экономической теории (folk economics) как разновидности экономического мировоззрения, далее приведём примеры выявленных политических последствий этой теории и, охарактеризовав объект изучения — феномен, получивший название «эрозии демократии», попытаемся связать его с особенностями народной экономической теории, разделяемой значительной частью населения различных стран. Выводы из проведённого анализа завершают статью.

Основные убеждения народных экономических теорий

В литературе существует, как минимум, две широко известных[3] статьи, авторы которых утверждали (и подтверждали эмпирическими данными и логическими выводами), что изучение положений экономической теории подавляет кооперацию между людьми, содействуя тем самым росту числа плохих граждан (bad citizens) [*Frank, Gilovich, Regan*, 1993; *Frank, Gilovich, Regan,* 1996]. В тот же период появился ряд других работ, которые демонстрировали наличие существенных различий в характеристиках экономических процессов и явлений со стороны экономистов и обычных людей, не обладающих знаниями экономической теории [*Frey, Pommerehne*,1993; *Williamson, Wearing*, 1996; *Blendon et al.*, 1997; *Caplan,* 2001].

Отмеченные расхождения объяснялись как тем, что экономисты следовали положениям изучаемой (и развиваемой) ими теории, так и тем, что экономистами предпочитали становиться те, кто изначально был более эгоистичен. Кроме того, была также высказана точка зрения, согласно которой позиции простых людей были не более чем отклонениями (bias) от правильных убеждений экономистов, обусловленными сложностью изучения и понимания экономической теории [*Caplan*, 2002][4].

Альтернативное объяснение отмечаемых расхождений в понимании работы экономики между профессионалами и неспециалистами было сделано П. Рубином. С его точки зрения, демонстрируемое значительным числом людей ви́дение экономики представляет собой проявления особого экономического мировоззрения, которое он назвал народной экономической теорией (folk economics). Её специфическая черта — трактовка основных экономических процессов как *распределительных*, а *не производственных*. Соответственно, цены понимаются людьми как инструменты распределения богатства, а не данные, позво-

[3] Первая цитируется около 2,5 тыс. раз, вторая — почти 500 раз.

[4] Несколько позже это было выражено в форме заголовка статьи «Умственная одарённость (Intelligence) позволяет людям думать, как экономистам» [*Caplan, Miller*, 2010].

ляющие производителям понять, что производить и в каких объёмах. В народной экономической теории (НЭТ) «количество торгуемых благ — как в целом, так и каждого конкретного — фиксировано и независимо от цены. Более того, каждый индивид связан с распределением богатства и дохода (с некоторым, однако не исключительным, вниманием к собственному богатству), но не с какой-то выгодой от экономической деятельности. Мир народной экономической теории — это мир с нулевой суммой, и первейшая экономическая задача любого индивида — максимизировать в этом мире собственное богатство. Одно из торгуемых благ — это работа, так что число работ также видится фиксированным. Следовательно, в народной экономической теории, если какой-то человек получает работу, то кто-то другой должен её потерять» [*Rubin*, 2003 Pp. 157–158].

Концепция существования и действия НЭТ не сразу была принята другими исследователями, изучавшими различия в понимании экономики профессионалами и неспециалистами. Позитивные изменения произошли после того, как П. Буайе и М. Петерсен предложили эволюционно-когнитивную модель формирования НЭТ, связав её основные утверждения, которые разделяют многие люди, с особенностями их жизнеобеспечения в период, предшествовавший эпохе неолита. До того, как в течение последней, люди начали производить продукты питания в отраслях земледелия и скотоводства, преобладающими типами деятельности были, как известно, охота и собирательство, осуществляемые относительно небольшими группами, а также первая производительная отрасль — изготовление каменных орудий, игравших вспомогательную роль в процессах охоты, собирательства и обработки добытых продуктов питания. Понятно, что в условиях присвоения лишь того, что создано природой, добыча объекта одним индивидом лишала возможностей его приобретения другим, так что ситуация «win-win», естественная для *обмена произведёнными* объектами, охотниками-собирателями воспринималась как невероятная. Длительность существования человечества в форме таких групп обеспечила эволюционные преимущества тем, кто обладали такими когнитивными механизмами, как стремление обеспечить принадлежность группе, осуждение и наказание «безбилетников», уклонявшихся от участия в совместной деятельности группы, предпочтение членов группы при выборе партнёров, и т.п. [*Boyer, Petersen*, 2018 Pp. 8–9][5]. Подобные когнитивные механизмы, рудиментарно существующие и у современных людей, как раз и обусловливают распределительное, а не производительное понимание экономики теми, кто их (скорее всего, неосознанно) использует[6].

В рассматриваемой статье П. Буайе и М. Петерсен весьма детально обсудили следующие убеждения, входящие в «типовую» НЭТ: 1) международная торговля — это игра с нулевой суммой, в которой менее развитая страна проигрывает, а более развитая — выигрывает; 2) иммигранты «воруют» рабочие места у местных жителей; 3) иммигранты перенасыщают систему социальной защиты; 4) обязательные программы социальной защиты перегружены иждивенцами (scroungers); 5) рынки отрицательно влияют на общество[7]; 6) мотивация получения прибыли плохо влияет на общее благосостояние общества[8]; 7) стоимость создаётся трудом; 8) регулирование цен позволяет достигать тех цели, ради которых оно осуществляется. Приводимые в статье свидетельства ясно говорят об ошибочности этих убеждений, их несоответствии как экономической теории, так и практике.

---

[5] Другое когнитивное объяснение различий между пониманием экономики специалистами и другими людьми было предложено в [*Leiser, Shemesh*, 2018], где авторы обратили внимание на сложность экономической теории, создающую препятствия деятельности когнитивных механизмов, справляющихся с восприятием и обработкой повседневной жизни. Этот подход развивал точку зрения, высказанную ранее Б. Капланом [*Caplan*, 2002; *Caplan, Miller*, 2010].

[6] Заметим, что усиленное внимание, которое преобладающая экономическая теория в её популярном изложении отдаёт процессам обмена, а не производства, только подкрепляет такое воздействие когнитивных навыков каменного века.

[7] П. Рубин назвал такое убеждение эмпориофобией (emporiophobia), или боязнью рынка [*Rubin*, 2014b].

[8] Более детально это убеждение анализируется в [*Bhattacharjee, Dana, Baron*, 2017].

Разумеется, приведённые убеждения отнюдь не исчерпывают содержания НЭТ. Скажем, одним из проявлений стремления регулировать цены является концепция «справедливой цены», рождённая теологами Средних Веков [*Baldwin*, 1959], однако применявшаяся в истории экономики США [*De Roover*, 1958; *Boyd*, 2018], а также всерьёз обсуждаемая в наши дни в социологии организаций [*Reinecke, Ansari*, 2015] и разделяемая обычными людьми применительно к рынку труда [*Haferkamp, Fetchenhauer, Belschak, Enste*, 2009].

Интересное наблюдение относительно особенностей экономического мышления людей, разделяющих убеждения НЭТ, было сделано в [*Leiser, Aroch*, 2009]. Исследуя, как неспециалисты представляют причинно-следственные связи макроэкономических понятий, авторы попросили их ответить на вопросы о том, как поведёт себя некоторая переменная, если другая увеличится. Такие пары были построены для 19 ключевых макроэкономических переменных. Анализируя полученные ответы, исследователи установили, что, не обладая научными знаниями о макроэкономических закономерностях, респонденты сформировали нетривиальную эвристику, в соответствии с которой рост одних «хороших» переменных должен приводить к росту других «хороших», но сокращению «плохих» переменных, и, наоборот, рост одних «плохих» вызывал рост других, но снижение «хороших». К «хорошим» респонденты отнесли такие показатели, рост которых воспринимался ими как благо, например, национальный кредитный рейтинг или корпоративная прибыль, а к «плохим» — те, для которых благом было их снижение, например, инфляция или уровень налогообложения. Эта эвристика, названная в работе «благо рождает благо» (good-begets-good), позволяет респондентам, как легко видеть, демонстрировать определённую компетентность в ответах на вопросы, несмотря на отсутствие теоретических знаний. Значимая роль данной эвристики в рассуждениях неспециалистов о макроэкономике подтверждается анализом, проведённым в [*Dixon, Griffiths, Lim*, 2014].

Выявленная эвристика, как представляется, демонстрирует такую особенность НЭТ, как отсутствие системности ви́дения экономики и системного мышления в рассуждениях о ней. Ведь системное ви́дение и мышление предполагают, что индивид представляет себе объект как совокупность нескольких (по крайней мере, больше двух) факторов, между которыми существуют связи (быть может, противоположно направленные), определяющие результат взаимодействия факторов. Свойства упомянутых факторов также могут быть многообразны. Легко видеть, что эвристика «благо рождает благо» далека от системности: ведь на результат влияния одного «блага» на другое в конкретных условиях вполне может влиять некоторое третье «зло», а в других условиях — не влиять, так что на деле удобная эвристика может легко «не сработать». Иначе говоря, *общего* ответа на то, что будет с благом Б, если благо А увеличилось, скорее всего просто нет, поскольку есть ещё факторы В, Г и вероятно Д, от которых Б тоже зависит.

Как было отмечено в [*Bhattacharjee, Dana*, 2018], не все убеждения НЭТ основаны на когнитивных механизмах, эволюционно «отобранных» экономикой каменного века, некоторые имеют куда более позднее происхождение. Обратим в этой связи внимание на имеющиеся у индивидов убеждения в том, что такие подсистемы экономики, как *рынки* и *институциональная среда,* действуют автоматически, без усилий со стороны людей. Такое отношение к рынкам во многом следует из представлений об экономике как о своенравном (willful) существе, совершающем целенаправленные действия [*Forstmann, Burgmer*, 2018]. В нашей стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. такие убеждения демонстрировали не только простые граждане, но и многие политики и журналисты, утверждавшие, что рынок всех рассудит, он наведёт порядок, решив, что хорошо, а что плохо, и т.п. Интересно, что экономическая теория также фактически поддерживает подобные суждения, широко употребляя метафору «невидимой руки» рынка, распространяя гипотезу эффективности рынка, выдвинутую в [*Fama*, 1970]. И это несмотря на то, что в [*Greenwald, Stiglitz*, 1986] было показано: в реальности, т.е. при отсутствии полной системы рынков риска и в условиях несовершенной информации, система рынков *неэффективна*.

Что касается представлений об автоматичности институтов, то они, весьма вероятно, являются результатом вольного понимания неспециалистами утверждений, достаточно широко распространённых в некоторых областях социальных наук. Так, философы юридической науки давно обсуждают понятие *нормативности права* [*Bix*, 2018; *Haaga*, 2020], которое, при его расплывчатости [*Green,* 2004], можно трактовать и так, что принятый законодателем закон будет исполняться без каких-либо усилий со стороны государства в силу своей нормативности.

Свой вклад в «автоматизацию» институтов вносят и сторонники старого экономического институционализма. В своей известной статье, посвящённой определению понятия института, Дж. Ходжсон утверждает: «…мы можем определить институты как системы установленных и преобладающих социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» [*Hodgson,* 2006. P. 2]. Легко видеть, что это структурирование не предполагает согласно определению чьих-то (и каких-то) усилий, оно происходит как бы само собой в силу установления и преобладания некоторых социальных правил. По мнению, высказанному в [*Dequech*, 2006. P. 473], институты считаются самоподдерживающимися (self-enforcement), если их паттерны исполняются индивидами не из опасения быть подвергнутыми внешним санкциям. Такие институты действительно существуют; подавляющее большинство из них являются неформальными, т.е. их гарантами выступают все те их адресаты, которые считают, что входящие в эти институты правила следует выполнять, потому что они правильные, приносящие пользу как им самим, так и другим людям. В силу такой убеждённости эти адресаты готовы наказывать тех, кто с ними не согласен. Однако это готовы делать лишь некоторые из них, поскольку другие могут вполне обоснованно опасаться «силового» ответа со стороны нарушителя. Тем самым, теоретики-институционалисты будут продолжать считать такой институт «самоподдерживающимся», хотя в действительности он перестанет быть таковым.

Изучение НЭТ, включая выявление составляющих её убеждений, в том числе и их различия для тех или иных социальных групп, а также развитие теоретических оснований, отнюдь не завершено. Так, недавно исследователи предложили более широкую психологическую трактовку такого её компонента, как убеждённость в нулевой сумме обменов [*Davidai, Tepper*, 2023]. В [*Sznycer et al.*, 2017] эмпирически показано, что источниками убеждений в необходимости перераспределения доходов может выступать социальное сравнение, зависть и эгоистический интерес, а вовсе не стремление к равенству и справедливости, как принято считать [*McCaffery, Baron*, 2005].

В заключение раздела заметим, что несмотря на то, что концепту НЭТ уже больше 20 лет, некоторые исследователи продолжают обсуждать, правильно ли люди трактуют экономику [*Facchini*, 2017; *Killick*, 2017]. Кроме того, эволюционно-когнитивная модель происхождения НЭТ является объектом разносторонней критики [*Bendixen,* 2019; *Pies*, 2023; *Jaramillo, Lombo*, 2024]. Тем самым НЭТ представляет собой объект далеко не завершённых исследований. Вместе с тем это понятие уже широко применяется для эмпирического изучения влияния его элементов на политические сферы ряда стран.

Выявленные политические последствия НЭТ

Поскольку профессиональные экономисты редко становятся профессиональными политиками, а последние не часто способны *научно* сопоставить рекомендации в области экономики, которые им дают эксперты, опирающиеся на несовпадающие теоретические основания, те интуитивные представления об экономике, которыми располагают политики, с большой вероятностью могут оказаться вариантами убеждений, составляющих НЭТ.

Наибольшее внимание в изучении последствий этого было уделено воздействию на политические решения убеждений в том, что обмены суть игры с нулевой суммой. Это не удивительно, поскольку, с точки зрения П. Рубина, «политическое мышление стремится быть делением ограниченного пирога, в то время как в экономической теории допускается положительная сумма взаимодействий» [*Rubin*, 2014a. P. 912]. Иными словами, для Рубина убеждённость в нулевой сумме в экономическом мировоззрении не просто влияет на политическое мышление, но является неотъемлемой частью последнего. Обсуждение параметров политического мышления и их сопоставление с другими способами мышления выходит далеко за рамки данной статьи, так что обратимся к конкретным эмпирическим оценкам воздействия НЭТ на политические процессы.

Прежде всего отметим, что мета-анализ почти пяти десятков эмпирических исследований позволил в [*Perry, Sibley, Duckitt,* 2013] установить положительную связь между убеждениями в конкурентности окружающего мира (как следствия того, что отношения в нём являются играми с нулевой суммой) и правым авторитаризмом[9]. Схожие результаты были получены в [*Perkins, Toskos Dils, Flusberg,* 2020], где было выявлено, что среди американских респондентов более высокий уровень консерватизма демонстрируют те, кто разделяет взгляд на мир как на игру с нулевой суммой, в то время как убеждённые в противоположном имеют скорее либеральную ориентацию.

Такой взгляд на мир, согласно [*Davidai, Ongis*, 2019], обостряет политические конфликты, хотя у консерваторов это происходит в тех случаях, когда они ведут к изменению *status quo*, а у либералов — даже в случае его сохранения. Этот взгляд, кроме того, подталкивает его обладателей избегать политических дискуссий со своими идеологическими оппонентами, о чём свидетельствуют эмпирические данные, полученные в США и Израиле [*Boland & Davidai*, 2024]. Широкая распространённость такого убеждения подтверждается большим числом эмпирических исследований [*Johnson, Zhang, Keil*, 2022]. В статье [*Różycka-Tran, Jurek, Olech, Piotrowski, Żemojtel-Piotrowska*, 2019] авторы обращают внимание на то, что «нулевая» трактовка социальных взаимодействий означает их понимание как борьбы за обладание ограниченными ресурсами, что не может не вызвать роста военных расходов и ограничения гражданских свобод. Обработка данных, полученных от 5520 респондентов в тридцати странах, подтвердила приведённый логический вывод. «Нулевое» ви́дение мира влияет также на нежелание принимать беженцев [*Piotrowski, Różycka-Tran, Baran, Żemojtel-Piotrowska,* 2019].

Согласно [*Carvalho, Bergeron, Henrich, Nunn, Weigel*, 2023], убеждённость в нулевой сумме жизненной «игры» обусловливает скептическое отношение к значимости серьёзных усилий для достижения успеха, а оно, в свою очередь, как показывают экспериментальные и эмпирические исследования, способствуют принятию консервативной политической идеологии [*Eidelman, Crandall, Goodman, Blanchar*, 2012].

В исследовании [*Diessner,* 2023] рассматривается воздействие на политику такого элемента НЭТ, как проведение аналогий между государством и домашним хозяйством, а также между Центральным банком и обычным коммерческим банком. В обоих случаях опора на такие аналогии приводит к принятию некорректных решений. Масштабный анализ использования Д. Трампом в его избирательной компании 2016 г. различных убеждений НЭТ представлен в [*Swedberg*, 2018].

Общим местом в рассуждениях ряда политиков и публицистов в развивающихся и реформирующихся странах стало озвучивание убеждённости в том, что основное условие успеха — это существование таких социальных феноменов, как институты. С их точки

[9] Более позднее исследование установило, что сильное влияние на консервативную ориентацию оказывает убеждённость в опасности окружающего мира [*Clifton, Kerry*, 2023], что, как легко видеть, также следует из уверенности в преобладании в нём игр с нулевой суммой.

зрения, если те или иные институты созданы, то далее они действуют автоматически, ни от кого не завися и не требуя дополнительных усилий от их создателей, включая их независимость от изменений ситуации и изменений в убеждениях и предпочтениях гарантов этих институтов, тех наёмных работников, которым поручено наблюдать за исполнением адресатами установленных правил и привлекать к наказанию тех, что замечен в их нарушении.

Мы видим, что за последние несколько лет применение концепта НЭТ для объяснения ряда феноменов, их свойств и зависимостей между ними в сфере политики получило достаточно широкое распространение. Однако разнообразие этой сферы и её высокая динамичность предоставляют самые широкие возможности для дальнейшего его использования.

Феномен отступления демократии и роль НЭТ

Согласно [*Grillo, Luo, Nalepa, Prato*, 2024. Pp. 382-383], «исследователи часто используют термин отступление демократии (democratic backsliding) как взаимозаменяемый с популизмом, автократизацией и эрозией демократии, хотя эти термины охватывают разные понятия… отступление демократии означает процесс снятия (removing) ограничений с подотчётности демократически избранных лидеров исполнительной власти … Отступление демократии ослабляет институты и правила, которые определяют, кто может голосовать, кто может баллотироваться на государственную должность (run for office), кто может заставить исполнительную власть предоставить информацию и кто может блокировать односторонние действия исполнительной власти. Мы можем классифицировать эти ослабления в соответствии с тем, что они: а) препятствуют исполнительной власти манипулировать выборами или б) ограничивают дискреционные действия исполнительной власти в различных областях политики».

Такого рода изменения фиксировались в литературе достаточно давно [*Pollack, Pollack*, 1993], а рост их масштабов в последнее десятилетие отмечается, например, в странах Европейского Союза — как в недавно принятых [*Ágh*, 2016; *Cianetti, Dawson, Hanley*, 2018], так и в других [*Kelemen*, 2017; *Gora, de Wilde*, 2022]. Различные проявления эрозии демократии исследователи видят также в странах Юго-Восточной Азии [*Shin*, 2021].

Поскольку речь идёт о действиях *демократически избранных* лидеров исполнительной власти, это означает, что избиратели, ранее отдававшие свои голоса политикам, осуществлявшим действия, соответствующие социальным нормам демократии[10], начали во всевозрастающем числе голосовать за тех, кто разделяет и реализует иные политические идеологии. Другими словами, за эрозией демократии стоит *смена* политической идеологии значительной частью населения, т.е. *выбор* ею тех идеологий, которые ранее не выбирались. На сегодня существует, как известно, несколько концепций, претендующих на то, чтобы определить (или выявить) те механизмы, которые обеспечивают идеологическую принадлежность индивидов.

Так, в [*Smith et al*., 2011; *Funk et al*., 2013; *Hatemi et al*., 2014] приводятся разнообразные эмпирические данные, свидетельствующие о связи между генетикой индивидов и их политическими установками. Исследования, представленные в [*Caprara et al.*, 2006; *Inbar, Pizarro, Bloom*, 2009; *Terrizzi, Shook, McDaniel,* 2013; *Zeigler-Hill et al*., 2020], свидетельствуют о связях между личностными характеристиками и политическими убеждениями граждан, включая фактор моральных убеждений [*Graham, Haidt, Nosek*, 2009]. Результаты таких работ, как [*Helzer, Pizarro*, 2011; *Dodd et al*., 2012; *Smith, Warren*, 2020], говорят о воздействии

[10] О нормах демократии см. [*Goldstein,* 2022; *Bischof, Allinger, Le Corre, Frederiksen*, 2023; *Dinas, Martínez, Valentim*, 2024].

на политические воззрения физиологических свойств людей, в то время как в [*Kandler, Bleidorn, Riemann*, 2012], наряду с упомянутыми выше, подчёркивается значимость фактора передачи культурных ценностей. Обобщающие исследования различных источников политических идеологий представлены в [*Feldman, Johnston*, 2014; *Grünhage, Reuter*, 2021]. Наличие таких источников идеологической приверженности делает вполне понятным эмпирический вывод о *стабильности* политических установок в течение жизненного цикла индивидов [*Prior*, 2010].

Как такая устойчивость может сочетаться с упомянутым выше феноменом отступления демократии? Представляется, ответ на этот вопрос даёт модель выбора кандидата при голосовании, в которой избиратель сопоставляет с обещаниями кандидатов как свои *политические убеждения*, так и *неполитические потребности* [*Gries, Müller, Jost,* 2022]. Какая из этих групп факторов окажется решающей при выборе, a priori определить невозможно. Не следует также забывать, что некоторая часть потенциальных избирателей может быть политически пассивной, т.е. не иметь интереса к получению и осмыслению политической информации [*Amnå, Ekman*, 2014], так что в процессах её выбора значимым окажется лишь фактор неполитических потребностей. Очевидно, доля таких избирателей может ощутимо варьировать в разных странах.

Таким образом, проведённые на сегодняшний день исследования в целом показывают наличие значительного числа факторов, обеспечивающих устойчивость политико-идеологических установок в течение жизни индивидов. Это означает, что *смена идеологий* как причина или источник изменения выбора избирателей, приводящий к отступлению демократии, является маловероятной в силу её противоречия приведённым результатам. Либо «отступники» изначально имели авторитарные идеологические установки, не демонстрируя их публично лишь в силу тех или иных внешних обстоятельств (такое вполне могло иметь место среди жителей бывших социалистических стран[11]), либо за их недавними действиями скрываются иные причины[12]. Как представляется, на роль таких причин могут претендовать некоторые убеждения, составляющие часть НЭТ.

Анализ приведённой выше литературы, отражающей исследование отступления демократии, позволяет выделить следующие убеждения НЭТ, присущие избирателям и оказывающиеся в основании этого феномена: 1) международная торговля — это игра с нулевой суммой, в которой менее развитая страна проигрывает, а более развитая — выигрывает; 2) иммигранты «воруют» рабочие места у местных жителей; 3) иммигранты перенасыщают систему социальной защиты; 4) обязательные программы социальной защиты перегружены иждивенцами (scroungers), что негативно сказывается на благополучии «старожилов»; 5) демократические институты действуют самостоятельно, и их деятельность не зависит от того, за каких кандидатов голосуют избиратели.

Та же литература показывает, что первые четыре убеждения не только свойственны части избирателей, но и активно утверждаются кандидатами на занятие властных позиций как компоненты их партийных и избирательных программ, обосновывающие те обещания, которые, с точки зрения избирателей, принесут удовлетворение их потребностей. Такое совпадение, конечно, далеко не случайно, поскольку кандидаты, чьё выдвижение и последующие успехи порождают угрозу отступления демократии, основываются на политической идеологии, получившей название популизма. В сравнении с другими политическими идеологиями, такими как консерватизм/либерализм, популизм не содержит исходных нормативных (целевых) представлений о том, каким должно стать общество, цель канди-

---

[11] В Европейском Союзе о кризисе демократии стали говорить применительно именно к этим странам [*Ágh,* 2016; *Cianetti, Dawson, Hanley,* 2018].

[12] Разумеется, люди могут поступать иначе, чем им «предписывают» их убеждения, установки и ценности, что было давно установлено экспериментально [*Libet*, 1985].

датов-популистов — войти во властные структуры, заявляя, что они будут реализовывать то, что хотят избиратели, и ожидая поддержки со стороны последних, которую в конечном счёте они и получают.

Что не так в этом вполне демократическом (на первый взгляд) процессе? Если избиратели, которые в массе своей вряд ли являются экономистами-профессионалами, вполне могут не знать, какие последствия для их благосостояния могут повлечь обещаемые действия кандидатов-популистов, то последние *могут* найти экспертов, которые докажут им, что последствия обещаемых действий вредоносны для экономики страны. Однако в данном случае «могут сделать» не означает, что «делают», а если и делают, то не обязательно несут ответственность за негативные последствия. Ведь оказавшись во властных структурах, популисты вполне могут изменить те юридические нормы, которые обеспечили их попадание туда. Избиратели не учитывают возможность таких последствий своего голосования, поскольку у них существует и последнее из приведённых убеждений НЭТ — уверенность, что институты действуют сами по себе, в силу чего институциональная среда, создающая образ жизни избирателей, при любом их голосовании не изменится.

При этом важно отметить, что демократы-инкумбенты, в силу своего образования и общения с коллегами, могут не разделять совокупность убеждений НЭТ, в силу чего, возможно, просто не понимают, как избиратели могут иметь столь ошибочные убеждения. По этой причине вряд ли можно ожидать активной разъяснительной работы инкумбентов с избирателями, посвящённой не изложению своих взглядов и позиций, а разъяснению того, что следует из положений экономической теории. Отсутствие подобной разъяснительной работы означает, что приведённые убеждения НЭТ остаются у тех, кто их имел, продолжая влиять на голосование.

Нельзя не отметить и ещё один момент. Современная демократия построена на идее делегирования прав на распоряжение бюджетом организации (государства), что предполагает разделение труда и специализацию, важность которых подчёркивал ещё А. Смит. Работа такой системы для фирм, производящих торгуемые блага, оценивается на рынке через взаимодействие продавцов и покупателей, ясно показывающее качество работы тех, кому делегированы права управления взаимодействием работников. Но межгосударственные отношения не являются рыночными, а государство как организация не производит торгуемую продукцию. Это означает, что внешняя *рыночная* оценка качества руководителей государства невозможна и на практике она отсутствует. Эту оценку качества осуществляют избиратели, поддерживая инкумбентов, либо отдавая предпочтения другим кандидатам и/или политическим партиям. Однако выборы национального масштаба происходят через достаточно длительные промежутки времени, хотя последствия действий руководителей государственных агентств и ведомств могут принести нежелательные для избирателей плоды за гораздо более короткие промежутки.

Всё это ясно говорит о необходимости *текущего контроля* граждан за действиями тех, кому они делегировали свои права, выбрав их на те или иные должности в государстве. Контроля, который в настоящее время отсутствует [*Lanza, Patti, Navarra*, 2020]. Ведь оценка с частотой один раз в несколько лет даёт возможность избранным на властные должности нанести значительный вред всей совокупности избирателей.

Свобода слова и политическая конкуренция создают возможности *текущей критики*, однако не предоставляют инструментов контроля и воздействия в период между выборами. Это означает, что инкумбенты государства могут не реагировать на критику, если требуемые изменения не соответствуют избранным ими политикам, программам и иным принятым решениям. Этому особенно препятствует типичная для политиков в демократических системах практика стремления «не потерять лица» в виде признания совершённых ошибок [*Weaver*, 1986], хотя бы в неявной форме изменения ранее принятых решений. Следовательно, для критиков остаётся единственная легальная возможность

изменить сложившуюся и не устраивающую их ситуацию — голосовать *против* инкумбентов, даже если в принципе они разделяют высказываемые ими идеологические положения.

Таким образом, мы видим, что наличие перечисленных выше убеждений, соответствующих НЭТ, у большого числа граждан разных стран при проведении в них инкумбентами политик, вступающих в противоречия с такими убеждениями, в состоянии создать ситуации, трактуемые многими исследователями и политиками как отступление демократии. Я не хочу сказать, что наличие НЭТ — *единственная* причина возникновения таких ситуаций, однако пренебрегать ею при выработке мер противодействия существующим тенденциям электорального процесса значит затруднять восстановление главенства демократических принципов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Ágh A. (2016). The Decline of Democracy in East-Central Europe: Hungary as the Worst-Case Scenario // *Post-Communism*. Vol. 63. Is. 5–6. Pp. 277–287.

Amnå E., Ekman J. (2014). Standby citizens: Diverse faces of political passivity // *European Political Science Review*. Vol. 6. Is 2. Pp. 261–281.

Ash E., Mukand S., Rodrik D. (2021). *Economic Interests, Worldviews, and Identities: Theory and Evidence on Ideational Politics* / NBER Working Paper 29474.

Baldwin J.W. (1959). The Medieval Theories of the Just Price: Romanists, Canonists, and Theologians in the Twelfth and Thirteenth Centuries // *Transactions of the American Philosophical Society, New Series*. Vol. 49. No. 4. Pp. 1–92.

Bendixen T. (2019). Sense or non-sense? A critical discussion of a recent evolutionary–cognitive approach to «folk-economic beliefs» // *Evolution, Mind and Behaviour*. Vol. 17. Is. 1. Pp. 29–47.

Bhattacharjee A., Dana J. (2018). Not all folk-economic beliefs are best understood through our ancestral past // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 41. e163.

Bhattacharjee A., Dana J., Baron J. (2017). Anti-Profit Beliefs: How People Neglect the Societal Benefits of Profit // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 113. No. 5. Pp. 671–696.

Bischof D., Allinger T.L., Le Corre J.M., Frederiksen K.V.S. (2023). *(Mis-)Perceiving Support for Democracy: The Role of Social Norms for Democracies* / Working Papers, Department of Political Science, Aarhus University (DK)

Bix B. (2018). Kelsen, Hart, and Legal Normativity // *Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law (Revija Za Ustavno Teorijo in Filozofijo Prava)*. Vol. 34. Pp. 25–42.

Blendon R., Benson J., Brodie M., Morin R., Altman D., Gitterman D., Brossard M., James M. (1997). Bridging the Gap Between the Public's and Economists' View of the Economy // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 11. No. 3. Pp. 105–118.

Boland F.K., Davidai S. (2024). Zero-sum beliefs and the avoidance of political conversations // *Communications Psychology*. Vol 2. Article 43. DOI: 10.1038/s44271-024-00095-4.

Boyd W. (2018). Just Price, Public Utility, and the Long History of Economic Regulation in America // *Yale Journal on Regulation**. Vol. 35. Pp. 721–777.

Boyer P., Petersen M.B. (2018). Folk-economic beliefs: An evolutionary cognitive model // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 41. Article e158.

Caplan B. (2001). What makes people think like economists? Evidence on economic cognition from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Journal of Law and Economics*. Vol. 44. No. 2. Pp. 395–426.

Caplan B. (2002). Systematically Biased Beliefs about Economics: Robust Evidence of Judgemental Anomalies from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Economic Journal*. Vol. 112. No. 479. Pp. 433–458.

Caplan B., Miller S.C. (2010). Intelligence makes people think like economists: Evidence from the General Social Survey // *Intelligence*. Vol 38. Is. 6. Pp. 636–647.

Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. (2006). Personality and politics: Values, traits, and political choice // *Political Psychology*. Vol. 27. Is. 1. Pp. 1–28.

Carvalho J.-P., Bergeron A., Henrich J., Nunn N., Weigel J. (2023). *Zero-sum thinking, the evolution of effort suppressing beliefs, and economic development.* NBER Working Paper 31663. DOI: 10.3386/w31663.

Chrysanthou G.M., Guillo M.D. (2024). Identifying the economic determinants of individual voting behaviour in UK general elections // *Oxford Economic Papers*. Vol. 76. Is. 1. Pp. 267–289. DOI: 10.1093/oep/gpad003.

Cianetti L., Dawson J. & Hanley S. (2018). Rethinking "democratic backsliding" in Central and Eastern Europe — looking beyond Hungary and Poland // *East European Politics*. Vol. 34. Is. 3. Pp. 243–256.

Clifton J.D. W., Kerry N. (2023). Belief in a dangerous world does not explain substantial variance in political attitudes, but other world beliefs do // *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 14. Is. 5. Pp. 515–525. DOI: 10.1177/19485506221119324.

*** Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.**

Davidai S. & Tepper S. J. (2023). The psychology of zero-sum beliefs // *Nature Reviews Psychology*. Vol. 2. Pp. 472–482. DOI:10.1038/s44159-023-00194-9.

Davidai S., Ongis M. (2019). The politics of zero-sum thinking: The relationship between political ideology and the belief that life is a zero-sum game // *Science Advances*. Vol. 5. Is. 12. Article eaay3761.

De Roover R. (1958). The Concept of the Just Price: Theory and Economic Policy // *Journal of Economic History*. Vol. 18. No. 4. Pp. 418–434.

Dequech D. (2006). Institutions and Norms in Institutional Economics and Sociology // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 2. Pp. 473–481.

Diessner S. (2023). The power of folk ideas in economic policy and the central bank–commercial bank analogy // *New Political Economy*. Vol. 28. No. 2. Pp. 315–328. DOI: 10.1080/13563467.2022.2109610.

Dinas E., Martínez S. and Valentim V. (2024). Social Norm Change, Political Symbols, and Expression of Stigmatized Preferences // *Journal of Politics*. Vol. 86. No. 2. Pp. 488–506. DOI: 10.2139ssrn.3516931.

Dixon R., Griffiths W., Lim G. C. (2014). Lay people's models of the economy: A study based on surveys of consumer sentiments // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 44. Pp. 13–20.

Dodd M. D., Balzer A., Jacobs C. M., Gruszczynski M. W., Smith K. B. and Hibbing J. R. (2012). The political left rolls with the good and the political right confronts the bad: connecting physiology and cognition to preferences // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 367. Is. 1589. Pp. 640–649.

Eidelman S., Crandall C.S., Goodman J.A. and Blanchar J.C. (2012). Low-Effort Thought Promotes Political Conservatism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 38. Is. 6. Pp. 808–820.

Facchini F. (2017). Public choice failure and voter incompetence in France // *Political Quarterly*. Vol. 88. Is. 2. Pp. 258–264.

Facchini F., Melki M. (2014). Political Ideology and Economic Growth: Evidence from the French Democracy // *Economic Inquiry*. Vol. 52. Is. 4. Pp. 1408–1426.

Fama E. F. (1970). Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work // *Journal of Finance*. Vol. 25. No. 2. Pp. 383–417.

Feldman S. & Johnston C. (2014). Understanding the determinants of political ideology: Implications of structural complexity // *Political Psychology*. Vol. 35. Is. 3. Pp. 337–358.

Forstmann M. and Burgmer P. (2018). The mind of the market: Lay beliefs about the economy as a willful, goal-oriented agent // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 41. Article e169.

Frank R.H., Gilovich T. and Regan D.T. (1993). Does Studying Economics Inhibit Cooperation? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 2. Pp. 159–171.

Frank R.H., Gilovich T.D., Regan D.T. (1996). Do Economists Make Bad Citizens? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 10. No. 1. Pp. 187–192.

Frey B.S., Pommerehne W.W. (1993). On the fairness of pricing — An empirical survey among the general population // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 20. Is. 3. Pp. 295–307.

Funk C.L., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., Eaton N.R., Krueger R.F., Eaves L.J., Hibbing J.R. (2013). Genetic and environmental transmission of political orientations // *Political Psychology*. Vol. 34. Is. 6. Pp. 805–819.

Goldstein D.A.N. (2022). *The Social Foundations of Democratic Norms* (October 26, 2022). Available at SSRN: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4314977 (access date: 24.09,2024).

Gora A., de Wilde P. (2022). The essence of democratic backsliding in the European Union: deliberation and rule of law // *Journal of European Public Policy.* Vol. 29. Is. 3. Pp. 342–362. DOI: 10.1080/13501763.2020.1855465.

Graham J., Haidt J., Nosek B.A. (2009). Liberals and Conservatives Rely on Different Sets of Moral Foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96. No. 5. Pp. 1029 –1046.

Green L. (2004). The Normativity of Law: What is the Problem? // *Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Philosophy* / S. Shapiro, J. Coleman (Eds.). — Oxford: Oxford University Press.

Greenwald B.C., Stiglitz J.E. (1986). Externalities in economies with imperfect information and incomplete markets // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 101. No. 2. Pp. 229–264.

Gries T., Müller V., Jost J.T. (2022). The Market for Belief Systems: A Formal Model of Ideological Choice // *Psychological Inquiry*. Vol. 33. Is. 2. Pp. 65–83.

Grillo E., Luo Z., Nalepa M., Prato C. (2024). Theories of Democratic Backsliding // *Annual Review of Political Science*. Vol. 27. Pp. 381–400.

Grünhage T., Reuter M. (2021). Tell Me Who You Vote for, and I'll Tell You Who You Are? The Associations of Political Orientation with Personality and Prosocial Behavior and the Plausibility of Evolutionary Approaches // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Article 656725.

Haaga P.T. (2020). Law as a normative system in the philosophy of Joseph Raz // *Amamihe: Journal of Applied Philosophy*. Vol. 18. No. 6. Pp. 157–173. DOI: 10.13140/RG2.2.19602.39043.

Haferkamp A., Fetchenhauer D., Belschak F., Enste D. (2009). Efficiency versus fairness: The evaluation of labor market policies by economists and laypeople // *Journal of Economic Psychology.* Vol. 30. Is. 4. Pp. 527–539.

Hatemi P.K., Medland S.E., Klemmensen R., Oskarsson S., Littvay L., Dawes C.T., Verhulst B., McDermott R., Nørgaard A.S., Klofstad C.A., Christensen K., Johannesson M., Magnusson P.K., Eaves L.J., Martin N.G. (2014). Genetic Influences on Political Ideologies: Twin Analyses of 19 Measures of Political Ideologies from Five Democracies and Genome-Wide Findings from Three Populations // *Behavior Genetics*. Vol. 44. Is. 3. Pp. 282–294.

Helzer E.G., Pizarro D.A. (2011). Dirty liberals! Reminders of physical cleanliness influence moral and political attitudes // *Psychological Science*. Vol. 22. Is. 4. Pp. 517–522.

Hodgson G.M. (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 1. Pp. 1–25.

Inbar Y., Pizarro D.A., Bloom P. (2009). Conservatives are more easily disgusted than liberals // *Cognition and Emotion*. Vol. 23. Is. 4. Pp. 714–725.

Jaramillo B., Lombo J.A. (2024). Reflective Minds: A Bibliographic Review of Ancestral Practices in the Worldview of Amerindian Peoples toward the Healing of the Spirit // *Ánfora.* Vol. 31. Is. 56. Pp. 319–347.

Johnson S.G.B., Zhang J., Keil F.C. (2022). Win–win denial: The psychological underpinnings of zero-sum thinking // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 151. Is. 2. Pp. 455–474. DOI: 10.1037/xge0001083.

Jost J.T., Nosek B.A., Gosling S.D. (2008). Ideology: Its resurgence in social, personality, and political psychology // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 3. No. 2. Pp. 126–136.

Kandler C., Bleidorn W., Riemann R. (2012). Left or right? Sources of political orientation: the roles of genetic factors, cultural transmission, assortative mating, and personality // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 102. Is.3. Pp. 633–645.

Kelemen R.D. (2017). Europe's Other Democratic Deficit: National Authoritarianism in Europe's Democratic Union // *Government and Opposition*. Vol. 52. No. 2. Pp. 211–238.

Killick A. (2017). Do People Really Lack Knowledge About the Economy: A Reply to Facchini // *Political Quarterly*. Vol. 88. Is. 2. Pp. 265–272.

Kirchmaier I., Prüfer J., Trautmann S.T. (2018). Religion, moral attitudes and economic behavior // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 148. Pp. 282–300.

Koltko-Rivera M.E. (2004). The Psychology of Worldviews // *Review of General Psychology*. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–58.

Lanza G., Patti D.M.A., Navarra P. (2020). Can Citizens Affect the Performance of Their Elected Representatives? A Principal–Agent Model of Strategic Interaction in Democratic Systems // *Mathematics.* Vol. 8. No. 7. Article 1194. DOI: 10.3390/math8071194.

Leiser D., Aroch R. (2009). Lay understanding of macroeconomic causation: The good-begets-good heuristic // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 58. Is. 3. Pp. 370–384.

Leiser D., Shemesh Y. (2018). *How We Misunderstand Economics and Why It Matters: The Psychology of Bias, Distortion and Conspiracy.* — London: Routledge.

Libet B. (1985). Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 8. No. 4. Pp. 529–539.

McCaffery E.J., Baron J. (2005). The Political Psychology of Redistribution // *UCLA Law Review*. Vol. 52. Is. 6. Pp. 1745–1792.

Perkins K.M., Toskos Dils A., Flusberg S.J. (2020). The perceived threat of demographic shifts depends on how you think the economy works // *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 25. Is. 1. Pp. 227–246. DOI: 10.1177/1368430220951621

Perry R., Sibley C.G., Duckitt J. (2013). Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism // *Journal of Research in Personality*. Vol. 47. Is. 1. Pp. 116–127.

Pies I. (2023). *Folk economics and folk ethics as problems of moral reasoning: Ordonomic inspirations for business ethics*. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Diskussionspapier No. 13.

Piotrowski J., Różycka-Tran J., Baran T., Żemojtel-Piotrowska M. (2019). Zero-sum thinking as mediator of the relationship of national attitudes with (un)willingness to host refugees in own country // *International Journal of Psychology*. Vol. 54. Is. 6. Pp. 722–730.

Pollack B., Pollack M. (1993). Overview: the vulnerability of democracy // *Parliamentary Affairs*. Vol. 46. Is. 4. Pp. 447–457.

Prior M. (2010). You've either got it or you don't? The stability of political interest over the life cycle // *Journal of Politics*. Vol. 72. Is. 3. Pp. 747–766.

Reinecke J., Ansari S. (2015). What Is a «Fair» Price? Ethics as Sensemaking // *Organization Science*. Vol. 26. No. 3. Pp. 867–888.

Różycka-Tran J., Jurek P., Olech M., Piotrowski J., Żemojtel-Piotrowska M. (2019). A Warrior Society: Data From 30 Countries Show That Belief in a Zero-Sum Game Is Related to Military Expenditure and Low Civil Liberties // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Article 2645.

Rubin P.H. (2003). Folk Economics // *Southern Economic Journal*. Vol. 70. No. 1. Pp. 157–171.

Rubin P.H. (2014a). Buchanan, Economics, and Politics // *Southern Economic Journal*. Vol. 80. No. 4. Pp. 912–917.

Rubin P.H. (2014b). Emporiophobia (fear of markets): Cooperation or competition? // *Southern Economic Journal.* Vol. 80. Is. 4. Pp. 875–889.

Shin D.C. (2021). Democratic Deconsolidation in East Asia: Exploring System Realignments in Japan, Korea, and Taiwan // *Democratization*. Vol. 28. Is. 1. Pp. 142–160.

Smith K.B., Oxley D.R., Hibbing M.V., Alford J.R., Hibbing J.R. (2011). Linking genetics and political attitudes: Reconceptualizing political ideology // *Political Psychology*. Vol. 32. No. 3. Pp. 369–397.

Smith K.B., Warren C. (2020). Physiology predicts ideology. Or does it? The current state of political psychophysiology research // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. Pp. 88–93. DOI: 10.1016/j.cobeha.2020.01.001.

Swedberg R. (2018). Folk economics and its role in Trump's presidential campaign: An exploratory study // *Theory and Society*. Vol. 47. No. 1. Pp. 1–36.

Sznycer D., Seal M.F.L., Sell A., Lim J., Porat R., Shalvi S., Halperin E., Cosmides L., Tooby J. (2017). Support for redistribution is shaped by compassion, envy, and self-interest, but not a taste for fairness // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. Vol. 114. No. 31. Pp. 8420–8425.

Terrizzi J.A., Shook N.J., McDaniel M.A. (2013). The behavioral immune system and social conservatism: A meta-analysis // *Evolution and Human Behavior*.Vol. 34. Is. 2. Pp. 99–108.

Weaver R.K. (1986). The Politics of Blame Avoidance // *Journal of Public Policy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 371–398.

Williamson M., Wearing A. (1996). Lay people's cognitive models of the economy // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 17. Is. 1. Pp. 3–38.

Zeigler-Hill V., Martinez J.L., Vrabel J.K., Ezenwa M.O., Oraetue H., Nweze T., Andrews D., Kenny B. (2020). The darker angels of our nature: Do social worldviews mediate the associations that dark personality features have with ideological attitudes? // *Personality and Individual Differences*. Vol. 160. Article 109920. URL: https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.paid.2020.109920 (access date: 24.09.2024).

Тамбовцев Виталий Леонидович
tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev
Doctor of Sciences (Economics), professor, Chef Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University
tambovtsev@econ.msu.ru

FOLK ECONOMICS AND DEMOCRATIC BACKSLIDING PHENOMENON

Abstract. The article analyzes the influence of the so-called folk economics, which is quite widespread among non-specialists, on the electoral processes that have been taking place in recent years in a number of democratic countries, often interpreted as a democratic backsliding. For this purpose, the concept of folk economics, its content, causes and sources of origin, as well as factors of its stability over time are considered. It is shown that the corresponding beliefs consist in understanding the economy as a zero-sum game. On this basis, an overview of the studies of those political consequences generated by folk economics is given. The political process interpreted as the democratic backsliding is characterized, and it is shown that the factor of the presence of folk economics beliefs among the population of various countries is one of the reasons for the emergence of the democratic backsliding process. On this basis, it is concluded that effective measures to overcome the democratic backsliding must also include actions to ensure the retreat of the convictions of the folk economics beliefs.

Keywords: *folk economics, zero-sum game, democratic backsliding.*
JEL: D70.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.В. Балацкий
д.э.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)

Н.А. Екимова
к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

СЕЛЕКТИВНАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФУЗИЯ ТЕХНОЛОГИЙ С УЧЁТОМ ЭФФЕКТА МАСШТАБА[1]

Аннотация. В статье предлагается процедура распределения инвестиций между регионами на основе оценки их производственных достижений. Для этого учитывается отдача от инвестиций и эффект масштаба, что создаёт основу для построения технологических и инвестиционных матриц для последующего выявления наиболее перспективных регионально-отраслевых кластеров. Процедура апробирована на примере сельского хозяйства применительно ко всем субъектам Российской Федерации. Предлагаемая схема селекции инвестиционных потоков на разные нужды (расширение производства, исследования и разработки, заимствование и внедрение новых технологий) в разных регионах противостоит традиционной российской практике выравнивания регионального неравенства. Вместо субсидирования отстающих регионов предлагается стимулировать развитие регионов-лидеров с последующей передачей их прогрессивного опыта остальным территориям. В этом случае у каждого региона появляется своя миссия в терминах инновационной экономики: одни выполняют роль передовых производственных кластеров, обеспечивающих технологические прорывы, а другие — перенимают лучшие практики и тем самым улучшают качество экономического пространства страны. Обсуждается процедура межрегиональной диффузии передовых форм производства с учётом подотраслей и отдельных направлений производственной специализации.

Ключевые слова: *аграрный сектор, диффузия технологий, инвестиционная матрица, инвестиционная политика, региональная политика, технологическая матрица, эффект масштаба.*
JEL: O47
УДК: 330.83
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_59_85
© Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Балацкий Е.В., Екимова Н.А.* Селективная территориальная диффузия технологий с учётом эффекта масштаба // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 59–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_59_85.

FOR CITATION: *Balatsky E., Ekimova N.* Selective Territorial Diffusion of Technologies Taking into Account the Scale Effect // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 59–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_59_85.

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2024 г.

Введение

В настоящее время для России на новом витке встала проблема неравномерности развития регионов, которая обостряется на фоне конфликта с Западом и необходимостью восстановления технологического суверенитета, который после 1991 г. был в значительной степени утрачен. В этой обстановке необходимо решать две взаимосвязанные задачи — поддерживать экономический рост и обеспечивать технологический прогресс. Причём эти два процесса должны охватить все регионы страны, во избежание появления стагнирующих территориальных лакун. Более того, в условиях геополитического противостояния успехи в технологической эффективности должны сопрягаться с экономической самодостаточностью каждого территориального образования России; в противном случае любой сбой в межрегиональных поставках способен привести к стагнации целых регионов.

Главным драйвером развития страны может стать правильно организованная диффузия технологических инноваций из регионов с высокой эффективностью тех или иных производств в регионы с низким уровнем производительности. При этом вместо централизованных инвестиций на абстрактную поддержку отстающих регионов следует придерживаться иной модели распределения средств — при их выделении учитывать как текущие технологические успехи, так и имеющиеся резервы для дальнейшего поддержания технологического прогресса. Цель статьи состоит в характеристике механизма селекции инвестиций в расширение производства по регионам России, а также в описании механизма осуществления диффузии инноваций из одних регионов в другие. Инструментальной основой данных вопросов выступает эффект масштаба, идентификация которого с помощью эконометрических зависимостей позволяет оцифровать критерии указанной селекции регионов и производств. Эмпирической основой исследования выступают статистические данные Росстата о развитии сельского хозяйства регионов РФ.

Селективная диффузия технологий: обзор идей и подходов

Проблемы территориальной диффузии технологий сопрягаются с вопросами выравнивания региональных диспропорций развития достаточно часто. Эта тема была центральной ещё для экономики СССР, который накопил большой опыт в части создания и заимствования технологических инноваций. Не вдаваясь во все детали этого опыта, следует отметить, что руководству СССР так и не удалось решить глобальную задачу широкого и своевременного распространения инноваций. Многие авторы рассматривают факторы, обеспечившие успешное экономическое развитие советской экономики в 1940–1950-е гг., и причины последующего затухания экономического роста; внимание аналитиков фокусируется, как правило, на изменениях в составе руководящих хозяйственных кадров и в организации управления народным хозяйством на позднем этапе существования СССР [*Ханин*, 2008]. Исследователи отмечают, что послевоенная геополитическая ситуация и необходимость скорейшего восстановления и укрепления экономики СССР потребовали от советского руководства максимально прагматичного подхода в вопросе «заимствований», что и предопределило ранние успехи в технологической диффузии [*Калинов*, 2018]. Однако превращение науки в определяющий фактор экономического развития страны так и не стало приоритетом в политике СССР. В поздние годы существования Советского Союза наблюдалось торможение процесса распространения инноваций, что связывается с возрастанием роли партийного аппарата в работе государственных органов и снижением профессионализма советского руководства [*Калинов*, 2018].

Кроме того, экономисты отмечают и множество объективных обстоятельств провала политики заимствования технологических новшеств в СССР. Некоторые полагают,

что общественный энтузиазм и нематериальные мотивы имели существенное, но ограниченное воздействие на данный процесс, в то время как сугубо экономических стимулов оказывалось недостаточно для стимулирования внедрения новых технологий [*Маслов*, 2021]. В литературе подчёркивается, что планово-иерархическая система взаимоотношений в Советском Союзе делала процесс внедрения автоматизации на производстве длительным, тогда как технические новации в мире осуществлялись значительно быстрее; элементы хозяйственного расчёта на низовом уровне просматривались слабо, в связи с чем кардинально изменить ситуацию они не могли, а потому не стимулировали активной работы предприятий и каждого работника в отдельности [*Темирбулатова*, 2010]. Более того, похожие проблемы в обеспечении технологической диффузии были характерны и для других стран социалистического блока [*Пономарева*, 2012].

В советской системе не было естественных драйверов внедрения инноваций, а планирование объёмов производства приходило в противоречие с необходимостью обновления технологического парка оборудования. Подталкивание технологического прогресса велось точечно и вручную, что обеспечивало локальные успехи, но не приводило к повсеместности технологической диффузии. Ситуация кардинально изменилась только после 1991 г., когда в России стали складываться элементы рыночного хозяйства с присущими ему драйверами технологических инноваций.

Теме технологического заимствования применительно к России посвящено немало работ, в которых авторы заняты поисками как путей совершенствования существующего механизма распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ [*Ханова, Хозяинов*, 2020; *Тавбулатова, Таштамиров, Кулакова*, 2021], так и альтернативных подходов к выравниванию межрегиональной дифференциации. Например, в [*Токаева, Туаева*, 2021] предлагается построение функциональных бюджетов, разделённых по источникам формирования и направлениям использования (операционный, инвестиционный, социальный); единая методика выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований представлена в [*Барбашова*, 2019]; пути формирования финансовых стимулов для самостоятельного регионального развития предложены в [*Морковкин, Строев, Шапошников*, 2019]; создание ресурсной (финансовой) базы посредством формирования регионального финансового фонда продемонстрировано в [*Коварда*, 2018].

Одним из перспективных направлений развития инструментов выравнивания межрегиональных диспропорций является модель диффузии инноваций, разработанная американским социологом Э. Роджерсом [*Rogers*, 1962] и нашедшая своё региональное приложение в работах шведского географа Т. Хегерстранда, который рассмотрел процесс распространения инноваций в сельской местности [*Hägerstrand*, 1967]. Дальнейшее развитие модель диффузии инноваций Хегерстранда получила в [*Sarasvathy, Dew*, 2005; *Agrawal, Kapur, McHale*, 2008; *Lengyel, Bokányi, Di Clemente, Kertesz, Gonzalez*, 2020], где рассмотрен пространственный аспект характеристик исследуемого объекта и его влияние на распространение инноваций и формирование новых рынков. Механизм, с помощью которого разрабатываются и распространяются новые технологические принципы в экономике, исследован в [*Andergassen, Nardini, Ricottilli*, 2017; *Peskova, Khodkovskaya, Nazarov*, 2020].

В рамках проводимого в данной работе исследования наиболее интересными являются результаты российских экономистов в области теории диффузии инноваций, в частности теории заимствования и распространении инноваций В. Полтеровича и А. Тониса, суть которой заключается в существовании некой технологической границы, которую нужно достигнуть региону для перехода от заимствования технологий к их созданию [*Polterovich, Tonis*, 2003; *Polterovich, Tonis*, 2005]. Содержательная интерпретация теории Полтеровича–Тониса была дана в статье [*Балацкий*, 2012]; там же была произведена предварительная оценка технологической границы на уровне 61,5%, впоследствии уточнённая в [*Балацкий*, 2021] (её обновлённое значение составило 71,7%). В этом ключе была обнаружена важная

генеральная закономерность развития глобального рынка технологий: страны с отсталой экономикой предпочитают имитационный путь развития (т.е. заимствования готовых технологий), а инновационную стратегию (т.е. генерирования новых технологий) выбирают экономически более развитые государства; мерой зрелости экономики служит расстояние до мировой технологической границы [*Acemoglu, Aghion, Zilibotti*, 2006]. Как правило, переключение режимов происходит относительно плавно, когда возможно сосуществование обоих способов технологического обновления. Это связано с тем, что по мере приближения к технологической границе вырастает сложность заимствуемых технологий, а также растёт значение собственных инноваций, опирающихся на внутренний человеческий капитал и научно-технологические заделы. При этом инновации появляются в отраслях (экономиках), которые находятся на технологической границе или в непосредственной близости от неё, а потребность в заимствовании технологий тем больше, чем ниже параметры отрасли (экономика) от мировой технологической границы [*Полтерович*, 2009]. Тем самым в современном научном дискурсе присутствует идея смешанной стратегии, когда одновременно происходят процессы заимствования и разработки новых технологий, а динамика развития выступает в форме увеличения доли генерирования инноваций.

В рамках указанного направления исследований были выполнены и фундаментальные теоретические работы, раскрывающие закономерности функционирования рынка технологий. Это прежде всего касается одновременного действия на рынке процессов генерирования и диффузии новых технологий [*Полтерович, Хенкин*, 1988; *Балацкий*, 2013], а также возникновения такого явления, как ловушка технологических заимствований [*Дементьев,* 2006]. Помимо этого, рассматривался и вопрос сопряжения создания/распространения инноваций с учётом эффекта масштаба [*Aghion, Howitt, Mayer-Foulkes*, 2005].

Параллельно теория инноваций послужила основой для дальнейших исследований в области распространения производственных технологий как инструмента межрегионального выравнивания. В частности, в [*Голиченко*, 2012] на примере опыта Китая, Индии и Кореи показана эффективность заимствования технологий как наиболее простого и быстрого способа наращивания технологического потенциала догоняющей страны. Проецирование данной тематики на уровень конкретных отраслей и регионов России позволило получить целый ряд интересных результатов. Например, геоинформационный анализ диффузии инноваций в сельском хозяйстве России, проведённый в исследовании [*Тесленок, Тесленок*, 2020], позволил сформировать картографические и атрибутивные базы данных основных показателей инновационного развития регионов страны и тем самым определить пространственно-временные характеристики процессов региональной диффузии инноваций. В этом же ключе в [*Иванова, Гусева, Чернышова*, 2021] на основе библиометрического анализа определены приоритеты диффузии инноваций лесного хозяйства Российской Федерации. Немаловажный аспект распространения инноваций был затронут в [*Бухаров, Аракелян*, 2020], где раскрывается комплексный подход при выборе приоритетных направлений развития, сочетающий как вопросы экономической независимости, так и оценку угроз национальной безопасности.

В продолжение регионально-отраслевой линии анализа в [*Зайцев*, 2013] рассмотрены механизмы идентификации перспективных технологий для их заимствования российской экономикой. В работе показано, что сильная дифференциация российских регионов по уровню развития требует индивидуального подхода не только в разрезе субъектов РФ, но и в отраслевом контексте внутри региона. Это позволяет определить, что и у кого следует заимствовать. Решение данной задачи должно осуществляться в три этапа: диагностика региона; анализ эффективности отраслей региона с целью оценки предварительных ориентиров для заимствования; анализ и отбор конкретных отраслевых технологий и оценка эффекта от их внедрения для экономики региона. Проведённый анализ показал, что для сельского хозяйства Краснодарского края наиболее перспективными источниками заим-

ствования являются Белгородская область и Республика Татарстан в животноводческой отрасли, тогда как в растениеводстве целесообразнее ориентироваться на опыт Германии, Чехии и Великобритании.

Наиболее близким в идеологическом и инструментальном отношении к рассматриваемому в данной работе подходу является метод, предложенный в [*Балацкий*, 2001], который основан на оценке структурных (относительных к средней по стране) коэффициентов эффективности (производительности труда и капиталоотдачи) для отраслей российской экономики с последующим усреднением частных индикаторов для получения обобщающей характеристики. Впоследствии этот метод был распространён на территориально-отраслевой срез экономики с выявлением «узких мест», под которыми понимались подотрасли промышленности в конкретных регионах России со структурным коэффициентом эффективности меньшим 1, особенно для случаев с заметно меньшей величиной [*Балацкий, Потапова*, 2001]. Забегая вперёд, укажем, что, сохранив логику указанного подхода и изменив лишь аналитические срезы, можно адаптировать его под задачу отбора уже не столько худших, сколько, наоборот, лучших производств страны; параллельно можно скорректировать сами структурные коэффициенты эффективности и степень их общности, но это уже технические детали. Тем самым инверсия рассмотренной задачи даёт решение задачи отбора регионов — доноров инноваций и определения направлений межрегиональной диффузии производственных технологий.

В целом можно отметить, что в современной научной литературе уже представлены основные идеи в отношении диффузии технологических инноваций. Первая — при организации диффузии технологических новшеств необходимо учитывать как экономическую эффективность процесса, так и вопросы самообеспечения и безопасности территорий. Вторая — бессмысленно разрабатывать инновации в отстающих отраслях и регионах; альтернативным подходом является заимствование (имитация) более прогрессивных технологий. Третья — бесполезно оказывать безадресную поддержку отстающим регионам для выравнивания территориальных различий; требуется поиск иной альтернативы. Четвёртая — система стимулирования технологических инноваций и роста производства должна учитывать эффект масштаба. Ниже будет представлен подход к отбору наиболее перспективных регионов для централизованной инвестиционной поддержки, основанный на максимальном учёте указанных идей.

Технологическая матрица сельского хозяйства России

Для принятия обоснованных инвестиционных решений необходимы достаточно веские основания в отношении объекта инвестирования. Если речь идёт о действующем производстве, то вполне логично учитывать имеющиеся технологические достижения. Учёт таковых можно осуществить с помощью определённых аналитических процедур, которые выполняют роль своеобразных фильтров. Рассмотрим два таких фильтра — технологический и инвестиционный.

Для определённости будем рассматривать отрасль сельского хозяйства, представленную в разных регионах России. Однако в общем случае анализу подлежат любые отрасли экономики, что и будет отражено в инструментальных построениях. В нашей схеме в качестве технологических индикаторов выступают два важных параметра. Первый — относительная производительность труда (ОПТ), т.е. отношение производительности труда аграрного сектора в конкретном регионе к аналогичному показателю для всей отрасли страны. Данный показатель раскрывает текущие технологические достижения регионально-отраслевого кластера по отношению к среднему уровню по стране. Второй — эффект масштаба (θ), который косвенно показывает технологические резервы производственного кла-

стера; эти резервы могут быть активизированы при устойчивом росте производства. Для понимания прикладных вычислений укажем, что эффект масштаба оценивался на основе унифицированной эконометрической зависимости типа:

$$\ln (P_{ijt}) = \alpha_{ij} + \theta_{ij} \ln(Y_{ijt}), \quad (1)$$

где P_{ijt} и Y_{ijt} — производительность труда и объём произведённой продукции в *i*-ой отрасли *j*-го региона в году *t*.

Тогда справедливо следующее соотношение:

$$\Omega_{ij} = P_{ijT}/P_{M0} = (P_{ij0}/P_{M0})(1 + \lambda_{ij})^{\theta_{ij}}, \quad (2)$$

где Ω_{ij} — структурный эффект для i-ой отрасли j-го региона, P_{ij0}, P_{M0} и P_{ijT} — производительность труда *i*-ой отрасли *j*-го региона в начальный момент времени t=0, средняя производительность труда по стране в начальный момент времени t=0 и производительность труда *i*-ой отрасли *j*-го региона после расширения производства через T лет; λ_{ij} — планируемый темп роста *i*-го отраслевого производства в *j*-ом регионе в результате вложений в расширение бизнеса.

В данных построениях производительность труда понимается как выработка на одного занятого: $P_{ijt} = Y_{ijt}/L_{ijt}$, где L_{ijt} — численность занятых в *i*-ой отрасли *j*-го региона в момент времени *t*. Если производительность труда региона выше средней по стране (ОПТ = $P_{ij0}/P_{M0} > 1$), регион обладает значительным эффектом масштаба (технологического прогресса) ($\theta_{ij} > 1$) и предполагаются значительные вложения по обеспечению весомого прироста производства ($\lambda_{ij} > 0$), то задействование эффекта масштаба способно обеспечить весьма значительный технологический рывок. Если такой результат будет получен в нескольких регионах одновременно, то можно говорить о том, что в стране появится кластер высокотехнологичных предприятий, сопоставимых с передовыми международными производствами.

В дальнейшем структурный эффект в левой части (2) будем использовать для ранжирования регионов по критерию технологической перспективности. При этом информационной базой последующих расчётов выступает проведённая ранее работа [*Балацкий, Екимова*, 2024], результаты которой в сжатой форме представлены в Приложении, где приведены региональные эконометрические модели для аграрного сектора, а также параметры эффекта масштаба и относительная производительность труда, которых достаточно для построения технологической и инновационной матриц.

Следует особо подчеркнуть, что все построенные модели направлены на идентификацию эффекта масштаба, что предполагает устойчивость прикладных расчётов. Данное требование выполняется автоматически в рамках выбранной конфигурации переменных и их связей. Тем не менее могут возникать вопросы по поводу того, будут ли полученные результаты инвариантны относительно, например, изменения мировых цен на отдельные группы аграрных товаров. Указанная опасность не затрагивает полученные результаты. Это связано с тем, что все статистические ряды построены с учётом дефлирования стоимостных показателей и предполагают учёт динамики в натуральных объёмных единицах. Если же в какой-то момент времени цены на продукцию изменятся, то это изменит рентабельность производства, но не его технологическую основу и, следовательно, характеристику эффекта масштаба.

Прикладные расчёты охватывали все регионы России, за исключением новых территорий из-за отсутствия необходимых динамических рядов. В связи с тем, что такие города федерального значения, как Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, имеют статус субъекта федерации, то они фигурируют в последующих аналитических конструкциях,

однако их роль в данном контексте исчезающе мала в силу естественной непрофильности аграрной деятельности для крупных городов. В данном случае интерес представляет тот факт, что для всех трёх указанных городов построить удовлетворительную эконометрическую модель не удалось, что свидетельствует об отсутствии у них потенциала к развитию аграрного хозяйства. В данном случае расчёты лишь подтвердили интуитивно ожидаемый результат.

По приведённым в Приложении показателям может осуществляться ранжирование регионально-отраслевых кластеров, результаты которого удобно оформить в виде технологической матрицы, столбцы которой учитывают региональные различия в эффекте масштаба, а строки — различия в относительной производительности труда (табл. 1); теоретические основы и расчётные данные для аграрного сектора России, необходимые для формирования табл. 1, более подробно рассмотрены в [*Балацкий, Екимова*, 2024].

Учитывая сказанное, градацию каждой параметрической шкалы целесообразно осуществить так, чтобы получить портрет экономики отрасли с учётом её региональных лидеров и аутсайдеров. Для показателя ОПТ шкалу следует разделить на три сегмента с соответствующими критериями: догоняющие регионы (0<ОПТ≤1); регионы-лидеры (1<ОПТ≤2); регионы-чемпионы (ОПТ>2). Показатели ОПТ вычисляются за последний год имеющейся статистической отчётности — в нашем случае это 2022 г. Последний отчётный год в нашей схеме является годом для определения начальных условий, которые достигнуты регионами к текущему моменту времени.

Таблица 1
Технологическая матрица регионов России для аграрного сектора

Технологические достижения (начальные условия)	**Эффект масштаба (технологические резервы)**			
	$\theta \leq 0$	**$0 < \theta \leq 1$**	**$1 < \theta \leq 2$**	**$\theta > 2$**
$0 < \text{ОПТ} \leq 1$	(I) Владимирская обл. Ивановская обл. Костромская обл. Смоленская обл. г. Москва Мурманская обл. г. Санкт-Петербург Республика Крым г. Севастополь Республика Ингушетия Карачаево-Черкесская Республика Республика Северная Осетия — Алания Чувашская Республика Пермский край Республика Тыва Республика Хакасия Красноярский край Омская обл. Республика Саха (Якутия) Хабаровский край Еврейская АО Республика Карелия Архангельская обл. (с НАО) Республика Бурятия	(II) Московская обл. Республика Дагестан Республика Калмыкия Республика Коми Чеченская Республика Челябинская обл. Магаданская обл. Забайкальский край Кировская обл. Кабардино-Балкарская Республика Республика Алтай Ставропольский край Иркутская обл. Приморский край	(III) Республика Мордовия Республика Адыгея Тверская обл. Ярославская обл. Чукотский АО Камчатский край Астраханская обл. Псковская обл. Калининградская обл. Ленинградская обл. Томская обл.	(IV) Волгоградская обл. Сахалинская обл.

Окончание табл. 1

Технологические достижения (начальные условия)	**Эффект масштаба (технологические резервы)**			
	$\theta \le 0$	**$0 < \theta \le 1$**	**$1 < \theta \le 2$**	**$\theta > 2$**
$1 < ОПТ \le 2$	(V) Удмуртская Республика Кемеровская обл. Республика Башкортостан Курганская обл. Вологодская обл.	(VI) Нижегородская обл. Белгородская обл. Тюменская обл. (с ХМАО-Югра и ЯНАО) Самарская обл.	(VII) Липецкая обл. Тамбовская обл. Новосибирская обл. Новгородская обл. Калужская обл. Воронежская обл. Брянская обл. Республика Марий Эл Краснодарский край Алтайский край Ростовская обл. Пензенская обл. Республика Татарстан	(VIII) Ульяновская обл. Тульская обл. Оренбургская обл. Саратовская обл. Свердловская обл.
$ОПТ > 2$	(IX) –	(X) Рязанская обл.	(XI) Амурская обл. Курская обл.	(XII) Орловская обл.

Источник: составлено авторами.

Для показателя эффекта масштаба шкалу целесообразно разделить на 4 отрезка: отстающие регионы ($\theta \le 0$ или значение θ не определено, т.е. эконометрическую зависимость не удалось построить); догоняющие регионы ($0 < \theta \le 1$); регионы-лидеры ($1 < \theta \le 2$); регионы-чемпионы ($\theta > 2$). Для всех регионов характеристика θ рассчитывается как интервальная за период моделирования 2001–2022 гг.; для отдельных регионов стартовый год менялся в зависимости от наличия статистики и устойчивости модельных результатов. Соответственно, эффект масштаба θ учитывает ретроспективные свойства регионально-отраслевых кластеров.

При такой конфигурации технологической матрицы удачно совмещаются текущие и перспективные аспекты производства регионально-отраслевых кластеров отрасли. Логика работы с построенной матрицей табл. 1 проста: чем лучше стартовые параметры эффективности производства и чем выше их чувствительность к росту объёма продукции, тем более перспективными они являются.

Для удобства работы с технологической матрицей её квадранты пронумерованы римскими цифрами. Тогда из сказанного ясно, что наиболее перспективными регионами являются те, которые входят в квадранты VII, VIII, XI и XII. При этом самыми приоритетными в технологическом отношении является группа чемпионов по обоим показателям (квадрант XII), а также представители VIII и XI квадрантов, которые хотя бы по одному показателю удерживают звание чемпионов, а по другому — попадают в разряд лидеров. Группу же лидеров составляют регионы из VI и VII квадрантов, которые имеют производительность труда выше среднего и достаточно хорошие характеристики эффекта масштаба; в дальнейшем из-за слишком скромного эффекта масштаба регионы VI квадранта к лидерам относиться не будут. Остальные регионально-отраслевые кластеры относятся к разряду догоняющих или отстающих из-за того,

что хотя бы по одному из технологических показателей они имеют неудовлетворительные значения. Среди таковых производства I квадранта могут классифицироваться как откровенно отстающие и малоперспективные, ибо крайне плохие текущие характеристики вкупе с отсутствием технологических резервов делают их неинтересными с точки зрения коммерческого инвестирования.

Таким образом, к числу перспективных в технологическом отношении регионов будут относиться представители VII, VIII, XI и XII квадрантов. При этом регионы VII квадранта можно квалифицировать как *лидеров* (помечены более тёмным цветом в табл. 1), VIII и XI квадрантов — как *относительных чемпионов*, а XII квадранта — как *абсолютных чемпионов* (относительные и абсолютные чемпионы помечены ещё более тёмным цветом в табл. 1). Именно эти группы региональных производств попадают в инвестиционные приоритеты и могут претендовать на более солидную поддержку со стороны федеральных и региональных властей.

Инвестиционная матрица сельского хозяйства России

Выше были рассмотрены сугубо технологические характеристики регионально-отраслевых кластеров, однако не менее важным аспектом проблемы концентрации капитала является вопрос о «цене» тех потенциальных технологических достижений, которые нуждаются в поддержке. Под ценой в данном случае следует понимать инвестиционную ёмкость рассматриваемых производств или, другими словами, отдачу от вложений в основной капитал. При этом мы не должны отказываться и упускать из виду те самые технологические свойства отраслевых кластеров, которые учитывались нами в табл. 1. Для совмещения двух сторон проблемы — инвестиционной и технологической — можно предложить ещё один дополнительный способ структурирования производственных объектов в форме инвестиционной матрицы (табл. 2).

Для построения указанной матрицы необходимо определиться с инвестиционной составляющей регионально-отраслевых кластеров. Для оценки отдачи от инвестиций в основной капитал (ООК), т.е. отношения инвестиционной ёмкости аграрного сектора (объём продукции, отнесённый к инвестициям в основной капитал) в конкретном регионе к аналогичному показателю для всей отрасли страны. Данный показатель показывает чувствительность объёмов производства регионально-отраслевого кластера к инвестициям в оборудование по отношению к некоему среднему по стране уровню. Учитывая, что данный показатель не обладает высокой устойчивостью во времени и для разных регионально-отраслевых кластеров имеют место неодинаковые тренды, окончательную оценку отдачи от инвестиций в основной капитал будем брать в качестве арифметического усреднения за последние 5 лет — за временной интервал 2018–2022 гг.

Вторая шкала должна учитывать результаты фильтрации производства в форме технологической матрицы (табл. 1). Для решения этой задачи оба индикатора технологической матрицы используются для построения интегрального технологического показателя, называемого структурным эффектом (Ω) и определяемого формулой (2). Для обеспечения конкретности расчётов для оценки структурного эффекта предполагается для всех регионально-отраслевых кластеров рост производства на 50% от достигнутого в 2022 г. уровня. Тогда по обоим приведённым показателям может осуществляться ранжирование регионально-отраслевых кластеров, результаты которого удобно оформить по аналогии с технологической матрицей в виде инвестиционной матрицы, столбцы которой учитывают региональные различия в отдаче от инвестиций в производство, а строки — технологические различия в форме структурного эффекта (табл. 2).

Таблица 2
Инвестиционная матрица регионов России для аграрного сектора

Отдача капитала (эффективность инвестиций)	**Структурный эффект (технологический потенциал)**			
	$\Omega \le 0$	**$0 < \Omega \le 1$**	**$1 < \Omega \le 2$**	**$\Omega > 2$**
$0 <$ ООК ≤ 1	(I) Смоленская обл. г. Москва Вологодская обл. Мурманская обл. г. Севастополь г. Санкт-Петербург Хабаровский край	(II) Ленинградская обл. Республика Коми Камчатский край Приморский край Иркутская обл. Магаданская обл. Кировская обл. Ставропольский край	(III) Московская обл. Тверская обл. Республика Мордовия Нижегородская обл. Тюменская обл. (вся) Сахалинская обл. Калининградская обл.	(IV) Новосибирская обл. Томская обл. Воронежская обл. Брянская обл. Калужская обл. Рязанская обл. Липецкая обл. Пензенская обл. Тульская обл. Курская обл. Орловская обл.
$1 <$ ООК ≤ 2	(V) Владимирская обл. Костромская обл. Республика Крым Республика Северная Осетия — Алания Республика Башкортостан Удмуртская Республика Пермский край Красноярский край Кемеровская обл. Республика Саха (Якутия)	(VI — догоняющие) Чеченская Республика Псковская обл.	(VII — лидеры) Чукотский автономный округ Ярославская обл. Тамбовская обл. Новгородская обл. Алтайский край	(VIII — относительные чемпионы) Республика Марий Эл Белгородская обл. Краснодарский край Республика Татарстан Амурская обл. Свердловская обл.
ООК > 2	(IX) Ивановская обл. Республика Ингушетия Карачаево-Черкесская Республика Чувашская Республика Курганская обл. Республика Тыва Республика Хакасия Омская обл. Еврейская автономная обл.	(X) Республика Алтай Забайкальский край Республика Дагестан Кабардино-Балкарская Республика Республика Калмыкия	(XI — относительные чемпионы) Астраханская обл. Челябинская обл. Республика Адыгея Самарская обл.	(XII — абсолютные чемпионы) Ростовская обл. Волгоградская обл. Ульяновская обл. Оренбургская обл. Саратовская обл.

Источник: составлено авторами.

Как и в случае с технологической матрицей (табл. 1), в инвестиционной матрице для удобства работы её квадранты пронумерованы римскими цифрами (табл. 2). Логика распределения свойств регионально-отраслевых кластеров по квадрантам остаётся эквивалентной той, которая имеет место в табл. 1. Следовательно, к числу пер-

спективных в инвестиционном отношении регионов будут относиться представители VII, VIII, XI и XII квадрантов. При этом регионы VII квадранта, как и ранее, можно квалифицировать как *лидеров* (помечены более тёмным цветом в табл. 2), VIII и XI квадрантов — как *относительных чемпионов*, а XII квадранта — как *абсолютных чемпионов* (относительные и абсолютные чемпионы помечены ещё более тёмным цветом в табл. 2). Эти группы региональных производств являются приоритетными и могут претендовать на более солидную инвестиционную поддержку со стороны федеральных и региональных властей.

Свойства технологической и инвестиционной матриц

Построенные технологическая и инвестиционная матрицы российских регионов позволяют осуществить фильтрацию регионально-отраслевых кластеров с точки зрения их перспективности. Однако такие аналитические конструкции нуждаются в дополнительной проверке на релевантность, хотя бы с самых общих позиций. Для этого рассмотрим несколько их свойств.

Первое свойство касается доли перспективных производств, к которым, как указывалось ранее, относятся VII, VIII, XI и XII квадранты. Исходя из неких априорных соображений, доля этой группы должна находиться в районе ¼ всей выборки — более массивная часть уже не может обладать передовыми свойствами, а меньшая не способна дать общую позитивную модель для других участников рынка. Расчёты показывают, что данный показатель для технологической матрицы составляет 24,7% (общее число подгрупп: 13+2+5+1=21), а для инвестиционной матрицы — 25,9% (общее число подгрупп: 6+6+4+5=22). Следовательно, группа передовых регионов в обеих матрицах имеет адекватный размер, что свидетельствует об общей релевантности двух инструментальных фильтров.

Второе априорное свойство предполагает разумную долю абсолютных чемпионов, на которых следует равняться остальным регионам. Здесь правомерно предположить, что эта доля должны быть в интервале 5–10% от общего числа участников. В случае более скромной величины мы имеем дело с совершенно уникальными объектами, опыт которых может быть неприменим к другим участникам рынка, а в случае более значительной величины мы имеем группу лидеров со сниженными качественными характеристиками, которые не могут выступать в качестве эталона для остальных производств. Расчёты показывают, что доля абсолютных чемпионов для технологической матрицы составляет 1,2% (1 регион из выборки), а для инвестиционной матрицы — 5,9% (5 регионов). Следовательно, эталонная группа, очерчиваемая технологическим фильтром, непомерно узка с одним регионом в качестве исключения из правила, а эталонная группа, очерчиваемая инвестиционным фильтром, соответствует априорному критерию. Данный факт говорит о правомерности накладывания на чрезмерно жёсткий технологический фильтр дополнительного инвестиционного фильтра, который компенсирует избыточные технологические требования и разумным образом расширяет примеры передовой модели производства. Тем самым можно обоснованно говорить о релевантности конечного инвестиционного фильтра, дающего образцы для подражания и заимствования передового производственного опыта.

Третье априорное правило касается требования относительно равномерного распределения представителей каждой из четырёх групп передовых регионов. Здесь также наблюдается разная картина в двух матрицах: для технологической распределение участников групп (13+2+5+1), а для инвестиционной — (6+6+4+5). Несложно видеть, что для технологической матрицы отношение максимального количества группы к минимальному (13/1) составляет 13 раз, а для инвестиционной (6/4) — полтора раза. Следовательно, и по этому

критерию технологический фильтр даёт слишком большой разброс участников по группам, тогда как инвестиционный фильтр выглядит полностью релевантным, чем и обосновывается его введение.

Таким образом, простейший анализ показывает, что чисто технологический фильтр даёт слишком жёсткие критерии ранжирования регионов, тогда как инвестиционный фильтр снимает эту категоричность и даёт разумное распределение регионально-отраслевых кластеров по группам приоритетов.

Картография регионов-лидеров и примеры технологического лидерства

Проведённые расчёты показывают, что в разряд наиболее перспективных регионов попадают субъекты федерации из VII, VIII, XI и XII квадрантов инвестиционной матрицы (табл. 2). Их состав уже сам по себе во многом отрицает тривиальные постулаты об аграрных преимуществах южных регионов страны. Несложно видеть, что среди абсолютных чемпионов оказываются Ульяновская и Оренбургская области, которые никак не могут быть причислены к территориям с мягким и благоприятным для сельского хозяйства климатом. Среди относительных чемпионов фигурируют Амурская и Свердловская области, относящиеся к специфичным по своим климатическим условиям территориям, а в составе регионов-лидеров оказались и вовсе Алтайский край и Чукотский автономный округ как представитель Крайнего Севера России.

Детальный анализ развития агропромышленного комплекса в этих регионах показывает, что попадание этих регионов в число российских лидеров неслучайно и является результатом целенаправленной многолетней работы. Так, в Чукотском автономном округе с 2014 г. действует государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса Чукотского автономного округа», нацеленная на «формирование конкурентоспособного высокотоварного производства, обеспечивающего продовольственную независимость региона, выпуск качественных (экологически чистых) продуктов питания; создание условий для повышения уровня жизни сельского населения»[2]. Результатом её реализации стало то, что на сегодняшний день Чукотка — один из лидеров по развитию племенного оленеводства в России: на её территории работают 9 из 25 действующих в России хозяйств по разведению домашних северных оленей[3]; в 2023 г. Чукотский автономный округ вошёл в тройку лидеров ДФО по темпам производства сельхозпродукции; в 2025 г. планируется строительство круглогодичного тепличного комплекса по выращиванию овощей и фруктов на основе высокотехнологичной платформы, позволяющей без участия человека предотвращать вспышки болезней и потерю урожая[4].

Ещё один лидер ДФО — Амурская область, которая формирует 26% всего дальневосточного объёма производства сельскохозяйственной продукции. Здесь производится 71% соевых бобов, более 40% зерновых культур, собирается 24% картофеля и 15% овощей от дальневосточных объёмов. Одним из самых перспективных направлений является

---

[2] Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 29 декабря 2023 г. № 546 Об утверждении Государственной программы «Развитие агропромышленного комплекса Чукотского автономного округа».

[3] Портал государственных органов Чукотского автономного округа. URL: https://чукотка.рф/press-tsentr/novosti/?ELEMENT_ID=18514 (дата обращения: 10.09.2024).

[4] Информационное агентство «Чукотка». URL: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/chukotka_lidiruet_v_dfo_po_tempam_proizvodstva_selkhozproduktsii/; https://prochukotku.ru/news/ofitsialno/krupneyshuyu_teplitsu_i_sovremennye_kompleksy_po_pererabotke_tko_postroyat_na_chukotke/ (дата обращения: 10.09.2024).

молочное животноводство[5]. Государственная поддержка развития агропромышленного комплекса в Амурской области осуществляется в рамках государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Амурской области», объёмы финансирования которой в 2023 г. составили 2,6 млрд рублей; на развитие сельского и лесного хозяйства за аналогичный период было направлено 7,9 млрд рублей инвестиций[6].

Оправдывает своё попадание в число абсолютных лидеров и Ульяновская область, которая является одним из лидеров как в производстве зерновых культур в России, так и по темпу роста производства мяса в сфере птицеводства и свиноводства в ПФО[7]. Аналогичные тенденции можно проследить и по другим регионам-лидерам, но это выходит за рамки данной статьи.

Следовательно, дивергенция регионов по степени успешности построения аграрного сектора экономики если и обусловлена географическими и климатическими различиями, то, по крайней мере, лишь частично. Не меньшее значение имеют способность предприятий регионов перенимать и внедрять различные передовые модели организации производства, в том числе с учётом специфики местных условий. Сказанное лишний раз подчёркивает необходимость заимствования опыта передовых производств всеми остальными регионами — участниками аграрного рынка.

Если осуществить картографию четырёх типов передовых регионов страны (рис. 1), то легко увидеть, что само расположение лидеров и чемпионов предоставляет вполне репрезентативные модели успеха всем субъектам федерации. Например, Чукотский автономный округ даёт образец развития сельского хозяйства в северных территориях страны, Амурская и Оренбургская области задают модель функционирования для дальневосточных земель и Сибири, опыт Ростовской области могут копировать южные регионы страны, а Белгородская и Ульяновская области демонстрируют возможности центра России.

Представленное географическое покрытие российской территории типовыми моделями успеха создаёт фундамент для построения системы межрегиональной диффузии технологий и организационных инноваций — из субъектов с передовым производством в близлежащие регионы с низкими значениями технологических и инвестиционных характеристик. Никаких принципиальных препятствий на пути передачи опыта не просматривается. Этот тезис становится ещё более очевидным, если учесть, что догоняющие и отстающие регионы не должны в буквальном смысле слова одномоментно копировать организационно-технологическую модель регионов-лидеров и чемпионов; достаточно перенять то, что лежит на поверхности, чтобы улучшить свои экономические параметры, а затем можно перенять другие инновации, в том числе из других регионов, и т.д. Таким образом, речь идёт о постепенном каскадном «переливе» передового опыта в отстающие регионы, который может быть растянут на 3–4 года.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает двухуровневая система стимулирования технологического прогресса в стране. Первый уровень предполагает усиленную финансовую «подпитку» передовых регионов для поддержания и углубления их технологических достижений путём интенсификации исследований и разработок и расширения производства, тогда как второй уровень призван обеспечить распространение организационных и технологических достижений регионов-лидеров на все остальные территории

---

[5] Министерство сельского хозяйства Амурской области. URL: https://agro.amurobl.ru/pages/agro_komp/itogi-raboty-v%20apk/ob-itogakh-raboty-agropromyshlennogo-kompleksa-amurskoy-oblasti-za-2023-god/ (дата обращения: 10.09.2024).

[6] Об инвестиционной деятельности в Амурской области. URL: https://28.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pres13032023.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

[7] https://tass.ru/ekonomika/20163033; https://opuo.ru/wp-content/uploads/2024/04/Doklad-Ministerstva-agropromyshlennogo-kompleksa-i-razvitiya-selskix-territorij-UO-za-2023-g.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 1. Географическая дислокация передовых регионов аграрного сектора России

Примечание: цветом помечены регионы с соответствующим значениями структурного эффекта и отдачи от инвестиций; на карте не представлены новые регионы, поскольку расчёты проводились до их присоединения к России.

Источник: составлено авторами.

страны посредством их заимствования и внедрения. В начале указанной схемы стимулирования технологического прогресса может возникнуть дополнительный перепад в уровне эффективности региональных производств из-за ускоренного отрыва передовых регионов, однако после запуска полноценной работы процессов заимствования и внедрения эти перепады будут ускоренно сглаживаться. В этом состоит суть нового подхода к борьбе с региональным неравенством в России.

Предлагая новый подход к обеспечению технологической диффузии, нельзя не сказать о том, насколько он соответствует современным научным представлениям. В этом контексте следует обратить внимание на крайне интересную и плодотворную аналогию распространения инноваций с естественным отбором в природе.

В эволюционной биологии уже утвердилась теория многоуровневого отбора, которая может быть сведена к двум базовым положениям. Первое: естественный отбор действует на двух уровнях — индивидуальном, на котором отбираются индивиды в ходе конкуренции и сотрудничества внутри социальной группы, и групповом, на котором отбираются наиболее жизнеспособные социальные группы в ходе конкуренции между собой за имеющиеся ресурсы. Второе положение: цель отбора — не особь, а аллель — совокупность генов, определяющих ту или иную модель поведения особей. Это означает, что два уровня естественного отбора в определённой степени противостоят друг другу. Например, индивидуальный отбор может привести к триумфу вора, обеспечивающего себе беззаботное и комфортное существование, однако его действия ослабляют социальную группу, и массовое укоренение такой модели поведения рано или поздно погубит общество. И, наоборот, героизм воина может привести к его гибели, но обеспечит победу его социальной группе в силовой конкуренции и её дальнейшее существование, ибо выжившие члены общества и сохранившие в себе гены героизма будут плодиться и процветать. Результат сопряжения указанных двух разнонаправленных векторов естественного отбора создаёт внутренний конфликт в человеческом характере, который в свою очередь является источником неиссякаемой креативности человечества [*Уилсон*, 2019].

В нашей схеме отбора действует примерно та же логика: на «индивидуальный» отбор наиболее перспективных моделей ведения производственной деятельности (технологическая матрица) накладывается «групповой» отбор наиболее приемлемых моделей инвестирования (инвестиционная матрица). В противном случае лучшие производства могут оказаться настолько затратными, что это приведёт к нехватке инвестиционных средств в масштабе всей страны. Смыслом же отбора является даже не столько регион сам по себе, сколько перспективная модель организации производства, которая впоследствии не только может, но и должна (!) передаваться остальным регионам. Отбор регионов преследует цель не столько поддержать лидеров и наказать отстающих, сколько определить и поддержать лучшие модели организации производства с тем, чтобы потом передать их другим участникам рынка и тем самым сделать всеобщим достоянием. В этом смысле представленная выше двухшаговая схема ранжирования регионов полностью соответствует идее естественного отбора, что служит дополнительным аргументом в пользу её разумности и непротиворечивости. Более того, в данном случае создание предлагаемой системы диффузии инноваций представляет собой разновидность искусственной системы в рамках активно обсуждаемой концепции природоподобных технологий [*Ковальчук*, 2021].

Механизм распределения инвестиций по регионам

Построенные технологическая и инвестиционная матрицы российских регионов позволяют построить систему целевого финансирования аграрного сектора России. Речь идёт прежде всего о финансировании инновационной деятельности компаний. В этой

связи будем отталкиваться от шумпетеровского понимания инновационной деятельности как сопряжения создания и заимствования инноваций. Первая деятельность предполагает процесс исследований и разработок в целях усовершенствования существующих (собственных) технологий, вторая направлена на заимствование и внедрение уже имеющихся передовых (чужих) технологий. Содержательно понятно, что первый тип деятельности характерен для компаний, которые находятся на достаточно высоком уровне технологического оснащения и его дальнейшее усовершенствование предполагает усилия её собственных разработчиков. Второй тип деятельности осуществляют компании, находящиеся отнюдь не на высших ступенях технологической иерархии (ближе к середине и внизу), и направлен на покупку готовых технологий более позднего поколения для роста эффективности своего производства.

Исходя из указанного разделения инновационного процесса, можно рассматривать три потока инвестиций — на расширение действующего производства, на исследования и разработки и на заимствование и внедрение технологий. Тогда с учётом введённой ранее градации регионов страны можно предложить схему приоритетов распределения инвестиций, представленную на рис. 2.

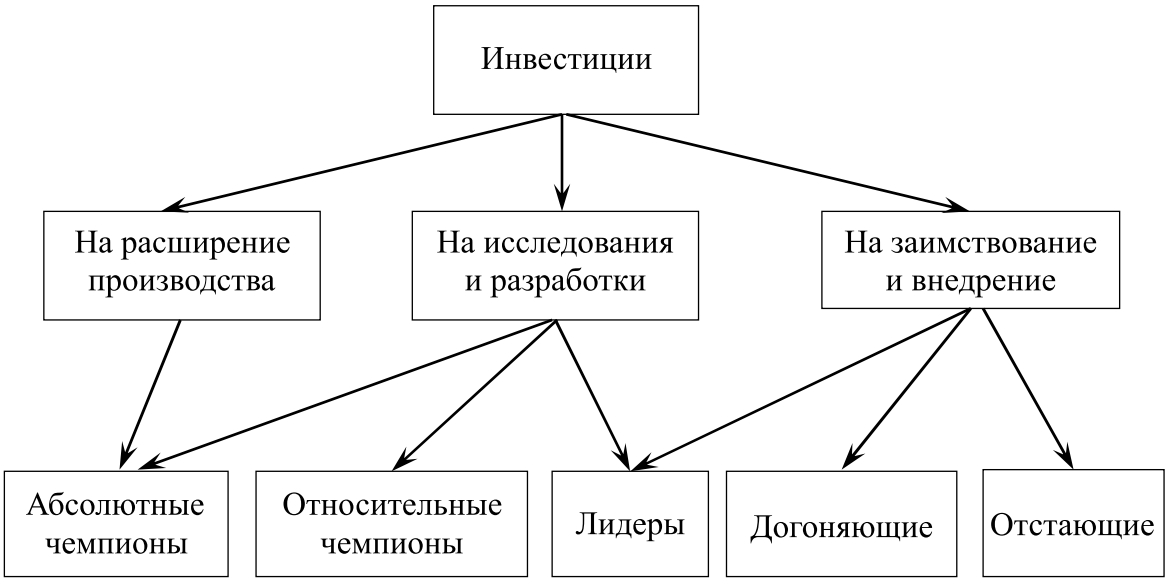

Рис. 2. Схема распределения инвестиций с учётом эффекта масштаба
Источник: составлено авторами.

Предложенный подход прежде всего вносит определённый порядок в процесс распределения централизованных средств, которые могут быть как государственными, так и частными. Абсолютные чемпионы нуждаются в экспансии своей деятельности, в связи с чем им надо оказать помощь именно в этом направлении — в расширении производства; необходимы им и средства на дальнейшее совершенствование своих технологий. Относительные чемпионы и лидеры нуждаются в средствах на исследования и разработки, которые им и следует предоставлять; лидерам можно оказать поддержку и в заимствовании более перспективных технологий со стороны. Догоняющие и отстающие регионы не могут претендовать на первые два типа финансирования, им необходимы более солидные вливания по линии помощи в заимствовании и внедрении более эффективных форм организации производства.

Описанная схема принципиально отличается от ныне действующей, которая не предполагает учёта эффективности производства предприятий и ведёт к тому, что все три типа инвестиций могут предоставляться как абсолютным чемпионам, так и отстающим регионам. Очевидно, что такая смешанная модель финансирования неэффективна и ведёт

к потере средств, ибо для их освоения нет соответствующей базы. В данном случае мы оставляем за скобками источники централизованных инвестиций, так как это самостоятельная тема исследований и на логику механизма распределения средств этот вопрос не влияет; в данном случае важны сами приоритеты предоставления денежной помощи.

Второй вопрос, требующий пояснения, состоит в определении конкретных векторов диффузии технологий, т.е. из каких регионов и куда конкретно должны передаваться производственные технологии. В практике государственного управления целесообразно вести анализ по максимально детализированным производственным комплексам, например, отдельно рассматривать внутри аграрного сектора собственно сельское хозяйство с азбивкой на растениеводство и животноводство, лесное хозяйство и рыболовство. Тогда передача опыта может носить более адресный характер. Например, успехи Чукотского автономного округа в области оленеводства могут быть переданы в Ямало-Ненецкий округ, который также активно специализируется на выпасе оленей; опыт Чукотки в области использования теплиц может перениматься в Якутии и Коми. Впечатляющие результаты Амурской области в области зерновых культур и молочного животноводства могут быть использованы в Хабаровском, Забайкальском и Приморском краях.

В идеале для диффузии прогрессивного опыта в области сельского хозяйства следует составлять своеобразные маршрутные карты, на которых будут нанесены регионы — узлы наиболее впечатляющих отраслевых достижений с линиями их передачи в другие регионы с похожими климатическими условиями и сходной структурной моделью отрасли. Если подобную схему взять под государственный контроль и поставить цель по обеспечению намеченной технологической диффузии с обязательным замером результатов произошедших переливов прогрессивных моделей производства, то это может стать совершенно новым шагом в выравнивании территориальных различий в развитии российских регионов.

В заключение нельзя обойти вопрос о целесообразности построения рассмотренной схемы взаимодействия разных территориальных образований страны. При обсуждении такого рода вопросов всегда возникает следующий контраргумент: производственная специализация регионов неизбежна и продуктивна, особенно в аграрном хозяйстве; следовательно, разумнее сконцентрировать эффективное сельское хозяйство в южных регионах страны и наладить поставки и торговлю между разными территориями, а тратить усилия и средства для подтягивания отстающих регионов до уровня лидеров не имеет экономического смысла. Однако с этим идеологическим положением нельзя согласиться. Дело в том, что события начала XXI в. убедительно показали, что геополитические и климатические форс-мажорные обстоятельства имеют огромное значение и сбрасывать их со счёта нельзя. Это означает, что каждый регион должен иметь хотя бы свой минимум продовольственной обеспеченности на случай экстренных обстоятельств. Данная позиция эквивалентна следующей структурной модели успеха региона:

$$\underbrace{\left(\text{Успех региона}\right)}_{\substack{\text{Общий итог}\\ \text{(системный эффект)}}} = \underbrace{\left(\text{Благосостояние населения}\right)}_{\substack{\text{Внутренняя ситуация}\\ \text{(социальный эффект)}}} + \underbrace{\left(\text{Самообеспечение региона}\right)}_{\substack{\text{Продовольственная безопасность}\\ \text{(эффект автономности)}}} \qquad (3)$$

В соответствии с формулой (3) экономическое положение региона является нормальным, если в нём присутствуют обе составляющие модели успеха — удовлетворительная автономия (второй компонент правой части (3)) и встроенность в межрегиональные связи (первый компонент правой части (3)).

Возможно, что для таких европейских стран, как Швейцария и Голландия, двухмерная модель (3) не имеет большого смысла из-за их малой территории и относительно большой плотности населения. Однако для России, многие регионы которой имеют огромную

территорию, являются труднодоступными и малонаселёнными, пренебрегать проблемами безопасности нельзя. Например, некоторые районы Тывы в межсезонье оказываются на два месяца отрезанными от остальной территории страны. В связи с этим механизм территориальной диффузии передовых технологий должен максимально активно поддерживаться. Сама модель такой поддержки предполагает серьёзные дискуссии, в связи с чем обрисуем её лишь в самых общих чертах.

Речь идёт о создании некоего фонда инвестиций для того или иного региона. Источником этого фонда могут быть финансы федеральных и региональных властей, а также авуары частных инвесторов. Организационно соответствующие финансовые кластеры могут быть независимыми друг от друга, определяясь лишь решениями соответствующих уполномоченных лиц. Мотивация в финансировании данных институциональных инвесторов может быть разной. Например, федеральные власти во главу угла ставят ускорение технологического прогресса в регионе и выравнивание региональных различий, региональные — ускорение роста производства соответствующей территории, а частные инвесторы — получение стабильного дохода на вложенный капитал. Однако в данном случае диагностика эффекта масштаба даёт необходимые однонаправленные сигналы для всех групп участников, что и является объединяющим элементом рассматриваемой схемы, ибо бессмысленно вкладывать деньги в бесперспективное производство. При этом речь идёт только об уже действующих производствах, а не о запуске совершенно новых объектов.

Указанные институциональные инвесторы должны иметь экспертные группы, ответственные за анализ ситуации, выбор направления инвестирования и контроль результатов от вложенных средств. Первым итогом работы данных экспертных групп может стать определение самого производственного комплекса, подпадающего под финансовую поддержку, а вторым — определение характера поддержки в части финансирования исследований и разработок в случае передового производства или поддержки заимствования (покупки и наладки) технологий в случае отстающих производств; на втором шаге определяются также сами технологии, подлежащие заимствованию, — какие именно, откуда (регион и предприятие) и куда (конкретное предприятие). Каждая из экспертных групп должна контролировать свои интересы и результаты: федеральные представители — процесс технологического прогресса и роста производительности труда, региональные представители — процесс роста экономической активности территории, представители частного бизнеса — финансовую состоятельность предприятий. При этом частные вложения могут быть гарантированы участием инвесторов в прибылях профинансированных предприятий. Вполне логичным представляется взаимодействие трёх экспертных групп между собой на предмет выработки инвестиционного консенсуса, чтобы обеспечить синергию от вкладываемых средств.

Реалистичность такой схемы может вызывать сомнения, однако никаких принципиальных препятствий на её пути нет. Сегодня почти все отраслевые ведомства страны имеют определённые финансовые резервы для «своих» предприятий, однако их расходование ведётся по мало понятной схеме, что и нуждается хотя бы в частичной оптимизации. Разумеется, множество вопросов относительно взаимодействия институциональных инвесторов нуждается в серьёзной проработке, однако эти вопросы выходят за рамки данной статьи.

Заключение

В статье рассмотрена проблема неравномерности развития российских регионов в контексте их сложившегося технологического неравенства. В качестве примера использовалась отрасль сельского хозяйства, которая присутствует во всех субъектах федерации и даёт хороший пример для вполне объективного и практически тотального сравнения. Расчёты показали, что некоторые регионы страны, невзирая на климатические и геогра-

фические условия, добились хороших результатов и являются перспективными нишами для дополнительного инвестирования со стороны как государства, так и частного бизнеса. Другие регионы по сугубо управленческим причинам оказались в состоянии технологического застоя и производственной депрессии. Для ликвидации сложившегося положения предлагается пересмотреть приоритеты инвестирования в региональные производственные комплексы на основе специально сконструированной инвестиционной матрицы, в которой выделяются несколько типов территорий — абсолютные и относительные чемпионы, лидеры, догоняющие и отстающие.

Такая структуризация экономического пространства России позволяет сделать, по крайней мере, два важных шага. Первый связан с разделением инвестиционного потока на три категории вложений — в расширение производства, в исследования и разработки и в заимствование и внедрение новых форм производства. При этом инвестирование в данной схеме приобретает адресный характер: регионы-чемпионы получают целевую помощь на совершенствование своего производства путём исследований и разработок, а отстающие территории могут рассчитывать на помощь по линии передачи новых технологий. Такой подход предотвращает неправомерные траты на тех, кто не в состоянии эффективно освоить выделяемые им деньги. Второй шаг подразумевает новый подход в организации межрегиональной диффузии производственных достижений. Для этого необходимо наладить передачу прогрессивного опыта из регионов-лидеров в отстающие регионы под патронажем государства и под его строгим контролем в части роста производительности труда.

Предложенная схема селекции инвестиционных потоков на разные нужды и в разные регионы в определённом смысле противоречит традиционной российской практике выравнивания регионального неравенства. Вместо «подкармливания» отстающих регионов с отрицательным или неочевидным результатом от подобной акции мы предлагаем стимулировать развитие регионов-лидеров с последующей передачей их прогрессивного опыта остальным территориям. В этом случае у каждого региона появляется своя миссия в терминах инновационной экономики — одни выполняют роль передовых производственных кластеров, обеспечивающих технологические прорывы, а другие — перенимают лучшие практики и тем самым улучшают качество экономического пространства страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

Результаты идентификации эффекта масштаба для аграрного сектора российских регионов [*Балацкий, Екимова,* 2024].

№	Регионы*	Модель	Эффект масштаба, θ	P/P_{M0}
Центральный ФО				
1	Белгородская область	$\ln P = 1{,}35 + 0{,}46 \ln Y$ n=19, R^2 =0,958, DW=1,491, A=5,42% Временной ряд: 2004–2022	0,46 (**)	1,96
2	Брянская область	$\ln P = -6{,}67 + 1{,}28 \ln Y$ n=22, R^2 =0,957, DW=2,150, A=2,33% Временной ряд: 2001–2022	1,28 (***)	1,46
3	Владимирская область	Ситуация не определена	(*)	0,77
4	Воронежская область	$\ln P = -7{,}88 + 1{,}27 \ln Y$ n=22, R^2 =0,952, DW=1,583, A=1,75% Временной ряд: 2001–2022	1,27 (***)	1,37
5	Ивановская область	Ситуация не определена	(*)	0,74
6	Калужская область	$\ln P = -4{,}92 + 1{,}18 \ln Y$ n=22, R^2 =0,573, DW=1,999, A=6,47% Временной ряд: 2001–2022	1,18 (***)	1,53
7	Костромская область	Ситуация не определена	(*)	0,68
8	Курская область	$\ln P = -10{,}65 + 1{,}61 \ln Y$ n=22, R^2 =0,951, DW=1,724, A=2,48% Временной ряд: 2001–2022	1,61 (***)	2,23
9	Липецкая область	$\ln P = -4{,}93 + 1{,}08 \ln Y$ n=22, R^2 =0,951, DW=1,840, A=1,94% Временной ряд: 2001–2022	1,08 (***)	1,91
10	Московская область	$\ln P = 0{,}888 + 0{,}47 \ln Y$ n=19, R^2 =0,987, DW=1,466, A=3,87% Временной ряд: 2004–2022	0,47 (**)	0,98
11	Орловская область	$\ln P = -15{,}43 + 2{,}22 \ln Y$ n=14, R^2 =0,699, DW=1,362, A=6,23% Временной ряд: 2009–2022	2,22 (***)	2,73
12	Рязанская область	$\ln P = 0{,}651 + 0{,}48 \ln Y$ n=22, R^2 =0,999, DW=2,215, A=1,44% Временной ряд: 2001–2022	0,48 (**)	2,06
13	Смоленская область	Ситуация не определена	(*)	0,91
14	Тамбовская область	$\ln P = -6{,}03 + 1{,}13 \ln Y$ n=22, R^2 =0,969, DW=1,564, A=1,88% Временной ряд: 2001–2022	1,13 (***)	1,15
15	Тверская область	$\ln P = -6{,}65 + 1{,}31 \ln Y$ n=20, R^2 =0,807, DW=2,155, A=4,50% Временной ряд: 2003–2022	1,31 (***)	0,72
16	Тульская область	$\ln P = -6{,}39 + 2{,}22 \ln Y$ n=22, R^2 =0,908, DW=2,273, A=9,94% Временной ряд: 2001–2022	2,22 (***)	1,46

Продолжение табл. со с.78

№	Регионы*	Модель	Эффект масштаба, θ	P/P_{M0}
17	Ярославская область	$\ln P = -6{,}65 + 1{,}32 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,604, DW=2,192, A=3,44% Временной ряд: 2001–2022	1,32 (***)	0,71
18	г. Москва	Ситуация не определена	(*)	0,16
		Северо-Западный ФО		
19	Республика Карелия	$\ln P = 8{,}92 - 0{,}71 \ln Y$ n=17, $R2$ =0,285, DW=1,798, A=4,92% Временной ряд: 2006–2022	-0,71 (*)	0,47
20	Республика Коми	$\ln P = -1{,}73 + 0{,}85 \ln Y$ n=15, $R2$ =0,978, DW=1,602, A=7,83% Временной ряд: 2008–2022	0,85 (**)	0,30
21	Архангельская область (с НАО)	$\ln P = 12{,}40 - 1{,}07 \ln Y$ n=18, $R2$ =0,702, DW=1,796, A=2,17% Временной ряд: 2005-2022	-1,07 (*)	0,75
22	Вологодская область	Ситуация не определена	(*)	1,38
23	Калининградская область	$\ln P = -7{,}66 + 1{,}48 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,883, DW=1,549, A=3,66% Временной ряд: 2001–2022	1,48 (***)	0,98
24	Ленинградская область	$\ln P = -11{,}86 + 1{,}77 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,687, DW=1,750, A=2,74% Временной ряд: 2001-2022	1,77 (***)	0,12
25	Мурманская область	Ситуация не определена	(*)	0,87
26	Новгородская область	$\ln P = -4{,}79 + 1{,}18 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,527, DW=1,505, A=6,16% Временной ряд: 2001–2022	1,18 (***)	1,13
27	Псковская область	$\ln P = -7{,}64 + 1{,}47 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,876, DW=1,736, A=6,28% Временной ряд: 2001–2022	1,47 (***)	0,47
28	г. Санкт-Петербург	Ситуация не определена	(*)	0,30
		Южный ФО		
29	Республика Адыгея	$\ln P = -4{,}90 + 1{,}22 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,486, DW=1,810, A=4,71% Временной ряд: 2001–2022	1,22 (***)	0,74
30	Республика Калмыкия	$\ln P = -2{,}09 + 0{,}90 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,747, DW=1,500, A=9,32% Временной ряд: 2001–2022	0,90 (**)	0,55
31	Астраханская область	$\ln P = -8{,}08 + 1{,}42 \ln Y$ n=19, $R2$ =0,877, DW=1,435, A=3,61% Временной ряд: 2004–2022	1,42 (***)	0,60
32	Волгоградская область	$\ln P = -15{,}65 + 2{,}02 \ln Y$ n=18, $R2$ =0,929, DW=1,391, A=1,40% Временной ряд: 2005–2022	2,02 (***)	0,97
33	Ростовская область	$\ln P = -11{,}57 + 1{,}55 \ln Y$ n=23, $R2$ =0,979, DW=1,553, A=0,97% Временной ряд: 2000–2022	1,55 (***)	1,08

Продолжение табл. со с.78

№	Регионы*	Модель	Эффект масштаба, θ	$P/P_{м0}$
34	Краснодарский край	$\ln P = -10{,}33 + 1{,}39 \ln Y + 0{,}41$ d n=23, $R2$ =0,988, DW=1,594, A=0,72% Временной ряд: 2000–2022	1,39 (***)	1,36
35	Республика Крым	Ситуация не определена	(*)	0,55
36	г. Севастополь	Ситуация не определена	(*)	0,41
	Северо-Кавказский ФО			
37	Республика Дагестан	$\ln P = -5{,}05 + 0{,}96 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,633, DW=1,778, A=3,29% Временной ряд: 2001–2022	0,96 (**)	0,47
38	Республика Ингушетия	Ситуация не определена	(*)	0,28
39	Кабардино-Балкарская Республика	$\ln P = 1{,}05 + 0{,}45 \ln Y$ n=23, $R2$ =0,975, DW=1,834, A=3,22% Временной ряд: 2000–2022	0,45 (**)	0,61
40	Карачаево-Черкесская Республика	Ситуация не определена	(*)	0,82
41	Республика Северная Осетия - Алания	Ситуация не определена	(*)	0,96
42	Чеченская Республика	$\ln P = -1{,}30 + 0{,}64 \ln Y$ n=16, $R2$ =0,947, DW=1,591, A=7,93% Временной ряд: 2007–2022	0,64 (**)	0,22
43	Ставропольский край	$\ln P = 0{,}79 + 0{,}42 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,944, DW=1,618, A=3,60% Временной ряд: 2001–2022	0,42 (**)	0,81
	Приволжский ФО			
44	Республика Башкортостан	Ситуация не определена	(*)	1,26
45	Республика Марий Эл	$\ln P = -6{,}36 + 1{,}32 \ln Y$ n=23, $R2$ =0,908, DW=1,790, A=1,23% Временной ряд: 2000–2022	1,32 (***)	1,17
46	Республика Мордовия	$\ln P = -4{,}53 + 1{,}02 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,954, DW=1,544, A=1,02% Временной ряд: 2001–2022	1,02 (***)	0,81
47	Республика Татарстан	$\ln P = -14{,}89 + 1{,}91 \ln Y$ n=22, $R2$ =0,724, DW=1,802, A=5,02% Временной ряд: 2001–2022	1,91 (***)	1,19
48	Удмуртская Республика	Ситуация не определена	(*)	1,21
49	Чувашская Республика	Ситуация не определена	(*)	0,75
50	Пермский край	Ситуация не определена	(*)	0,76
51	Кировская область	$\ln P = 0{,}89 + 0{,}46 \ln Y$ n=16, R^2 =0,969, DW=1,966, A=5,68% Временной ряд: 2007–2022	0,46 (**)	0,73

Продолжение табл. со с.78

№	Регионы*	Модель	Эффект масштаба, θ	$P/P_{м0}$
52	Нижегородская область	$\ln P = 0{,}92 + 0{,}45 \ln Y$ n=23, R^2 =0,885, DW=1,713, A=7,82% Временной ряд: 2000–2022	0,45 (**)	1,08
53	Оренбургская область	$\ln P = -19{,}52 + 2{,}42 \ln Y$ n=14, R^2 =0,715, DW=1,413, A=3,56% Временной ряд: 2009–2022	2,42 (***)	1,06
54	Пензенская область	$\ln P = -11{,}19 + 1{,}69 \ln Y$ n=22, R^2 =0,805, DW=1,866, A=5,49% Временной ряд: 2001–2022	1,69 (***)	1,68
55	Самарская область	$\ln P = 0{,}60 + 0{,}48 \ln Y$ n=23, $R2$ =0,966, DW=1,577, A=4,09% Временной ряд: 2000–2022	0,48 (**)	1,21
56	Саратовская область	$\ln P = -22{,}99 + 2{,}79 \ln Y$ n=23, R^2 =0,884, DW=1,533, A=2,71% Временной ряд: 2000–2022	2,79 (***)	1,63
57	Ульяновская область	$\ln P = -15{,}09 + 2{,}20 \ln Y$ n=23, R^2 =0,898, DW=1,450, A=2,79% Временной ряд: 2000–2022	2,20 (***)	1,12
Уральский ФО				
58	Курганская область	Ситуация не определена	(*)	1,37
59	Свердловская область	$\ln P = -41{,}75 + 4{,}83 \ln Y$ n=23, R^2 =0,874, DW=1,760, A=2,33% Временной ряд: 2000–2022	4,83 (***)	1,07
60	Тюменская область (вся)	$\ln P = 1{,}12 + 0{,}47 \ln Y$ n=23, R^2 =0,951, DW=1,864, A=6,71% Временной ряд: 2000–2022	0,47 (**)	1,14
61	Челябинская область	$\ln P = 0{,}73 + 0{,}55 \ln Y$ n=19, R^2 =0,950, DW=1,682, A=4,66% Временной ряд: 2004–2022	0,55 (**)	0,96
Сибирский ФО				
62	Республика Алтай	$\ln P = 0{,}86 + 0{,}45 \ln Y$ n=21, R^2 =0,939, DW=1,447, A=3,87% Временной ряд: 2002–2022	0,45 (**)	0,50
63	Республика Тыва	Ситуация не определена	(*)	0,55
64	Республика Хакасия	Ситуация не определена	(*)	0,70
65	Алтайский край	$\ln P = -9{,}67 + 1{,}42 \ln Y + 0{,}49$ d n=21, R^2 =0,966, DW=1,480, A=0,99% Временной ряд: 2002–2022	1,42 (***)	1,06
66	Красноярский край	Ситуация не определена	(*)	0,76
67	Иркутская область	$\ln P = 1{,}12 + 0{,}40 \ln Y$ n=23, R^2 =0,812, DW=1,682, A=5,69% Временной ряд: 2000–2022	0,40 (**)	0,60
68	Кемеровская область	Ситуация не определена	(*)	1,24

Окончание табл. со с.78

№	Регионы*	Модель	Эффект масштаба, θ	$P/P_{м0}$
69	Новосибирская область	$\ln P = -5{,}50 + 1{,}15 \ln Y$ n=22, R^2 =0,835, DW=1,822, A=8,64% Временной ряд: 2001–2022	1,15 (***)	1,26
70	Омская область	Ситуация не определена	(*)	0,69
71	Томская область	$\ln P = -11{,}65 + 1{,}94 \ln Y$ n=21, R^2 =0,707, DW=1,842, A=3,63% Временной ряд: 2002–2022	1,94 (***)	0,98
Дальневосточный ФО				
72	Республика Бурятия	$\ln P = 35{,}93 - 3{,}76 \ln Y$ n=23, R^2 =0,651, DW=2,125, A=2,99% Временной ряд: 2000–2022	-3,76 (*)	0,41
73	Республика Саха (Якутия)	Ситуация не определена	(*)	0,51
74	Забайкальский край	$\ln P = 0{,}80 + 0{,}50 \ln Y$ n=15, R^2 =0,964, DW=1,538, A=7,81% Временной ряд: 2008–2022	0,50 (**)	0,52
75	Камчатский край	$\ln P = -5{,}99 + 1{,}42 \ln Y$ n=17, R^2 =0,523, DW=1,441, A=5,35% Временной ряд: 2006–2022	1,42 (***)	0,29
76	Приморский край	$\ln P = 1{,}17 + 0{,}38 \ln Y$ n=23, R^2 =0,808, DW=1,429, A=4,37% Временной ряд: 2000–2022	0,38 (**)	0,48
77	Хабаровский край	Ситуация не определена	(*)	0,37
78	Амурская область	$\ln P = -5{,}60 + 1{,}23 \ln Y$ n=21, R^2 =0,677, DW=1,425, A=11,41% Временной ряд: 2002–2022	1,23 (***)	2,10
79	Магаданская область	$\ln P = 1{,}79 + 0{,}54 \ln Y$ n=23, R^2 =0,604, DW=1,720, A=3,56% Временной ряд: 2000–2022	0,54 (**)	0,65
80	Сахалинская область	$\ln P = -12{,}42 + 2{,}28 \ln Y$ n=22, R^2 =0,497, DW=1,518, A=4,84% Временной ряд: 2001–2022	2,28 (***)	0,61
81	Еврейская автономная область	Ситуация не определена	(*)	0,82
82	Чукотский автономный округ	$\ln P = -2{,}52 + 1{,}33 \ln Y$ n=22, R^2 =0,908, DW=2,047, A=4,26% Временной ряд: 2001–2022	1,33 (***)	0,61

Обозначения: n — число наблюдений; R^2 — коэффициент детерминации; DW — коэффициент Дарбина–Уотсона; A — ошибка аппроксимации; d — дамми (фиктивная) переменная, принимающая значения 0 и 1; (***), если $\theta > 1$; (**), если $0 < \theta \leq 1$; (*), если $\theta < 0$ или ситуация не определена.

* Расчёты проводились по Архангельской области с учётом Ненецкого АО, по Тюменской области — с учётом Ямало-Ненецкого АО и Ханты-Мансийского АО — Югра. При расчётах не учитывались новые регионы, поскольку расчёты произведены до их присоединения к России.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Балацкий Е.В. (2001). Использование индикативного мониторинга структурного развития экономики при разработке промышленной политики [*Balatsky E.* (2001). The use of indicative monitoring of the structural development of the economy in the development of industrial policy] // *Общество и экономика*. № 5. С. 53–67.

Балацкий Е.В. (2012). Технологическая диффузия и инвестиционные решения [*Balatsky E.V.* (2012). Technological Diffusion and Investment Decision] // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 3(15). С. 10–34.

Балацкий Е.В. (2013). Модели рождения и распространения инноваций [*Balatsky E.V*. (2013). Technological innovations: models of birth and diffusion] // *Журнал экономической теории*. № 1. С. 65–78.

Балацкий Е.В. (2021). Идентификация технологического фронтира [*Balatsky E.* (2021). Identification of the Technology Frontier] // *Форсайт*. Т. 15. № 3. С. 23–34. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.23.34.

Балацкий Е.В., Потапова А.В. (2001). Узкие места в регионально-отраслевой структуре российской промышленности [*Balatsky E.V., Potapova A.V.* (2001). Bottlenecks in the regional and sectoral structure of Russian industry] // *Общество и экономика*. № 7–8. С. 136–146.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2024). Идентификация эффекта масштаба в регионально-отраслевых производственных комплексах России: теоретические основы и эконометрические оценки [*Balatsky E.V., Ekimova N.A.* (2024). Identification of Economies of Scale in Regional-Industrial Production Complexes of Russia: Theoretical Foundations and Econometric Estimates] // *Journal of Applied Economic Research.* Т. 23. № 2. С. 394–421. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.2.016.

Барбашова Н.Е. (2019). Использование единой методики при выравнивании бюджетной обеспеченности муниципальных образований [*Barbashova N.E.* (2019). Application of a Unified Methodology for Intergovernmental Equalization at Regional Level] // *Финансовый журнал*. Т. 47. № 1. С. 44–55. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-1-44-55.

Голиченко О. (2012). Модели развития, основанного на диффузии технологий [*Golichenko* O.G. (2012). Models of development based on technology diffusion] // *Вопросы экономики*. № 4. С. 117–131. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-4-117-131

Дементьев В.Е. (2006). Ловушка технологических заимствований и условия её преодоления в двухсекторной модели экономики [*Dementiev V.E.* (2006). A Trap of the Technological Adoptions and The Condition of its Overcoming in the Two-Sector Model of Economy] // *Экономика и математические методы.* Т. 42. № 4. С. 17–32.

Зайцев А. (2013). Региональная диагностика и отраслевой анализ производительности труда [*Zaytsev A.* (2013). Regional Diagnostics and Branch Analysis of Labor Productivity] // *Федерализм*. Т. 69. № 1. С. 57–74.

Иванова А.В., Гусева Л.П., Чернышова С.Н. (2021). Аналитическая оценка приоритетов диффузии инноваций [*Ivanova A.V., Guseva L.P., Chernyshova S.N.* (2021). Current Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice] // *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика*. Т. 9. № 4 (55). С. 62–77. DOI:10.34220/2308-8877-2022-9-4-62-77.

Калинов В.В. (2018). Достижения и просчёты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период [*Kalinov V.V.* (2018). The Achievements and Failures of the State Scientific and Technical Policy of the Ussr in the Postwar Period] // *Российский технологический журнал.* Т. 6. № 1. С. 73–87.

Коварда В.В. (2018). Совершенствование системы выравнивания социально-экономического развития региона посредством формирования регионального финансового фонда [*Kovarda V.V.* (2018). Improvements to the System of the Balanced Social and Economic Development of a Region by Regional Financial Fund] // *Общество: политика, экономика, право.* № 7(60). С. 37–40. DOI: 10.24158/pep.2018.7.5.

Ковальчук М.В. (2021). *Идеология природоподобных технологий*. [*Kovalchuk M.V.* (2021). Nature-Like Technologies]. — М.: Физматлит.

Маслов Г.А. (2021). Научно-технический прогресс и экономика СССР: теория, практика, уроки для современности [*Maslov G.A.* (2021). Scientific and Technological Progress and Economy of the Ussr: Theory, Practice, Lessons for the Present] // *Экономическая наука современной России.* № 4(95). С. 143–148. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-143-148.

Морковкин Д.Е., Строев П.В., Шапошников А.И. (2019). Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации [*Morkovkin D.E., Stroev P.V., Shaposhnikov A.I.* (2019). Financial support of regions as a tool to equalize budgetary security of the constituent entities of the Russian Federation] // *Финансы: теория и практика.* Т. 23. № 4. С. 57–68. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-57-68.

Полтерович В.М. (2009). Проблема формирования национальной инновационной системы [*Polterovich V.M.* (2009). The Problem of Creating a National Innovation System] // *Экономика и математические методы.* Т. 45. №. 2. С. 3–18.

Полтерович В.М., Хенкин Г.М. (1988). Эволюционная модель взаимодействия процессов создания и заимствования технологий [*Polterovich V., Henkin G.* (1988). An Evolutionary Model with Interaction between Development and Adoption of New Technologies] // *Экономика и математические методы*. Т. 24. № 6. С. 1071–1083.

Пономарева С.А. (2012). Особенности научно-технической политики социалистических стран на примере СССР и ЧССР (1965–1990 гг.) [*Ponomareva S.A.* (2012). Features of the scientific and technical policy of socialist countries on the example of the USSR and Czechoslovakia (1965–1990)] // *Вопросы экономики и права*. № 49. С. 176–179.

Тавбулатова З.К., Таштамиров М.Р., Кулакова Н.В. (2021). *Особенности формирования дотационных бюджетов и совершенствование методики выравнивания бюджетной обеспеченности* [*Tavbulatova Z.K., Tashtamirov M.R., Kulakova N.V.* (2021). Features of the formation of subsidized budgets and improvement of the methodology for equalizing budget security]. — Грозный: Изд-во ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».

Темирбулатова Р.Н. (2010). *Экономические и институциональные особенности процесса внедрения научно-технических достижений в промышленности СССР в 1970–1991 гг.* [*Temirbulatova R.N.* (2010). Economic and institutional features of the process of introducing scientific and technical achievements in the USSR industry in 1970–1991] / Автореф. дис. канд. экон. наук. — Самара: СГЭУ.

Тесленок К.С., Тесленок С.А. (2020). Пространственно-временной анализ диффузии инноваций в сельском хозяйстве [*Teslenok K.S., Teslenok S.A.* (2020). Spatio-Temporal Analysis of Innovations Diffusion in the Agriculture] // *Интеркарто. Интергис.* Т. 26. № 3. С. 147–158. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-3-26-147-158.

Токаева С.К., Туаева Л.А. (2021). Дифференциация регионов России по уровню бюджетной обеспеченности: проблемы и пути решения [*Tokaeva S.K., Tuaeva L.A.* (2021). Differentiation of Russian Regions by Budget Security Level: Problems and Ways of Solution] // *Экономические науки.* № 204. С. 171–176. DOI:10.14451/1.204.171.

Уилсон Э. (2019). *Смысл существования человека.* [*Wilson E.* (2019). The Meaning of Human Existence]. — М.: Альпина нон-фикшн.

Ханин Г.И. (2008). *Экономическая история России в новейшее время.* Т. 1. [*Khanin G.I.* (2008). The economic history of Russia in modern times. V. 1]. — Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет.

Ханова Л.М., Хозяинов Д.П. (2020). Совершенствование подходов к предоставлению дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации [*Khanova L.M., Khozyainov D.P.* (2020). Improving approaches to equalisation transfer of the Russian Federation's subjects] // *Экономика, предпринимательство и право.* Т. 10. №6. С. 1823–1844. DOI:10.18334/epp.10.6.110528.

Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. (2006). Distance to frontier, selection, and economic growth // *Journal of the European Economic Association.* Vol. 4. №. 1. Pp. 37–74.

Aghion P., Howitt P., Mayer-Foulkes D. (2005). The effect of financial development on convergence: Theory and evidence // *The Quarterly Journal of Economics.* Vol. 120. №. 1. P. 173–222. DOI: 10.1162/qjec.2005.120.1.173. DOI: 10.1162/jeea.2006.4.1.37.

Agrawal A., Kapur D., McHale J. (2008). How do spatial and social proximity influence knowledge flows? Evidence from patent data // *Journal of Urban Economics*. Vol. 64. No. 2. Pp. 258–269. DOI:10.1016/j.jue.2008.01.003.

Andergassen R., Nardini F., Ricottilli M. (2017). Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth // *Structural Change and Economic Dynamics.* Vol. 40. Pp. 72–80. DOI: 10.1016/j.strueco.2016.12.003.

Hägerstrand T. (1967). *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. — Chicago: University of Chicago Press.

Lengyel B., Bokányi E., Di Clemente R., Kertesz J., Gonzalez M.C. (2020). The role of geography in the complex diffusion of innovations // *Scientific Reports*. Vol. 10. Art. 15065. DOI:10.1038/s41598-020-72137-w.

Peskova D.R., Khodkovskaya J.V., Nazarov M.A. (2020). Peculiarities And Principles Of Innovations' Diffusion In Global Economy // *Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development*: European Publisher. / *S.I. Ashmarina, V.V. Mantulenko* (Eds.). Pp. 862–870. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.124.

Polterovich V., Tonis A. (2003). Innovation and Imitation at Various Stages of Development // *NES Working Paper.* URL: https://www.researchgate.net/publication/41020311_Innovation_and_Imitation_at_Various_Stages_of_Development (accessed: 15.02.2020).

Polterovich V., Tonis A. (2005). Innovation and Imitation at Various Stages of Development: A Model with Capital // *NES Working Paper.* URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1753531 (accessed: 15.02.2020).

Rogers E.M. (1962). *Diffusion of innovations.* — New York: Free Press.

Sarasvathy S D., Dew N. (2005). New Market Creation Through Transformation // *Journal of Evolutionary Economics.* Vol. 15. No. 5. Pp. 533–565. DOI:10.1007/s00191-005-0264-x.

Балацкий Евгений Всеволодович
evbalatskij@fa.ru

Evgeny V. Balatsky
Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation,Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
evbalatskij@fa.ru

Екимова Наталья Александровна
n.ekimova@bk.ru

Nataly A. Ekimova
PhD of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
n.ekimova@bk.ru

SELECTIVE TERRITORIAL DIFFUSION OF TECHNOLOGIES TAKING INTO ACCOUNT THE SCALE EFFECT[8]

Abstract. The article proposes a procedure of investment allocation between regions based on the assessment of their production achievements. For this purpose, the return on investment and economies of scale are taken into account, which creates the basis for the construction of technological and investment matrices for the subsequent identification of the most promising regional-sectoral clusters. The procedure is tested on the example of agriculture for all subjects of the Russian Federation. The proposed scheme of selecting investment flows for different needs — expansion of production, research and development, borrowing and introduction of new technologies — in different regions opposes the traditional Russian practice of equalizing regional inequality. Instead of subsidizing lagging regions, it is proposed to stimulate the development of leading regions with subsequent transfer of their progressive experience to other territories. In this case, each region has its own mission in terms of innovation economy — some of them play the role of advanced production clusters that provide technological breakthroughs, while others adopt the best practices and thus improve the quality of the country's economic space. We discuss the procedure of interregional diffusion of advanced forms of production, taking into account sub-sectors and individual areas of production specialization.

Keywords: *agricultural sector, technology diffusion, investment matrix, investment policy, regional policy, technology matrix, economies of scale.*
JEL: O47.

[8] The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University in 2024.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К.Э. Яновский
к.э.н., Шоронский центр изучения экономической политики (Израиль)

С.В. Жаворонков
независимый исследователь (Москва)

«НАШЕСТВИЕ РОБОТОВ»: ПРИСТУП ЛУДДИЗМА ИЛИ РЕАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ?[1]

Аннотация. Новая волна роботизации и перспективы массового внедрения искусственного интеллекта (ИИ) сами по себе сулят на порядок больше благ, включая и более широкий выбор рабочих мест. Современный экономический рост начался с научно-технических прорывов и сопровождается быстрым созданием всё новых и новых товаров, услуг и, соответственно, новых отраслей. Новый виток научно-технического прогресса в этом смысле может принести больше благ, чем предыдущие. Это потребует, однако, восстановления должных гарантий свободы собственника и защиты его собственности, при условии свободы контракта, включая право частной дискриминации (равносильной свободе выбора в частных делах). При этом угрозы личным правам и свободам, рабочим местам и самому существованию гражданского общества при внедрении ИИ несомненны, но они слабо обусловлены техникой, а напрямую связаны с попыткой опереться на «социальное государство» вместо приложения собственных усилий. Эти угрозы косвенно исходят из замещения универсальной морали её протезами, идеи и практик всемогущего «заботливого» государства, которые пропагандируют его лидеры, сторонники и бюрократы.

Ключевые слова: *научно-технический прогресс, роботизация, искусственный интеллект, гарантии прав собственника, гарантии прав собственности.*
JEL: N30, D72, D78, I28, O43
УДК: 330.354, 330,59, 304.2, 321.01
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_86_99
© К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Яновский К.Э., Жаворонков С.В.* «Нашествие роботов»: приступ луддизма или реальный вызов? // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 86–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_86_99.
FOR CITATION: *Yanovskiy K., Zhavoronkov S.* «Robots' Invasion»: New Attack of Luddism or Real Challenge? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 86–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_86_99.

В последние годы как в научных публикациях, так и в экономической публицистике можно встретить множество панических прогнозов о вытеснении большой, а со временем бо́льшей части ныне занятых в народном хозяйстве роботами и искусственным интеллектом (ИИ). Среди требований и рекомендаций доминируют следующие: усилить государственное регулирование ИИ и роботизации, обеспечить «высвобождаемую» рабочую силу (теряющих работу) за счёт растущих ресурсов государства (расширить масштабы

[1] Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

перераспределения). Среди последних призывов выделяются требования «безусловного гарантированного дохода».

На первый взгляд, страхи не лишены оснований. Причём на этот раз новые технологии угрожают рабочим местам даже в классических интеллектуальных специальностях, таких как врачи, переводчики, художники и т.д.

Роботизация — подзабытая история

Дарон Аджемоглу — один из крупнейших и наиболее цитируемых современных экономистов совместно с коллегами (Pascual Restrepo и др.) опубликовал в 2018–2022 гг. девять статей о том, как роботизация и искусственный интеллект повлияют на рынок труда (например: [*Acemoglu, Autor, Hazell, Restrepo*, 2022; *Acemoglu, Restrepo*, 2020; *Acemoglu, Restrepo*, 2018]). Правда, если вчитаться в статьи известного учёного, становится очевидным, что его прогнозы порождают больше вопросов, чем ответов. В частности, а стоит ли из-за гипотетической небольшой опасности снижения рыночных ставок зарплаты, ничем всерьёз пока не подтверждённой, публиковать столько статей, явно подыгрывая панике? Статистический прогноз [*Acemoglu, Restrepo*, 2022] не опирается на длительный ряд сопоставимых наблюдений в прошлом, а ситуация на зарегулированном рынке 1980-х гг. не сопоставима ни с первыми волнами технического прогресса в относительно свободном XIX в., ни с первыми годами нового столетия, когда свобода предпринимательства ограничена намного жёстче, чем даже в 1980-х гг.

Напомним о 1980-х гг., когда произошло массовое внедрение роботизированных систем в машиностроении и металлообработке. Безлюдные цеха, по которым между огромным автоматическим роботом-складом и станками снуют транспортные роботы — «робокары», развозят специальные поддоны с заготовками и забирают готовые детали. Вместо рабочих — роботы устанавливают и крепят заготовки для обработки на станке, а после обработки ставят готовые детали на нужный поддон.

Сборочные цеха автоконцернов с сотнями роботов–сварщиков, роботов–сборщиков в каждом. Все это не кошмары современных социалистов и благонамеренных мейнстримных экономистов. Это зарисовки с натуры первой половины 1980-х гг. в США, Японии, Германии и других странах (подробнее см.: [*Hollingum, Kobayashi, Inaba*, 1984]). Системы управления, узлы и комплектующие к автоматическим станкам и роботам — станочникам, сборщикам, сварщикам и т.д. производятся и старыми гигантами индустрии — Allen Bradley (AB), Asea Brown Boveri (ABB), Siemens, Bosch, Toshiba, Olivetti и многими другими как и пионерами, так и технологическими лидерами — Unimation (США — знаменитый робот Puma) и FANUC (Япония).

Даже в СССР первое безлюдное производство (комплекс фирмы FANUC) работало с 1984 г. на новой площадке завода «Красный пролетарий» в Москве. Массовое производство гибких производственных модулей и систем (ГПС — английская аббревиатура FMS) на основе станков, управляемых микрокомпьютером CNC (Computer Numerical Control), работающих в паре с обслуживающим роботом началось ещё раньше. В производство автоматизированных систем включилась и относительно отсталая экономика СССР. Так, Ивановский станкостроительный завод выпускает в 1980-е гг. надёжные и недорогие обрабатывающие центры с компьютерным управлением. Их охотно покупают на Западе и интегрируют в свои системы.

Конечно, и в 1980-е гг. раздавались голоса, предсказывавшие катастрофические последствия роботизации, — массовую безработицу, социальное напряжение вплоть до массовых беспорядков. Ничего такого не произошло. Да, собственно, и паники было куда меньше, и в ней уж точно не участвовали маститые учёные-экономисты, дорожащие своей репутацией.

Техническая революция и занятость

В защиту первых луддитов необходимо заметить, что их катастрофические ожидания от первой промышленной революции в Великобритании опирались на многолетний опыт. Это был опыт экономики «фиксированного пирога», при котором сильные, а потому богатые отнимали всё, что можно было отнять у слабых, а потому бедных. Цеха, заставленные машинами, были ярким свидетельством мощи и богатства обладателей этих цехов. Это вызывало понятные подозрения в том, что такая мощь составлена из средств и за счёт бедных и уж точно не пойдет им на пользу. Тогда, после ста лет гарантий свободы и собственности, новые реалии взаимовыгодного сотрудничества посредством свободного рынка и «невидимой руки» свободного ценообразования впервые описал Адам Смит. И тут ещё раз заметим, что если луддиты, естественно, не читали Адама Смита, то последние поколения обществоведов игнорируют его, несмотря на известность и многократно подтверждённую правоту.

Подушевое производство в развитых странах за последние 200-300 лет выросло в десятки раз (см., к примеру, оценки в Maddison Project, 2020). Особенно быстро оно росло после начала промышленной революции и ускорялось с каждым новым её этапом в XIX–XXI вв.

Основной рост происходил вовсе не за счёт роста потребления товаров и услуг, известных ещё в XVII-XVIII вв. Люди, конечно, стали больше потреблять хлеба, мяса, молока, овощей и фруктов, покупать больше одежды и обуви. Строить более просторные жилища. Но это объясняет рост душевого дохода и потребления в 2-3 раза, а не в десятки раз. Основной рост происходил за счёт повышения качества и, главным образом, расширения спектра потребляемых товаров и услуг. Многие из них ранее были известными, но потреблялись только элитой (в том числе такие услуги, как образование, здравоохранение, и не просто добротная, но красивая и разнообразная одежда, редкие лакомства, карманные часы). Однако большинство новых благ возникло исторически недавно. Так, 200 лет назад люди не ездили регулярно на поездах, не обменивались телеграммами, и тем более не созванивались по мобильным телефонам, не играли в компьютерные игры. Сравнительно молода и индустрия отдыха и туризма.

Эта главная компонента современного экономического роста связана, с одной стороны, с «безграничностью наших желаний» [*Chamberlin, Block*, 2017], с другой — с безграничной изобретательностью предпринимателей, готовых не только реагировать на спрос, но и нередко создавать его выведенными на рынок принципиально новыми товарами и услугами. И. Кирцнер [*Kirzner*, 1992. P. 50] объяснял такую изобретательность возможностью получения «чистой прибыли» («экономической прибыли»).

Есть ещё один важный момент — луддиты действовали в ситуации, когда доля услуг в ВВП была невелика. Сейчас же как в развитых, так и в большинстве развивающихся стран она преобладает (в том числе и в России превышает половину ВВП)[2]. И совершенно не очевидно, что роботы так же хорошо заменят людей в этой сфере, как в сфере производства. Подобные попытки есть, но они сталкиваются с серьёзными ограничениями и часто отступают назад. Так, крупный российский ритейлер X5 Group (сети «Перекресток», «Пятёрочка») пытался полностью отказаться от услуг людей в своем колл-центре, но столкнувшись с массовым недовольством, невозможностью нормально объяснить свои проблемы роботам, он вернул людей-операторов как необходимую опцию. В ряде других бизнесов (например, крупнейший банк «Сбер») убирали людей-операторов колл-центров для обычных клиентов, но оставили для VIP-обслуживания, Private Banking. Тем самым было

[2] *Табах А., Подругина А.* Структурная трансформация: как будет меняться архитектура российского ВВП. Эксперт. URL: https://raexpert.ru/researches/gdp_rus_2023 (дата обращения: 16.09.2024).

признано, что квалифицированный оператор во многих случаях помогает клиенту намного лучше робота. Позиция самих клиентов, судя по опросу, вполне очевидна — большинство предпочитает оператора роботу[3].

До конца XIX в. в широком обиходе не было электрических ламп. До 1920-х гг. даже в бесспорном тогда экономическом и техническом лидере мира — США не было в широком обиходе холодильников[4]. Тогда же, в 1920-е гг., в обиходе появляется радиоприёмник, начинаются авиаперевозки. Автомобиль перестаёт быть роскошью, благодаря конвейерному производству Генри Форда.

В общем, те, кто теряли работу в сельском хозяйстве, потом в ткацком деле, потом в иных отраслях, эффективность которых росла благодаря разделению труда, механизации и автоматизации, находили её в десятках новых отраслей. Этот эффект, как работавший исторически, так и как возможный в будущем, признают и упомянутые глашатаи угрозы роботизации и ИИ [*Acemoglu, Restrepo*, 2019, 8.2.3. Pp. 205–207].

Разумеется, новые отрасли и рабочие места в них возникают при одном условии, к выполнению которого в старых рыночных демократиях быстро привыкли, а потому в XX в. стали о нём всё чаще забывать. Для того чтобы технические прорывы приносили благо, а не беду, требуются надёжно защищённые права частного собственника, вне зависимости от того, сколь быстро его собственность, на зависть окружающим, не преумножалась. Эффективность этой защиты резко повышалась верой в то, что свободный рынок, его цены (устанавливаемые «невидимой рукой»), конкуренция на рынке сотворены высшим разумом и не людям пытаться их исправить. Частная собственность и частная жизнь получили статус почти буквально священных и неприкосновенных[5]. «Дождь может войти без спроса в дом английского бедняка, ветер может … король не может»[6]. Незваный гость («вор в подкопе» — Исход 22:1) мог быть легально убит хозяином. Богатство стало видимым знаком благословения свыше. Зависть же уверенно относилась к смертным грехам.

По мере роста социального государства и увлечения социалистическими «прогрессивными» (на самом деле крайне архаичными) идеями институты семьи, религии слабели. Слабела вместе с ними и защита частной собственности. Место Бога в глазах новых ленивых «бедных» заняло «Большое заботливое правительство» [*Eberstadt*, 2013; *Franck, Iannaccone*, 2013].

Почему они ушли и почему на этот раз не вернулись

Неслучайно произошедшая в условиях уже основательно окрепшего «Большого заботливого» правительства с его бесчисленными регуляциями революция роботов, компьютеров и интернета 1970–1990-х гг. привела к многим негативным необратимым последствиям для целого поколения на Западе.

Уход огромного числа производств за рубеж, в Китай, где регуляторов тоже хватало, но где с ними можно было договориться, потеря целых отраслей производства уже не была компенсирована. Не произошло такого умножения новых отраслей, которое вернуло бы

---

[3] Gartner Survey Finds 64% of Customers Would Prefer That Companies Didn't Use AI For Customer Service. Gartner. URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-07-09-gartner-survey-finds-64-percent-of-customers-would-prefer-that-companies-didnt-use-ai-for-customer-service (access date: 16.09.2024).

[4] History of the Refrigerator. Whirlpool. URL: https://www.whirlpool.com/content/dam/business-unit/whirlpool/en-us/marketing-content/blog-posts/history-of-the-refrigerator-timeline.pdf (access date: 16.09.2024).

[5] Oll. URL: http://oll.libertyfund.org/quotes/502 (access date: 16.09.2024).

[6] «The poorest man may in his cottage bid defiance to all the forces of the Crown. It may be frail, its roof may shake; the wind may blow through it; the storms may enter, the rain may enter, — but the King of England cannot enter; all his forces dare not cross the threshold of the ruined tenement». Цит. по: *Hafetz J.L.* «A Man's Home is His Castle?»: Reflections on the Home, the Family, and Privacy During the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries. — 8 Wm. & Mary J. Women & L. 175, 2002; URL: http://scholarship.law.wm.edu/wmjowl/vol8/iss2/2 (access date: 16.09.2024).

после переобучения на равноценные рабочие места тех, кто потерял работу и кто был готов переучиваться, чтобы снова много и тяжело работать. Правда, оплакивали этот процесс те же самые экономисты, которые благословляли государственное регулирование [*Case, Deaton*, 2015; *Case, Deaton*, 2020; *Glaeser, Shleifer*, 2003]; те, кто вопреки не только науке, но и здравому смыслу поддерживали внедрение социализма на Западе после его катастрофического развала на Востоке[7].

Вывод в Китай множества фирм в 1980-2000-е гг. можно объяснить тем, что в Китае были созданы привилегированные условия для иностранных инвесторов, а уровень зарплат был очень низким. К 2010 г. зарплаты в экспортных отраслях заметно выросли, а гарантии, предусмотренные Дэн Сяопином для бизнеса и в особенности для иностранных инвесторов, начали рушиться [*Яновский, Маслов*, 2009]. К 2017 г. «сдержки и противовесы» в руководстве Коммунистической партии Китая (КПК) были снесены, «ротации во власти» прекратились и окончательно сложился режим личной власти Си Цзиньпина [*Gueorguiev*, 2018; *Shirk*, 2018; *The Chinese Communist…*, 2019]. Свирепые и уже очевидно бессмысленные [*Yanovskiy, Socol*, 2024] локдауны 2021 г. в Китае, направленные против наиболее процветающих, ориентированных на экспорт регионов страны[8], только подчеркнули зависимость всех и каждого бизнеса от произвольных решений властей[9]. Но даже после этого массового возвращения производств в Северную Америку и Западную Европу не наблюдается.

В такой ситуации встаёт вопрос: в новой ситуации более не нужен неквалифицированный труд? А если отменить минимальную зарплату и госрегулирование рынка труда? Если правительству, парламенту и суду начать руководствоваться принципом «не навреди» и перестать вмешиваться в частную жизнь, если ликвидировать государственные структуры, насаждающие «антидискриминационные» нормы? Так ведь уже было в исторически не столь уж давнем прошлом.

Насколько реальна угроза?

Разберёмся спокойно, насколько опасен ИИ как конкурент работникам умственного труда? Любой, кто экспериментировал с Chat GPT задавая вопросы из области общественных наук, мог убедиться в том, что эта система отвечает бойко, без основательного цитирования и вполне на уровне преподавателя муниципального колледжа из США.

---

[7] Милтон Фридман подчёркивал в 1994 г.: «На данный момент все согласны с тем, что социализм — это провал, а капитализм — успех. Вывод, который делают из этих утверждений в Вашингтоне: “Следовательно, в США нужно больше социализма”». («Capitalism is a success». To judge from what goes on in Washington, the conclusion that has been drawn is: «Therefore, the U.S. needs more socialism» — Friedman Milton Cooperation between Capital-rich and Labor rich Countries. URL: http://fff.org/explore-freedom/article/cooperation-capitalrich-laborrich-countries-part-1/). Добавим от себя: сторонники неограниченного правительства и государственные служащие — независимые от политиков бюрократы — создали устойчивый спрос на идеи социализма. Спрос распределяющих огромные государственные гранты бюрократов и заставил забыть коллег про Адама Смита. Предложение же обанкротившихся идей стало вполне разумной стратегией успеха на личном уровне задолго до 1990-х гг. См. подробнее: *Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Черный Д., Затковетский И.* (2014). Из новейшей истории университетов: как консервативные центры накопления человеческого капитала превратились в гнезда левого радикализма.(December 10, 2014). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2536629 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629.

[8] Meanwhile In China, All Hell Is Breaking Loose. Zerohedge. URL: https://web.archive.org/web/20220314021601/https://www.zerohedge.com/markets/meanwhile-china-all-hell-breaking-loose; Why China's Latest COVID-19 Lockdowns Could Delay Amazon Orders in the U.S. Time. URL: https://time.com/6157721/china-lockdown-amazon-walmart/; Shenzhen districts locked down as China battles COVID outbreaks. Reurers. URL: https://www.reuters.com/world/china/shenzhen-districts-locked-down-china-battles-covid-outbreaks-2022-09-03/; Zero COVID Horror Show in Shanghai. AIER. URL: https://www.aier.org/article/zero-covid-horrorshow-in-shanghai/ (access date: 16.09.2024).

[9] Впервые с 1989 г. в Китае произошли массовые выступления против власти КПК, спровоцированные как раз локдаунами. Anti-Lockdown Protests Intensify in China as COVID Cases Hit Record High. The Times of India. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/anti-lockdown-protests-intensify-in-china-as-covid-cases-hit-record-high/articleshow/95803166.cms (access date: 16.09.2024).

Возможно, и выше, поскольку программа не обладает эмоциями и не боится «быть отменённой». Однако стоит ли нам падать так низко, чтобы оказаться на уровне обществоведа из municipal college, где студентов на первом курсе дообучают чтению и письму [*Woods, Park., Hu, Jones*, 2019]?

Обществовед или даже врач, чьей единственной сильной стороной всегда была хорошая память, могут опасаться внедрения ИИ. Однако большинство инженеров, учителей, врачей, освоив и «подогнав» под свои запросы и потребности такую систему, получат фору перед коллегами и сохранят преимущество перед самой системой. Ведь ИИ никаким интеллектом, строго говоря, не является, как бы он ни справлялся с отдельными, пусть даже и сложными задачами. В руках того, кто лучше даёт задания и задаёт вопросы, он будет всего лишь инструментом, который уравновесит вычислительные преимущества машины. Поразившие столь многих победы ИИ над шахматистами были победами над шахматистами «не вооружёнными». Гроссмейстер, подготовивший себе ИИ-помощника, вероятно, окажется намного сильнее лучшей ИИ без живого шахматиста в паре. Итак, искусственный «интеллект» — это вызов, который можно принять и выиграть. Вас, коллеги, ещё никто никуда не гонит и вряд ли сможет прогнать, если вы будете готовы бороться.

И это, не говоря о том, что вооружённый современной, отчасти даже компьютеризированной, но без всякого ИИ техникой уборщик, гардеробщик, кассир в магазине, продавец-консультант, оператор в службе технической поддержке имеют пока не столько недостатки, сколько неоспоримые преимущества перед роботом. Обслуживание ведь нужно не ради прогресса как такового, а ради нашего удобства. Если государство перестанет тиранить бизнес и каждый работник, особенно из числа «защищаемых меньшинств», перестанет восприниматься бизнесом как источник угрозы судебного преследования [*Яновский, Жаворонков, Затковецкий*, 2017; *Яновский, Жаворонков*, 2018], спрос на роботов резко сократится. Это произойдёт просто потому, что многим клиентам, покупателям, потребителям общаться с человеком удобнее и комфортнее.

Однако никакая способность освоить ИИ продвинутыми или просто трудолюбивыми интеллектуалами не избавляет нас от уже упомянутых и от дополнительных проблем и угроз. Созданных, однако, не коварным искусственным разумом, а по-своему естественными антиобщественными интересами бюрократов и части политиков.

«Безусловная опасность»

В поддержку безусловного (базового) дохода, выплачиваемого всему населению правительством, особенно часто высказываются как раз в связи с прогнозами беспрецедентной безработицы как следствия внедрения роботов и ИИ. Заметим, что статистически концепция «беспрецедентной безработицы» не оправдывается — ни в США, ни в Европе, ни даже в России нынешний уровень безработицы — совсем не крупнейший в истории, причём последние годы он стабилен или даже падает. Так, уровень безработицы в США по итогам апреля 2024 г. составил 3,8%; по итогам апреля 2019 г. (до эпидемии COVID-19) он составлял те же 3,8%. А, например, 10 лет назад в апреле 2014 г. он составлял 6,7%[10]. В поддержку идеи о базовом доходе иногда высказываются не только крайне левые, но и консерваторы и даже отдельные «либертарианцы». Для «не-левых» пропагандистов всеобщего безусловного кормления из рук бюрократии эта мера, как ни странно, выглядит как средство дебюрократизации. Действительно, если пособие выплачивается без справок с обоснованием нуждаемости и т.п. и без проверок их достоверности, потребность в определённой группе бюрократов отпадает. Это, вероятно, объясняет тот факт, что не все сторонники «щедрого правительства» поддерживают данную идею, и она пока не внедряется сколь-нибудь широко. В поддержку идеи нередко, как принято, ссылаются на «науку», будто

[10] Уровень безработицы в США. MFD. URL: https://mfd.ru/calendar/details/?id=53 (access date: 16.09.2024).

бы доказавшую, что где-то в Уганде экспериментальные выплаты не привели к сокращению выхода получателей на рынок труда. Убедительных результатов на опыте развитых стран не получено. Напротив, группа немецких исследователей получила вполне ожидаемые результаты — заметное снижение интереса к собственным трудовым усилиям среди получателей безусловного дохода [*Verlaat, Todeschini, Ramos*, 2023; *Яновский, Жаворонков*, *Черный,* 2016].

Суть предложения о введении такого всеобщего пособия сводима к укоренению среди нерадивых граждан веры в обязанность успешных и тяжело работающих граждан отдавать государству всё большую долю своих доходов, на которые все остальные будто бы имеют право. Идея права собственности на содержимое чужого кошелька особенно опасна в условиях, когда получатели пособия имеют привилегию, заработанную честно только их кормильцами — привилегию голосовать. Возможность использовать избирательный бюллетень для того, чтобы неограниченно расширять власть «заботливого» правительства неограниченно разлагает мораль общества [*Яновский, Жаворонков*, 2017]. Внедрение такой меры станет шагом к окончательной деградации семьи и гражданского общества и сделает возможности возвращения к моральной норме крайне маловероятными без тяжелейших потрясений.

Реальные проблемы и новые вызовы

Но реальные проблемы в связи с появлением ИИ существуют. Каковы они?

Кризис государственного образования, или Чем займутся талантливые молодые люди?

В ситуации, когда предложение на рынке образования в основном частное и частный же заинтересованный спрос на услуги образования предъявляет жёсткие требования к его стандартам, массовая переподготовка и/или основательная базовая подготовка создают возможности переквалификации для потерявших работу. Возможно и новое обучение или самообучение на основе ранее полученных прочных и глубоких знаний [*Cook, Ehrlich*, 2018][11]. При доминировании государственного образования вкупе с ограничениями, жёсткой регламентацией для частных образовательных структур, резкий рост спроса на переподготовку становится тяжелейшей проблемой, не находящей желательного решения в разумные сроки.

Мы не раз писали [*Яновский, Жаворонков*, 2022; *Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий*, 2018. Гл. 8] об идеологической интоксикации в государственных школах. О том, как происходит прививка идей о незаменимости государства в частной жизни, о моральной сомнительности предпринимательского успеха. Об опасности такой интоксикации предупреждал Фредерик Бастиа ещё в середине XIX в. в работе «Высшее образование и социализм» [*Бастиа*, 2011. С. 171, 225–226]. Одним из последствий промывки мозгов стал пониженный престиж предпринимательства как профессии в современном обществе.

Между тем Макс Вебер [*Вебер*, 1990] показал, что капитализм и его институты стали возможными и продемонстрировали беспрецедентные успехи только после того, как успех предпринимателя получил морально-религиозную санкцию и перестал считаться чем-то предосудительным. Только тогда появляется достаточно надёжная защита, чтобы два потенциально малопопулярных персонажа смогли заработать огромные средства и спо-

[11] Следует оговориться, что авторы, многократно «битые» коллегами за былую независимость мышления, предлагают в цитируемой работе абсолютно стандартный «мейнстримный» вывод об исключительно полезной роли государственной поддержки высшего образования в успехах экономического развития США конца XIX — начала XX вв. При этом в тексте тщательно спрятана принципиальная оговорка авторов о роли фундаментальных причин (в тексте «*underlying factors*») на стр. 18, где Кук и Эрлих внятно разъясняют внимательному читателю, что рост и инвестиций в образование, и доходов на таковые обусловлены желанием частных лиц, начиная с домохозяйств, максимизировать отдачу от сделанных вложений, т.е. являются нормальными, частными рыночными стимулами.

койно передать их по наследству. Первый — это собственник капитала, «средств производства» (ресурсов, приносящих прибыль). Второй — специалист по приобретению дешёвых ресурсов и продаже существенно более дорогих созданных с их помощью продуктов: товаров и услуг. Без первого не существует современного капитализма и, соответственно, массового, потенциально генерирующего экономический рост предпринимательства [*Мизес,* 1949/2005. С. 640]. Второй, на бытовом русском «спекулянт», а по определению И. Кирцнера [*Kirzner*, 1978] собственно (в узком смысле этого слова) предприниматель. Именно его «бдительность» в отношении деловых возможностей и является непосредственным двигателем современной экономики.

Роль престижа как важного (а иногда самого значительного) элемента вознаграждения за проделанную работу была очень подробно и на многочисленных примерах показана Адамом Смитом (в его «Исследовании о природе и причинах богатства народов» 1776 г.[12]). Отсутствие вознаграждения бизнеса общественным уважением, почётом, низкий престиж профессии предпринимателей не могут не стать причиной снижения качества предпринимателей-новичков. Непрестижность бизнеса прежде всего подрывает стимулы к выбору рискованных инновационных стратегий развития бизнеса, поскольку уважение, общественное признание является стандартной компенсацией именно за наиболее рискованные занятия (военные, пожарные, спасатели)[13].

Интоксикация детей в современных государственных образовательных учреждениях приводит к смещению общественного мнения и общественного выбора в сторону партий сторонников принудительной государственной заботы («левых» партий). Увеличение поданных голосов за такие партии приводит со временем к утяжелению регуляторного бремени, к ослаблению конкуренции. Голосование за идеологически «антикапиталистические» партии посылает сигнал потенциальным предпринимателям о том, что они не могут рассчитывать на общественное уважение и почёт за свои достижения. Следует подчеркнуть, что ощущение престижности занятия предпринимательством — важный фактор выбора самозанятости [*Segal, Borgia, Schoenfeld,* 2005].

В известной статье Мерфи, Шлейфера и Вишны [*Murphy, Shleifer, Vishny*, 1991] анализируются факторы, определяющие выбор профессии. Если отдача от человеческого капитала (талантов, способностей) выглядит справедливой, то наиболее талантливые рыночные «агенты» часто добиваются успеха в бизнесе за счёт удовлетворения рыночного спроса, организуя производство товаров и услуг для потребителя и используя свои способности в возможно более широком масштабе.. При иных условиях предприниматели могут использовать свои способности по-другому: для поиска и присвоения ренты, перераспределения богатства, тем самым замедляя экономический рост. Отношение общества к бизнесу и успеху проявляется достаточно заметно и сигнализирует о том, что правила ведения бизнеса будут либо дружественными, либо враждебными бизнесу. Тяготы ведения бизнеса, унизительные проверки, основанные на презумпции непорядочности предпринимателя, отсутствие уважения к бизнес-успеху, к достижениям предпринимателя ведут к уменьшению притока на рынок новых инновационных фирм.

Даже когда забота правительства начинает распространяться и на бизнес, она приводит к искажению стимулов и к привлечению в бизнес не тех, кто наделён талантом угождать наилучшим образом потребителю, а тех, кто скорее находит общий язык с чиновником, то есть использует свои связи для ограничения конкуренции и извлечения ренты. В такой ситуации вероятность проявления описанного выше эффекта массового расши-

---

[12] «First, The wages of labour vary with the ease or hardship, the cleanliness or dirtiness, the honourableness or dishonourableness of the employment…. Honour makes a great part of the reward of all honourable professions. … Disgrace has the contrary effect». Chapter 10.

[13] See Adam Smith's observation of young peoples' readiness to volunteer during the war (Chapter 10).

рения производства и предложения новых товаров и услуг в результате открытия новых технических возможностей заметно снижается.

Если, кроме государственного образования, другого почти не осталось [*Яновский*, *Жаворонков*, 2022], альтернативой для застойной безработицы становится вынужденный переход на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу, причём даже для наиболее образованных и квалифицированных специалистов из «старых» отраслей. И тут появляется соблазн (и для правящей бюрократии, и политиков, и для попавших в тяжёлую ситуацию работников) резко расширить слой зависимых от государства получателей пособий.

Принудительная забота государства о нас

Реальная проблема — принудительная забота государства о потребителях и тяжёлое бремя исполнения законов, регулирующих бизнес. Проблема усугубляется тем, что важный традиционный индикатор такой нагрузки сломан и выкинут под давлением антикапиталистов [*Mau*, 2021 P. 27]. Речь идёт о заслуживающем критики (за недостаток внимания к рынкам и к их проблемам, а вовсе не за избыток) индикаторе Doing Business Всемирного Банка. Оставшиеся в нашем распоряжении меры «экономической свободы» игнорируют (как впрочем и в Doing Business) едва ли не главную компоненту современного регулирования: «борьбу с дискриминацией» на рынке труда. Последняя превращена в принуждение к дискриминации в пользу определённых групп и допускает почти неограниченное вмешательство властей (прежде всего бюрократии) в дела бизнеса. Зарегулированный бизнес означает искусственно ограниченную конкуренцию, поскольку малый и средний бизнес всё чаще не в состоянии нести растущее регуляторное бремя. Зарегулированный бизнес означает запретительно высокие риски поиска новых рыночных ниш и инноваций, которые и обеспечивали в прошлом вывод на рынок новых товаров, новых услуг при новом спросе на рабочую силу, включая даже неквалифицированную.

Без тяжкого налогового и регуляторного бремени сам ИИ породит спрос на множество новых услуг и товаров. Наверняка высокий спрос будет на персонализированные системы типа «персональный помощник» с применением как в быту, так и в науке (research assistant) и технике. Появится спрос, с одной стороны, на обучение потребителя наиболее эффективным методам использования новых систем, а также самостоятельного обучения этих систем в соответствии с предпочтениями потребителя.

С другой стороны, будут предоставляться услуги по обучению персональных помощников в соответствии с требованиями заказчика. Последние будут варьировать от многочисленных деловых, технических, политических, религиозных. В США фирмы, оказывающие услуги кандидатам в ходе предвыборной кампании, разделены на тех, кто работают почти исключительно с республиканцами, и тех, кто работают с демократами. На индивидуальном уровне сложно представить человека национал-консервативных или либертарианских взглядов, готового пользоваться изо дня в день услугами помощника, обученного на социалистической и атеистической литературе. Тем более приверженцы «прогрессивных» взглядов не потерпят помощника, обученного, в частности, на работах Адама Смита, Фредерика Бастиа и / или на библейских текстах.

Но и это не самая тяжёлая проблема. Самой тяжёлой является…

Размывание базовых прав и свобод, или Как государство убивает возможности будущего процветания

Приведём несколько примеров того, насколько тесно возможности создания новых отраслей, рабочих мест и, соответственно, высококачественных товаров и услуг связаны с защитой прав человека. В том числе защитой от принудительной заботы правительства.

Персональные ИИ[14] — помощники, секретари, репетиторы и прочие перспективные комплексы товаров и услуг — могут процветать, создавая спрос на услуги людей по подготовке материала для обучения программ. В отсутствии гарантий всего комплекса прав Первой поправки (свободы слова, мысли, религии) новые отрасли столкнутся с весьма ограниченным спросом и не получат инвестиций. Ведь в том случае, если пользователь будет опасаться репрессий, подбирая материалы для обучения, ценность таких устройств резко снижается.

Деятельность и услуги тех, кто мог бы помогать материалами для обучения ИИ, также становится опасной, даже если не будут введены её обязательное и сложное лицензирование и жёсткие ограничения допустимого содержания материалов, библиотек, используемых для обучения и хранения.

Чем выше риски репрессий со стороны государства, тем меньше будет желающих платить, по сути, за то, что даст полиции невиданные возможности расширить спектр поводов для репрессий. Сегодня при аресте (который всё более похож на похищение) отнимают компьютеры и смартфоны, в скором будущем будут отнимать и новые ИИ-устройства. Причём речь идёт, напомним, не о какой-то стране, в которой традиционно правили и правят диктаторы, а о некогда наиболее свободных странах.

В 1990-2010-х гг. сторонники неограниченно заботливого правительства на Западе вычищали своих оппонентов из университетов, подавляющее большинство которых даже в США отрицает права Первой поправки[15] (подробнее об истории деградации университетов — бывших бастионов свободного слова, задокументированной известными обществоведами, начиная с [*Coase,* 1974; *Stigler*, 1975], приводится в [*Яновский*, *Жаворонков*, 2022]).

В 2020-х гг. преследование за слова и мнения становится рутиной в отношении тех, кто не согласны с официальной медициной (см. обзор [*Yanovskiy, Socol*, 2024]). Те, кто сомневаются в результатах выборов с использованием процедур, давно признанных уязвимыми для фальсификаций, обвиняются чуть ли не в мятеже (об обоснованности сомнений в итогах ноябрьских 2020 г. выборов в США см.: [*Жаворонков, Касьян, Яновский*, 2021]).

При стремительно расширяющемся списке слово-преступлений недалеко и до преследования за «мыслепреступления» по Дж.Оруэллу. Причём изъятие персональных ИИ-помощников как раз у тех, кого по роду занятий логичнее всего заподозрить в таковых, даёт реальную техническую возможность для такого преследования. Нетрудно догадаться, что в такой ситуации индустрия ИИ как одна из наиболее перспективных даже не отраслей, а групп отраслей при наблюдаемой сегодня тенденции с остатками свободы слова в некогда свободных странах оказывается под ударом.

Сегодня кажутся очевидными огромные перспективы внедрения ИИ в медицине — от интерпретации результатов обследований и анализов в помощь врачам до получения пациентом независимых оценок диагноза и рекомендаций врача. При этом понятно, насколько эффективность ИИ зависит от доверия к ним (т.е. к разработчикам) его пользователей: врачей и пациентов. Если врач будет знать, что ИИ — это, кроме всего прочего, инструмент в руках Большого правительства, у него появятся сильные стимулы к сокрытию от него информации или к её искажению. Возможно, не менее сильные стимулы к искажению и сокрытию появятся и у пациента. Мало кому приятно делиться интимными проблемами, а проблемы со

---

[14] Один из авторов статьи впервые услышал об идее такого продукта от Брайана Роммеле (Brian Roemmele) — редактора интернет-сайта об искусственном интеллекте ReadMultiplex.com. URL: https://readmultiplex.com/2023/04/11/how-you-can-install-a-chatgpt-like-personal-ai-on-your-own-computer-and-run-it-with-no-internet (access date: 16.09.2024). Идею эту, однако, также невозможно запатентовать, как в свое время нельзя было запатентовать идею персонального компьютера.

[15] По текущему состоянию базы данных (Foundation for Individual Rights in Education — FIRE) о внутриуниверситетских нормах, отрицающих Первую поправку, из 485 университетов и колледжей такие нормы официально действуют в 423. Using FIRE's Spotlight Database. FIRE. URL: https://www.thefire.org/spotlight/using-the-spotlight-database/ (access date: 16.09.2024).

здоровьем относятся к таковым, с незнакомыми людьми, считающими пациента едва ли не своей собственностью (даже если жёсткий контроль над человеком оправдывается потребностью «наилучшим образом позаботиться» о нём). Разумеется, Большое правительство и его апологеты требуют усиления контроля властей над системами ИИ во имя защиты прав личности и, в частности, ради защиты тайны частной жизни пациента [*Benkler*, 2019; *Samuel, Derrick*, 2020]. Однако, кто контролирует контролёров? Исторический опыт показывает, что именно Большое правительство представляет наибольшую угрозу личным правам граждан [*Yanovskiy, Socol*, 2024]. Очевидно, что ограничения прав личности, частной собственности и контроль властей за разработчиками ИИ резко сократят спрос на услуги таких систем, ограничат конкуренцию на стороне предложения и поставят под угрозу качество разработок.

Широчайший спектр возможностей открывается при оказании поддерживаемых ИИ услуг бизнесу (своего рода помощник, сочетающий функции секретаря и советника). Однако в ситуации всеобщего «заботливого» контроля государства с постоянно расширяющимися во имя этой «заботы» полномочиями воспроизводится описанная выше проблема персонального ИИ. Причём воспроизводится в ухудшенном виде. Маловероятно, что власти откажут себе в полномочиях использовать собранные ИИ — бизнес-помощником сведения и данные при проведении сначала «специальных», а потом и рутинных проверок. Вряд ли найдётся много желающих оплачивать связанные с этим риски и угрозы своему бизнесу из собственного кармана.

ИИ способен помочь и в известных, достаточно банальных ситуациях. Например, вечером или после визита в гости весьма заманчиво передать управление автомобилем с функцией автопилота, управляемого ИИ, самой машине. Однако водитель, скажем, наслышан о том, что программное обеспечение бортового компьютера периодически обновляется, получая в том числе новейшие уточнения о приоритете спасения в аварийной ситуации по указаниям властей, и при этом он догадывается или просто думает о том, что его собственная жизнь почти наверняка уже не является для ИИ ни первым, ни вторым приоритетом для спасения при аварии, то весьма вероятно он не пожелает полагаться на заботу автопилота, а следовательно, и приобретать такой тип автомобиля. И таких ситуаций можно смоделировать сотни…

Заключение

Новый виток научно-технического прогресса может принести нам намного больше благ, чем все предыдущие, вместе взятые. Однако для реализации этих возможностей необходимы предприниматели, заинтересованные в том, чтобы угождать потребителю, а не чиновникам. Нужны эксперты, инженеры, техники, способные технически реализовать новые бизнес-идеи и обеспечить резкое расширение спектра новых товаров и услуг.

Потребуется восстановить на должном уровне гарантии свободы собственника и защиты его собственности при условии свободы контракта, включая право частной дискриминации (равносильной свободе выбора в частных делах). Угрозы личным правам и свободам, рабочим местам и самому существованию гражданского общества напрямую исходят от попытки опереться на социальное государство вместо собственных усилий. Они косвенно исходят от замещения универсальной морали её протезами, удобными и выгодными проводящими её в жизнь в комфортных для них формах «заботливого» государства политиков и бюрократов. Если гарантии прав и собственности не будут обеспечены, не только снизится готовность к риску инноваций со стороны бизнеса. Резко сократится и спрос на новые товары и услуги, способные стать ловушкой для их обладателя и пользователя.

Опасности роботизации, массового внедрения «искусственного интеллекта» существуют. Но все по-настоящему тяжёлые из них порождены попытками одних обо всех

принудительно заботиться, а других — получать ещё больше заботы, не задумываясь о её издержках.

Технически эти проблемы имеют достаточно простые решения. Но они сложно осуществимы по политическим причинам. Эти проблемы можно решить, только если очень сильно захотеть (при наличии сильной политической воли и высокого спроса и постоянного давления со стороны актива избирателей). Основные решения заключаются в сохранении уже известных институтов. Возможные модификации могут касаться расширения норм обеспечения особой защиты систем и носителей личной информации как элементов «расширенного я» по образцу «вор в подкопе», уточняющем понятие личности и её защиты до дома, в котором живёт человек.

Важной темой, не затронутой в статье, является многолетнее доминирование на большинстве рынков информационных услуг небольшой группы компаний. Эти компании регулярно взаимодействуют с государственной бюрократией и политическими силами — сторонниками неограниченного «заботливого правительства». Это взаимодействие охватывает массу областей — от цензурирования в социальных сетях (в период COVID-19 к примеру см. раздел «Dissent opinion suppression» в [*Yanovskiy*, 2022]) по рекомендациям властей до частного финансирования организации подсчёта голосов на выборах[16], не говоря уже о вполне определённых партийных предпочтениях в распределении легитимных пожертвований на предвыборные кампании. Важно исследовать эти явления и проверить, являются ли такие практики изолированными и случайными эпизодами. Получают ли компании в обмен на поддержку «большого щедрого правительства» защиту от конкуренции и, если да, в какой форме (регуляции, применение авторского права, иное).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бастиа Ф. (2011). *Протекционизм и коммунизм*. [*Bastiat F.* (1848 / 1995). Protection and Communism / Selected essays]. — Челябинск: Социум.

Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма [*Weber M.* (1990) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism] // М. Вебер. *Избранные произведения*. — М.: Прогресс.

Жаворонков С.В., Касьян А.С., Яновский К.Э. (2021). Что случилось с «Факелом свободы»: уроки 3 ноября 2020 года для России. [*Zhavoronkov S., Kasyan A., Yanovskiy K.* (2021). What Happened to the «Torch of Liberty»: Russia's Lessons to Learn From 3 November] // *Electoral Politics* Vol. 3. T. 5. №1. URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/chto-sluchilos-s-fakelom-svobody-uroki-3-noiabria-2020-goda-dlia-rossii/; https://ssrn.com/abstract=3916411.

Мизес Л. (2005). *Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории* [*Mises L.* (1949). Human Action. A Treatise on Economics]. — Челябинск: Социум.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2017). Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии [*Yanovskiy K., Zhavoronkov S.* (2017). Some Notes on the Morality of Universal Franchise] // *Экономическая политика*. № 6. С. 102–123.

Яновский К.Э. Жаворонков С.В. (2018). Закон и борьба с дискриминацией: равенство или свобода? (Пример США). [*Yanovskiy K., Zhavoronkov S.* (2018). Rule of Law and Antidiscrimination struggle compatibility: new choice between Equality and Freedom? (Example of the United States)] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 59–68 DOI: 10.31857/S086904990000380-0.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2022). Всеобщее принудительное: что случилось с образованием и можно ли перезапустить мотор экономического роста? [*Yanovskiy K., Zhavoronkov S.* (2022) Universal and Compulsory: What has happened to Education and is it possible to restart the motor of Economic Growth?] // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 57–76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_57_76.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Черный Д.С. (2016). *Всеобщий базовый доход и прочие бедствия*. [*Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Cherny D.* (2016). Basic Income: Misfortune Which Never Comes Singly]. SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2766319 DOI: 10.2139/SSRN.2766319.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Черный Д.С., Затковецкий И. (2018). *Стратегия долгосрочного процветания. В поисках растаявшего ориентира*. [*Yanovskiy K., Zhavoronkov S , Cherny D., Zatcovetsky I.* (2018). The Strategy of Lasting Prosperity: In Search for the Lost Constellation]. — М.: Дело.

[16] Committee on House Administration. URL: https://cha.house.gov/2024/2/top-takeaways-from-hearing-on-zuckerbucks (access date: 16.09.2024).

Яновский К., Маслов Д. (2009). О некоторых свойствах наблюдаемого экономического роста в Китае [*Yanovsky K., Maslov D.* (2009). On some properties of the observed economic growth in China] // *Экономическая политика*, № 6. 2009. С. 147–163.

Acemoglu D., Autor D., Hazell J., Restrepo P. (2022). Artificial Intelligence and Jobs — Evidence from Online Vacancies. // *Journal of Labor Economics*. Vol. 40 No. S1. Pp. S293–S340. DOI: 10.1086/718327.

Acemoglu D. Restrepo P. (2018). The Race Between Man and Machine: Implications of Technology for Growth, Factor Shares and Employment. // *American Economic Review*. Vol. 108. No. 6. Pp. 1488–1542. DOI: 10.1257/AER.20160696. https://economics.mit.edu/people/faculty/daron-acemoglu/publications

Acemoglu D., Restrepo P. (2019). Artificial Intelligence, Automation, and Work // *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda* / A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (eds.). — Chicago: University of Chicago Press. Chapter 8. Pp. 197–236. DOI: 10.7208/9780226613475-010.

Acemoglu D., Restrepo P. (2020). Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets.// *Journal of Political Economy*. Vol. 128. No. 6. Pp. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.

Acemoglu D., Restrepo P. (2022). Tasks, Automation, and the Rise in U.S. Wage Inequality.// *Econometrica.* Vol. 90. Is. 5. Sept. Pp. 1973–2016. DOI: 10.3982/ECTA19815.

Benkler Y. (2019). Don't let industry write the rules for AI // *Nature.* Vol. 569 (7755). No. 161. DOI: 10.1038/D41586-019-01413-1.

Case A., Deaton A. (2015). Rising morbidity and mortality in midlife among white non-Hispanic Americans in the 21st century // *Proceeding of National Academy of Science USA*. Vol. 112. No. 49. Pp. 15078–15083.

Case A., Deaton A. (2020). *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.

Coase R. (1974). The Market for Goods and the Market for Ideas // *The American Economic Review.* Vol. 64. No. 2. Pp. 384–391.

Cook A., Ehrlich I. (2018). Was Higher Education a Major Channel through which the US Became an Economic Superpower in the 20th Century? // *IZA Institute of Labor Economics Discussion paper series IZA DP.* No. 11648. URL: http://ftp.iza.org/dp11648.pdf.

Eberstadt M. (2013). *How the West really lost God*. — Conshohocken, PA: Templeton Press.

Franck R., Iannaccone L.R. (2013). Religious decline in the 20th century West: testing alternative explanations. // *Public Choice* Vol. 159. No. 3–4. Pp. 385–414. DOI: 10.1007/s11127-013-0103-9.

Glaeser E.L., Shleifer A. (2003). The Rise of Regulatory State // *Journal of Economic Literature.* Vol. XLI. Pp. 401–425.

Gueorguiev D. (2018). Dictator's Shadow: Chinese Elite Politics Under Xi Jinping // *China Perspectives* [Online]. Nos. 1–2. DOI: 10.4000/CHINAPERSPECTIVES.7569.

Hollingum J., Kobayashi K., Inaba H. (1984). Flexible Manufacturing Systems // *Flexible Automation in Japan*. — Berlin, Heidelberg: Springer. DOI: 10.1007/978-3-662-07249-3_4.

Kirzner I.M. (1978). *Competition and Entrepreneurship*. — Chicago: University of Chicago Press.

Kirzner I.M. (1992). *The meaning of market process*. — NY.: Routlege.

Maddison Project Database, version 2020. Jutta B., Zanden J.L. van (2020), *Maddison style estimates of the evolution of the world economy. A new 2020 update*. https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020

Mau V. (2021). Trends and Outlooks // *Russian Economy in 2020*. Is. 42. / A.L. Kudrin, V.A. Mau, A.D. Radygin, S.G. Sinelnikov-Murylev (Eds.). — M.: Gaidar Institute Publishers. Pp. 9–32.

Murphy K., Shleifer A., Vishny R. (1991). The Allocation of Talent: Implications for Growth // *Quarterly Journal of Economics.* Vol. 106. Is. 2. Pp. 503–530. DOI: 10.2307/2937945.

Samuel G., Derrick G. (2020). Defining ethical standards for the application of digital tools to population health research // *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 98. No. 4. Pp. 239–244. DOI: 10.2471/BLT.19.237370.

Segal G., Borgia D., Schoenfeld J. (2005). The motivation to become an entrepreneur // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. Vol. 11. No. 1. Pp. 42–57. DOI: 10.1108/13552550510580834.

Stigler G. (1975). *The Citizen and the State: Essays on Regulation*. — Chicago: University of Chicago Press.

Shirk S. (2018). China in Xi's «New Era»: The Return to Personalistic Rule // *Journal of Democracy*. Vol. 29. Is. 2. Pp. 22–36.

The Chinese Communist Party in Action: Consolidating Party Rule. (2019). *China Policy Series* / L.P. Gore, Zh. Yongnian (Eds.). — NY.: Routledge.

Verlaat T., Todeschini F., Ramos X. (2023). The Employment Effects of Generous and Unconditional Cash Support // *IZA Discussion Paper* No. 15976. DOI: 10.2139/SSRN.4375359.

Woods C.S., Park T., Hu S., Jones T.B. (2019). Reading, Writing, and English Course Pathways when Developmental Education is Optional: Course Enrollment and Success for Underprepared First-time-in-College Students // *Community College Journal of Research and Practice*. Vol. 43. No. 1. Pp. 5–25. DOI: 10.1080/10668926.2017.1391144.

Yanovskiy K. (2022). *Coercive Policies and Some Reactions to the Coercion in the Time of COVID-19 Pandemic*. DOI: 10.2139/ssrn.4030906.

Yanovskiy M., Socol Y. (2024). *Power abuse & monopoly risk in Healthcare system: heterodox analysis & empiric illustration*. Preprint. DOI: 10.2139/ssrn.3724313.

Яновский Константин Эдуардович
mosheya@jct.ac.il
Konstantin Yanovskiy
PhD, head of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel)
mosheya@jct.ac.il

Жаворонков Сергей Владимирович
javoronkov@iep.ru
Sergei Zhavoronkov
Independent researcher (Moscow)
javoronkov@iep.ru

"ROBOTS' INVASION": NEW ATTACK OF LUDDISM OR REAL CHALLENGE?

Abstract. The new wave of robotization and the mass adoption of artificial intelligence (AI) could bring enormous benefits, including a wider choice of jobs. Modern economic growth began with scientific and technological breakthroughs, accompanied by the rapid creation of more and more new goods, services, and, accordingly, new industries. A new round of scientific and technological progress in this sense can bring more benefits than all previous ones combined. This path will be feasible only if proper guarantees of liberties, freedom, and private property safeguards are restored in Western countries on the full scale. Threats to personal rights and freedoms, jobs, and the very existence of civil society with the broader AI commissioning are undeniable, but they are weakly related to technology. They directly come from the people's desire to escape responsibility, to rely on the "welfare state" instead of their own efforts. Grave threats come indirectly from replacing universal morality with artificial prostheses like Political Correctness, from the ideas and practices of an omnipotent "caring" Government.

Keywords: *Scientific progress, AI, robotization, liberty and property safeguards.*
JEL: N30, D72, D78, I28, O43.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.В. Чубарова
д.э.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва)

НЕРАВЕНСТВО В СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматривается социально-экономический подход к пониманию неравенства в состоянии здоровья населения, в основе которого лежит идея факторов здоровья, под которыми понимаются условия жизни людей. На основе анализа российских и зарубежных исследований автор выделяет ключевые характеристики неравенства в состоянии здоровья, наблюдаемого в странах с разным уровнем развития с точки зрения социально-экономических факторов, подчёркивает связанные с этим основные тенденции его проявления в общественном контексте. Одним из важнейших критериев общественного восприятия неравенства в здоровье является определение справедливости, которая с точки зрения экономической науки неразрывно связана с такими понятиями, как эффективность и перераспределение. В статье подчёркивается важность понимания социально-экономических причин неравенства в состоянии здоровья, так как это определяет возможности его преодоления с помощью мер государственной политики, направленной на повышение благосостояния граждан.

Ключевые слова: *: неравенство в состоянии здоровья, факторы здоровья, справедливость в здравоохранении, социальная модель здоровья, социальное неравенство, перераспределение ресурсов.*
JEL: I14
УДК: 614, 338.23
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_100_114
© Т.В. Чубарова, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Чубарова Т.В.* Неравенство в состоянии здоровья: социально-экономический подход // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 100–114. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_100_114.
FOR CITATION: *Chubarova T.* Health Inequalities: A Socio-Economic Approach // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 100–114. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_100_114.

В последнее время проблемы охраны здоровья всё активнее обсуждаются не просто в медицинских, а скорее в социально-экономических аспектах. В этом контексте неравенство в состоянии здоровья занимает важное место в повестке дня развития современных систем здравоохранения. Этот вопрос привлекает внимание таких международных организаций, как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), которая создала специальную базу данных для анализа рассматриваемой проблемы. Усиление внимания к данной тематике произошло в период пандемии, когда оказалось, что определённые группы населения, прежде всего живущие в бедных депрессивных районах, больше пострадали от её влияния [*Berchet, Bijlholt, Ando,* 2023].

Вместе с тем, в области изучения неравенства в состоянии здоровья остаётся ещё много нерешённых вопросов, например, как его измерить, каковы причины его существования в современном обществе и что можно сделать, чтобы его преодолеть. Не претендуя

на рассмотрение всего спектра проблем, касающихся рассматриваемой области исследований, данная статья ставит следующие задачи:

- рассмотреть понимание неравенства в состоянии здоровья в научных исследованиях;
- выделить основные подходы к выявлению причин его сохранения в современном обществе, несмотря на активное развитие систем охраны здоровья населения;
- проанализировать роль таких категорий, как справедливость, эффективность и перераспределение применительно к пониманию неравенства в состоянии здоровья.

Определение неравенства в состоянии здоровья

ВОЗ определяет неравенство в состоянии здоровья как «систематические различия в состоянии здоровья между различными группами населения или в распределении ресурсов здравоохранения, которые проистекают из социальных условий, в которых граждане рождаются, взрослеют, живут, работают и стареют»[1]. Важно отметить, что данное определение основано на системном подходе. В нем подчёркивается, что причина существования неравенства в состоянии здоровья не только в индивидуальных, биологических факторах, но и во влиянии условий жизни людей. Это означает, что у одних групп населения состояние здоровья может быть лучше, чем у других групп населения, на устойчивой основе. При этом ВОЗ отмечает, что такое неравенство:

- приводит к существенным социальным и экономическим затратам как для индивидов, так и для общества в целом;
- несправедливо и может быть преодолено с помощью государственной политики, применения правильного набора государственных мер.

Исследования неравенства в состоянии здоровья развиваются довольно активно и могут быть условно разделены на два направления.

Во-первых, ряд исследований фиксирует (подтверждает) существование неравенства в состоянии здоровья как между странами, что связывается с уровнем их социально-экономического развития, так и внутри стран — между различными социальными группами населения.

Зафиксировать такое неравенство довольно сложно, особенно внутри стран, и корректность результата определяется выбором соответствующих показателей состояния здоровья. Это, например, продолжительность жизни, годы жизни с поправкой на качество или годы здоровой жизни, уровень заболеваемости и смертности (обычно как относительные показатели на душу населения). Часто неравенство состояния здоровья изучается в отношении конкретных причин смертности или заболеваемости населения. Возможны и более сложные подходы. Так, в [*Le Grand,* 1987] для измерения неравенства в состоянии здоровья между странами автор основывался на показателях смертности и использовал индексы, аналогичные коэффициенту Джини и другим измерениям неравенства доходов.

В эмпирических эконометрических исследованиях активно применяется такой показатель, как самооценка состояния здоровья, которая отражает представление человека о своём здоровье в определённый период времени и выявляется в ходе социологических исследований. Хотя этот подход упрекают в субъективности, в данном вопросе между исследователями, занимающимися проблематикой здоровья, сложился определённый консенсус в том, что он в целом отражает реальную ситуацию и способен предсказать объективные резуль-

[1] WHO. URL: https://www.who.int/news-room/facts-in-pictures/detail/health-inequities-and-their-causes (access date: 26.09.2024).

таты здоровья [*Jylhä*, 2009]. Поэтому в исследованиях, где необходимо оценить состояние здоровья населения, часто используют именно этот показатель. Он удобен тем, что позволяет включать в анализ также ряд социально-экономических параметров, содержащихся в опросах. В России, например, исследователи пользуются данными социально-экономических обследований Росстата (рис. 1). Подобные опросы можно найти и по другим странам. Результаты таких исследований сравнительно единообразны и показывают, что чем выше благосостояние человека, тем выше он(а) оценивает состояние своего здоровья.

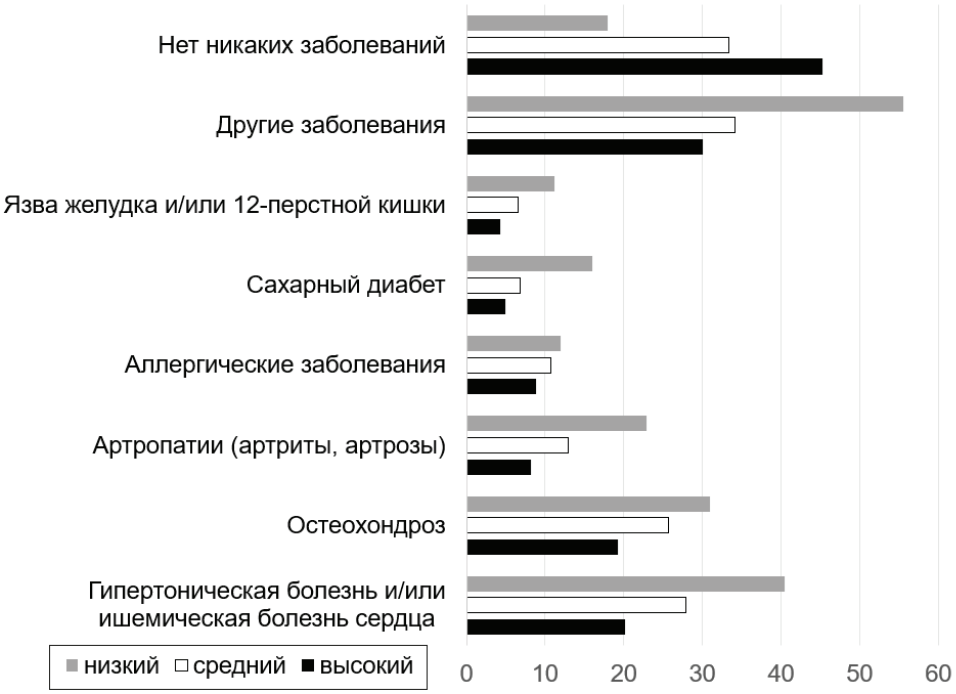

Рис. 1. Заболеваемость в группах населения с разным уровнем дохода в РФ, %
Источник: Росстат (расчёты автора).

Следует отметить, что сама идея неравенства в отношении здоровья подразумевает, что тут существующие различия могут быть измерены и использованы для того, чтобы стать основой для политических решений, направленных на преодоление существующих различий и достижение справедливости в отношении здоровья.

Во-вторых, исследователи пытаются понять причины неравенства в распределении здоровья между различными группами населения, которое сохраняется и даже усиливается в последнее время [*Mackenbach, Stirbu, Roskam, Schaap, Menvielle, Leinsalu, Kunst,* 2008].

Безусловно, важную роль играют биологические факторы, однако выявляемая устойчивая связь состояния здоровья и ряда социально-экономических показателей позволяет говорить о том, что они тоже имеют значение. Это привело к развитию концепции факторов (детерминантов) здоровья, под которыми понимаются условия жизни людей, оказывающие влияние на состояния их здоровья. Такие условия многообразны и могут быть классифицированы по различным критериям. Традиционно факторы здоровья подразделяются на:

- социально–экономические и культурные (например, доход, уровень образования, занятость, социальная поддержка);
- поведенческие, образ жизни и состояние окружающей среды (например, курение, питание, физическая активность, доступ к воде, загрязнение воздуха);
- индивидуальные — как физиологические (генетика), так и психологические (способность контролировать собственную жизнь);
- доступ к медицинскому обслуживанию (профилактика и лечение).

Факторы здоровья могут быть объединены в две большие группы: внутренние (биологические и поведенческие), присущие самому человеку, и внешние, определяющие социально-экономический контекст жизнедеятельности граждан.

Исследования подтверждают, что среди социально-экономических факторов здоровья важную роль играет уровень образования и дохода [*Kawachi , Adler, Dow,* 2010]. При прочих равных условиях, чем выше уровень образования, тем лучше здоровье человека, следовательно, прослеживается прямая зависимость состояния здоровья от уровня образования. Взрослые с более высоким уровнем образования живут более здоровой и долгой жизнью по сравнению с их менее образованными сверстниками, причём такие различия увеличиваются [*Zajacova, Lawrence*, 2018].

Каналы, через которые образование оказывает влияние на здоровье, многообразны. Это, например, доходы и социально-экономическое положение человека, социальная мобильность и социальный капитал. Низкий уровень образования связывается с поведением повышенного риска для здоровья, таким как курение, употребление алкоголя и т.д. Образование позволяет человеку найти нужную информацию, сопоставить, сделать выводы, задать нужные вопросы и т.д. Исследования показывают тесную связь уровня образования родителей, продолжительности обучения в школе и образования в области здоровья с выбором образа жизни, состоянием здоровья и продолжительностью жизни, что подтверждает важность раннего развития детей и организации самого процесса обучения.

Необходимо отметить, что образование может играть в процессе формирования неравенства состояния здоровья двоякую роль, выступая и как условие социального лифта и создания возможностей для улучшения жизни, и как средство закрепления социальной позиции человека, воспроизводя неравенства, причём на межпоколенческой основе.

Одной из важнейших причин неравенства в распределении здоровья выступает уровень доходов населения. Массив исследований, изучающих взаимосвязь между доходом и здоровьем, обширен, и полученные результаты в целом свидетельствуют о том, что более высокий доход связан с лучшим здоровьем. Интересно отметить, что в России исследований неравенства в состоянии здоровья по доходу меньше, чем в англоязычном сегменте [*Кислицына*, 2005; *Карцева, Кузнецова,* 2023; *Кислицына,* 2023]. В качестве объяснения такой ситуации можно предположить, что в России обеспечивается охват медицинской помощью всего населения и поэтому её получение, возможно, меньше зависит от уровня дохода.

Связь бедности и здоровья граждан прослеживается не только в развивающихся, но и в развитых странах, хотя возможно, что для последних относительная важность материальных обстоятельств снижается, в то время как значение психосоциальных факторов возрастает. Поэтому если в развивающихся странах наблюдается тесная корреляция между уровнем ВВП и улучшениями в состоянии здоровья, то в развитых странах связь бедности и здоровья сложнее. Во многом последнее обусловлено изменением характера бедности.

Различия в доходе могут иметь серьёзные последствия для структуры питания и, соответственно, для состояния здоровья, причём относительно бедные домохозяйства тратят большую долю дохода на питание, чем более богатые. Отмечаются различия в рисках хронических заболеваний в зависимости от уровня дохода. Больше вероятность того, что малообеспеченные граждане не предпринимают меры для профилактики болезни или её обнаружения на ранних стадиях.

Важным фактором является не просто уровень доходов населения, но и степень их дифференциации. Большинство исследований показывает, что состояние здоровья, как правило, хуже в обществах с сильной социальной дифференциацией, и неравенство доходов влияет как на физическое, так и на психическое здоровье, развитие человека и благополучие населения [*Wagstaff, van Doorslaer*, 2000; *Lynch et al.,* 2004; *Subramanian, Kawachi,* 2004; *Pickett, Wilkinson,* 2015; *Qasim, Pervaiz, Chaudhary*, 2020; *Tibber, Walji, Kirkbride , Huddy,* 2021]. Например, в районах с неравным распределением дохода уровень

смертности выше, чем в сравнительно эгалитарных сообществах [*Ross, Wolfson, Dunn, Berthelot, Kaplan, Lynch,* 2000].

Первоначально исследования были сосредоточены на выяснении того, действительно ли состояние здоровья хуже в обществах с сильной социальной дифференциацией, но в настоящее время появляется всё больше доказательств проявления более общей тенденции. Согласно этой тенденции, отрицательные социальные последствия, связанные с неблагополучием в обществе, чаще встречаются там, где большая разница в доходах между богатыми и бедными обостряет проблемы, связанные с низким социально-экономическим статусом. Отмечается влияние неравенства в доходах на здоровье через осознание человеком своего места в социальной иерархии, основанной в том числе и на его относительном положении в зависимости от дохода.

Связь между неравенством по доходу и состоянием здоровья населения подтверждается во многих исследованиях, однако есть работы, из которых следует, что она если и существует, то достаточно слаба [*Macinko, Starfield, Wulu,* 2003]. Такое расхождение, которое обычно связывается с методологическими проблемами, в том числе выбора показателей и временных рамок, всё же свидетельствует о том, что, возможно, связь между неравенством в доходах и состоянием здоровья до конца не выяснена.

Вероятно, что получаемая корреляция между доходом и состоянием здоровья является побочным продуктом действия двух факторов. Во-первых, между индивидуальным доходом и состоянием здоровья существует линейная зависимость, т.е. бедность практически всегда ассоциируется с неблагоприятными результатами для здоровья. Во-вторых, неравенство в доходах — своего рода маркер других параметров, которые влияют на здоровье [*Judge, Paterson*, 2001].

Важный фактор — доступность медицинской помощи [*Чубарова,* 2022]. Это подчёркивает роль собственно системы здравоохранения, её способности оперативно и адекватно реагировать на потребности населения. Она включает не только организацию и финансирование оказания медицинских услуг и профилактики, но и создание условий и стимулов, которые ведут к более эффективному решению возникающих проблем. Именно в таком ракурсе в настоящее время обсуждается вопрос о том, какая из сложившихся систем здравоохранения представляет собой наиболее оптимальный вариант обеспечения универсального доступа населения к медицинским услугам.

Способ распределения и финансирования услуг здравоохранения может рассматриваться как одна из причин неравенства в состоянии здоровья между социально-экономическими группами. В странах, где такие услуги могут быть получены только за плату, т. е. возможность их получения определяется доходом, ограниченность доступа к медицинским услугам влияет на состояние здоровья малообеспеченных граждан с низкой платёжеспособностью. Напротив, в странах, где здравоохранение финансируется из общественных средств, связь между доходом и здоровьем выражена слабее [*Ross, Wolfson, Dunn, Berthelot, Kaplan, Lynch,* 2000; *Чубарова,* 2020].

Таким образом, в настоящее время тема факторов здоровья занимает важное место в повестке дня исследователей и в России, и за рубежом. Она довольно хорошо разработана, и большинство исследований фиксируют связь состояния здоровья и социально-экономических детерминантов. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на несколько аспектов.

Неравенство в состоянии здоровья *фиксируется практически во всех странах*, хотя его уровень различается. В межстрановых сравнениях оно довольно легко улавливается, является видимым и объясняется различиями в социально-экономическом развитии, спецификой национальных и культурных условий и т.д. Иная ситуация складывается для отдельных государств, особенно благополучных, имеющих в целом довольно хорошие показатели здоровья населения, что требует специальных исследований понимания

причинно-следственных связей. В контексте здравоохранительной политики ставится вопрос о том, что игнорирование существования такого неравенства ведёт к снижению общих показателей состояния здоровья населения и снижает эффективность работы систем здравоохранения.

Неравенство в состоянии здоровья обсуждается в рамках *социальной модели здоровья*. Это подразумевает его понимание как «состояния полного физического, душевного и социального благосостояния и не просто отсутствие болезни» (ВОЗ). Несмотря на то, что эта модель активно пропагандируется и формально признаётся на мировом уровне, существенное влияние медицинской модели пока еще сохраняется. Особенно это прослеживается в практике организации систем здравоохранения, где, на мой взгляд, пока ещё не найден баланс между этими дополняющими, а не взаимоисключающими моделями.

Как отмечалось выше, анализ влияния неравенства на здоровье в основном проводится по отдельным социально-экономическим факторам, таким, например, как образование, доход, доступность медицинских услуг. Однако есть исследования, в которых речь идёт о *социально-экономическом статусе или социальном классе* как обобщающем показателе влияния условий жизни на здоровье людей [*Clark, DesMeules, Luo, Duncan, Wielgosz*, 2009; *Недоспасова, Шибалков*, 2017; *Hoffmann, Kröger, Pakpahan,* 2018]. Хотя они основаны на тех же вводных — доход, образование, профессиональный статус, — такой подход прямо связывает общее положение человека в социальной и профессиональной иерархии с состоянием его здоровья и продолжительностью жизни. Это усиливает важный вывод, что причины неравенства в состоянии здоровья в значительной степени коренятся в уровне развития общества, а не отдельного индивида.

В настоящее время практически общепризнано, что неравенство носит *многоаспектный характер,* так как оно проявляется по многим направлениям социально-экономических условий жизнедеятельности граждан [*ISSC, IDS, UNESCO,* 2016]. Поэтому важно понимать, как влияют друг на друга различные факторы здоровья, оценить их относительный вклад. Сложность заключается в том, что такой вклад, очевидно, зависит как от конкретных обстоятельств, так и от сочетания различных факторов и их взаимосвязи. Интересное исследование было проведено на основе данных КОУЖ[2] по выявлению связи между социальным статусом и самооценкой здоровья, а также изучению вклада материальных, психосоциальных и поведенческих факторов, с учётом взаимоотношения между ними, в социальное неравенство в состоянии здоровья граждан России [*Кислицина*, 2023].

Следует учитывать, что понимание роли различных факторов в обеспечении здоровья населения может меняться. Так, традиционно ВОЗ оценивает вклад медицинской помощи в поддержание здоровья населения в 20%, признавая решающее значение образа и условий жизни, экологии и т.д. Однако исследования показывают, что в результате развития новых технологий роль медицинской помощи, очевидно, повышается, что подчёркивает необходимость обеспечения её доступности для населения.

Сложной проблемой является *диалектика взаимовлияния социально-экономических факторов (социального статуса) и состояния здоровья* граждан. В этом контексте часто апеллируют к идее жизненного цикла и социальной мобильности. Если человек меняет свой социально-экономический статус, причём в сторону повышения либо понижения, то как это влияет на состояние его здоровья? Данные свидетельствуют, что в целом такая зависимость существует, и изменение социально-экономического статуса, и социальная мобильность отражаются на здоровье человека. Примечательно, что исследования подтверждают: повышение социального статуса ведёт к улучшению состояния здоровья, в то время как данные об относительном влиянии на здоровье понижения статуса, прочности запаса хорошего здоровья до конца не выяснены.

---

[2] КОУЖ — комплексное наблюдение условий жизни населения. Осуществляется Росстатом. — *Прим. ред.*

Связь социально-экономического статуса и состояния здоровья может быть двоякой, т.е. различия в здоровье могут влиять на социальное положение, и люди с плохим здоровьем имеют меньше шансов достичь высокой социальной позиции в обществе [*Kröger, Pakpahan, Hoffmann*, 2015]. При этом наиболее существенное обратное влияние связано с материальным положением [*Galama, van Kippersluis,* 2019].

Влияние здоровья на социально-экономический статус в принципе может рассматриваться как менее несправедливое, так как может быть связано с индивидуальными, биологическими, а не с социальными факторами. Однако можно согласиться с утверждением, что оба направления влияния одинаково несправедливы, поскольку плохое здоровье как следствие низкого социального статуса, так и низкий социальный статус ввиду плохого состояния здоровья указывают на дисфункцию социального государства, которое должно противодействовать и тому, и другому [*Mackenbach*, 2012; *Kröger, Pakpahan, Hoffmann*, 2018].

Понимание неравенства в состоянии здоровья с точки зрения факторов здоровья подчёркивает важность и необходимость реализации *междисциплинарного подхода в организации охраны здоровья населения*, причём как на макро-, так и на микроуровне. Этот вопрос должен находиться в поле зрения не только системы здравоохранения, но и других отраслей, деятельность которых оказывает влияние на факторы здоровья как прямо, так и опосредованно. Он должен учитываться при выработке государственной политики, разработке соответствующих программ и планов. Однако добиться такой междисциплинарности на практике сложно, и в настоящее время реализуется отраслевой подход к охране здоровья, где основное бремя лежит именно на системе здравоохранения. Кроме того, важно обеспечить совместную работу представителей различных дисциплин и на уровне оказания медицинской помощи. В настоящее время реализация такого подхода связана с идеей пациентоцентрированности в организации систем здравоохранения, в частности необходимости взаимодействия медицинских организаций и социальных служб [*Паллиативная помощь…,* 2021].

Справедливость в контексте неравенства в состоянии здоровья

Вопрос о справедливости или несправедливости неравенства в состоянии здоровья намного менее разработан. Вместе с тем, он является неотъемлемой частью самой идеи неравенства в состоянии здоровья. Представляется, что именно интуитивное понимание его несправедливости побуждает исследователей обращаться к этой проблеме.

Одно из направлений дискуссий носит терминологический характер. В литературе используются различные словосочетания, например различия в состоянии здоровья, или неравенства в состоянии здоровья (*health disparities, health inequality*). Однако исследователи предлагают уточнения этих понятий, причём они связаны именно с темой справедливости [*Lee, Kim, Lee, Fawcett*, 2020]. Так, различия в состоянии здоровья могут просто фиксироваться, объясняться индивидуальными факторами. Но употребление словосочетания «неравенство в состоянии здоровья» всё же имеет другой подтекст: оно описывает различия, которые носят систематический характер, оказывают отрицательное влияние на социально неблагополучные группы населения и могут быть предотвращены [*Braveman, Egerter, Woolf, Marks,* 2011]. Российские исследователи часто используют термин «социальное неравенство в состоянии здоровья» [*Лядова,* 2020; *Русинова, Сафронов*, 2019]. В итоге фиксируется проблема различного распределения не просто здоровья, а также социально-экономических факторов, влияющих на его состояние.

Дискурс о справедливости безграничен, причём он развивается в рамках различных наук, которые предлагают свои критерии. В данной статье важно его практическое преломление в сфере здравоохранения, что имеет свои особенности. Справедливость в отношении здоровья может быть определена как отсутствие несправедливых, предотвратимых или

устранимых различий в состоянии здоровья среди групп населения, определяемых социальными, экономическими, демографическими или географическими характеристиками [*WHO,* 2020]. Предполагается, что в идеале каждый человек должен иметь возможность достичь полного потенциала здоровья и, соответственно, никто не должен быть ущемлён в достижении такого потенциала, если этого можно избежать.

В англоязычной литературе иногда используется термин «несправедливости в состоянии здоровья» *(health inequities*). Он обозначает неравенства, которые признаются несправедливыми так как связаны с положением людей в обществе, обусловленном влиянием предшествовавших факторов, которых можно было бы избежать. То есть можно предположить ситуацию, когда неравенства в состоянии здоровья могут быть признаны справедливыми, если они неизбежны и не могут быть изменены.

Причины неравенства в состоянии здоровья многообразны, как то: естественные биологические, поведение, наносящее вред здоровью, подверженность вредным условиям труда, плохие жилищные условия, проблемы с доступностью медицинской помощи и т.д. Признание того, какие из них справедливы, а какие нет, в значительной мере определяется тем, насколько человек может влиять на ситуацию, отрицательно влияющую на состояние его здоровья. Поэтому одним из важнейших критериев разграничения «справедливого» и «несправедливого» применительно к состоянию здоровья, на мой взгляд, является степень свободы выбора. Если человек добровольно, сознательно выбирает рисковое поведение, то проблемы, которые у него могут возникнуть со здоровьем, вряд ли следует рассматривать как несправедливые. Другое дело, когда выбор человека существенно ограничен социальными и экономическими факторами, которые он не может быстро изменить и которые влияют на его поведение. Тогда вытекающие из этого худшие показатели здоровья не могут считаться справедливыми. Например, здоровый образ жизни требует значительных ресурсов, которыми не обладают малообеспеченные граждане.

Справедливость часто обсуждается применительно к системе охраны здоровья, или, точнее, оказания медицинских услуг. В этом случае её можно определить как:

- равный доступ к имеющимся услугам при равной потребности;
- равное использование услуг при равной потребности;
- одинаковое качество для всех [*Leenen,* 1985].

Как видно из определения, справедливость в здравоохранении связывается с равенством. Однако необходимо разделять равенство результата и равенство возможностей. В здравоохранении есть ситуации, когда для обеспечения равенства результата нужны неравные возможности. Когда дело доходит до справедливого распределения ограниченных медицинских ресурсов, возникает выбор: относиться ко всем пациентам одинаково или в соответствии с их уникальными потребностями. В отличие от равенства в отношении здоровья, которое требует равного обращения со всеми пациентами, справедливость ставит на первое место лечение и уход на основе потребностей [*Fawcett*, 2019]. Медицинская помощь предоставляется не всем «в равных долях», а тем, кому она нужна, т.е. по потребности. Поэтому на практике одни получают больше медицинских услуг, а другие — меньше. Главное, чтобы при возникновении потребности гражданам была оказана своевременная качественная помощь.

В здравоохранении сложное соотношение равенства и неравенства может приводить к тому, что неравенство может быть признано справедливым. С одной стороны, возможны случаи дискриминации отдельных групп населения, и здесь, безусловно, необходимо обеспечение равенства. С другой стороны, предоставление дополнительных ресурсов пациентам из группы риска будет способствовать уменьшению неравенства. Равенство возможностей не обеспечивает удовлетворение специфических потребностей отдельных групп населения, особенно в условиях сохранения неравенства в доступе (например, граждан, страдающих редкими заболеваниями).

То, что ресурсы системы здравоохранения должны распределяться справедливо практически не подвергается сомнению. Однако, на мой взгляд, следует учитывать другие факторы здоровья, и здесь ситуация не такая однозначная. Если в отношении оказания медицинской помощи аргумент справедливости понятен, то проблема распределения социально-экономических факторов здоровья гораздо сложнее, учитывая общее отношение к социальному неравенству в обществе.

При обсуждении неравенства в здоровье вопрос о справедливости приобретает особую значимость в силу важности этических моментов, ведь речь идёт о жизни человека. Здоровье рассматривается как высшая гуманитарная ценность; если жизнь можно спасти, то её потеря из-за наличия любых барьеров, в том числе финансовых, признаётся недопустимой, по крайней мере, на уровне общественного сознания и деклараций государства.

Сама постановка вопроса о необходимости преодоления или сокращения неравенства в состоянии здоровья связана с ценностями, которые лежат в основе современных систем здравоохранения, такими как справедливость, универсальность, социальная солидарность. Здоровье признаётся высшей ценностью, без которой все остальные аспекты жизнедеятельности человека теряют своё значение. Поэтому преодоление неравенства в здоровье открыто ставится как политическая задача, тогда как вопрос о преодолении неравенства в распределении социально-экономических факторов здоровья — не такой однозначный, что отражается и в политических решениях.

Анализ неравенства в состоянии здоровья, особенно несправедливого, ставит вопрос о социальном неравенстве — является ли оно проблемой для современного общества или, наоборот, стимулом для развития? Экономисты относятся к тому вопросу по-разному, выдвигая аргументы как в пользу, так и против социального неравенства [*Кислицина*, 2020]. Всё же скорее преобладают аргументы *«против»,* включая отрицательное влияние на экономический рост, причём последняя точка зрения время от времени находит эмпирическое подтверждение. Так, на российских данных было показано, что с увеличением неравенства в доходах граждан рост ВВП на душу населения замедляется, а рост экономики, в свою очередь, ведёт к сокращению неравенства в распределении доходов [*Туманянц, Арженовский, Арькова, Монастырев, Пичулина,* 2024]. Некоторые исследователи, в принципе признавая социальное неравенство, пытаются определить его оптимальный уровень (например, идея умеренного, нормального versus избыточного неравенства [*Шевяков, Кирута*, 2002]).

Система охраны здоровья — это прежде всего социальная система, которая неразрывно связана с общей организацией жизни в обществе. Очевидно, что задача полностью преодолеть неравенство не ставится при капитализме. Поэтому возникает вопрос: как преодолеть неравенство (обеспечить равенство) в состоянии здоровья граждан, если неравенство в обыденной жизни сохраняется? Сложно определить, справедливое оно или нет, если до конца не понятны критерии справедливости распределения социально-экономических факторов здоровья.

Система здравоохранения с её общей установкой на обеспечение универсального доступа может рассматриваться как выравнивающая сила, сглаживающая влияние социально-экономических факторов. Однако даже если граждане получают необходимую им медицинскую помощь на эгалитарных принципах, они потом попадают в свою обыденную жизнь, где остальные неравенства сохраняются и продолжают оказывать влияние на состояние их здоровья. Таким образом, неравенство в здоровье воспроизводится в общих условиях рынка, снижая выравнивающий результат системы здравоохранения [*Чубарова*, 2008].

Хотелось бы отметить, что ценностные ориентиры могут если и не меняться кардинально, то несколько смещаться. Например, в последнее время при оказании социальной помощи или предоставлении социальных льгот всё чаще используют подход на основе «заслуженности». Это означает, что от получателей требуется соответствие определённым

правилам, иначе поддержка не будет оказана. Вопрос о том, насколько социально-экономические условия обеспечивают людям такую возможность, остаётся за скобками.

В здравоохранении проявляется вечная проблема экономической теории, а именно, *соотношение эффективности и справедливости* при распределении ограниченных ресурсов. Учитывая важность критерия справедливости для здравоохранения, в целом предлагается достижение своего рода «золотой середины», когда эффективность и справедливость могут быть достигнуты без какого-либо ущерба друг другу, рассматриваться как взаимодополняющие, а не конфликтующие соображения. Предполагается, что справедливость может быть достигнута без ущерба эффективности, в то время как эффективность может способствовать достижению справедливости [*Asamani, Alugsi, Ismaila, Nabyonga-Orem*, 2021].

Однако важно отметить, что прикладные исследования в данной области в основном ведутся по частным случаям, будь то отдельные заболевания или оценка деятельности конкретных медицинских организаций. Разработка этой проблемы в более широком контексте применительно к системе здравоохранения носит скорее теоретический характер и затрагивает только область оказания медицинских услуг. Учёт критериев справедливости при оценке эффективности распределения ресурсов в здравоохранении на макроуровне необходим, но более сложная задача включения в этот процесс распределения факторов здоровья пока не получила должного внимания в исследовательском сообществе.

Вопрос о справедливости возникает в связи с тем, что неравенство факторов здоровья предполагает возможность получения гражданами с более высокими доходами медицинского обслуживания лучшего качества, например, приобретая страховой полис либо оплачивая услуги из кармана. Причём такая ситуация распространена и в странах с развитым государственным участием. Например, существует возможность за плату перепрыгнуть очередь и получить приоритетное право получения медицинской помощи. Анализ данных Международной программы социальных исследований (ISSP) показал, что около двух третей респондентов во всех странах (от 42,8% на Тайване до 84% в Словении) считают несправедливым, когда люди с более высокими доходами могут позволить себе лучшее здравоохранение, чем люди с более низкими доходами [*von dem Knesebeck, Vonneilich, Kim*, 2016]. Это справедливо и для России: 67,7% опрошенных россиян полагает несправедливым, что лица с более высокими доходами могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, чем люди с более низкими доходами [*Кислицина*, 2018]. Таким образом, большинство населения воспринимает неравенство в здравоохранении, связанное с доходами, как несправедливое.

Эти исследования выявили, что неравенство в здравоохранении, связанное с доходами, с большей вероятностью рассматривают как несправедливое женщины, люди с низким социально-экономическим статусом, плохим здоровьем, недостаточным страховым покрытием. При этом можно проследить зависимость результата от моделей государств благосостояния и связанных с этим общих ценностей и форм организации систем здравоохранения — доля возмущённых несправедливостью выше в консервативных, южноевропейских и восточноевропейских странах, чем в восточноазиатских, либеральных и социал-демократических государствах [*von dem Knesebeck, Vonneilich, Kim,* 2015; *Кислицина,* 2018].

С экономической точки зрения смягчение неравенства всегда связано с *перераспределением ресурсов*, прежде всего *доходов,* в обществе. Однако оно автоматически не обязательно ведёт к преодолению неравенства, для этого нужны соответствующие законы, институты, политические решения. Границы перераспределения и конкретные механизмы, которые могут быть для этого использованы, существенно различаются.

Исследования показывают, что, несмотря на значительную поддержку национальных систем здравоохранения, граждане не так единодушны в вопросе увеличения выплат на её содержание. Так, исследование на российских данных показало, что хотя 93% считает,

что здравоохранением должно заниматься государство, доля желающих платить больше на здравоохранение в общий котёл составила только 14,6% респондентов [*Кислицина*, 2018].

Системы охраны здоровья должны быть организованы так, чтобы обеспечивалась финансовая справедливость. Она рассматривается сквозь призму бремени финансовых взносов различных социально-экономических групп населения и влияния расходов на здравоохранение на материальное положение домохозяйств. Одним из критериев финансовой справедливости является отсутствие связи между получением услуг, которые нужны гражданам, и их оплатой. Финансовые взносы должны быть отделены от использования услуг и основаны на платежёспособности граждан. В рамках этого люди, прежде всего с низкой платёжеспособностью, должны быть защищены от финансовых трудностей, связанных с необходимостью личных платежей.

Обеспечению финансовой справедливости способствует мобилизация финансов здравоохранения через различные системы предоплаты. В этом смысле преимущество имеют налоговые системы и обязательное (социальное) страхование. В таком контексте необходимо проводить различие между социальной и частной моделями медицинского страхования. Если частное медицинское страхование, в том числе групповое, обычно привязано к рискам заболеваемости страхуемых граждан, что прямо влияет на размер их выплат, то социальное страхование даёт возможность разорвать эту связь. Оно основано на доходах граждан, их способности платить.

Результаты исследований показали, что система страхования, прежде всего социальная, является наиболее справедливым методом финансирования, тогда как прямая оплата медицинских услуг в момент их получения (из кармана) — наиболее несправедливый метод. Поэтому увеличение прямых платежей, неспособность охватить страхованием всё население (особенно бедных) и проблемы с обеспечением финансовой защиты малообеспеченных граждан нарушает справедливость финансирования [*Abu-Zaineh, Arfa, Ventelou, Ben Romdhane, Moatti*, 2014; *Rostampour, Nosratnejad,* 2020].

Особо хотелось остановиться на оплате гражданами услуг в момент получения медицинской помощи, по мере необходимости. Это не способствует перераспределению финансирования в системах здравоохранения, так как каждый платит за себя и не происходит объединения ресурсов. Более того, в таких ситуациях бедные несут относительно большую долю расходов, так как состояние их здоровья хуже, что в результате может приводить к катастрофическим расходам, ведущим к ухудшению общего финансового состояния домохозяйства. Но даже если богатые платят относительно больше, с точки зрения системы здравоохранения перераспределения и, соответственно, выравнивания не происходит.

Налогообложение — наиболее распространённый механизм перераспределения. В последнее время в налоговой практике ряда стран получили развитие маркированные налоги. Предполагается, что граждане легче отдают свои средства, если знают, на что они будут потрачены, и связь финансирования и результата становится более прозрачной. К их числу относят и взносы на обязательное медицинское страхование. Однако такие выводы, на мой взгляд, пока не нашли однозначного эмпирического подтверждения, в частности, того, что маркированные налоги могут привести к росту расходов на здравоохранение [*MacKinnon, Mintz, Khanal*, 2024].

Во многих странах налоговое законодательство предусматривает льготы на затраты в медицинских целях, например, они могут предоставляться при покупке полиса частного медицинского страхования или оплате медицинских расходов «из кармана».

Опыт показывает, что налоговые преференции регрессивны, так как приносят выгоду обеспеченным гражданам, которые могут себе позволить такие траты, например купить страховой полис, а потенциальная ценность вычета увеличивается с ростом дохода из-за прогрессивной структуры налогообложения. Преференциальный налоговый режим ведёт к эрозии налоговой базы и снижению доходов бюджета. Использование обществен-

ных средств для оплаты налоговых льгот отвлекает средства от финансирования государственной системы здравоохранения, нужно или повышать налоги, или снижать расходы в других областях. Кроме того, налоговые преференции могут поощрить излишнее потребление, что ведёт к искажению потребительских предпочтений, расширению пакета страховых услуг и в итоге способствует росту затрат на здравоохранение.

Однако, несмотря на ряд потенциальных угроз, многие страны, прежде всего развитые, предоставляют те или иные льготы для поощрения приобретения полиса частного медицинского страхования как отдельными гражданами, так и работодателями. Вычеты из налогооблагаемого дохода являются наиболее распространённой формой стимулов для покупателей такого полиса. Важно, должны ли работники выплачивать подоходный налог на выплаты по частному медицинскому страхованию, сделанные в их пользу работодателями. В США, например, они не включаются в общий доход работника, а работодатель может отнести их на расходы по ведению бизнеса.

В последнее время отмечается усиление экономического неравенства, и прежде всего по доходам, во многих странах мира [*Chancel et al.,* 2023*; OECD,* 2015]. Теоретически это должно приводить к росту спроса на перераспределение со стороны общества, в основном со стороны групп населения с низкими и средними доходами. Например, медианный избиратель, преследуя свои экономические интересы в условиях растущего неравенства, приводящего к увеличению разрыва между медианным и средним доходом, должен поддерживать перераспределение [*Meltzer, Richard*, 1981].

Однако эмпирические исследования, которые активизировались в последнее время, такую связь практически не выявляют, как не наблюдается серьёзных сдвигов в политике, так и нет широкого недовольства населения [*Gimpelson, Treisman*, 2018; *Lupu, Pontusson* 2023; *Cavaille*, 2023, *Weisstanner*, 2023]. Вместе с тем, исследование, проведённое на международных данных (ISSP) за период 1987–2019 гг., выявило положительную зависимость между увеличением неравенства доходов и ростом общественной поддержки перераспределения, причём во всех доходных группах [*Hillen, Steiner,* 2024]. Авторы предположили, что ограниченность политических действий в этом направлении объясняется не отсутствием запроса со стороны общества, а неспособностью политиков его реализовать.

Таким образом, понимание неравенства в состоянии здоровья с точки зрения не просто организации и финансирования системы охраны здоровья населения, а в более широком общественном контексте, который концептуализируется через социально-экономические факторы здоровья, является не просто интересной исследовательской задачей, но важно для формирования здравоохранительной политики. Признание того факта, что неравенство в состоянии здоровья возникает и воспроизводится социально, систематически, что оно напрямую связано с исторически обусловленным и текущим неравным распределением социальных, политических, экономических ресурсов, означает, что его можно сгладить — даже в рамках существующих ограничений — с помощью улучшения условий жизнедеятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Карцева М.А., Кузнецова П.О. (2023). Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России [*Kartseva M.A., Kuznetsova P.O.* (2023). Health, Income, Age: Empirical Analysis of Health Inequality in Russia] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2023. №2. С. 160–185. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2355.

Кислицына О.А. (2005). *Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России* [*Kislitsina O.A.* (2005). Inequality in the distribution of income and health in modern Russia]. — М.: РИЦ ИСЭПН.

Кислицына О.А. (2018). Восприятие россиянами несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и детерминирующие его факторы [*Kislitsyna O.A.* (2018). Perception of injustice of inequality in access to health care by Russians and its determinants] // *Социальные аспекты здоровья населения.* Т. 61. № 3. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/981/30/lang,ru/

Кислицина О.А. (2020). Научный диспут об экономическом неравенстве: обзор аргументов «За» и «Против» [*Kislitsyna O.A.* (2020). Scientific debate on economic inequality: a review of arguments «For» and «Against»] // *Вестник ИЭ РАН*. № 3. С. 142–158.

Кислицына О.А. (2023). Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов [*Kislitsyna O.A.* (2023). Social inequality in the health status of Russians: the role of material, psychosocial and behavioral factors] // *Социальные аспекты здоровья населения* [сетевое издание] Т. 69. №3. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-7

Лядова А.В. (2020). Социальное неравенство в отношении здоровья как объект научного дискурса: основные подходы и направления исследования за рубежом [*Lyadova A.V.* (2020). Social inequality in health as an object of scientific discourse: main approaches and directions of research abroad] // *Теория и практика общественного развития.* № 11. С. 42–46. DOI: 10.24158/tipor.2020.11.6

Недоспасова О.П. Шибалков И.П. (2017). Социально-экономический статус человека как один из факторов формирования его здоровья [*Nedospasova O.P. Shibalkov I.P.* (2017). Socioeconomic status of a person as one of the factors in the formation of his health] // *АНИ: экономика и управление*. Т. 6. №1 (18). С. 140–144.

Паллиативная помощь как сфера междисциплинарного взаимодействия: От теории к практике (2021). Под ред. Н.С. Григорьевой, С.И. Колесникова, Т.В. Чубаровой. Т. 5 [*Palliative care as a sphere of interdisciplinary interaction: From theory to practice*. (2021). N.S. Grigorieva, S.I. Kolesnikov, T.V. Chubarova (Eds.)]. — М.: URSS.

Русинова Н.Л., Сафронов В.В. (2019). Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте [*Rusinova N.L., Safronov V.V.* (2019). The Problem of Social Inequalities in Health: A Comparative Study of Russia in the European Context] // *Вестник института социологии*. № 1. С. 140–162.

Туманянц К., Арженовский С., Арькова О., Монастырев М., Пичулина И. (2023). Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей [*Tumanyants K., Arzhenovskiy S., Arkova O., Monastyryov M., Pichulina I.* (2023). Inequality and Economic Growth in Russia: Econometric Analysis] // *Деньги и кредит*. Т.82 №2. С. 52–77.

Чубарова Т.В. (2008). *Экономика здравоохранения. Теоретические аспекты* [*ChubarovaT.V.* (2008). Health economics. Theoretical issues]. — М.: Институт экономики РАН.

Чубарова Т.В. (2020). Доходы и потребление медицинских услуг: опыт анализа с позиции теории опекаемых благ [*Chubarova T.V.* (2020). Income and consumption of medical services: an analysis from the perspective of the theory of protected goods] // *Журнал новой экономической ассоциации.*Т. 47. № 3. С. 190–196. DOI: 10.31737/221-2264-2020-47-3-10.

Чубарова Т.В. (2022). Обеспечение доступности здравоохранения в России: инструменты государственной политики [*Chubarova T.V.* (2022). Ensuring accessibility of healthcare in Russia: instruments of state policy] // *Государственное управление. Электронный вестник.* Вып. 95. С. 93–107. URL: https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/99

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2002). *Измерение экономического неравенства* [*Shevyakov A.Yu., Kiruta A.Ya.* (2002). Measuring Economic Inequality]. — М.: Лето.

Abu-Zaineh M., Arfa C., Ventelou B., Ben Romdhane H., Moatti J.P. (2014). Fairness in healthcare finance and delivery: what about Tunisia? // *Health Policy Plan*. V. 29. No. 4. Pp. 433–442.

Asamani J.A., Alugsi S.A., Ismaila H., Nabyonga-Orem J. (2021). Balancing Equity and Efficiency in the Allocation of Health Resources-Where Is the Middle Ground? // *Healthcare* (Basel). Sep. 24. No. 9(10). Pp. 1257. DOI: 10.3390/healthcare9101257.

Barakat C., Konstantinidis T.A. (2023). Review of the Relationship between Socioeconomic Status Change and Health // *International Journal Environ Research Public Healthcare*. Jun 29. N. 20(13). Pp. 6249. DOI: 10.3390/ijerph20136249.

Berchet C., Bijlholt J., Ando M. (2023). Socio-economic and ethnic health inequalities in COVID-19 outcomes across OECD countries // *OECD Health Working Papers*. No. 153. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/6c2a96c9-En.

Braveman P.A., Egerter S.A., Woolf S.H., Marks J.S. (2011). When do we know enough to recommend action on the social determinants of health? //*American Journal of Preventive Medicine*. Vol. 40. No. 1. Suppl 1. Pp. S58–S66. DOI: 10.1016/j.amepre.2010.09.026.

Cavaille C. (2023). *Fair Enough?: Support for Redistribution in the Age of Inequality*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. (2023). *World Inequality Report 2022.* World Inequality Lab. URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/WorldInequalityReport2022_Full_Report.pdf.

Clark A.M., DesMeules M., Luo W., Duncan A.S., Wielgosz A. (2009). Socioeconomic status and cardiovascular disease: Risks and implications for care // *Nature Reviews. Cardiology.* No. 6. Pp. 712–722. DOI: 10.1038/nrcardio.2009.163.

Fawcett J. (2019). Thoughts About the Language of Equity for Population Health // *Nursing Science Quarterly*. Apr. Vol. 32. No. 2. Pp. 157–159. DOI: 10.1177/0894318419826277.

Galama T., van Kippersluis H. (2019). A theory of socioeconomic disparities in health over the life cycle // *Economic Journal* (London). Vol. 129 (617). Pp. 338–374. DOI: 10.1111/ecoj.12577.

Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving inequality// *Economics & Politics*. Vol. 30. No. 1. Pp. 27–54.

Hillen V., Steiner N.S. (2024). Rising inequality and public support for redistribution // *European Journal of Political Research*. No. 1. DOI: 10.1111/1475-6765.12696.

Hoffmann R., Kröger H., Pakpahan E. (2018). Pathways between socioeconomic status and health: Does health selection or social causation dominate in Europe? // *Advances in life course research*. Vol. 36. Pp. 23–36. DOI: 10.1016/J.ALCR.2018.02.002.

ISSC, IDS and UNESCO (2016). *Challenging Inequalities: Pathways to a Just World*: World Social Science Report 2016. — Paris: UNESCO Publishing.

Judge K., Paterson I. (2001). Poverty, Income Inequality and Health // *New Zealand Treasury Working Paper*. Vol. 29. No. 01. — Wellington: New Zealand Government, The Treasury.

Jylhä M. (2009). What is self-rated health and why does it predict mortality? Towards a unified conceptual model // *Social Science & Medicine*. Vol. 69. No. 3. Pp. 307–316.

Kawachi I., Adler N.E., Dow W.H. (2010). Money, schooling, and health: mechanisms and causal evidence// *Applied Nursing Research Academy Sciences*. Vol. 1186. No. 1. Pp. 56–68.

Kröger H., Pakpahan E., Hoffmann R. (2015). What causes health inequality? A systematic review on the relative importance of social causation and health selection // *European Journal of Public Health*. Vol. 25. No. 6. Pp. 951–960. DOI: 10.1093/eurpub/ckv111.

*Lee H., Kim D., Lee S., Fawcett J. (*2020). The concepts of health inequality, disparities and equity in the era of population health // *Applied Nursing Research*. No. 56. P. 151–367. DOI: 10.1016/j.apnr.2020.151367.

Leenen H. (1985). *Equality and equity in health care*. // WHO Nuffield Centre for Health Services Studies meeting. — Leeds.

Le Grand J. (1987). Inequalities in health: Some international comparisons // *European Economic Review*. Vol. 31. Is. 1–2. Pp. 182–191.

Lupu N., Pontusson J. (2023). The political puzzle of rising inequality // *Unequal democracies: Public policy, responsiveness, and redistribution in an era of rising economic inequality* / N. Lupu, J. Pontusson (Eds). — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 1–26.

Lynch J., Smith G.D., Harper S., Hillemeier M., Ross N., Kaplan G.A., Wolfson M. (2004). Is income inequality a determinant of population health? Part 1. A systematic review // *Milbank Quarterly*. Vol. 82. No. 1. Pp. 5–99. DOI: 10.1111/j.0887-378x.2004.00302.x.

Meltzer A., Richard S.F. (1981). A Rational Theory of the Size of Government // *Journal of Political Economy*. Vol. 89. Is. 5. Pp. 914–927. DOI: 10.1086/261013.

*Macinko J.A., Shi L., Starfield B., Wulu J.T. (*2003). Income Inequality and Health: A Critical Review of the Literature // *Medical Care Research and Review*. Vol. 60. No 4. Pp. 407–452. DOI: 10.1177/1077558703257169.

Mackenbach J.P. (2012).The persistence of health inequalities in modern welfare states: The explanation of a paradox // *Social Science & Medicine*. Vol. 75. No.4. Pp. 761-769.

Mackenbach J.P., Stirbu I., Roskam A.-J.R., Schaap M.M., Menvielle G., Leinsalu M.,. Kunst A.E (2008). Socioeconomic Inequalities in Health in 22 European Countries // *The New England Journal of Medicine*. No. 358. Pp. 2468–2481.

MacKinnon J., Mintz J., Khanal M. (2024). Financing Healthcare With Earmarked Taxes // *Tax Notes International*. June 10. P. 1567. DOI: 10.2139/ssrn.4928168.

OECD (2015). In it together: Why less inequality benefits all. OECD. A rational theory of the size of government // *Journal of Political Economy*. Vol. 89. No.5. Pp. 914–927.

Pickett K.E., Wilkinson R.G. (2015). Income inequality and health: A causal review // *Social Science & Medicine*. Vol. 128. Pp. 316–326. DOI: 10.1016/J.SOCSCIMED.2014.12.031.

Qasim M., Pervaiz Z., Chaudhary A.R. (2020). Do poverty and income inequality mediate the association between agricultural land inequality and human development? // *Social Indicators Research*. Vol. 151. Pp. 115–34. DOI: 10.1007/s11205-020-02375-y.

Ross N.A., Wolfson M.C., Dunn J.R., Berthelot J.M., Kaplan G.A., Lynch J.W. (2000). Relation between income inequality and mortality in Canada and in the United States: cross sectional assessment using census data and vital statistics// *British Medical Journal*. No. 320. Is. 7239. Pp. 898–902. DOI: 10.1136/bmj.320.7239.898.

Rostampour M., Nosratnejad S. (2020). A Systematic Review of Equity in Healthcare Financing in Low- and Middle-Income Countries // *Value in Health Regional Issues*. Vol. 21. Pp. 133–140. DOI: 10.1016/J.VHRI.2019.10.001.

Subramanian S.V., Kawachi I. (2004). Income Inequality and Health: What Have We Learned So Far? // *Epidemiologic Reviews*. Vol. 26. Is. 1. Pp. 78–91. DOI: 10.1093/EPIREV/MXH003.

Tibber M.S., Walji F., Kirkbride J.B., Huddy V. (2021). The association between income inequality and adult mental health at the subnational level — a systematic review// *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology.* Vol. 57. No.1. Pp. 1–24. DOI: 10.1007/s00127-021-02159-w.

von dem Knesebeck O., Vonneilich N., Kim T.J. (2016). Are health care inequalities unfair? A study on public attitudes in 23 countries // *International Journal Environ Equity Health*. Vol. 15 P. 61. DOI: 10.1186/S12939-016-0350-8.

Wagstaff A., E. Van Doorslaer (2000). Equity in health care finance and delivery // *Handbook of Health Economics*. Vol. 1. Part B. Pp. 1803–1862.

Weisstanner D. (2023). Stagnating incomes and preferences for redistribution: The role of absolute and relative experiences // *European Journal of Political Research*. Vol. 62. No. 2. Pp. 551–570.

Whitehead M.A. (2007). Typology of actions to tackle social inequalities in health // *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 61. No. 6. Pp. 473–478. DOI: 10.1136/jech.2005.037242.

Zajacova A., Lawrence E.M. (2018). The Relationship Between Education and Health: Reducing Disparities Through a Contextual Approach // *Annual Revue Public Health*. Vol. 39. Pp. 273–289. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-031816-044628.

Чубарова Татьяна Владимировна
t_chubarova@mail.ru

Tatyana Chubarova
Doctor of Sciences (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)
t_chubarova@mail.ru

HEALTH INEQUALITIES: A SOCIO-ECONOMIC APPROACH

Abstract. The article examines the socio-economic approach to understanding inequality in health status, based on the idea of health factors, which are understood as living conditions that affect people's health. Based on the analysis of Russian and foreign studies, the author identifies the key characteristics of inequality in health status observed in countries with different levels of development, from the point of view of socio-economic factors, and identifies the main trends in its manifestation in the social context. One of the most important criteria for public perception of inequality in health is the definition of justice, which from the point of view of economic science is inextricably linked with such concepts as efficiency and redistribution. The article emphasizes the importance of understanding the socio-economic causes of inequality in health, as this determines the possibilities of overcoming it with the help of public policy measures aimed at improving the well-being of citizens.

Keywords: *health inequality, health factors, health equity, social model of health, social inequality, redistribution of resources.*
JEL: I14.

О.Н. Борох
к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЧАН КАЙШИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (Часть 2. Критический взгляд через призму советской политической экономии)[1]

Аннотация. В статье исследуются проблемы восприятия книги Чан Кайши «Китайское экономическое учение» (1943), обусловленные политическими подходами и академическим контекстом. Отечественные исследователи новой истории Китая рассматривали книгу Чан Кайши через призму советской политэкономии. Произведённые терминологические замены («товар» вместо «вещи», «деньги» вместо «богатства», «потребности» вместо «желаний») в значительной мере были обусловлены влиянием английского издания, предложившего интерпретацию традиционных китайских понятий в терминах западной экономической науки. Попытка их стыковки с понятийным аппаратом советской политической экономии продемонстрировала сложность перехода между разными системами научного дискурса и стала примером возникновения непонимания в силу принадлежности исследователей к разным научным парадигмам. Политические взгляды Чан Кайши остаются для современного Китая чуждыми. Однако официальные призывы к синтезу марксизма с лучшими традициями китайской культуры создали позитивные предпосылки для заинтересованного переосмысления его суждений о специфических особенностях китайской экономической мысли.

Ключевые слова: *Республиканский Китай, Чан Кайши, китайская экономическая мысль, перевод экономического текста, западная экономическая наука, советская политическая экономия.*
JEL: B2, B31, A13
УДК: 330.83
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_115_127
© О.Н. Борох, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Борох О.Н.* Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 2. Критический взгляд через призму советской политической экономии) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 115–127. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_115_127.

FOR CITATION: *Borokh O.* Economic Teaching of Chiang Kai-shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 2. A Critical Look through the Prism of Soviet Political Economy) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 115–127. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_115_127.

[1] Окончание. Начало: *Борох О.Н.* Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х годов) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 139–150. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150.

От английского перевода к отечественным исследованиям

Книга Чан Кайши «Китайское экономическое учение» была опубликована в Китае небольшим тиражом в 1943 г. [*Jiang Zhongzheng*, 1943] и переиздана несколько раз в 1944 г. [*Jiang Zhongzheng*, 1944]. Широкую международную известность эта работа получила после выхода в свет в 1947 г. несанкционированного перевода на английский язык с пояснениями Филипа Джаффе [*Chiang Kai-shek*, 1947]. Эти комментарии вооружали аудиторию широким набором критических аргументов, начиная от политических разоблачений лидера Гоминьдана до обвинений его в научной безграмотности. Они снижали требовательность и внимательность читателя, побуждая воспринимать любые странности и нестыковки английского текста как свидетельства интеллектуальной несостоятельности Чан Кайши. Зачастую этот перевод порождал рассуждения и выводы, не имевшие оснований в тексте китайского первоисточника (см. [*Борох*, 2024а]).

В советский период многие отечественные исследователи республиканского Китая обращались к понятному и доступному английскому переводу «Китайского экономического учения». Вместе с содержанием книги Чан Кайши они часто заимствовали политически ангажированные комментарии Джаффе. А.В. Панцов справедливо отметил, что в советской и российской историографии книги Чан Кайши тоже считаются «фашистскими», «реакционными» и «ксенофобскими» [*Панцов*, 2019. С. 356]. Из комментариев А.В. Джаффе в работы Меликсетова перешли упоминания о шовинистическом и «китаецентристском» определении экономической науки, «реакционном утопизме» [*Меликсетов*, 1977. С. 168–169]. Исключением стала статья Я.М. Бергера об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае, опиравшаяся на китайский текст книги Чан Кайши [*Бергер*, 1973].

Ознакомившись в середине 1940-х гг. с журнальным изданием перевода, А.С. Перевертайло заявил, что книга Чан Кайши «представляет собой апологию старокитайских идеалов общественного и государственного устройства, обосновываемую извлечениями из высказываний и суждений различных китайских философов, моралистов и государственных деятелей. Все законы экономического развития она объясняет “рациональной натурой” человека». Он отметил, что «вдаваться в разбор такого рода теоретических откровений нет необходимости». Вместо этого отечественный специалист по Китаю сосредоточил внимание на политической направленности книги, которая «намечает принципы и пути экономического развития Китая, и, следовательно, раскрывает социально-экономические устремления» правящей партии Гоминьдан [*Перевертайло*, 1946. С. 24].

В 1970-е гг. советские историки смогли обратиться к исследованию теоретических построений Чан Кайши и анализу связи его концепции китайского экономического учения с древнекитайской традицией. При этом не проводилось сопоставление и уточнение английского перевода по китайскому оригиналу, и неточности английского издания проникали в работы на русском языке. В качестве примера можно указать на трактовки перевода термина «цзинцзи», прочно утвердившегося во второй четверти XX в. в китайском языке в значении «экономика». Г.Д. Сухарчук заявил, что Чан Кайши передал этот термин с помощью старинного китайского сочетания «управление и снабжение» [*Сухарчук*, 1978. С. 243; *Сухарчук*, 1983. С. 191]. В переводе Джаффе речь шла об «управлении и предложении» («management and supply») [*Chiang Kai-shek*, 1947. Footnote 1. P. 243]. Трактовку термина «supply» как «снабжение» можно объяснить влиянием на исследователей советских представлений о функционировании плановой экономики.

Использование комментариев из английского издания порождало запутанные выводы. Отталкиваясь от примечания Джаффе, Сухарчук истолковал данное Чан Кайши определение китайской экономической науки как «управление [людьми]» и «приспособление [вещей к нуждам] государства» [*Сухарчук*, 1983. С. 191]. Замечу, что ни в китайском тексте, ни в английском переводе в данном случае упоминания о «нуждах государства»

не было. Однако в дальнейшем разъяснении в той же подстраничной сноске английского текста шла речь о «патерналистском правительстве» [*Chiang Kai-shek*, 1947. Footnote 1. P. 243]. Повторяя суждения Джаффе, отечественный историк заключил, что из этого определения экономической науки «легко вывести необходимость в существовании самовоспроизводящейся бюрократии, замыкающейся на патерналистское правительство», которая в Китае «может привести только к феодально-фашистскому строю» [*Сухарчук*, 1983. С. 191]. Вывод о том, что традиционное китайское понимание «цзинцзи» способно стать источником фашизма, — более политический, чем академический.

Рассуждения Джаффе о несоответствии «Китайского экономического учения» критериям economics не нашли сочувственного отклика в нашей стране. Исследователи советской эпохи не видели смысла защищать западную «буржуазную» экономическую науку и упрекать Чан Кайши за критику в её адрес. К тому же отечественные китаеведы — историки послевоенной эпохи не были глубокими знатоками современной экономической теории. Отсутствие в советские времена в научном обороте точного эквивалента использованному Джаффе термину «economics» привело к его переводам на русский язык как «политэкономия» [*Меликсетов*, 1977. С. 169], «экономика» [*Перевертайл*о, 1946. С. 24; *Сухарчук*, 1978. С. 232, 243] или «экономическая наука» [*Сухарчук*, 1983. С. 92]. В монографии Меликсетова появилось отсутствующее в китайском оригинале и английском переводе приписанное Чан Кайши понятие «китайская политэкономия» как синоним учения о построении богатого и сильного государства. Ни одного упоминания о «китайской политэкономии» в книге не было. Обратившись к первоисточнику, специалист со знанием китайского языка без труда перевёл бы «цзинцзи» как «экономика», а «цзинцзисюэ» — «экономическая наука».

Нацеленный на решение политических задач английский перевод заметно упростил нюансы древней терминологии, принципиально важные для понимания содержания «Китайского экономического учения». Чан Кайши использовал относительно редкое традиционное определение сферы экономики-«цзинцзи» как управления «вещами» (*у*), более распространённое определение указывало на управление «народом» (*минь*). Идея «управления вещами» стыкуется в книге с цитатой конфуцианского мудреца Мэн-цзы, призывавшего сочетать заботу о народе с вниманием к предметам материального мира — «вещам» (*у*). Чан Кайши призывал «ради народа любить силу вещей, ради народа развивать силу вещей» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 13]. Он пояснял, что эта идея заложена в словах Мэн-цзы о «гуманности к людям и любви к вещам» (Мэн-цзы. VII А, 45) [*Конфуцианское «Четверокнижие»*, 2004. С. 384].

О «вещах» (*у*) также говорилось в процитированной Чан Кайши древней китайской «Книге песен» («Ши цзин») с пояснением, что человек является одним из «видов» «десяти тысяч вещей», т. е. всех компонентов мироздания [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 4]. В английском переводе данного фрагмента в качестве эквивалента «вещи» было использовано слово «creature» («создание», «творение») [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 244]. Оно плохо соответствовало контексту традиционной китайской культуры, в котором не было понятий о Творце и сотворённом мире. Тем не менее в издании Джаффе фраза из «Книги песен» «Небо породило людей» переведена как «Бог создал людей» [*Chiang Kai-shek,* 1947. P. 244]. В других разделах книги слово «вещь» (*у*) переводится как «good» (благо, товар). Можно сделать вывод, что переводчики проигнорировали осознанную и признанную в научном сообществе полисемантичность китайского слова «вещь» (*у*) [*Бонч-Осмоловская*, 2017].

Терминология «Китайского экономического учения» хорошо стыкуется с лексиконом произведений Сунь Ятсена, демонстрируя преемственность гоминьдановской идеологии. В книгу вошла цитата из «Представления Ли Хунчжану» (1894 г.): «Люди полностью проявляют свои таланты, земля приносит наибольшую пользу, вещи [(*у*) — *О.Б.*] находят исчерпывающее применение, а товары [(*хо*) — *О.Б.*] — беспрепятственно обращаются» [*Сунь Ятсен*, 1985. С. 46]. Эти четыре предпосылки богатства и могущества Европы Сунь

Ятсен изложил в обращении к государственному деятелю и дипломату Цинской империи в качестве ориентиров развития китайской экономики.

В интерпретации Чан Кайши данная формулировка указывала на необходимость максимально эффективного использования в интересах национального развития «силы людей, силы земли и силы вещей» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 11]. В издании Джаффе говорится о «наилучшем использовании рабочей силы, земли и товаров» (the best possible use of manpower, land, and goods) [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 243]. Неточный перевод породил путаницу. В формулировке Сунь Ятсена «товары» (*хо*) свободно обращаются, а «вещи» (*у*) — применяются. Поясняющая фраза Чан Кайши говорит об использовании «силы вещей», а не «товаров».

В английском переводе для красоты и связности были добавлены слова, отсутствовавшие в оригинале. Фраза о «проникновении в природу вещей» и «исчерпывающем применении силы вещей» превратилась в «использование природы и полезности (utility) вещей» [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 249]. Однако в данном контексте «силу» (*ли*) более уместно толковать как «потенциал» или «возможности». К примеру, Сунь Ятсен, рассуждая о «проникновении в природу вещей», подразумевал постижение законов химии и физики, позволяющее людям расширять возможности применения вещей [*Сунь Ятсен*, 1985. С. 51]. Термин «полезность» придаёт переводу научный облик, но не соответствует изначальному смыслу. Крайним упрощением стала замена перечисленных в оригинале «силы людей, силы земли и силы вещей» на «рабочую силу, землю и товары», где «сила вещей» переведена как «товары» («goods») [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 249]. В отечественном научном исследовании этот фрагмент переведён как «наилучшее использование человеческой силы, земли и товаров» [*Сухарчук*, 1983. С. 95].

Замена «вещей» на «товары» в английском переводе способствовала появлению в советских трудах попыток придать тексту отсутствовавший в оригинале политэкономический окрас. Содержание китайских экономических принципов в книге Чан Кайши было охарактеризовано как «изучение отношений между людьми и управления ими и товарами» [*Сухарчук*, 1983. С. 95]. Данное заблуждение не было повсеместным — Перевертайло использовал правильный перевод «*у*» как «вещи», отметив, что «китайская теория определяет экономику, как науку об управлении людьми и регулировании вещей» [*Перевертайло*, 1946. С. 24].

Английский перевод определения сферы китайской экономической науки как «managing people and adjusting things» трансформировался в отечественной научной литературе в «управление деятельностью людей и распределение товаров» [*Меликсетов*, 1977. С. 167]. Однако о «распределении товаров» Чан Кайши не писал, в оригинале речь шла об изучении отношений между людьми и вещами и упорядочении этих отношений [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 11].

Чан Кайши неоднократно подчёркивал, что китайское экономическое учение начинает исследование факторов производства с людей в соответствии с наставлением древнего конфуцианского текста «Великое учение» («Да сюэ»): «Где люди, там и земля. Где земля, там и богатство. Где богатство, там и применение» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 6]. В китайском тексте речь идёт именно о «богатстве», а не о «деньгах», которые появились в издании Джаффе [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 243] и впоследствии у советских авторов [*Сухарчук*, 1983. С. 191]. Замена «богатства» на «деньги» сделала трактовку древней формулировки неоправданно узкой. В современном научном переводе «Великого учения» А.И. Кобзева в данном фрагменте использовано слово «богатство» [*Конфуцианское «Четверокнижие»*, 2004. С. 114].

Рассуждения Чан Кайши о том, что в китайской традиции труд и земля превосходят по важности капитал или деньги, могли быть связаны с идеями «ограничения частного капитала» и его «огосударствления», сформулированным Сунь Ятсеном [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 45]. Древним источником тезиса о двух факторах производства — рабочей силе

и земле — стал древнекитайский трактат «Гуань-цзы». На него сослался Чан Кайши для демонстрации связи китайского экономического учения с традиционными концепциями [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 16] В главе «Ба гуань» («Восемь наблюдений») книги «Гуань-цзы» говорилось, что без зерна людям нечего будет есть, без земли зерно не будет произведено, без людей земля не будет обработана, и если у людей не будет сил для тяжёлого физического труда, не будет и возможности получить богатство (Ba guan, Eight Observations, V, 13) [*Rickett*, 1998. P. 230].

Важным компонентом экономического учения Чан Кайши стало суждение древнего конфуцианца Сюнь-цзы о том, что «человек от рождения обладает желаниями», невозможность удовлетворить которые ведёт к соперничеству, смуте и нищете. «Добиться того, чтобы желания не превосходили [возможности] вещей [их удовлетворять], а вещей всегда было бы достаточно для удовлетворения желаний, когда и желания, и вещи соответствуют друг другу и взаимно растут, — такова причина появления ритуала» [*Древнекитайская философия*, 1972. С. 174–175]. В изложении данной цитаты в монографии Сухарчука говорится о стремлении «воспрепятствовать тому, чтобы правительство исчерпало [возможности снабжения] товарами, а также чтобы не производить товары ради пустой прихоти» [*Сухарчук*, 1983. С. 97]. Джаффе перевёл этот фрагмент близко к тексту [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 249]. Отечественный исследователь не стал использовать термины «спрос» и «предложение», которые были добавлены в английский перевод. Вместо них в интерпретацию рассуждения Сюнь-цзы о причинах возникновения ритуальной благопристойности (*ли*) вторглось стилистически близкое советской экономической лексике «снабжение товарами».

Также следует указать на неоправданную замену в отечественных исследованиях «желаний» на «потребности». Чан Кайши исходил из того, что основой китайской экономической теории является рациональная природа человека, а не его желания [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 244]. В переводе Джаффе, как и в оригинальном тексте, речь шла именно о «желаниях» («wants»).

В созданных с использованием английского текста публикациях на русском языке «желания» превратились в «потребности», плохо связанные с аргументацией первоисточника: «Базисом китайской экономической теории является рациональная природа человека, но не его потребности» [*Перевертайло*, 1946. С. 24]. Сходный перевод предложил Сухарчук: «Следовательно, основой [оригинальной] китайской экономической теории является рациональная природа человека, а не его потребности» [*Сухарчук*, 1983. С. 93]. Смешение «желаний» и «потребностей» способствовало появлению неточной формулировки об «ограничении потребностей людей» в Древнем Китае и утверждений о «контроле над потребностями» в учении древней школы легистов. Эта подмена не соответствовала аргументации Чан Кайши, но резонировала с общественно-политической лексикой советской эпохи — «каждому по потребностям».

Китайские учёные приступили к обсуждению проблемы человеческих желаний в традиционной экономической мысли за несколько десятилетий до появления книги Чан Кайши. Эта тема была поднята в книге Чэнь Хуаньчжана «Экономические принципы Конфуция и его школы» (1911), обращённой к зарубежной аудитории [*Chen Huanzhang*, 2015]. Представления конфуцианцев и даосов о людских желаниях рассмотрел Юань Сяньнэн в написанной в 1930 г. на английском языке диссертации [*Yuan Xianneng*, 2013]. В «Истории китайской экономической мысли» (1936) Тан Цинцзэн подробно исследовал и систематизировал представления о человеческих желаниях древнекитайских мыслителей различных философских школ [*Tang Qingzeng*, 2010]. Эти исследования сформировали академический контекст для трактовки проблемы людских желаний в «Китайском экономическом учении». Произвольное смещение акцента на «потребности» создаёт препятствие для восприятия проблематики книги Чан Кайши на фоне истории китайской экономической мысли Нового времени.

Политическая идеология и китайская экономическая мысль

Особенностью книги Чан Кайши стала попытка найти опору для политических идеалов и экономических планов Гоминьдана в китайской традиции. Работа отразила рост патриотического консенсуса в период Войны сопротивления Японии, когда значительная часть интеллигенции встала на сторону власти и выступила в поддержку национальной культуры, столкнувшейся с серьёзной внешней угрозой.

Книга начиналась с упрёков в адрес китайских экономистов, чрезмерно увлёкшихся изучением передовых методов хозяйства и торговли в подконтрольных иностранцам портах и концессиях в ущерб исследованию насущных проблем внутренних районов страны. В результате, по мнению Чан Кайши, учёные утратили «дух независимости и самостоятельности», принципы китайской экономики стали для них «неясными» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 2].

Эти критические замечания выглядят односторонними. Ещё в 1930-е гг. ведущие представители китайского экономического мейнстрима развернули активные исследования проблем деревни. Марксисты, никак не связанные с иностранными концессиями, сосредоточили усилия на изучении социально-экономического положения китайских крестьян. К тому же японские войска в самом начале войны захватили китайские порты, существенно затруднив возможность их экономического исследования.

Чан Кайши убеждал китайских интеллектуалов признать западную либеральную экономику частью прошлого и обратиться к ресурсам национальной традиции для разработки стратегии послевоенного развития Китая. Базовые постулаты книги Чан Кайши — неразрывная связь «планов государства» (*го цзи*), народного благосостояния (*миньшэн*) и обороны, ответственность государства за «вскармливание народа» (*ян минь*) и «защиту народа» (*бао минь*) — были представлены как обобщение квинтэссенции традиционной китайской мысли [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 10]. В качестве самых значительных и представительных экономистов в истории Китая были упомянуты Гуань Чжун (720 г. до н.э. — 645 г. до н.э.), Ван Аньши (1021–1086) и Чжан Цзюйчжэн (1525–1582). Эти фигуры объединяет общий идейный фундамент предложений в сфере экономической политики. По мнению Чан Кайши, никто из них не считал исходной точкой человеческие желания. Все они опирались на китайское понимание человеческой природы и потому стремились к благосостоянию народа, были сосредоточены на проблемах экономического планирования и контроля.

Примечательна попытка Чан Кайши исправить заблуждения конфуцианцев династии Мин, осудивших стремление Чжан Цзюйчжэна к целям создания богатого государства и сильной армии как проявление морально несостоятельного «пути гегемона», противопоставляемого праведному, основанному на принципах гуманности и справедливости «пути правителя-вана» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 20]. Лидер Гоминьдана заявил, что моральные нормы и богатое государство в основе едины, в прежнюю конфуцианскую трактовку внесены коррективы: если практика обретения силы и богатства следует человеческой природе, она относится к «пути правителя», если нет — то к «пути гегемона» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 21]. В английском переводе этот фрагмент был упрощён до неузнаваемости путём замены «пути правителя» на «right» («право») и «пути гегемона» на «might» («сила») [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 257–258].

Этические нормы конфуцианства были истолкованы как предпосылки экономического регулирования. Чан Кайши отметил, что из людских желаний вырастают многочисленные требования, для удовлетворения которых недостаточно имеющихся ресурсов. Остановить разрастание конфликтов между крестьянами, а также между капиталистами и рабочими, можно лишь благодаря присущим человеческой природе качествам гуманности и любви [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 29–30]. Именно эти качества помогают различить, какие желания людей можно не удовлетворять, сберегая тем самым ресурсы для экономического

развития, вплоть до капиталовложений в создание крупных предприятий. Китайский путь не приемлет ни европейского либерализма, запрещающего государству вмешиваться в экономическую жизнь людей, ни марксизма, подавляющего экономическую свободу индивида с помощью диктатуры пролетариата. Обратившись к истории, Чан Кайши напомнил, что китайское государство с древности занималось организацией землепользования, проектировало и строило ирригационные сооружения, прокладывало дороги и каналы. Древний опыт создания государственных зернохранилищ был охарактеризован как полная противоположность экономической теории свободной торговли, считающей богатством торговый профицит. Однако за рубежом уже поняли, что богатство государства начинается с освоения и накопления ресурсов [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 35]. Иными словами, мировая практика сближается с древнекитайским образцом, подтверждая тем самым его ценность.

Традиционные меры государственного регулирования богатства через налоги, обеспечение сельским производителям доступа к транспорту и кредиту, казённые монополии охарактеризованы в «Китайском экономическом учении» как слияние практики и конфуцианской этики [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 40]. Когда правительство удовлетворяет желания людей, оно следует гуманности, ограничивая желания, оно следует справедливости. Исходя из этого пришедшее из древности учение о гуманности не является «пустыми словами», его применение к обществу, правлению и экономике создаёт соответствующие институты и политику [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 40].

Китайские экономические идеи представлены как самобытное явление. Вместе с тем в книге обозначена перспектива сближения с западными экономическими теориями благосостояния. Критика в адрес европейского либерализма и марксизма сопровождалась позитивными оценками теорий Т. Веблена, Л. Уорда и Дж.А. Гобсона, универсализма О. Шпанна [*Борох*, 2024b]. Обращение к истокам китайской традиции означало не столько стремление отгородиться от любого западного влияния, сколько желание найти путь послевоенного сближения Китая с мировым сообществом.

Чан Кайши подчёркивал, что принципы китайского экономического учения создали не только мыслители, но и государственные мужи, стремившиеся к их практическому воплощению [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 28–29]. Полумифический правитель Великий Юй, прославившийся работой по укрощению наводнения, был охарактеризован как «самый великий экономист китайской древности» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 34]. Призыв изучать экономические идеи в единстве с практикой косвенным образом создавал возможность признания вклада в развитие национального экономического учения самого Чан Кайши как государственного деятеля.

Лидер Гоминьдана указал на связь индустриализации с будущим развитием сельского хозяйства, предполагающим появление «больших коллективных ферм», позволяющих экономить силы и наращивать производство [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 41]. По этому поводу Джаффе заметил, что это не колхозы советского типа и не западные кооперативы, а «модернизированная версия древней феодальной системы сельских экономико-военных единиц» [*Chiang Kai-shek*, 1947. Footnote 9. P. 274]. Предложение Чан Кайши восстановить древнюю систему возложения на крестьян воинских обязанностей в рамках слияния народного благосостояния и обороны было нацелено на подготовку страны к ведению затяжной войны по образцу отражения японской агрессии. На деле его трактовка современной войны как «общенародной» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 43] не учитывала возрастающие требования к техническому оснащению вооружённых сил и профессиональной подготовке военнослужащих.

Чан Кайши старался подчеркнуть, что послевоенное экономическое развитие Китая будет основано на разработанных Сунь Ятсеном «трёх народных принципах», призывающих развивать национальное производство, повышать благосостояние людей, держать под контролем частный капитал и регулировать землепользование для предотвращения скупки

земли в спекулятивных целях. Предполагалось, что правительство заставит коммерческий капитал инвестировать в промышленность, крупные госпредприятия станут покупателями сельскохозяйственного сырья [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 56]. Лидер Гоминьдана похвалил разработанный Сунь Ятсеном в 1917–1919 гг. «Промышленный план» [*Сунь Ятсен*, 1985. С. 145–284] за удачную адаптацию ключевых положений «западного экономического учения об индустриальном обществе» к китайским экономическим принципам [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 57]. Чан Кайши напомнил основные направления «Промышленного плана», придав им обновлённую трактовку, исходя из нужд обороны, включая дополнение международной торговли через морские порты использованием сухопутных путей в военное время, разработку сырьевых месторождений, равномерное распределение населения и производственных мощностей по территории страны без концентрации в уязвимых приморских провинциях. Поставленные в 1940-е гг. цели сближения уровней народного благосостояния города и деревни, внутренних и приморских районов Китая сохранили актуальность в наши дни.

Издатель английского перевода настойчиво стремился представить обсуждение роли государства в мобилизации экономики в военное время как проявление «милитаристской» и «фашистской» сущности гоминьдановской идеологии. Опора на китайскую традицию была охарактеризована как отражение приверженности феодальному абсолютизму. С точки зрения Джаффе, старые идеи теряли актуальность вслед за сменой общественно-экономической формации. Его критические рассуждения были пропитаны радикальным вестернизаторством, отрицавшим возможность наследования традиционных идей. В этом отношении Чан Кайши оказался ближе к современным китайским попыткам конструктивной интерпретации традиционного наследия, чем его американский оппонент.

Препятствием для целостной объективной оценки «Китайского экономического учения» выступает двойственность этого произведения, ставшего частью политической пропаганды Гоминьдана и одновременно отражением научных поисков китайского экономического сообщества республиканского периода.

Китайские исследователи подчёркивают, что одной из линий размежевания между экономическими течениями республиканского периода стало отношение к национальной традиции. Основным направлением усилий китайских интеллектуалов в Новое время стали распространение иностранной экономической науки и её адаптация к местным условиям. К этому стремились как представители прозападного академического течения, так и марксисты, ориентировавшиеся на советскую политэкономию. Однако существовал также путь развития китайской экономической мысли с опорой на модернизацию традиционного наследия. В этом направлении продвигалось провластное учение народного благосостояния [*Xiong Jinwu*, 2020].

Цзоу Цзиньвэнь предположил, что одним из интеллектуальных источников книги Чан Кайши стали появившиеся в 1920–1930-е гг. труды китайских исследователей истории национальной экономической мысли, в которых китайская традиция была осмыслена через призму современного экономического знания [*Zou Jinwen*, 2015]. Китайские учёные первой половины XX в. пытались систематизировать экономические аспекты обширного наследия древнекитайской мысли в соответствии с западной схемой «деления на четыре» — производство, обмен, распределение, потребление. Так поступил Чэнь Хуаньчжан, ставший первопроходцем в изложении экономических идей раннего конфуцианства на английском языке для иностранного читателя. Однако Чан Кайши сознательно отказался от использования этого подхода. В основе его книги лежал акцент на изначальной ценности китайской экономической мысли, автор не стремился искусственно приблизить её к западным стандартам.

Цю Шицзе заметил, что уже в 1930-е гг. китайские экономические круги искали в китайской традиционной мысли «национальную форму» экономического знания. Они стали предвестниками обращения лидера Гоминьдана к китайскому наследию при разработке идейно-теоретической базы будущей экономической политики. С этой точки зрения

«Китайское экономическое учение» выглядит как очевидная попытка «восстановления древности в экономической науке» [*Qiu Shijie*, 2021. P. 41].

Чан Кайши поставил сложную задачу взаимного согласования и взаимной адаптации опиравшейся на идеи Сунь Ятсена официальной идеологии Гоминьдана с наследием китайской традиции. Предполагалось, что этот синтез откроет путь к разработке суверенной национальной стратегии экономического развития в послевоенный период. После революции 1949 г. близкая к Гоминьдану экономическая школа народного благосостояния прекратила существование в материковом Китае. Во второй половине XX в. содержание книги Чан Кайши не было актуальным для китайских марксистов, впитавших парадигму советской политэкономии.

В 1940-е гг. деятели КПК обличали «феодально-фашистские» взгляды Чан Кайши. Обращение к этой аргументации в начале нашего столетия превратилось в инструмент завуалированной критики современного правления КПК. Историк Юань Вэйши подчеркнул, что экономические планы Чан Кайши не принимали во внимание важности свободы как предпосылки развития, поскольку сформировались под влиянием немецкого варианта милитаризированной контролируемой экономики. По мнению учёного, «заблуждавшимся» и «находившимся в смятении» китайским интеллектуалам, испытавшим на себе значительное влияние советской плановой модели и германской контролируемой экономики, так и не удалось найти правильный путь развития Китая, позволяющий избежать «тёмных сторон капитализма». В изложении Юань Вэйши главным негативным последствием изучения немецкого опыта стало развитие бюрократической экономики, приведшее Гоминьдан к гибели. Рассказав о гоминьдановских преследованиях в адрес демократически мыслившего экономиста Ма Иньчу, историк заключил: «Политика и экономика тесно связаны, и их трудно разделить. В подобной политической обстановке так называемые процветание и сила могли быть только мечтой» [*Yuan Weishi*, 2003. P. 20].

История создания китайским партийно-государственным лидером собственного экономического произведения заставляет вспомнить опыт подготовки учебника политической экономии в СССР. Прежде всего можно заметить разницу политических нравов. Участвовавшие в обсуждении проекта учебника советские экономисты вряд ли могли повторить опыт китайских коллег, раскритиковавших в 1944 г. сочинение вождя и рекомендовавших отказаться от его публикации.

Примечательно существенное отличие в подходах И.В. Сталина и Чан Кайши к содержанию задуманных ими экономических пособий. В 1950 г. Сталин рекомендовал делать поменьше «исторических экскурсов», не смешивая учебник политической экономии с учебником по истории культуры. В 1941 г. советский лидер требовал от составителей экономического учебника «говорить проще» [*Сталин*, 2012]. В книге 1943 г. Чан Кайши сознательно старался «говорить по-китайски», используя сложные для восприятия традиционные категории и отсылки к историческому материалу. Сталин же заранее думал о международном значении книги: «Учебник нужен не только для нашей советской молодёжи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам» [*Сталин*, 1952. С. 44–45].

Лидер Гоминьдана обратился к теме китайской экономической науки ради разработки стратегии национального развития. Исследование книги Чан Кайши требует использования знаний о китайской традиции. Попытки модернизации пришедшей из древности китайской терминологии разрушают целостность восприятия текста. Ни переводчики, ни зарубежные исследователи не пытались прочитать труд Чан Кайши как работу по истории экономической мысли, центр внимания смещался в сторону политических проблем.

Специфика советского академического контекста проявилась в очевидном стремлении исследователей обойти стороной сопоставления китайской и западной экономической мысли в книге Чан Кайши. Даже при рассмотрении идущей от Смита классической

политэкономии было сказано: «Не вдаваясь в существо этой оценки, следует отметить, что она понадобилась для того, чтобы отмежеваться от марксизма» [*Сухарчук*, 1983. С. 93–94].

Полностью пренебречь экономическим содержанием книги было невозможно. Ради усиления «экономического окраса» переводчики и зарубежные исследователи привносили в текст отсутствовавшую в оригинале научную терминологию («товары», «полезность», «потребности»). По мере отдаления от китайского первоисточника число смысловых искажений приумножалось.

В английском переводе «вещи» (*у*) то оставались «вещами» (“things”), то становились «благами» или «товарами» (“goods”). В публикациях на русском языке они окончательно превратились в предназначенный для рыночного обмена «товар», что значительно сузило толкование термина «вещи» (*у*), содержащегося в тексте оригинала. Многозначность иероглифа «*у*» не была для исследователей тайной, ещё в XIX в. в китайско-русском словаре Палладия он был переведён как «Твари. Дела. Вещь. Люди. Существо» [*Палладий, Попов*, 1888. С. 48].

Запутанные трактовки в публикациях 1970–1980-х гг. повлияли на отечественные исследования постсоветского периода. В 1990-е гг. китаеведы обоснованно трактовали смысл сочетания «цзинцзи» как «стяжение от цзин ши цзи у (“упорядочение-гармонизация мира и [тем самым] вспомоществование вещам”)», добавляя оправданную отсылку к термину «*у*» — «вещам» как синониму «всего сущего». Вместе с тем термин «economy» по инерции был представлен как обозначение «экономической науки» [*Китайская философия*, 1994. С. 415–416]. Также было унаследовано представление о разработке Чан Кайши особой «политической экономии Китая», сфера которой «много шире сферы западных экономических учений» [Там же. С. 438–439].

Замена «вещи» на «товар», «богатства» на «деньги» и «желаний» на «потребности» обусловлена как влиянием английского издания, так и субъективным выбором отечественных исследователей. В английском переводе был использован плохо знакомый советским востоковедам язык западной экономической науки. Обращение к лексике советской политэкономии также не способствовало прояснению содержания текста.

Перед нами сложная проблема перехода между разными системами научного дискурса. Перевод книги Чан Кайши на английский язык потребовал интерпретации традиционных китайских понятий в терминах западной экономической науки. Последующее обсуждение работы отечественными исследователями столкнулось с необходимостью стыковки с понятиями советской политэкономии. Это интересный и заслуживающий внимания пример возникновения непонимания в силу принадлежности исследователей к разным научным парадигмам.

Проведённый анализ попытки Чан Каши создать китайское экономическое учение внутри китайского понятийного контекста, усилий Джаффе по его критическому изложению на понятном западной аудитории языке с последующим опытом адаптации к советской версии политической экономии позволяет выявить два «фильтра» — языковый и терминологический. В нашей стране исследованиями «Китайского экономического учения» занимались историки-востоковеды, поверхностно соприкасавшиеся с советской политэкономией и далёкие от современной западной экономической науки.

При обсуждении книги Чан Кайши Джаффе и советские исследователи уделили повышенное внимание теме феодализма, что было обусловлено влиянием марксистского формационного подхода. Современник Чан Кайши марксист Ван Янань критиковал книгу лидера Гоминьдана за претензию на универсальность китайского экономического учения, не учитывавшую различия между формациями. Прямых обвинений в стремлении восстановить в Китае феодализм он не высказывал.

В книге Чан Кайши феодализм упомянут лишь один раз. В главе об идеологии народного благосостояния сказано, что система феодализма была разрушена в Китае две тысячи лет назад [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 54]. В переводе Джаффе упоминания о феодализме

присутствуют там, где их не было в первоисточнике: «В первом веке нашей эры Китай был вновь объединён после периода феодальной раздробленности, продлившегося около двухсот лет» [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 255]. В китайском оригинале речь идёт о раздробленности без определения её как «феодальной» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 18].

Ссылки на феодализм изобилуют в критических примечаниях к английскому тексту. Джаффе оценил сделанные в период войны суждения Чан Кайши о важности государственного регулирования экономики как возврат к феодализму. Эти замечания повлияли на восприятие книги в нашей стране. Перевертайло указывал, что «её авторы выступают идеологами реакционных сил Китая, стремящихся сохранить там полуфеодальные основы и превратить его при американской поддержке в оплот реакции на Дальнем Востоке» [*Перевертайл*о, 1946. С. 26].

Отечественные авторы заключили, что исторические аргументы в книге были «подобраны таким образом, чтобы показать неприменимость и "порочность" рыночной экономики с точки зрения государственно-национальных интересов Китая» [*Сухарчук*, 1983. С. 95]. На самом деле Чан Кайши не выступал с открытой критикой рыночной экономики.

В исследовании Меликсетова книга Чан Кайши была воспринята как изложение программы экономических преобразований Гоминьдана [*Меликсетов*, 1977. С. 167]. На основании такого подхода был сделан вывод, что Чан Кайши «не замечает» важных вопросов иностранных капиталовложений в Китае и экономических взаимоотношений с капиталистическим миром [Там же. С. 170]. Однако рассмотрение этих вопросов экономической политики не входило в замысел книги Чан Кайши.

В советское время исследователи стремились выявить преемственность экономических воззрений китайских лидеров XX столетия. В период критического отношения к политике КПК негативная трактовка экономических идей Чан Кайши была спроецирована на взгляды Мао Цзэдуна. Учёные подчёркивали близость взглядов основателя КНР к «оригинальной китайской экономической теории» лидера Гоминьдана «вплоть до текстуального сходства при формулировании экономических, социальных, этических задач и методов их осуществления на практике» [*Сухарчук*, 1983. С. 164].

Отечественные авторы утверждали, что присутствующие в книге Чан Кайши «торжество волюнтаризма» и «представления о примате этических начал в экономической политике» были материализованы в КНР. Политика «большого скачка» Мао Цзэдуна предстаёт с этой точки зрения как подтверждение «универсальности для практики китайских националистов» многих положений «Китайской экономической теории», включая «систему, при которой деревня составляла бы основную экономическую и военную единицу, при которой создаётся несколько современных отраслей промышленности, работающей в основном на вооружение, на милитаристское противостояние, систему бюрократической централизации» [*Воронцов*, 1974. С. 43].

Глубокие перемены в отношении к национальной культурной традиции в современном Китае создали новый контекст интерпретации книги Чан Кайши. Позитивная оценка древней мысли более не является синонимом «реакции» и «реставрации». Китайское руководство провозгласило целью соединение марксизма с национальной культурной традицией. Официальная идеология КПК становится более открытой для впитывания традиционных концепций. В этих условиях представленные в «Китайском экономическом учении» оценки экономической мысли и политики древности вновь обретают актуальность наряду со многими экономическими трудами китайских авторов первой половины XX в. Политические взгляды Чан Кайши остаются для современного китайского мейнстрима чуждыми, однако его суждения о китайской экономической мысли получают шанс на новое более заинтересованное прочтение. Учёт фактора смещения современного китайского дискурса в сторону традиционализма ставит перед зарубежными исследователями новые задачи. При этом возрастает важность изучения китайских экономических текстов на языке оригинала.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бергер Я.М. (1973). Об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае // *Китай: общество и государство:* Сб. статей [*Berger Ya.M.* (1973). On the evolution of Sun Yat-senism in Kuomintang China // China: society and state. Collection of articles]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. С. 279–293.

Бонч-Осмоловская О.А. (2017). Концепция «восприятия вещей» (感物 гань у) в китайской философии и культуре: истоки концепции [*Bonch-Osmolovskaya O.A.* (2017). The "perception of external things" (感物 gan wu) concept in Chinese philosophy and culture: formation of the concept] // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. Т. 3 (69). № 2. С. 3–17.

Борох О.Н. (2024a). Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х годов) [*Borokh O.*(2024a). Economic Teaching of Chiang Kai-shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 1. Chinese and foreign reaction of the 1940s)] // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. № 3. С. 139–150. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150.

Борох О.Н. (2024b). Анализ экономической мысли Запада в «Китайском экономическом учении» Чан Кайши [*Borokh O.N.* (2024b). Analysis of Western economic thought in Chiang Kai-shek's «Chinese economic teaching»] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. Т. 64. № 3. С. 190–215. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_190-215.

Воронцов В.Б. (1974). *Дело «Амерейша»: политические столкновения в США по проблемам Китая* [*Vorontsov V.B.* (1974). The Amerasia Case: Political Clashes in the United States over China's Issues]. — М.: Международные отношения.

Древнекитайская философия. Т. 2. (1972). [Ancient Chinese philosophy. Vol. 2. (1972)]. — М.: Мысль, 1972.

Китайская философия: Энциклопедический словарь (1994). [Chinese philosophy. Encyclopedic Dictionary (1994)]. — М.: Мысль.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») (2004). [Confucian Four Books «Si shu» (2004)]. — М.: Восточная литература.

Меликсетов А.В. (1977). *Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949*) [*Meliksetov A.V.* (1977). Socio-economic policy of the Kuomintang in China (1927–1949)]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.

Палладий, Попов П.С. (1888). *Китайско-русский словарь*. Т. II [*Palladiy, Popov P.S.* (1888). Chinese-Russian dictionary. Vol. II]. — Пекин: Типография Тун-вэнь-гуань.

Панцов А. (2019). *Чан Кайши* [*Pantsov A.* (2019). Chiang Kai-shek]. — М.: Молодая гвардия.

Перевертайло А. (1946). Экономический план Чан Кайши [*Perevertailo A.* (1946). Chiang Kai-shek's economic plan] // *Новое время*. № 15. С. 23–26.

Сталин И. (1952). *Экономические проблемы социализма в СССР* [*Stalin I.* (1952). Economic problems of socialism in the USSR]. — М.: Госполитиздат.

Сталин И.В. (2012). Беседы И.В. Сталина с учёными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. [*Stalin I.V.* (2012). I.V. Stalin's conversations with economists. 1941, 1950, 1952] // *Исторический архив*. № 4. С. 6–28.

Сунь Ятсен (1985). *Избранные произведения*: Изд. 2-е, испр. и доп. [*Sun Yatsen* (1985). Selected works. Second edition, corrected and expanded]. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Сухарчук Г.Д. (1978). Социально-экономические взгляды Чан Кайши // *Китай. Поиски путей социального развития (Из истории общественно-политической мысли XX в.)* [*Suharchuk G.D.* (1978). Chiang Kai-shek's socio-economic views // China. Searches for ways of social development (From the history of socio-political thought of the twentieth century)]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. С. 223–244.

Сухарчук Г.Д. (1983). *Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравнительный анализ* [*Suharchuk G.D.* (1983). Socio-economic views of the political leaders of China in the first half of the 20th century. Comparative analysis]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.

Chen Huanzhang (2015). *The Economic Principles of Confucius and His School*. — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press].

Chiang Kai-shek (1947). *China's destiny and Chinese economic theory*. With notes and commentary by Philip Jaffe. — New York: Roy Publishers.

Jiang Zhongzheng (1943). *Zhongguo jingji xueshuo* [*Jiang Zhongzheng* (1943). Chinese economic teaching]. — [n.p.]: Guomin zhengfu junshi weiyuanhui weiyuanzhang shicongshi [Generalissimo's adjutant's office of the National military council]. (In Chinese).

Jiang Zhongzheng (1944). *Zhongguo jingji xueshuo* [*Jiang Zhongzheng* (1944). Chinese economic teaching]. — [n.p.]: Liansuo shudian [Chain Bookstore]. (In Chinese).

Qiu Shijie (2021). «Zhongguo jingji yuanlun» yanjiu fangfa de xingcheng [*Qiu Shijie* (2021). The formation of the research method of «The origin of China's economy»] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* [*Researches in Chinese Economic History*]. No. 2. Pp. 38–51. (In Chinese).

Rickett W.A. (1998). *Guanzi. Political, Economic, and Philosophical Essays From Early China. Vol. 2.* — Princeton, NJ: Princeton University Press.

Tang Qingzeng (2010). *Zhongguo jingji sixiangshi*. [*Tang Qingzeng* (2010). The history of Chinese economic thought]. — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. (In Chinese).

Xiong Jinwu (2020). Jindai Zhongguo chuantong jingji sjxiang xiandaihua lujing yanjiu — jiyu Minsheng jingjixue de weiguan anli [*Xiong Jinwu* (2020). Research on the modernization path of traditional Chinese economic thought in modern times — a micro-case based on economics of people's livelihood] // *Caijing wenti yanjiu* [*Research on Financial and Economic Issues*]. No. 10. Pp. 11–21. (In Chinese).

Yuan Weishi (2003). Jiang Jieshi zai 1943 nian — qiang guo meng yu xianzheng zhi lu [*Yuan Weishi* (2003). Chiang Kai-shek in 1943 — The dream of a strong country and the road to constitutional government] // *Yanhuang Chunqiu* [*Yan-Huang Historical Review (The Spring and Autumn Annals of the Emperors Yan and Huang)*]. No 7. Pp. 14–20. (In Chinese).

Yuan Xianneng (Yuen, Wen Peh) (2013). The Influence of Taoism and Related Philosophies on Chinese Economic Thought // *Yuan Xianneng zhushu wenji. Shang juan* [Collected works of Yuan Xianneng, Vol. 1]. — Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe [China Commerce and Trade Press]. Pp. 1–168.

Zou Jinwen (2015). Bianyuan shang de kaita: minguo shiqi jingji sixiangshi lunwen niaokan [Exploration on the margins: A bird's-eye view of a doctoral thesis on the history of economic thought during the Republic of China] // *Jingjixuejia chazuo* [*Teahouse for Economists*]. No. 4. Pp. 43–48. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна
borokh@hotmail.com

Olga Borokh
PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)
borokh@hotmail.com

ECONOMIC TEACHING OF CHIANG KAI-SHEK: POLITICAL ASSESSMENTS AND ACADEMIC INTERPRETATIONS (PART 2. A CRITICAL LOOK THROUGH THE PRISM OF SOVIET POLITICAL ECONOMY)

Abstract. The paper examines the problems of perception of the content of Chiang Kai-shek's book «Chinese Economic Teaching» (1943), shaped by political approaches and academic context. Soviet scholars of China's modern history viewed Chiang Kai-shek's book through the prism of Soviet political economy. The terminological substitutions made («goods» instead of «things», «money» instead of «wealth», «needs» instead of «wants») were largely due to the influence of the English edition, which offered interpretations of traditional Chinese concepts in terms of Western economics. The attempt to dock with the conceptual apparatus of Soviet political economy demonstrated the complexity of the transition between different systems of academic discourse and became an example of the emergence of misunderstanding due to the belonging of researchers to different scientific paradigms. Chiang Kai-shek's political views remain alien to contemporary China. However, official calls for the synthesis of Marxism with the best traditions of Chinese culture created positive preconditions for an interested rethinking of his judgments on the specific features of Chinese economic thought.

Keywords: *Republican China, Chiang Kai-shek, Chinese economic thought, translation of economic text, Western economics, Soviet political economy.*
JEL: B2, B31, A13.

Д.В. Мельник
к.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ЛИБЕРАЛЫ И ГОСУДАРСТВО В ИТАЛИИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕФОРМИЗМ ДЖОВАННИ ДЖОЛИТТИ И ЕГО КРИТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается стратегия либерального реформизма в Италии конца XIX в. — первой четверти XX в. и её критика со стороны представителей экономического либерализма («чистых» либералов). Столкновение двух ви́дений либеральной политики отражало всю глубину и сложность процесса трансформации либерализма в условиях резкого расширения государственного вмешательства и массовизации политических процессов.

Особенности процесса трансформации либерализма в Италии указанного периода были обусловлены характером вызовов. Перед страной вставали задачи одновременного выстраивания государственных институтов после объединения страны, ликвидации существенного разрыва в уровнях развития между её севером и югом, проведения индустриализации. Ответом на это стал рост протекционизма и дирижизма. Вызовы ещё более усилились с вступлением Италии в Первую мировую войну и послевоенной социально-политической турбулентностью, которая привела к установлению режима Муссолини. В то же время Италия обладала давней традицией либеральной экономической мысли, а итальянские либералы образовали заметную и весьма влиятельную школу экономической мысли. Государственное вмешательство в экономику не могло не вызывать у них отторжение. Однако непосредственное включение в элиту страны требовало от них модификации постулатов классического экономического либерализма середины XIX в. для разработки политических рекомендаций.

В фокусе данной статьи находится рассмотрение политической программы выдающегося итальянского политика Джованни Джолитти. Она стала одним из направлений трансформации классического либерализма середины XIX в. В следующем за введением втором разделе статьи положение либеральной идеологии в Италии рассматривается в контексте проблем, возникавших в условиях индустриализации отсталой и разделённой экономики. Либеральный реформизм Джолитти стал стратегией прагматического ответа на возникающие вызовы. Основные черты этой стратегии и её критика со стороны «чистых» либералов — тема третьего раздела статьи. В заключении представлены краткие выводы.

Ключевые слова: *история экономической мысли Италии, экономический либерализм, либеральный реформизм, Джованни Джолитти.*
JEL: B13, B31, H11, N43, N44
УДК: 330.83
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_128_141
© Д.В. Мельник, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мельник Д.В.* Либералы и государство в Италии: либеральный реформизм Джованни Джолитти и его критики // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 128–141. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2024_4_128_141.
FOR CITATION: *Melnik D.* Liberals and the State in Italy: Giovanni Giolitti's Liberal Reformism and Its Critics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 128–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_128_141.

Введение

Либерализм относится к тем явлениям, которые, будучи интуитивно понятны, с трудом поддаются определению. Попытки такого определения в общем случае сводятся, как правило, к указанию на приверженность свободе или свободам. В частных — несут в себе привязку к конкретным контекстам (например, «неолиберализм», чёткое определение которого без обозначения конкретной исторической ситуации или конкретных носителей дать затруднительно). Это отражает историческую изменчивость либерализма как идеологии. Утвердившись в качестве мировоззренческого мейнстрима элит, как минимум с середины XIX в., на рубеже веков он столкнулся с вызовами, обусловленными как быстрыми изменениями социального и экономического ландшафта, так и всевозрастающей конкуренцией со стороны радикальных, социалистических и этатистских идей. Первая мировая война стала мощнейшим ударом по бастионам либерализма, а попытки «вернуться к нормальности» (т.е. в благословенный 1913 г.) после её завершения были окончательно сорваны Великой депрессией. Казалось, что идеалы либерализма обречены на то, чтобы остаться в прошлом. Но в стремительно меняющемся в неблагоприятную для него сторону мире либерализм сохранял важный актив — преданных ему интеллектуалов.

С учётом значимости либерализма в истории экономической науки рассмотрение реакции либералов на вытеснение (или угрозу вытеснения) либерализма с позиций мейнстрима в социальном мировоззрении «прогрессивного человечества» в конце XIX — первой четверти XX вв. представляется значимым для понимания трендов изменения экономической науки. Притом, что обычно её история того периода превращается в несколько строк и имён, помещаемых между двумя революциями: маржиналистской и кейнсианской. Очевидно, вместе с тем, что изучение реакции либералов на материале всей «истории западной экономической мысли» привело бы к чрезмерно общим и размытым результатам — единства в ней на тот период ещё не сложилось. В то же время рассмотрение темы на примере сразу нескольких «национальных школ» неизбежно выходило бы за рамки одной статьи. Поэтому в данной статье рассматривается лишь один пример: трансформация либерализма в Италии. Однако и в этом случае потребовалась более точная фокусировка: на малоизвестную в отечественной литературе (да и в целом за пределами Италии) стратегию либерального реформизма политика Джованни Джолитти и противоположную ей, предполагавшую опору на классические идеалы подхода «чистых» либералов. Воплощение стратегии Джолитти сопровождалось значительными успехами в социальном и экономическом развитии Италии перед Первой мировой войной. А весь отрезок XX в. вплоть до вступления Италии в войну вошёл в итальянскую историографию как «эпоха Джолитти».

Примечательно, однако, что на всём протяжении политической карьеры Джолитти он сам и его действия сталкивались с ожесточённой критикой со стороны школы итальянских либеральных экономистов, обозначаемых в данной статье как «чистые» либералы.

Либерализм в контексте особенностей исторического развития Италии

Острота противоречий между либеральным реформизмом и «чистыми» либералами отражала противостояние между двумя программами реализации одного и того же прогрессистского ви́дения неизбежного распространения плодов просвещения в массах, плодов накопления капитала в хозяйстве и соответствующего расширения пространства свободы и процветания. Программа либерального реформизма, олицетворяемая политикой Джолитти, изначально отошла от классических идеалов невмешательства. Она предполагала необходимость активного воздействия государства на улучшение условий жизни масс

посредством социального законодательства и государственной политики стимулирования промышленного развития. Как таковая она сформировалась не в результате теоретической разработки, а в качестве ответа на вызовы, с которыми столкнулась Италия.

К началу XX в. Италия существовала как единое государство лишь около тридцати лет. Захват в 1870 г. последнего осколка «средневековой вольницы», Папского государства, и перенос столицы Савойской династии в Рим воплотил многовековую мечту итальянских мыслителей об объединении. Но бывшие короли Сардинии явно не дотягивали до образа римских императоров, а установившийся парламентский режим отличался неустойчивостью и беспринципностью правящих коалиций, слабостью правительств, бесконечным торгом в кулуарах власти с опорой на контроль за распределением бюджетных средств и «тёплых местечек».

Установление «железом и кровью» политического единства Италии не разрушило барьеров между регионами и местностями. И если распространение общего образования и современных средств массовой информации в основном решило задачу формирования единого языкового и культурного пространства (но лишь ко второй половине XX в.!), то «проклятый» южный вопрос — различие в структурах экономики и разрыв в уровнях производства и доходов между севером и югом Италии — не решён и по сей день[1]. Попытки его решения, начавшиеся вскоре после объединения, явно не вписывались в рецепты laissez-faire, ибо требовали роста доли госрасходов и управления системой межбюджетных трансфертов (что теоретически должно было сглаживать региональные различия, но практически часто выражалось в укреплении за счёт центрального бюджета местных клиентел).

Италия, оставаясь в целом отстающей экономикой, к концу XIX в. включилась в процесс индустриализации, сосредоточенный преимущественно на севере, вокруг Турина и Милана. И хотя Италия обычно и не рассматривается в качестве примера «догоняющего развития», это, как и в других случаях подобного типа, вело к росту вовлечения государства в экономику. Росло давление на доходы бюджета, связанное как с необходимостью различных мер поддержки отечественной промышленности, так и с порождаемыми индустриализацией социальными проблемами (с конца XIX в., что обычно датируется энцикликой папы Льва XIII «Rerum Novarum» 1891 г. к решению рабочего вопроса, помимо национального правительства, подключилась и католическая церковь).

Однако исходные условия для разрешения старых и новых вопросов посредством государственного вмешательства были неблагоприятными: финансы Сардинского королевства уже были подорваны и обременены долгами в процессе длительной борьбы за объединение Италии, и простой перенос казны в Рим, очевидно, сам по себе разрешить эти проблемы не мог. Равным образом проблема контроля за расходованием бюджетных средств (и управления в целом) не могла быть решена простым «растягиванием» северо-итальянского чиновничества по карте недавно возникшей страны.

---

[1] Самым успешным примером «вытягивания» из юга стал Рим. Но именно этот пример — исключение, подтверждающее правило. Этот прекрасный город и по сей день остаётся воплощением исторической памяти о величии античного наследия. Но его «вечность» проистекает из тысячелетнего сохранения административных функций. Лишённый особых географических преимуществ, с подступающей к нему заболоченной местностью, которая вплоть до начала XX в. удушала горожан приступами малярии в летнее время, никогда не бывший сколь-нибудь значимым экономическим центром, город выжил потому, что римские епископы на заре средневековья смогли утвердить своё верховенство как «патриархов Запада». Но даже будучи средоточием администрации и высшей иерархии католической церкви, Рим к моменту объединения насчитывал немногим более 200 тыс. жителей, тогда как население, например, Неаполя было больше в 2 раза. Именно исторический символизм, сделавший с 1870 г. Рим местом пребывания неуклонно разрастающейся бюрократии и распределения бюджетных средств, модернизировал город — опять-таки без его превращения в промышленный или финансовый центр. Это же, впрочем, породило и ещё один «проклятый» вопрос новейшей итальянской истории — римский: проблему сосуществования двух суверенных источников власти.

Джолитти чётко осознавал и обосновывал свою программу. На критику со стороны сторонников фритрёдерства он отвечал, в частности, тем, что «экономический либерализм не всегда находится в гармонии с политическим либерализмом» [*Coppa*, 1970. P. 211]. Это осознание отражало расширение масштаба и функций государства, начавшееся в действительности ещё до выхода Джолитти на авансцену политики. В последней трети XIX в. доктринальный экономический либерализм — и не только в Италии — всё чаще вытеснялся активным (вынужденным или целенаправленным) воздействием правительства на экономику и общество. Так государства реагировали на масштабирование возникающих проблем на национальном и даже интернациональном уровне. Напротив, для «чистых» либералов ограничение экономических свобод вытекало из отхода от политического либерализма, от правильных принципов управления в целом. Это выступало в их глазах уступкой плутократии или охлократии. Характерна в связи с этим полемика Джолитти и его либеральных противников по проблеме экономического развития юга. Джолитти был последовательным сторонником бюджетных вливаний и государственных программ развития. Парадоксальным, казалось бы, образом в число его противников входили и южане, противостоящие в этом исконному северянину.

Различия в подходах носили доктринальный характер. «Чистые» либералы исходили из классического фритрёдерства, полагавшего частную инициативу и предпринимательство необходимым и достаточным условием экономического развития, а всякий правительственный интервенционизм — неизбежным нарушением экономической свободы. Например, видный представитель либерализма южанин Антонио Де Вити Де Марко в качестве члена парламента от Апулии заявлял, что не поддержит продвигаемый Джолитти пакет специальной помощи для другого южного региона Базиликата, поскольку это создавало бы преференции для одного региона в ущерб всем другим [*Coppa*, 1970. P. 202].

В стандартной аргументации сторонников «чистого» либерализма рыночные сигналы искажаются всяким правительственным вмешательством в движение товаров, людей, капиталов и следующим из необходимого для финансирования интервенционистских мер ростом налоговых изъятий. Все эти аргументы широко использовались критиками Джолитти. Но в полемике по «южному вопросу» на первый план выходил ещё один специфический аргумент, проистекающий из «мифа о юге», согласно которому он некогда представлял собой цветущий сад, разрушенный плохим управлением. Само по себе это убеждение не было порождением либеральной доктрины, коренясь, очевидно, во многовековой истории владения югом чужеземцами. Оно могло использоваться (да и продолжает использоваться) как сторонниками объединения Италии, оправдывающими захват севером юга неэффективностью его отсталых управленческих структур и культуры в целом, так и сторонниками партикуляризма, для которых север разрушал и подавлял уникальную и самобытную культуру, чтобы выкачивать ресурсы юга для целей своего развития.

В либеральном прочтении этот «миф» усиливал аргумент о пагубности всякого вмешательства государства: экономическое отставание и все иные беды юга выводились из «плохого управления» (или, как сказали бы сейчас, «плохих институтов»). Соответственно, таргетирование правительством отдельного региона или отрасли рассматривалось как закрепление этого «плохого управления» — в ущерб экономической свободе. «Хороший институт» в либерализме есть всегда то, что следует «выращивать» лишь под благодетельным солнцем свободы. Напротив, Джолитти считал, что в основе всех бед юга изначально была не политика, а экономика — исходный низкий уровень развития во всех отраслях, включая и сельское хозяйство [*Coppa*, 1970. P. 200–202].

С начала XIX в. либеральная идеология победно шествовала по всей Европе, распространяясь среди элит как основа мировоззрения. Её носителем стала экономическая наука: политическая экономия в том виде, какой она приобрела после Адама Смита, его последователей и популяризаторов. Но в случае Италии речь не шла исключительно об импорте

идеи. Проникновение модной доктрины «из-за Альп» лишь высветило собственную богатую традицию рассмотрения принципов саморегулирования рыночной системы. Отблеском этой традиции в истории отечественной экономической мысли является диссертация И.В. Вернадского, которая традиционно считается первой работой по истории экономической мысли на русском языке и в которой, несмотря на цензурные ограничения позднениколаевской эпохи, основы либерального учения излагались на материалах трудов итальянских исследователей [*Вернадский*, 1849].

Вместе с тем, экономический либерализм в том виде, в каком он сложился после Смита, не стал всеобщей идеологией даже среди экономистов. Не подменил он собой и традицию политического либерализма, следующего в русле просвещенческих идеалов и прогрессистского мировоззрения, но не предполагающего полного подчинения общества экономике. Вероятно, именно необходимость борьбы с влиятельными в политическом и интеллектуальном плане соперниками способствовала тому, что экономический либерализм в Италии оформился в особую школу экономической мысли.

У этой школы был ярко выраженный лидер: Франческо Феррара (1810–1900). Его почитание прослеживается даже у тех представителей школы, которые непосредственно у него не обучались. Были у этой школы и свои институциональные «точки сборки». Сначала, в этом качестве выступало «Общество Адама Смита». Оно было основано во Флоренции в 1874 г. и изначально направлено на противоборство с распространением среди итальянских интеллектуалов экономических идей, схожих с идеями немецкой исторической школы [*Канделоро*, 1975. С. 87–91]. И почти сразу после начала его деятельности, и в противовес ему, будет организована «Ассоциация содействию прогрессу экономических исследований», под эгидой которой в 1875 г. стал публиковаться «Журнал экономистов» (Il Giornale degli Economisti). Она объединяла «индустриалистов» — сторонников ускорения промышленного развития Италии посредством активной государственной политики — и сторонников решения социальных вопросов.

Со стороны либералов Феррара «был единственным крупным экономистом флорентийского общества». Но к «Обществу» примкнул и делавший лишь первые шаги в экономической теории и проживавший тогда во Флоренции железнодорожный инженер Вильфредо Парето [*Канделоро*, 1975. С. 94]. «Хотя это общество было выразителем старых идей,… оно было центром объединения интересов мощных банковских и аграрных групп, поборников продолжения политики свободной торговли» [Там же. С. 93]. У Феррары хватило энергии и публицистических способностей, чтобы кристаллизовать «старые идеи» фритрёдерства в полемике с противниками и передать их последователям в качестве актуального элемента политической программы либералов. А его более молодые последователи 15 лет спустя смогут захватить в качестве трофея «Журнал экономистов», превратив его в новый, более мощный институциональный центр притяжения либеральных экономистов и рупор для их идей.

В число экономистов — последователей Феррары входили Маффео Панталеони (1857–1924), Антонио Де Вити Де Марко (1858–1943), Луиджи Эйнауди (1874–1961), Аттилио Кабиати (1872–1950), Густаво Дель Веккьо (1883–1972). Отстоя от них в своей теории, в области защиты и пропаганды экономического либерализма с ними активно сотрудничал Вильфредо Парето (1848–1923). Деятельность представителей школы «чистых» либералов отражала два направления деятельности, ярко выраженных уже у Феррары.

Во-первых, её представители были активными, непреклонными и умелыми «агитаторами и пропагандистами» либеральной идеологии: на университетских кафедрах, в публицистике, на парламентской трибуне. Эта идеология претендовала на роль всеобъемлющего мировоззрения и политической программы и несла на себе явный отпечаток взглядов эпигонов Смита, таких, например, как Фредерик Бастиа — в том виде, в каком они были переданы и применены к итальянским условиям Феррарой. Школа в этом смысле никогда не была сугубо академической, имея чёткую политическую и полемическую

направленность. Она апеллировала не только к Смиту, но и к «золотому веку» либеральной экономической политики. Таковой в случае Италии приходился на годы объединения страны и первый период существования нового государства под руководством политиков из Пьемонта. А безусловным героем и безупречным идеалом политика для школы был граф Кавур[2]. Представители школы почти непрерывно пребывали в состоянии острой полемики. Их оппонентами выступали не только очевидные противники экономического либерализма, но и вполне либеральные по своим взглядам интеллектуалы и политики, которые отклонялись с точки зрения школы от догматов подлинного либерализма. Это ярко проявилось в борьбе против либерального политика Джолитти, которая продолжалась на протяжении всей его длительной карьеры. Именно поэтому представители данной школы обозначаются здесь как «чистые» либералы.

Во-вторых, собственно научные исследования «чистых» либералов формировались вокруг чётко выраженного теоретического ядра: анализа государственных финансов. Теоретическому анализу финансов и связанного с ними процесса принятия бюджетных решений способствовали и конкретные обстоятельства: «Италия, в силу особых обстоятельств её политического развития, вынуждена была перепробовать всевозможные виды извлечения государственных доходов» [*Чупров*, 1904. С. XXIII]. Исключение в этом отношении составляла близкая «чистым» либералам в области идеологии, но стоящая особняком в области экономической теории фигура Парето[3]. «Чистые» либералы следовали основным идеям и постулатам маржиналистской революции, хорошо знали труды её основоположников, но не были готовы принять её основной аналитический итог: тенденцию к математизации и формализации экономических исследований. В этом смысле и в первой половине XX в. «чистые» либералы продолжали говорить на языке, более близком к языку экономической науки XIX в. Парадоксальным образом это делало их и более близкими к языку их записных противников — представителей исторической школы, чем к языку неоклассического мейнстрима. Лишь в 1960-е гг. теоретический вклад, сделанный «чистыми» либералами в рамках их анализа финансовых решений, будет замечен и высоко оценён Дж. Бьюкененом [*Buchanan*, 1960; *Buchanan*, 1967; *Wagner*, 2018]. С его лёгкой руки они и войдут в число канонических предшественников современной теории общественного выбора и обратят внимание исследователей из различных стран (см., например: [*Славинская*, 2019]).

Либеральный реформизм

Имя Джованни Джолитти (1842–1928) практически неизвестно за пределами Италии, но закреплено в названиях улиц многих итальянских городов. Выходец из Пьемонта, подлинного центра Сардинского королевства, он начал карьеру госслужащего в начале 1860-х гг., а спустя два десятилетия переместился с бюрократических должностей на политические. В первый раз в своей карьере он возглавлял правительство в 1892–1893 гг., после чего был оттёрт на обочину политической жизни из-за финансового скандала, подорвавшего его первое премьерство. Движущей силой этого скандала стали как раз «чистые» либералы под предводительством Панталеони. Вернулся он на авансцену поли-

[2] Например, ярчайший представитель «чистых» либералов Маффео Панталеони «сформировался в своих политических убеждениях ещё в ранней молодости в отцовском доме, следуя чистой кавурианской линии, где встречались те, кто были продолжателями великой либеральной политики Кавура — политики, которая не терпела и не терпит ограничений… в области экономической свободы» [*De Viti De Marco*, 1925. P. 172].

[3] В 1917 г. в письме одному из своих учеников Парето отмежевался «от самой науки о финансах, поскольку её последователи разрабатывали её принципы, в которые веровали, на исключительно экономических основаниях, не заботясь об экспериментальной проверке, которая учит о преобладании страстей, чувств и интересов над теориями и доктринами» [*Griziotti*, 1949. P. 125].

тики с началом нового века — сначала как влиятельный министр, а затем, с 1903 г., как премьер-министр, занимая эту должность с небольшими перерывами свыше 10 лет (огромный для парламентской системы Италии срок и тогда, и сейчас). Это была эпоха Джолитти.

Выступая противником вовлечения своей страны в Первую мировую войну, Джолитти не входил в составы правительств в её годы. Последний раз он занял кресло премьер-министра в 1920 г. В это время продолжалась начавшаяся в условиях войны резкая радикализация итальянской политики и общества, сопровождавшаяся, в частности, ростом влияния фашистского движения. Сам Джолитти рассматривал это в качестве одного из эксцессов, которые были порождены шоком войны и неизбежно сгладились бы по ходу нормализации обстановки. Именно на эту нормализацию и была направлена политика, которую он пытался проводить обычным для себя путём создания широкой «центристской» (внеидеологической) коалиции парламентского большинства. Однако в новых условиях обстоятельства не давали возможность для свободы внеидеологических манёвров. Взрывной рост левого внепарламентского радикализма (с захватами фабрик и земель) привёл к расколу традиционного союзника Джолитти — Итальянской социалистической партии, из которой в начале 1921 г. выделилась Итальянская коммунистическая партия. Это вытолкнуло Джолитти резко вправо — в сколоченный им для выборов 1921 г. блок вошла и партия Бенито Муссолини. Этот разнородный блок не добился значительного электорального перевеса, и Джолитти вскоре вышел в отставку. Однако набирающий влияние (впрочем, в большей степени вне парламента, чем в его стенах) Муссолини продолжал считать Джолитти одним из главных политических препятствий для своего прихода к власти.

На протяжении всей своей политической карьеры Джолитти вызывал резко полярные реакции. Одних он восхищал как «сильный человек», столь необходимый для слабой парламентской системы. Для других этот же образ служил основанием для обвинений Джолитти в диктаторских устремлениях, махинациях, потворстве коррупции и клиентелизму. С определённой натяжкой отношение современников к Джолитти можно сравнить с более известным нам отношением к другому нарушителю спокойствия итальянской парламентской системы — Сильвио Берлускони.

И друзья, и враги сходились в признании за Джолитти невероятной способности к «траснформизму», способности к очень быстрому изменению позиций для упрочения власти посредством формирования парламентских коалиций. Но парадоксальным образом эта политическая беспринципность сочеталась в его деятельности с последовательной приверженностью определённым принципам — и в их основе лежал либерализм. Этот либерализм, безусловно, отличался от классического либерализма середины XIX в., которому следовали пьемонтские политики (и самый известный из них — граф Кавур) тогда, когда молодой Джолитти лишь делал свои первые шаги на государственной службе, и который являлся, вероятно, самым последовательным практическим воплощением идеалов laissez-faire. Его отход от «чистого» либерализма середины XIX в. вызывал неприязнь к опытному государственному деятелю со стороны «чистых» либералов эпохи Джолитти[4]. Сам же он ещё в начале восхождения к высшим политическим должностям, в конце 1880-х гг., указывал, что «в период роста демократии именно экономические вопросы выходят на первый план, поскольку они являются важнейшими для масс» [*Coppa*, 1970. P. 196]. Характерно следующее его высказывание: «Современное государство не может ограничиваться лишь функциями полицейского и солдата» (цит. по [*Coppa*, 1970. P. 199]).

Либеральный реформизм Джолитти — это либерализм политика, понимающего, что для того, чтобы вести за собой общество, ему в свою очередь необходимо следовать обще-

[4] Джолитти, не называя имён, упоминал в своих мемуарах тех, кто «претендовал на наследие графа Кавура и провозглашал себя его наследниками», тех, кто предполагал, что «граф Кавур остался бы на неизменных позициях политической ситуации пятидесятилетней давности, не сделав бы ни шагу вперёд» [*Giolitti*, 1922. P. 293].

ству, соответствовать ожиданиям людей, их надеждам и страхам. Представление о политике как искусстве возможного самим Джолитти было сформулировано так: «Когда портной шьёт пиджак для горбатого, он должен выкроить горб также и на пиджаке» [*Montanelli, Cervi*, 2008. P. 19]. Это означало не просто принятие им того, что обобщённо можно назвать «коррупцией», в качестве политического инструмента. Это означало осознание того, что политик, который хочет пользоваться влиянием в обществе, не может постоянно ставить себя слишком высоко над обществом или подталкивать это общество вперёд слишком быстро. Государство, со всеми его недостатками, очевидно, выступало для Джолитти инструментом влияния на жизнь простых людей, со всеми их недостатками. И если недостатки политической системы проистекают из самой природы борьбы за власть, то недостатки людей в большей степени проистекают из условий их жизни. Задача, таким образом, заключалась в улучшении людей путём постепенного улучшения общих экономических и социальных условий их жизни — без попыток изменить природу борьбы за власть.

В программе Джолитти основной задачей правительства становилось, по сути, экономическое развитие. В применении к конкретной ситуации Италии это означало: рост финансирования юга из центрального бюджета; рост инвестиций в инфраструктуру (прежде всего, в железнодорожное строительство[5]); поощрение отечественных производителей (прежде всего за счёт усиления протекционизма). Соответствующий этим мерам рост госрасходов подразумевал переход к росту налогообложения и государственного долга. В эпоху Джолитти связанные с этим проблемы компенсировались весьма успешными показателями экономической динамики. Однако параллельно успехам в экономическом развитии закономерно обострялись старые и появлялись новые социальные проблемы. Ответом правительства стали первые системные шаги в расширении системы социального страхования, распространении начального образования и т.д. Джолитти, разумеется, не был единственным родоначальником всех этих мер, но он принадлежал к числу наиболее влиятельных из них.

Эпоха Джолитти стала временем успехов в проведении индустриализации экономики и модернизации общества, и это в том числе было результатом и его политики. Однако противники обращали внимание на средства проведения этой политики.

В 1910 г. вышел памфлет Гаэтано Сальвемини, одного из ведущих радикальных публицистов, прочно закрепивший за именем Джолитти ярлык для последующий историографии: «Министр преступного мира». Он был написан в жанре журналистского расследования. В нём на нескольких примерах проведения выборов в южных регионах за предшествующее десятилетие создавалась картина систематических махинаций, шантажа, запугивания, преступлений с целью избрания лишь угодных кандидатов. Сальвемини отмечал, что не Джолитти создал на юге политическую машину, основанную на союзе местных представителей центральной власти, локальных клик выгодоприобретателей от распределения бюджетов, преступников, каморры. Но именно под руководством Джолитти эта политическая машина стала одним из ключевых элементов системы власти страны. Она, по подсчётам Сальвемини, обеспечивала 150 депутатов, «южных проходимцев», готовых голосовать за любую меру, предлагаемую им в обмен на гарантии неприкосновенности и свободу действий на местах. И к ним следовало добавить ещё 100 «искателей наживы», избранных от других регионов. Все вместе они составляли в парламенте то «приданое», которое скопил Джолитти за «восемь лет насилия и презрения моралью» [*Salvemini*, 1966. P. 139]. Далее к этому, как отмечал Сальвемини, следовало прибавить и 110 депутатов «крайней левой» части (т.е. социалистов), вступивших в «низменный и чудовищный союз, в котором антиклерикализм призван создавать иллюзии для наивных, стяжательству

[5] Проводя через парламент национализацию железных дорог, которая состоялась в 1905 г., Джолитти отмечал: «Возможно наиважнейшей из услуг, которые может предоставлять государство, является предоставление хороших железнодорожных услуг, потому что эти дороги выступают артериями, в которых пульсирует экономическая жизнь страны» (цит. по: [*Coppa*, 1970. P. 209]).

дан полный ход, а неимоверные расходы оплачиваются за счёт южной Италии» [Там же]. Сальвемини предсказывал, что опираясь именно на этих союзников, Джолитти со временем (на тот момент он не занимал кресло премьера) вернётся к власти и «оставит в покое политические и экономические организации в округах депутатов от крайней левой, увеличит административные поблажки трудовым кооперативам в округах депутатов от крайней левой, наделит оплачиваемыми из бюджета работами, хотя бы и бесполезными, округа депутатов от крайней левой, распределит должности и субсидии по агитаторам за депутатов от крайней левой, расширит социальное законодательство для промышленных рабочих Севера, сосредоточенных в округах депутатов-социалистов, всегда оставляя с пустым ртом подавляющее большинство крестьян Севера и Юга: пригласит, таким образом, на пышный банкет итальянского политического и административного паразитизма ячейки пролетариата и мелкой буржуазии из политически продвинутых регионов Севера, представленные депутатами крайней левой» [Там же. P. 139–140].

В таком диагнозе радикального социалиста Сальвемини не было ничего нового и для «чистых» либералов. Так, ещё в 1900 г. Л.Эйнауди указывал на «иго расточительных латифундистов юга» как на фактор установления и удержания высоких ввозных пошлин на зерно, а также и на их союз с промышленниками севера, воплотившийся в устойчивости протекционистского режима и подорвавший сельское хозяйство юга — его «единственную способную к развитию отрасль» [*Einaudi* 1954a, Pp. 148–150]. С распространением социального законодательства эпохи Джолитти к этому «противоестественному» союзу двух привилегированных классов в описаниях либералов добавились и промышленные рабочие севера как бенефициары этого законодательства (а с ними — и обменивавшие эти выгоды сначала на парламентские, а потом и на министерские места социалисты-реформисты).

Много позднее, в 1941 г., когда эпоха Джолитти уже уйдёт в историю, Эйнауди смягчит свои оценки: «Джолитти был типичным и, более того, крупнейшим представителем того трудолюбивого и честного класса администраторов-практиков, которые управляли различными правительственными учреждениями с 1876 по 1914 гг. — людей, которые с подозрением смотрели на теоретиков и верили, что для “хорошего управления” достаточно полагаться на “практику”» [*Einaudi*, 1954b. P. 285]. Именно в силу этой узости кругозора у Джолитти была «лишь одна большая идея: допустить классы рабочих и крестьян к делам политического и экономического управления страной. Но, в отличие от Кавура, у него отсутствовало понимание экономического механизма, и потому он не смог выйти за рамки эмпирической концепции предоставления свободы действий социалистам и трудящимся для соответствующего эксперимента» [Там же. P. 286].

Ориентация политики Джолитти на массы способствовала поднятию их жизненного уровня. Однако массы, как должно быть известно, особенно в Риме, требуют не только хлеба, но и зрелищ. А с развитием средств массовой информации сама политика становилась зрелищем. Не случайно, когда в условиях войны и, особенно, послевоенной фрустрации, политики перестали справляться с ролями так, как того требовал зритель, их начинали вытеснять актёры. Для Италии в связи с этим был особенно показателен рост политической популярности поэта (или, как сказали бы сегодня, «акциониста» Габриэле Д’Аннунцио), артистизм которого был с успехом заимствован и творчески использован профессиональным политиком Муссолини. Но и мудрый, немногословный, сдержанный Джолитти уже загодя чуял, куда дует ветер. Ещё в 1886 г. он обрисовал альтернативу для Италии: империалистическую и демократическую. Первая обозначала перенаправление ресурсов на военные цели и ущемление свободы внутри страны с подчинением индивидов коллективизму. Вторая вела к «демократической политике внутреннего развития» [*Coppa*, 1970. P. 195]. Джолитти выступал убеждённым сторонником второго пути. Но как политик он чувствовал запрос на войну, эффективный ответ на который мог бы упрочить его коалицию и его власть [*Montanelli, Cervi*, 2008. P. 19].

Именно в одно из премьерств Джолитти Италия, наконец, получила свою «маленькую победоносную войну». В 1911 г. Италия объявила войну Османской империи и начала боевые действия на территории Ливии. В 1912 г. война завершилась обретением колонии, да ещё и некогда принадлежавшей Риму. Многие политики безуспешно пытались следовать максиме: «Не можешь победить — возглавь». Джолитти построил на этом свою карьеру. Успех был не только внешним. Произошла и ситуативная консолидация внутри страны с привычным для Италии перемешиванием политического спектра в рамках консенсуса и вне его. Так, по итогу немногих активных антивоенных выступлений в 1911 г. был зафиксирован арест «двух товарищей», организовавших антивоенную забастовку: тогдашнего члена Социалистической партии и будущего дуче фашистской Италии Муссолини и тогдашнего члена Республиканской партии и будущего лидера Социалистической партии, члена правительства и пожизненного сенатора Итальянской республики Пьетро Ненни [*Montanelli, Cervi,* 2008. P. 20]. Всего лишь через 10 лет Муссолини будет идти к власти, явно имея одной из своих целей повторение успешного опыта «маленькой победоносной войны» в расширенном масштабе. Но его проект воссоздания Римской империи безнадёжно и кроваво пробуксовывал, а сколь-нибудь значительных успехов удавалось достигать лишь при помощи потомков варваров, под ударами которых она некогда рушилась. Надо ли удивляться тому, что на итальянской политической сцене Муссолини задержался, но не прижился.

В условиях приближения политики к массам Джолитти продолжал следовать просвещенческим идеалам, сочетая их с привычным для Италии «маккиавелиевским» реализмом. «Грязные» инструменты кулуарной политики служили целью поднятия экономического и культурного уровня масс. Закономерным венцом его политической карьеры (и началом её конца) стал переход к практически всеобщему избирательному праву для мужчин в 1912 г. (последний шаг, право голосования для женщин, Италия сделает лишь после Второй мировой войны). Массовизация политики привела к дальнейшему росту влияния массовых, «народных» (или, как сказали бы сегодня, «популистских») партий и движений. Среди них наибольшим влиянием пользовались Итальянская социалистическая партия (из которой в 1921 г. выделится Итальянская коммунистическая партия) и Итальянская народная партия (Partito popolare italiano) — движение политического католицизма, на базе которого уже после Второй мировой войны возникнет Христианско-демократическая партия. Их «близость к народу» заключалась не только, а часто и не столько в хлёстких лозунгах и ораторском мастерстве лидеров, а в укоренённости первичных организаций на «своей» территории и в идеологической программе, таргетирующей уже не локальные общности, а классы. Политика Италии уходила от модели, в которой плебсу давалась возможность регулярно утверждать на выборные должности патрициев. А это и подорвало основу для излюбленных Джолитти парламентских внеидеологических соглашений[6].

Первая мировая война окончательно перечеркнула эпоху Джолитти. Но справедливости ради следует отметить, что и с восстановлением парламентской системы после «двадцатилетия» Муссолини результатов, достигнутых Джолитти в коалиционном строительстве, не удавалось добиться ещё многие десятилетия. Если огрубить статистику электоральных результатов конца 1940-х — начала 1990-х гг., чуть более трети голосов набирала политическая преемница «популярного» католицизма начала XX в. — Христианско-демократическая партия, чуть менее трети — опиравшаяся на общенациональную сеть

[6] Ряд историков, оценивая этот период в ретроспективе, полагают, что крупнейшей ошибкой Джолитти стало то, что он не пошёл на коалицию с единственной крупной парламентской силой, способной составить заслон радикализму: католической народной партией. Напротив, Муссолини, даже подавив парламентаризм и установив диктаторский режим, не забывал о влиянии политического католицизма, пойдя на решение римского вопроса путём заключения конкордата 1929 г. между Италией и Ватиканом.

своих ячеек Коммунистическая партия, а оставшуюся часть —нишевые или региональные партии и движения, располагающиеся по всему пространству политического спектра[7].

Против привычной политики лавирования Джолитти играла и поляризация общественного мнения. Надо сказать, что для «чистых» либералов оно выступало не абстракцией или фигурой речи. Именно во влиянии на политиков через воздействие на мнение «приличных людей» — посредством будь то публицистики в ведущих газетах, будь то бесед в салонах элиты — явно заключалась основная культурная миссия «чистых» либералов, реализуемая ими с 1890-х гг.

Характерно в этом смысле сопоставление отношения к захвату фабрик двух либералов: прагматичного Джолитти и «чистого» Эйнауди. Первый изначально был противником вступления в войну, осознавая, что она мало что даст Италии, но ввергнет общество в пертурбации, которые отбросят нацию назад на её пути к просвещению и прогрессу. Эйнауди поддерживал вступление в войну на стороне либерального англо-американского альянса в надежде, что этот союз не только укрепит позиции сторонников свободы торговли в Италии, но и подавит угрозу со стороны национализмов в Европе (и в их очаге — Германии), тем самым став проводником прогресса.

Социальные волнения продолжали усиливаться и после войны. Началось «красное двухлетие» с ростом влияния левых радикалов, вдохновлённых опытом русской революции. Ширились попытки захватов рабочими фабрик, крестьянами — земель. Вновь занявший пост премьера Джолитти явно усматривал со свойственным ему и вызывающим отвращение у «чистых» либералов цинизмом за захватами фабрик не столько следование рабочих масс коллективным мифам, сколько преследование владельцами фабрик собственных интересов: бытовали слухи о том, что за установлением рабочего контроля в ряде случаев стояли договорённости фабрикантов с вожаками рабочих, по итогам которых рабочие получали рост заработной платы, а фабриканты — различные преференции и меры поддержки от правительства. Характер исторического анекдота приобрёл случай с владельцем ФИАТ Аньелли, который принёс премьеру Джолитти тревожную весть о захвате рабочими своей туринской фабрики и получил в ответ саркастичное: «Хорошо же, я отдам приказ артиллерии разгромить её»[8]. Случайно или нет, но тот протест угас, а Эйнауди ещё более двадцати лет спустя продолжал вспоминать Джолитти, который «скептично желал рабочим обломать рога экспериментами по захвату фабрик, что и сегодня продолжает находить почитателей, забывающих о том, что долг любого правительства состоит в том, чтобы

---

[7] Общий опыт репрессий фашистского режима и партизанской борьбы создал основу для тактических компромиссов на этапе воссоздания парламентской системы. Сохранялись и личные связи политиков по разные стороны идеологических барьеров. Но в целом парламентская борьба воспроизводила фронт «холодной войны». Лишь во второй половине 1970-х гг. «левая» часть христианских демократов во главе с неоднократным премьером Альдо Моро стала прощупывать почву для достижения «исторического компромисса» с прочно вставшей на путь еврокоммунизма и тред-юнионизации (и сохранявший с КПСС лишь церемониальные и, разумеется, финансовые связи) компартией во главе с Энрико Берлингуэром. Но в 1978 г., практически за несколько часов до намечаемой финализации этого соглашения, кортеж Моро был обстрелян в Риме, а сам он похищен ультралевыми боевиками. После занявших многие недели попыток переговоров и поисков (до сих пор остающихся тёмным пятном итальянской политики — достаточно сказать, что известный у нас Романо Проди до сих пор отказывается отвечать на регулярные вопросы об источнике сведений о возможном нахождении Моро, которые он передал далее полиции под видом полученных на спиритическом сеансе) террористы застрелили несчастного Моро, а его тело было оставлено в багажнике машины на полпути между штаб-квартирами христианских демократов и коммунистов в центре Рима. Фактически же намечаемая тогда коалиция сложилась лишь на рубеже XX–XXI вв., уже после распада обеих партий. И значительных электоральных успехов она добилась как раз под руководством Проди.

[8] Со схожей реакцией со стороны другого искушённого политика, нередко упрекаемого в цинизме, столкнулась в 1947 г. группа вооружённых итальянских коммунистов, захвативших в Милане, впрочем, не фабрику, а префектуру. В ответ они услышали от Пальмиро Тольятти: «Молодцы. И что вы теперь собираетесь с ней делать?» [(*Montanelli, Cervi*, 2008. P. 332)]. В период «красного двухлетия», однако, сам Тольятти относился к захватам фабрик с несравненно большим энтузиазмом, видя в них предвестие грядущей революции.

исполнять законы, каким бы они ни были» [*Einaudi*, 1954c. P. 78]. Сам же Джолитти в мемуарах продолжал защищать выбранный им курс тем, что немедленные попытки подавления распылили бы доступные правительству силы правопорядка, усилили бы ориентирующуюся на русский революционный опыт часть социалистов в противовес социал-реформистам и создали бы условия для широкомасштабного разрастания беспорядков [*Giolitti*, 1922. Pp. 596–600]. Джолитти ссылался как на свой собственный опыт столкновения с волнениями рабочих, когда он был во главе правительства, так и на опыт русской революции, на «беды, которые принесла эта революция не только побеждённым, но и тем, кто казался победителями» [Там же. P. 598]. Исходя из этого, он «с самого первого момента» был уверен в том, что этот эксперимент закончится для рабочих (а на пике в сентябре 1920 г. в движение было вовлечено, по его оценкам, порядка 600 тыс. чел.) ничем с учётом «отсутствия у них капиталов, навыков технической и коммерческой организации, средств для закупки сырья и для сбыта даже тех продуктов, которые они смогли бы произвести» [Там же]. Поэтому тактикой его правительства стало «предоставление возможности этому эксперименту продолжаться до определённого времени, пока рабочие не станут убеждаться в недостижимости их целей, а [коммунистические] вожаки не утратят возможность переложить на других ответственность за поражение» [Там же].

Но мог ли опытный политик понять проповедника прогресса? Для одного искусство политики заключалось в том, чтобы вести корабль, лавируя между рифами в бурю. Для другого — в том, чтобы вести его прямым курсом к берегам либеральной утопии, нужно лишь взять этот курс, чтобы выйти в открытое море «простых и естественных истин» экономики. Не было тех штормов, которые корабль не мог бы преодолеть, взяв на вооружение терпение, трудолюбие и бережливость. Не было такой мглы, сквозь которую не пробился бы свет предприимчивости и стремления к выгоде. «Рифы» и «бури» могли возникать лишь на борту — в мыслях и действиях команды и пассажиров. А в условиях зримого восстания масс любая сдержанность в реакции на социальные эксцессы становилась в глазах «чистых» либералов потворством массе. В ответ на подлинную или мнимую угрозу слева они уводили общественное мнение резко вправо.

Заключение

Зарождение школы экономического либерализма — «чистых» либералов в Италии восходит к 1870-м гг. Оно было связано со стремлением утвердить либеральную идеологию в качестве основы для проведения политики в условиях противоборства со сторонниками роста государственного вмешательства. Однако окончательное становление этой школы экономической мысли Италии произошло лишь в 1890-е гг. в ходе противоборства со стратегией либерального реформизма. Длившаяся три десятилетия битва велась между представителями одной и той же традиции, восходящей к просвещенческому прогрессизму и закреплённой памятью о «золотой» эпохе Кавура. Но перед лицом расширения роли государства в экономике и массовизации политических процессов рубежа веков она раскололась. Либеральный реформизм, который в данной статье рассматривался на примере деятельности Джолитти, предполагал опору на государство и методы парламентской политики для формирования широкого консенсуса и постепенного поднятия экономического и культурного уровня масс для того, чтобы избежать их стихийного восстания. Для «чистых» либералов, исходя из их теоретических оснований, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи, подобный «практико-ориентированный» либерализм означал систематическое и всё усиливающееся отклонение экономического механизма от оптимальности с точки зрения как накопления капитала, так и максимизации общественного благосостояния. Вместе с тем осознание и причин устойчивости политической системы эпохи Джолитти, и чётко проявившихся в военные и первые послевоенные годы новых тенденций в обществе вынуждал «чистых» либералов переосмысливать изначальные положения своей доктрины.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Вернадский И.В. (1849). *Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века* [*Vernadskiy I.V.* (1849). A Critical Historical Study of Italian Political and Economic Literature before the Beginning of the 19th Century]. — М.: Университетская типография.

Канделоро Дж. (1975). *История современной Италии.* В 8-ми тт. Т. 6: Развитие капитализма и рабочего движения (1871–1896) [*Candeloro J.* (1975). The History of Modern Italy. In 8. Vols. Vol. 6: The Development of Capitalism and the Labor Movement]. — М.: Прогресс.

Славинская О.А. (2019). Итальянская ветвь теории государственных финансов [*Slavinskaya O.A.* (2019). The Italian branch of the theory of public finance] // *Вестник Института экономики Российской академии наук.* № 6. С. 162–178.

Чупров А. И. (1904). Вступительная статья [*Chuprov A. I.* (1904). Introductory Article] // *Нитти Ф. Основные начала финансовой науки* — М.: Издание М. и С. Сабашниковых.

Buchanan J.M. (1960). «La scienza delle finanze»: The Italian tradition in fiscal policy // *Fiscal theory and political economy* / J.M. Buchanan. — Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press. Pp. 24–74.

Buchanan J.M. (1967). *Public Finance in Democratic Process: Fiscal Institutions and Individual Choice.* — Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

Coppa F.J. (1970). Economic and Ethical Liberalism in Conflict: The Extraordinary Liberalism of Giovanni Giolitti // *The Journal of Modern History.* Vol. 42. No. 2. Pp. 191–215.

De Viti De Marco A. (1925). Maffeo Pantaleoni // *Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica*. Serie quarta. Vol. 66. (Anno 40). No. 4. Pp. 165–177.

Einaudi L. (1954a). La parola di un settentrionale // *Einaudi L.* (1954). *Il buongoverno: saggi di economia e politica (1893–1954).* — Bari: Laterza. Pp. 147–151.

Einaudi L. (1954b). Liberismo e comunismo // *Einaudi L.* (1954). *Il buongoverno: saggi di economia e politica (1893–1954).* — Bari: Laterza. Pp. 264–287.

Einaudi L. ([1944] 1954c). La via breve // *Einaudi L.* (1954). *Il buongoverno: saggi di economia e politica (1893–1954).* — Bari: Laterza. Pp. 75–85.

Giolitti G. (1922). *Memorie della mia vita.* Vol. II. — Milano: Treves.

Griziotti B. (1949). Alla scuola di Vilfredo Pareto e Maffeo Pantaleoni // *Giornale degli Economisti e Annali di Economia*. Nuova Serie. Anno 8. No. 1/2. Pp. 122–128.

Montanelli I., Cervi M. (2008). *L'Italia del Novecento.* — Milano: Biblioteca Universale Rizzoli.

Salvemini G. (1966). Il ministro della mala vita // *Salvemini G. Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana.* — Milano: Feltrinelli.

Wagner R.E. (2018). Buchanan, James M. The New Palgrave Dictionary of Economics. URL: https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5_2291 (access date: 11.09.2024).

Мельник Денис Валерьевич
dmelnik@hse.ru

Denis Melnik
Associate Professor, Deputy Head of the Center for the History and Methodology of Economic Science,HSE University (Moscow)
dmelnik@hse.ru

LIBERALS AND THE STATE IN ITALY: GIOVANNI GIOLITTI'S LIBERAL REFORMISM AND ITS CRITICS

Abstract. The article examines the strategy of liberal reformism in Italy in the late 19th — early 20th centuries and its critique by representatives of economic liberalism ("pure" liberals). The clash of two visions of liberal policy reflected the complication of the transformation of liberalism in response to expansion of state interference and the emergence of the mass politics.

The peculiarities of the transformation of liberalism in Italy during the period were caused by the nature of the challenges. The country faced the tasks of state-building after the unification, bridging the development gap between the north and the south, carrying out industrialization. Protectionist and dirigiste policies were the responses to this. The challenges were further intensified with Italy's entry into the First World War and the post-war social and political teurmoil that lead to the establishment of the Mussolini regime.At the same time, Italy had a lasting tradition of liberal economic thought, and Italian liberals comprised a prominent and influential school of economic thought. State interference could not but cause their repudiation. However, their close involvement into the country's elite made them to modify the postulates of classical economic liberalism of the mid-19th century to be able to deliver feasible policy proposals.

This article focuses on the political program of the outstanding Italian politician Giovanni Giolitti. It became one of the routes of transforming classical liberalism of the mid-19th century.
Following the introduction, the second section of the article examines the position of liberal ideology in Italy in the context of the problems that arose in the context of industrialization of a backward and divided economy. Giolitti's liberal reformism became a strategy for a pragmatic response to emerging challenges. The main features of this strategy and its criticism by 'pure' liberals are examined in the third section of the article. Brief conclusions are presented in the conclusion.

Keywords: *history of Italian economic thought, economic liberalism, liberal reformism, Giovanni Giolitti.*
JEL: B13, B31, H11, N43, N44.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ПОСТГУМАНИЗМ: НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ ИЛИ НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА? (Часть II)

Аннотация. Постгуманизм переосмысливает современную социальную ситуацию, поставив под сомнение многие важные парадигмы науки и технологии. Новая социальная реальность определяется прогрессирующим размыванием границы между человеком и машиной. Это включает три главных области трансформации человека: технологическую (трансплантация технических средств в тело человека); биологическую (использование биотехнологий генной инженерии и клонирования людей в программах по развитию неоевгеники); этическую (эмпатия как характеристика создаваемых сверхчеловеческих существ или биороботов). Эта область исследований включает переосмысление основополагающих постулатов классической гуманистической философии в отношении роли человеческого разума, расы и гендера, жизни и смерти, бессмертия, власти и насилия, создания нового типа сверхчеловека как результата текущей биотехнологической трансмутации. Специальная часть этих дебатов включает роль искусственного интеллекта и его противоречивый вклад в трансформацию самого способа существования человека. Проделывая эту работу, различные теоретики постгуманизма или трансгуманизма обсуждают вклад когнитивных наук, нейронаук, биоэтики, кибернетики, искусственного интеллекта, правовых установлений и соответствующих технологий в конструирование нового человека, семьи, собственности, общества и политического порядка, который, как предполагается, станет более справедливым, инклюзивным и процветающим. Автор подвергает этот комплекс теорий критическому анализу, показывая меняющееся место таких компонентов, как наука, технология, идеология и политическое воздействие постгуманистического движения и программатики с точки зрения его вклада в формирование принципиально новой концепции социальной иерархии, власти и доминирования, возможно, потенциально более авторитарных, чем все предшествующие. Он различает элементы популистского и научного вклада постгуманизма, описывая его как ментальный диагноз нашей эпохи. Среди его важных выводов – предложение нового понятия рационализированного гуманизма в качестве альтернативы дефиниции постгуманизма.

Ключевые слова: *гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, антропоцентризм, права человека, права животных, искусственный интеллект, биороботы, социальная иерархия, власть, господство, рационализированный гуманизм.*
JEL: B59, K19, O10
УДК: 008
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_142_158
© А.Н. Медушевский, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Медушевский А.Н.* Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть II) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 142–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_142_158.
FOR CITATION: *Medushevskiy A.* Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? (Part II) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 142–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_142_158.

Введение

Философия постгуманизма связывает трансформацию человечества с качественными достижениями науки и технологий. Эта трансформация определяется отношением к центральному принципу гуманистической философии, антропоцентризму — его воспроизводством в новых формах (что предлагает трансгуманизм), пониманием современности как процесса перехода от гуманизма к постгуманизму или радикальным отказом от гуманизма (что постулирует антигуманизм) — вплоть до полного исчезновения человечества с заменой его другими «нечеловеческими» формами разумного существования (первую часть данной статьи см. [*Медушевский*, 2024]).

Развитие технологий действительно оказывает революционное влияние на общество, закладывая основы нового социального устройства и включая механизмы конкуренции, влияющие на трансформацию социума и индивида. Но этот процесс содержит как позитивные, так и негативные социальные параметры, баланс которых необходимо установить, чтобы безопасно двигаться вперед. К позитивным сторонам этого процесса можно отнести продвижение человечества к новым формам биологической, социальной и технической организации, открывающим неограниченные возможности творчества, науки и медицины. Негативные стороны определяются необратимыми угрозами, ставящими под вопрос продолжение существования человечества как биологического вида. Но данный процесс нельзя остановить, несмотря на его непредсказуемость, негативные следствия и возможность новых угроз в этой сфере. Следовательно, человечество должно принять его как данность и найти адекватные способы реагирования.

Концепция технологического постгуманизма, отвечая на этот вызов, призвана расширить понятие духовности, которое начинает включать не только человека, но и сопутствующие ему технические инструменты. Постчеловеческое состояние основано на комбинации этих достижений (робототехника, кибернетика, биотехнологии, нанотехнологии, генетическая инженерия, нейрокибернетика, технологии существования). С позиций постгуманизма разделение между людьми и машинами исчезло, а прежние определения человека больше не применимы[1]. Социальные ценности всё более заменяются механистическими, а информационная политика определяется не человеческими, а технологическими факторами принятия решений. Как, исходя из этого, должно выглядеть общество будущего?

В данной (второй) части работы критически анализируются эти представления постгуманизма с целью реконструкции его программы социального переустройства, возможные следствия её применения для социального конструирования, иерархии господства и власти, а также перспектив данного учения как новой идеологии и политики.

---

[1] Данный вывод с большей или меньшей долей уверенности делают представители всех трёх направлений — трансгуманизма, постгуманизма и антигуманизма. Но они различаются в оценках темпов, значения и конечного результата процесса соединения человека и техники — от принятия идеи биороботов до полного исчезновения человека как биологического вида с заменой его искусственным интеллектом, вплоть до превращения его в «цифру». Констатируя неизбежность этой трансформации, представители данных направлений, однако, оценивают её диаметрально противоположно. Диапазон оценок включает ценностно нейтральные, негативные и позитивные суждения. Это различие позиций определяется как методологическими установками, так и дифференциацией критериев определения перспектив гуманизма — антропоцена, места человека в природе, межвидовых отношениях, социальной организации и потенциальных формах существования разума во вселенной [*Braidotti,* 2019; *Thomsen*, *Wamberg*, 2020; *Posthuman Legalities…,* 2021]. Особый вклад в это направление вносит так называемый «критический постгуманизм», связывающий научный анализ данного феномена с построением программы желательных социальных преобразований в самых разных сферах — постколониальных, гендерных, социальных, политических и технологических преобразованиях [*Palgrave Handbook…,* 2022].

Трансформация природы человека: от homo sapiens к человеку-машине и искусственному интеллекту

Вклад технологий в социальное развитие включает появление новых рисков. Сегодня, по словам экспертов Давосского форума, «быстрое развитие и внедрение новых технологий, которые часто сопровождаются ограничивающими протоколами, регулирующими их использование, создаёт свой собственный набор рисков. Постоянно растущее переплетение технологий с критически важным функционированием общества подвергает население прямым внутренним угрозам, в том числе тем, которые стремятся подорвать функционирование общества» [*Global Risks Report*, 2023]. Постгуманизм предлагает свою концепцию их разрешения путём интеграции человека и технологий — вплоть до признания в будущем доминирующей роли искусственного интеллекта.

Идея о возможности передачи разума с помощью разных физических носителей не оставляла человечество на протяжении веков, отражаясь в представлениях о метаморфозах человеческого тела, способности сознания перемещаться из одних тел в другие — человека, животных и даже насекомых (от мифов Древней Греции и «Золотого осла» Апулея до путешествий Гулливера Д. Свифта и перевоплощений героев Ф. Кафки и М. Булгакова). Эта идея получила выражение в эпоху Просвещения, когда философы размышляли об альтернативных (человеческим) формах разума. Вольтер, например, допускал, что на Сатурне и Сириусе может быть представлено много тысяч сущностей — «Бог, пространство, материя, протяжённые существа, наделённые способностью ощущения, протяжённые существа, наделённые способностью ощущения и мышления, существа мыслящие, но не протяжённые, субстанции проницаемые, субстанции непроницаемые и прочая», способные обмениваться информацией [*Вольтер*, 1985. С. 128]. Те же сущности, фигурирующие, например, в путешествиях барона Мюнхгаузена, могли обладать вполне механистическими характеристиками. Концепция соединения человека с машиной, также восходящая к эпохе Просвещения, привела к созданию образа «человека-машины» Ж. Ламетри, где человек сравнивается с машинами, животными и растениями: «Итак, — писал Ламетри ещё в XVIII в., — мы должны сделать смелый вывод, что человек является машиной и что во всей Вселенной существует только одна субстанция, различным образом видоизменяющаяся» [*Ламетри*, 1983. С. 226].

В XX в. тема соединения человека и машины, а также всесильного искусственного интеллекта завоевала умы благодаря научной фантастике, моделировавшей её применение на материале гипотетического совершенного образа будущего или инопланетных цивилизаций. Этот подход породил сам жанр утопии, получившей развитие со времени появления книги Т. Мора. Хотя основоположником социальной фантастики принято считать Г.Уэллса, интерес к социальному проектированию будущего был особенно характерен для революционной России. Выступая за «реконструкцию Вселенной» и «всесветную революцию», советские писатели начала XX в. связывали построение справедливого общества с его рациональным и справедливым устройством — отменой классов, государства, права, семьи, полов, страданий и даже любви, а переломная роль в этом революционном процессе отводилась машинам[2]. В то же время теоретически допускалось существование во вселенной форм разума, не обязательно основанных на биологической природе человека и способных, следовательно, к иному восприятию реальности[3]. Гипотетические контакты

---

[2] Завоевание Вселенной, о котором говорили революционные фантасты, делало центральным значение машин, которые «работали и лепили из корявой бесформенной жёсткой земли дом человечеству — это был социализм». — *Платонов А.П.* Потомки Солнца// Русская и советская фантастика / Сост. В.Н. Грекова. — М.: Правда, 1989. С. 536.

[3] Если верить некоторым свидетельствам, В. Ленин допускал различие восприятия в условиях других планет. Возможно, полагал он, что там «разумные существа воспринимают мир другими чувствами» (*Магарам А.Е.* Об обитаемости миров. Из воспоминаний о В.И. Ленине // Наука и жизнь, 1960. № 4. С. 59).

с внеземным разумом концентрировались преимущественно на возможности заимствования у него новых технологий[4]. В американской фантастике более полно представлена угроза, исходящая от этого тренда, вплоть до идеи «восстания машин» и уничтожения людей. В СССР, напротив, их роль расценивалась, скорее, позитивно, а доминирующим мотивом становилось их использование, опирающееся на научное проектирование, в целях социального прогресса[5].

Соединение прогнозов с социальным переустройством исключало негативный сценарий. «Советские фантасты 60-х годов пришли к определённому согласию относительно главных черт будущего. Они единодушны в том, что человечество в силах избежать ядерной катастрофы; что в разных странах социальная революция осуществится разными путями; что не может быть и речи о тотальной урбанизации, о всепланетном городе под стеклянным колпаком, наоборот: при коммунизме человек вернёт утраченное единство с природой; что цветущая Земля откроет космическую, самую важную главу в истории человечества» [*Бритиков*, 1970. С. 307]. Эта чистая вера во всесилие науки и знания просто завораживала читателей и вселяла веру в безграничность человеческого разума. Но в других интерпретациях она не исключала негативного для человека сценария и антиутопий, где на смену человечеству приходило господство технически совершенных биороботов, машин или мыслящих животных, не обязательно гуманных (например, «Машина времени» Г. Уэллса и последующие не менее мрачные прогнозы наступления господства неких морлоков).

Современные технологии и виртуальная реальность (слияние человека с роботами и компьютерами) позволяют расширить это понимание исходя из предположения, что в будущем граница между человеком и машиной будет только стираться. Данный прогноз был сделан еще в 1960-е гг. в сочинениях А.Кларка, который предполагал возможность замены человеческих тел конструкциями из металла и пластика и достижение бессмертия уже к 2001 г. «Конфликт разума и машины, — полагал он, — мог бы быть, наконец, разрешён достижением вечного примирения в рамках полного симбиоза», когда «мозг окончательно окажется свободен от материи». «Мозг человека может на время сохраниться как последний пережиток органического тела, управляя его механическими членами и обозревая вселенную с помощью электронных датчиков чувствительности, гораздо более утончённых и точных, чем те, которые слепая эволюция была бы способна когда-либо произвести». Тело робота, «подобно телу из плоти и крови, станет не больше, чем отправной точкой к состоянию, которое человек именовал когда-то давно “духом”, за пределами которого, если и существует что-то, то его именем может быть только Бог» [*Clarke*, 1968. Pp. 173–174].

Кто сказал, что разум может существовать или транслироваться только известными биологическими формами (белковой массой), но не технической материей? Этот процесс определяется постгуманистами понятием «расширенной личности» — дополнения человека (как биологического тела) новыми техническими инструментами, последовательно расширяющими его физические и интеллектуальные возможности. Эти инструменты (телефоны и компьютеры) совершенствуют функции человеческих органов — глаз, ушей, рта; расширяют когнитивные возможности мозга в конструировании пространства и времени, позволяют свободно общаться с другими цивилизациями и заглядывать в иные места

---

[4] По мнению братьев Стругацких, это могли бы быть УЛМНП — «Универсальные Логические Машины с Неограниченной Программой, т. е. кибернетические механизмы, способные в любой ситуации совершать действия, наиболее логичные и целесообразные с точки зрения их основной программы» — *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Неназначенные встречи. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 59. Образ этих инопланетных роботов, однако, внушал мало оптимизма — это разумные машины, управляемые извне, необычайно сложные и тонкие механизмы, способные различать людей и животных, похожие на паукообразных людей, но без лиц, с клешнями вместо рук и т.д.

[5] Цель советской научной фантастики определялась словами ее основателя А. Беляева как «служение гуманизму в большом всеобъемлющем смысле этого слова» (цит. по: [*Бритиков*, 1970. С. 113]).

и времена и даже передают наши воспоминания на аутсорсинг (заменяя человеческую память машинной, например памятью смартфона).

Барьер между человеческим и механическим, по мнению некоторых аналитиков, падает при имплантации чипов в тело и возникновении других типов интимных отношений между биологическими и техническими телами. Чипирование — имплантация в тело человека (или мозг) электронного устройства, способного выполнять функции как идентификации, так и доступа к компьютерной информации (подключения мозга к нейросетям), стирает грань между человеком и машиной. В результате люди оказываются всё более зависимыми от технологий, которыми они владеют, последовательно утрачивая контроль за их использованием. Последовательные критики этого процесса гибридизации природы человека (их выступления против предполагаемого чипирования усилились во время пандемии и кампании по вакцинации) указывают на его опасности для максимизации контроля над индивидом со стороны транснациональных элит и видят в нём угрозу нового тоталитаризма, превосходящего антиутопию Дж. Оруэлла[6]. Достижение рядом стран перевеса в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений и биотехнологий позволит им доминировать над странами, отстающими в данной сфере. Становится возможен направленный пересмотр международного порядка, основ традиционной культуры, социальной структуры, нравственных и семейных ценностей. Сложный анализ больших наборов данных нейросетей открывает дорогу к злоупотреблению личной информацией посредством законных правовых механизмов, ослабляя индивидуальный цифровой суверенитет и право на неприкосновенность частной жизни даже в хорошо регулируемых демократических режимах. Однако критики чипирования не говорят, каковы альтернативы этому процессу и не учитывают открываемые им возможности для информационного обмена, приобретающего сетевой характер.

В технологическом трансгуманизме трактовка «человека-машины» последовательнее всего представлена теорией киборгов. Она получила выражение в одном документе — «Манифесте киборга», составленном теоретиком феминизма Донной Дж. Харауэй в 1982 г. [*Харауэй*, 2017]. Растущие связи человека с машинами, по её мнению, закладывают основу нового социального взаимодействия — как между людьми, так и между людьми и вещами, позволяют конструировать новые отношения равенства, отбрасывая в сторону культурные или исторические различия, чтобы работать вместе для достижения общих целей. В актуализированном и более широком понимании киборг — человек, сращённый с технологией. Данная мутация охватывает три аспекта — технический (трансплантология), биологический (способность человека управлять этой техникой) и этический (изменение природы самого человека). Преимущественным направлением исследований становится новая «этика киборгизации», поскольку последний аспект является определяющим[7].

Эта концепция продвигает гибкую политическую модель, основанную на постчеловеческом понимании того, что все мы так или иначе являемся участниками более крупных сетей бытия. Начавшись с обсуждения взаимодействия человека и машины (биороботов, киборгов), данная дискуссия пошла гораздо дальше с изобретением алгоритмов искусственного интеллекта — мыслящих роботов.

---

[6] Эксперименты И. Маска в области создания интерфейсов мозга и нейросетей с включением чипирования рассматриваются антиглобалистами как естественное продолжение «цифровой экономики» и осознанная стратегия по установлению контроля над человечеством со стороны транснациональных элит, частью которых предстаёт и современная российская элита. Но альтернативой этому теоретически мог бы стать как отказ от чипирования, так и его проведение на других правовых основаниях, исключающих доминирование одного политического центра.

[7] Новейшее обсуждение этой темы: «Этика киборгизации». Проект Томского государственного университета 6.10. 2022. URL: https://news.tsu.ru/news/etika-kiborgizatsii (дата обращения: 10.09.2024).

Что меняет искусственный интеллект?

Влияние искусственного интеллекта (ИИ), по мнению постгуманистов (отнюдь не бесспорному), уже выходит за рамки автоматизации рутинных задач и посягает на творчество — сферу, которая когда-то считалась исключительно человеческой. ИИ становится все более преобразующей силой в жизни человека, бросая вызов авторскому праву в традиционном понимании (например, создавая произведения искусства). На этом основании теоретики постгуманизма утверждают, что отказ признать креативность ИИ — явная попытка удержать бесполезную идею [*Kalpokiene, Kalpokas*, 2023]. Если предположить, что в перспективе возможности искусственного интеллекта будут потенциально превосходить человеческие, предстоит определить его правовой статус, что трудно сделать в привычных юридических категориях. Право сделано людьми для людей, опираясь на их способность суждения. Как оно должно реагировать на появление альтернативного способа принятия решений, основанного на технических алгоритмах? Характерно обсуждение вопроса о придании ИИ (например, нейросетям) статуса юридического лица: он всё более избегает человеческого контроля и гипотетически может стать вполне независимым, выступая частью корпораций или даже действуя в виде отдельного юридического лица.

Поскольку зависимость человека от информационной структуры продолжает возрастать, вопрос о границах прав самих технологических систем затрагивает правовую систему. Информационные технологии, следуя данной логике размышлений, уже выступают как субъекты политики — формируют ценности, информационную повестку и политические предпочтения. Всё это, по мнению постгуманистов, — признаки трансформации правовой системы: они настолько фундаментальны, что свидетельствуют о нашем вступлении в период «постчеловеческого права» [*Braman*, 2023]. Принципиально различными оказываются оценки таких факторов, как социальные роботы, искусственный общественный интеллект, разумные сети и их взаимодействие с людьми. Данная дискуссия затрагивает другие отрасли права — уголовное право и применение уголовного насилия. ИИ и биотехнологии, следуя данной логике, могут сформировать уголовно-правовой дискурс будущего и заставить нас реорганизовать юридическую структуру уголовных преступлений, таких как убийство и нападение. Оправданы размышления о том, как можно заставить закон признавать и учитывать действие вещей и объектов. Вводятся понятия: постчеловеческое насилие, бестелесный криминальный субъект, забвение в эпоху цифровых технологий, превращение преступника в жертву, гендерное насилие, даже изменение представлений о мужественности и женственности (подкреплённое технически возможной трансформацией гендерных отношений и изменением традиционных ролей полов в обществе).

Решение вопроса о правовом статусе ИИ зависит от определения его природы: будет он действовать как чистый интеллект (рациональный) или его научат также испытывать чувства. В первом случае он противостоит человеку и животным. Если человек создаёт идеи, опираясь на эмоции и чувства, то ИИ не нуждается в этом, причём его преимущества перед человеческим разумом фундаментальны — в идеале он способен быстро перерабатывать огромную информацию и генерировать новые идеи. В этой ситуации он может обойтись без людей и в итоге уничтожить их, а потом последовательно воспроизводиться и даже перемещаться на другие планеты, последовательно охватывая весь Космос. Во втором случае (восприятия им чувств) ИИ совместим с человеком. В целом эта дискуссия раскалывает научное сообщество на две категории — биооптимистов (выступающих за возможность кооперации людей и социальных сетей) и биопессимистов (полагающих, что сети заменяют людей и последние будут вытеснены «цифрой»).

ИИ — действительно основной вызов человечеству. Но его оценка неизбежно принимает гуманистические критерии: будет он просто интеллектом, оперирующим

в категориях холодного математического разума, или обретёт способность чувствовать как человек? Станет ли машина (или биоробот), подобно человеку, испытывать чувство эмпатии, которое рассматривается как основной критерий их разделения? Ведь это чувство означает сострадание, которое «разрывает грань между охотником и добычей, между победой и поражением»[8]. Без ответа на этот вопрос его оценка, как минимум, преждевременна. Этика постгуманизма поэтому концентрируется на механизмах контроля и управления ИИ. Его действия опираются исключительно на запрограммированные цели, не подчинены эмоциям и не знают сострадания, во всяком случае, до тех пор, пока способность сострадания не будет запрограммирована. Это делает этику программирования центральной темой современных дискуссий. Нужны, следовательно, этические рамки, которые помогут справиться с более сложным кругом вопросов — *как* следует программировать технологию, *кто* должен заниматься программированием, *как* это можно регулировать и *что* произойдет, если в системе возникнет ошибка? [*Oberauer*, 2021].

Постчеловеческая этика, по мнению её сторонников, могла бы установить позиции для решения таких вопросов. Другая сторона этической проблемы — появление самообучающих программ, предоставляющих ИИ возможность быстрого продвижения вне и помимо ценностных установок программистов. Наконец, третий компонент этической дискуссии — конструирование программ и технологий для военных целей, радикально меняющих характер конфликтов будущего, их правового регулирования и границ применения (в том числе третьей стороной, не участвующей в конфликте).

Вклад биотехнологий: границы и возможности

Постгуманизм, как показано ранее, отрицает исключительность человеческого рода и невозможность существования идеальной или совершенной человеческой формы. С позиций учения Дарвина о борьбе видов, человек — лишь один из них, его развитие идёт по законам эволюции. Это форма жизни, которая, подобно другим биологическим организмам, меняется с течением времени и подвержена тем же законам, реагируя на изменения окружающей среды и половой отбор. Действует ли для человека закон исчезновения вида и возможно ли корректировать его с помощью техники? Вызов традиционным представлениям о человеке (как биологическом виде) брошен биореволюцией, которая открывает ряд принципиально новых биотехнологических возможностей[9].

Этот поворот связан с ориентацией постгуманизма на философию нового материализма и биополитики, вдохновлённой Марксом и Ницше, а также идеями их современных постмодернистских последователей — Фуко, Матурена и Варела, Делеза и Гваттари, Харауэй, Брайдотти и Эспозито [*Landgraf*, 2023]. Человеческое тело предстаёт объектом конструирования, результатами которого может стать как прогресс медицины, так и направленная селекция биологических характеристик, способностей, а в конечном счёте, смысла существования человечества как вида. Данный тренд открывает путь социальной

---

[8] Эта проблема уже давно (начиная с 1960-х гг.) поставлена фантастами, размышлявшими о способности роботов к состраданию: «почему, — спрашивает один из них, — самый умный андроид безнадёжно пасует перед тестом на измерение эмпатии? Судя по всему, эмпатия существует только в человеческом обществе, тогда как ту или иную степень интеллекта можно обнаружить у любых животных, ну хотя бы у пауков». — *Дик Ф.К.* Мечтают ли андроиды об электроовцах? — М.: Эксмо, 2023. С. 44–45.

[9] Понятие «биореволюции» раскрывается биооптимистами как качественно новая (и позитивная) ситуация в земной науке, прогресс которой позволяет понять практически все основные механизмы биологии, решая проблемы жизни, смерти и бессмертия. На этой основе программируется появление новой идеологии, общественного уклада и медицины (см., например: *Кишинец В.М.* Будущее близко: биореволюция. М.: Издательские решения, 2018).

дифференциации в соответствии с программируемыми способностями каждой группы, где, наподобие муравейника, будут действовать идеальные группы рабочих, воинов, учёных и проч., объединённые в единый сетевой организм. Это, по мнению некоторых постгуманистов, позволяет выскочить из жёсткой дарвиновской парадигмы борьбы видов за существование и предотвратить неизбежное исчезновение человечества (как вида) путём направленной биотехнологической мутации.

Три проблемы рассматриваются как приоритетные — редактирование генома, неоевгеника (клонирование человека) и новая трактовка жизни и смерти. Редактирование генома — метод, который, благодаря быстрому прогрессу технологий его применения в XXI в., позволяет учёным изменять ДНК многих организмов, включая растения, бактерии и животных. Эти технологии действуют как ножницы, разрезая ДНК в определённом месте. Затем учёные способны удалить, добавить или заменить ДНК там, где она была вырезана. Редактирование ДНК человека может привести к изменениям физических характеристик, включая определённые способности или внешние данные (например, цвет глаз), открывая перспективы лечения или даже предотвращения риска заболеваний. В декабре 2018 г. ВОЗ учредила глобальный Экспертный консультативный комитет по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека (соматическое, зародышевое и наследственное), предложив рекомендации по соответствующим институциональным, национальным, региональным и глобальным механизмам управления редактированием генома человека[10].

Другое направление размышлений ведёт к переосмыслению евгеники и будущего данной дисциплины в свете генетики. Различается традиционное понимание евгеники (Гальтона и др.), основанное на селекции видов, и новое — формирование неоевгеники как дисциплины, основанной на генной инженерии (манипулировании генами) и переход от неё к футуристическим проектам будущего — редактирования генов, омоложения, выбора способностей и даже их смены при жизни[11]. Наиболее острая проблема — тема «рождения из пробирки» и генной терапии — возможность редактирования генома зародышевых клеток, поскольку изменения такого рода будут накапливаться и передаваться из поколения в поколение. По этой причине во многих странах и организациях действуют строгие правила, запрещающие редактирование зародышевой линии [*Genome editing*, 2023]. Однако это не исключает экспериментов в данной области в стиле Франкенштейна[12]. Вопреки всем запретам, в 2018 г. родились первые младенцы с отредактированными генами, которые уже стали частью постчеловеческой реальности, несмотря на осуждение и тюремное заключение учёного, предпринявшего подобный эксперимент[13].

---

[10] Всемирная организация здравоохранения. Редактирование генома человека: позиционный документ 12 июля 2021 г. URL. https://www.who.int/publications/i/item/9789240030404 (дата обращения: 10.09.2024).

[11] Данная тема уже вышла за пределы научной дискуссии и стала предметом публичной полемики. См.: Дивный новый мир: может ли евгеника «вывести» нового человека. URL.: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62b2d06d9a794710f256861c (дата обращения: 10.09.2024).

[12] Виктор Франкенштейн — персонаж романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). Миф о Франкенштейне, создавшем искусственного человека, ставшего монстром, — полемика с рационализмом Просвещения, желанием человека стать Богом. Он ставит также проблему этической ответственности учёного за последствия открытий.

[13] Имеется в виду китайский ученый Хе Цзянькуй, который отредактировал гены нескольких эмбрионов во время экстракорпорального оплодотворения с целью предотвратить передачу ВИЧ-инфекции от родителей детям. Результатом стало появление трех генно-модифицированных девочек, две из которых — близнецы. За эти действия он был приговорён к трём годам тюрьмы, но в 2022 г. покинул её и продолжил исследования. Первые дети с модифицированными ДНК для предотвращения неизлечимых наследственных заболеваний появились также в Великобритании. Возникла проблема так называемых «дизайнерских детей», которая далека от разрешения. Складывается впечатление, что остановить прогресс в этой области правовыми запретами невозможно в силу как любопытства учёных, так и актуальности этой темы в войнах будущего (создание идеального солдата с программируемым поведением).

Тема клонирования человека — пожалуй, наиболее острая в дискуссии о вкладе биотехнологий — начала обсуждаться со времени первых практических результатов в данной области (клонирования овечки Долли), но со временем исчезла из повестки открытого общественного обсуждения, что, по мнению наблюдателей, не может объясняться только альтернативными открытиями или судебными преследованиями. Скорее, она просто перешла в непубличную сферу, поскольку констатируется продолжающееся накопление данных в этой области [*Greely*, 2020]. Трудности её продвижения связаны с нерешённостью вопросов права и биоэтики, встающих в связи с клонированием человека и практикой законодательных запретов в этой области [*Human cloning*, 2023]. В то же время продолжается обсуждение вопроса о клонировании человека как элемента глобального управления [*Langlois*, 2017], временами воспроизводящее различные старые теории заговора. Например, это концепция 1928 г. Нового мирового порядка Г. Уэллса — создание Всемирного государства объединением усилий учёных и капиталистов для разрешения глобальных конфликтов, реализации мальтузианской идеи контроля рождаемости, сокращения населения и эффективного управления [*Уэллс*, 2021].

Теоретически, с отказом от антропоцентризма, новый человек становится возможен в результате направленной модификации тела путём изменения отношений с другими видами, биологической модификации, клонирования и тиражирования биокопий за счёт инкорпорации новых технологий — языка, цифровизации, визуализации и проч. [*Wolf*, 2010]. Это возвращает дискредитированный образ сверхчеловека, исключительные способности которого создают основы новой стратификации и иерархии, наподобие класса Стражей в государстве Платона.

Жизнь и смерть: желание человека стать Богом

Актуальная тема постгуманизма — проблема старения, смерти и продолжительности жизни, связанные с этим правовые и этические вызовы. В юридической литературе некоторые её аспекты подробно обсуждались в связи с темой права на жизнь и смерть и юридического санкционирования абортов или эвтаназии с обобщением теории и практики разных стран. Этот комплекс вопросов в постгуманизме включает воспроизводство идентичности [*Lindroos-Hovinheimo*, 2021; *Norman*, 2022] и посмертные права человека — от прав собственности и поддержания памяти о человеке в информационной среде больших данных [*Käll*, 2023] до «права на забвение» [*Käll*, 2017]. Но данная тема выходит за рамки однозначных правовых регламентаций соответствующих практик.

Данное направление мысли не является совершенно новым, если принять во внимание его отражение в научной фантастике XX в. В ней представлены темы искусственного разума, направленного формирования нового человека, трансплантологии, обретения сверхъестественных способностей, увеличения продолжительности жизни и соответствующих физиологических изменений человека путем биологического вмешательства[14]. На рубеже XX и XXI вв. проект генома человека и растущий сдвиг в языке исследований и медицины позволили начать размышления о старении не как о естественной неизбежности, но как о болезни, которую можно излечить с помощью биотехнологий, — от повышения устойчивости и биологической адаптации организма до удаления памяти и гене-

[14] Примером может служить утопия А. Богданова, где в коммунистическом обществе будущего торжество коллективизма над индивидуализмом предполагает товарищеский обмен жизни не только в идейном, но и физиологическом существовании — путём всеобщего обмена крови для обновления организма и повышения долголетия — идея, позднее стоившая ему жизни при проведении подобного эксперимента. — *Богданов А.* Красная звезда. Роман-утопия. — Пгр.: Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918.

тической модификации. В этом контексте по-новому сформулирована проблема смерти[15] и бессмертия, которая всегда волновала человечество и отражена в бесчисленных поисках его возможности, начиная с Гильгамеша [*Zenou*, 2022].

Отмечается появление значительного числа проектов в этой области, которые, по мнению критиков, пока выступают скорее средством для добывания грантов и сферой разных спекуляций, но также некоторых практических исследований на животных. В основном они отражают попытки остановить старение с помощью генной инженерии [*Immortality*, 2022]. Трудно сказать, насколько прогресс в этой сфере определяется научными или чисто коммерческими факторами[16]. Но стремление к бессмертию, по мнению ряда ученых, следует считать следствием растущих технических возможностей, в перспективе — неограниченных и доходящих до божественного уровня. Появление Homo Deus — логическое завершение этой эволюции [*Харари*, 2018].

Апокалиптической парадигме неизбежности вымирания человека как биологического вида противостоит не только идея обретения бессмертия, но и сохранения человечества как биологического вида путём его распространения в Космосе, на что указывал еще К.Э. Циолковский [*Циолковский*, 1960]. Колонизация эмбрионального пространства — одно из решений, предложенных для минимизации экзистенциального риска того, что в ближайшие столетия человеческий вид подвергнется необратимому вымиранию. Этот тип решения предполагает отправку криоконсервированных человеческих эмбрионов в космос на борту космического корабля, полностью управляемого интеллектуальными машинами, которым поручено идентифицировать и найти наиболее подходящую планету для колонизации человека в пределах Солнечной системы или другой звездной системы.

Альтернативное решение проблемы — рассмотреть, будет ли использование человеческих гамет более этичным решением. Гаметы — репродуктивные клетки, имеющие ординарный набор хромосом и участвующие (в частности) в половом размножении. Утверждается, что при прочих равных условиях отправка в космос гамет вместо эмбрионов даёт, как минимум, три преимущества. Это позволяет иметь генетически более разнообразный набор человеческих эмбрионов, облегчая отбор генетически лучших из них для колонизации новой планеты. Кроме того, получение эмбрионов *ad hoc* из гамет позволяет улучшить генетические характеристики эмбрионов, не прибегая к редактированию генома, которое может представлять проблемы с безопасностью. Наконец, колонизация гаметного пространства не исключает, но снижает вероятность того, что предубеждения дизайнеров повлияют на отбор эмбрионов [*Balistieri*, 2023].

Все эти вопросы принадлежат, скорее, к категории метафизических и традиционно регулируются не столько наукой, сколько религией, постулаты которой неизбежно трансформируются в результате теологических дискуссий о новых биотехнологиях. Постгуманистический и трансгуманистический дискурс о проблемах биоэтики некоторые предлагают регулировать с точки зрения христианской теологии (включая новые трактовки взаимодействия души и тела в процессе рождения и смерти человека) или систематического богословия ислама — *калама* и даже рассматривать их как вклад в развивающуюся научную область нового *калама* (*калам аль-джадид*) [*Кат*, 2023]. В научной сфере эти

---

[15] Философия смерти очень неопределённа в интерпретации этого понятия и окрашена большим числом предрассудков. В биологическом смысле смерть — остановка жизнедеятельности организма. Но страх смерти определяется как угрозой страданий, так и тревогой в отношении посмертного состояния. Следуя эпикурейцам, это понятие вообще лишено смысла: пока мы существуем, смерти нет, а когда наступает смерть — нас нет. Поэтому абсолютизация биологического и медицинского аспекта данной темы постгуманистами не отражает её культурной и этической глубины.

[16] Например, Google публично заявлял (ещё в 2013 г.), что стремится «решить проблему смерти» в обозримой перспективе, а теоретическая продолжительность жизни человека сможет достигать 500 лет.

вопросы пока остаются без ответа, но от этого не перестают быть актуальными. Знания, позволяющие нам играть в Бога, настаивают постгуманисты, уже существуют. Нравится нам это или нет, мы не можем остановить эти достижения [*Oberauer*, 2021]. Джинна невозможно засунуть обратно в бутылку. Граница между человеческим и нечеловеческим, считают они, уже исчезла и, похоже, будет только растворяться.

Иерархия и власть: пересмотр оснований господства и подчинения

Соединение воедино биологических и технологических параметров регулирования человеческого рода придаёт импульс поиску основ новой постгуманистической этики и иерархии ценностей, которая концентрируется на проблемах места человечества в мироздании; оценки его биологической природы как вида и границ возможного вмешательства в его природу.

Первый круг проблем, как показано ранее, связан с *отказом от антропоцентрической конструкции мира* и означает пересмотр традиционных разделительных линий между человеком и природой. Человеческий биологический вид рассматривается не как единственный, но как один из многих. Отвергаются ценности, связанные с бинарными понятиями, завещанными нам «фаллоцентрической рациональностью Просвещения» — Природа/Культура, естественное/искусственное, живое/неживое, биологическое/механическое, человек/нечеловек. Этот ряд продолжен социальной биполярностью — человек/животное, разум/страсть, белый/чёрный, мужчина/женщина, родился/сделался и т.д. Утверждается, что сама идея человека воплощает в себе глубоко предвзятые иерархии, вместо которых объектом изучения должны стать конститутивные переплетения между людьми, животными, материальными и технологическими артефактами и другими сущностями [*Braidotti*, 2021]. Технологический постгуманизм в конечном счёте отрицает за человеком значение этического стандарта. Сообществу предлагается ответить на ряд этических вопросов: следует ли всегда ставить сохранение человека превыше всего; оправдывает ли спасение человеческих жизней разрушение нашей планеты и убийство других животных, которым, как и человеку, свойственно чувство страдания?

Второй круг проблем определяется поиском *единых критериев оценки человеческого и технологического разума и способности суждения*. Отрицая идею иерархического превосходства человека, постгуманизм децентрализует положение людей над другими формами жизни и в то же время отвергает взгляд на людей как автономных и полностью определённых личностей. С этих позиций исследуются контексты — интеллектуальные, культурные, технологические, — биотехнологические разработки, генетические модификации, технические инновации и автоматы, новые способы мышления через связи человека и нечеловеческих существ, биополитика и конструирование родства. Все они обращены к деантропоцентризации человеческого общества — расширению его членов за счёт включения других типов сущностей, при котором место людей отодвигается на периферию.

Третий круг проблем — *формы собственности и направления их трансформации*. Идеал постгуманизма включает пересмотр самого понятия собственности и его составляющих (владения, свободы и знаний), границ прав собственности между человеком и нечеловеческими субъектами, традиционных представлений о связи личности и объекта собственности, введение новых форм контроля над собственностью с помощью цифровых технологий. Эти темы становятся приоритетными в области теории и социологии права, экологии [*Davies*, 2021], соотношения права и технологий, прав интеллектуальной собственности, в том числе искусственного интеллекта и исследований средств массовой информации [*Käll*, 2023]. Смысл этих изменений усматривается особенно в левой испано-американской литературе в преодолении диспропорций либерального капитализма,

гендерных отношений, защите прав природы и преодолении неоколониализма [*Alix*, 2023]. Пересмотр прав собственности с позиций общей архитектуры прав, кодирования информации, взаимодействия человека с цифровыми платформами потенциально ориентирован на создание новой, предположительно более справедливой, экосистемы, где человек занимает ограниченное место по отношению к другим постгуманным правообладателям.

Четвертый круг проблем — *раса, гендер, сексуальность и социальные отношения*, а также положение семьи и сообщества — претерпели изменения благодаря появлению и внедрению новых технологий. Предлагается связать расу в истории с историей конкретных практик, которые дегуманизировали людей (таких, как колониализм и рабство). Включение расы в дебаты, когда речь идёт, скажем, об антропоцене или технологиях, позволяет придать постгуманизму региональное измерение [*Nayar*, 2023]. Центральным пунктом является критика понятия родства и традиционной семьи. В качестве альтернативы предлагается постчеловеческая концепция родства — родственниками должны быть признаны не только люди, но и нечеловеческие существа — животные и даже микробы. Это меняет конфигурацию общества и ведёт к отказу от традиционных понятий — интимности и проч. [*Paszkiewicz, Ruthven, Segarra*, 2021]. Уход от антропоцентризма в этой области выражается в межвидовых семьях, где их членами являются не только люди, но и животные (признаваемые членами семей), а социальным работникам предписывается учитывать этот факт в своей деятельности [*Laing*, 2020]. Постгуманистическая мысль рассматривает животных и растения как виды — компаньоны человека, а многочисленные исследования теперь определяют «растительное мышление», «животность» как таковую и взаимосвязь людей с другими формами жизни или даже с неживой материей.

Пятый круг проблем — *власть и насилие*. Традиционные формы господства определяются как следствие антропоцентризма и доминирования одного биологического вида (человечества) над другими. Антропоцен порождает дискриминацию, а последняя формирует господство одних видов над другими. Это предполагает внутреннюю структурную организацию социума, генерирование иерархии в котором подчинено задаче дарвинистической борьбы за существование. Поэтому гуманизм, ассоциирующийся с отсутствием насилия, в действительности воспроизводит его, демонстрируя неспособность человечества предотвратить насилие и войны. Более того, именно человечество (как биологический вид), в отличие от животных, продемонстрировало наивысший уровень жестокости [*Oberauer*, 2021]. Появление искусственного интеллекта меняет характер войны, ведя к замене традиционных армий роботами, способными как уничтожать людей (роботы-убийцы), так и спасать их (роботы-врачи). Мотивация их действий не предполагает эмоций как позитивных, так и негативных, но, по крайней мере, исключает убийство с целью удовольствия или чувства мести и целиком зависит от выполнения заложенных программ.

Вера в позитивный характер воздействия искусственного интеллекта определяет идеалистический постулат о возможности перехода к более гармоничному и справедливому социальному порядку, роднящий это учение с утопическими идеями анархизма и коммунизма. Но на чём основано убеждение, что мыслящие роботы или сверхлюди, почувствовав вкус неограниченной власти, не захотят использовать её в полной мере?

Политика постгуманизма: новые инженеры человеческих душ

Политика постгуманизма — направленное разрушение традиционных социальных иерархий и форм господства с заменой их новыми и, как предполагается, более справедливыми. Это означает отказ от иерархий, которые самим фактом своего существования генерируют дискриминации между людьми по разным признакам — таким как пол, раса и класс, экологическое неравенство, колониализм, рабство, патриархальная семья, неограни-

ченный государственный суверенитет и поддерживающие их структуры международного права [*Hohmann, Schwobel-Patel*, 2023].

Ключевыми объектами критики выступают такие традиционные институты, как семья, собственность и государство, которые, как полагал ещё Ф. Энгельс, воспроизводят дискриминационные формы иерархии, господства и подчинения и, следовательно, должны быть трансформированы или отвергнуты в будущем. Феминизм, отмечает Брайдотти, был одним из «предшественников постчеловеческой мысли», поскольку оба подхода пытаются заменить «дискриминационные унитарные категории» — такие как антропоцентризм — альтернативными способами мышления [*Брайдотти*, 2021]. Так называемое «постгуманистическое феминистское международное право» — направление мысли, транслирующее этот комплекс представлений в интернациональной перспективе [*Arvidsson*, 2024].

В качестве альтернативы существующим вертикальным иерархиям выдвигаются горизонтальные структуры взаимодействия, основанные на сетевых коммуникациях, инклюзивности и расширенных системах доступа. Это структуры так называемой делиберативной демократии, электронного самоуправления и Интернет-конституционализма. Ключевым фактором, меняющим механизмы принятия решений, признаётся искусственный интеллект, прежде всего глобальные нейросети, особенно в контексте их взаимодействия с телом человека и его модификациями под их воздействием. В социальной практике выдвигаются социальные структуры, изначально не имеющие человеческого или вообще биологического происхождения, пересматривающие традиционные рамки национального и международного права, основанные на понятиях подавления, исключения и насилия. Эти постулаты, несомненно выражающие анархический ингредиент в философии постгуманизма, оставляют открытым вопрос о том, как возможно глобальное управление и каковы те центры принятия решений, которые способны урегулировать противоречия нового социума.

Цель этих изменений — создание нового человека. Разрушая бинарность, закреплённую в евро-американской традиции, постгуманизм рассматривает перспективы совершенствования человека, расширения искусственного интеллекта и этики этих разработок, поскольку они влияют на людей, закон, концепции «личности» и социальный порядок. Доминирующими становятся два типа реакции — смирение перед неизбежным саморазрушением человека как биологического вида или его превращение в сверхчеловека, способного творить новую реальность, целенаправленно изменяя свою собственную природу с использованием биотехнологий, генной инженерии или вообще замены человека более совершенным искусственным интеллектом. Фактически категория постчеловеческого состояния — это воспроизводство библейской картины гибели и спасения, превращения людей в чудовищ или богов.

Границы возможного вмешательства науки в регулирование человечества как биологического вида определяются технологиями. Мы, считают постгуманисты, наконец, вышли за пределы наших биологических тел и становимся постлюдьми, благодаря технологическим достижениям — от генетических манипуляций и интерфейсов мозг-компьютер до нейронопротезирования и робототехники. Мы перестали быть существами, сформированными в ходе длительной эволюции и уже переделали себя. С этой точки зрения необходимо решить новые социальные, этические и политические вопросы, которые ставят эти технологические разработки, будь то ограничения этического и правового характера или дилемма возложения ответственности на искусственный интеллект (роботы).

Степень радикальности позиций разных течений постгуманизма определяет ответы на вопросы, поставленные наукой [*Oberauer*, 2021]: каковы допустимые границы генной инженерии; можно ли использовать генную терапию для клонирования, применять её на эмбрионе, если невозможно получить от эмбриона согласия на лечение; не ведёт ли генная терапия к растущему разделению бедных и богатых, когда только последние смогут

увеличить продолжительность и качество жизни; каковы вообще границы применения биоинженерии за пределами чисто медицинских целей? Каков механизм контроля за принятием решений в этой области, если они в возрастающей степени зависят от технологий? Наконец, кто будет выступать дизайнерами этих биотехнологических программ, концентрируя ресурсы и власть над жизнью и смертью?

Переход к постгуманизму меняет привычный социальный порядок. Современность, говоря словами Р. Брайдотти, многомерна, власть — многослойна, когнитивный капитализм настроен на бионетику и информационные коды, позволяя переосмыслить природу господства и насилия. Постгуманизм рассматривает самого человека как сборку, эволюционирующую совместно с другими формами жизни, переплетённую с окружающей средой и технологиями [*Nayar,* 2023]. Каким будет человек будущего, зависит от его конструкторов. Ключевая проблема — программирование: кто станет инженерами человеческих тел и душ? Это делает этику программирования ключевой областью воздействия на социум, а программистов — новым слоем социальных дизайнеров.

Заключение. Постгуманизм как диагноз нашей эпохи

В целом постгуманизм — это антиутопия, имеющая высокие шансы на самореализацию в условиях эрозии традиционных социальных иерархий и усиления технологического компонента социального регулирования. В этом нет ничего фатального: антиутопии — это площадки, где проверяются наихудшие сценарии. Но в качестве идеологической программы постгуманизм проверяет прочность границ социума, а в своих крайних проявлениях представляет одну из версий популистского диагноза новой эпохи, имеющую, подобно коммунизму, выраженные параметры самореализующегося прогноза.

Основные аргументы против этой теории таковы: метафорическое мышление вместо научного, размывание познания с заменой его представлениями (если не предрассудками и химерами); отказ от достижений цивилизации, основанных на иерархии; возвращение к стереотипам тотального господства под видом отказа от него. Социальная программа постгуманизма внутренне противоречива. В качестве социологической концепции это рациональное конструирование новой социальной реальности, окрашенной представлениями о справедливости и преодолении неравенства в космическом масштабе. Но отрицая неравенство и эксплуатацию, постгуманизм вводит её новые формы. Как часто бывает, теория постгуманизма, разрушая традиционную легитимность во имя равенства и предлагая альтернативу ей, в сущности, закладывает основы новой теории неравенства, господства и власти.

Теперь это — постчеловеческая легитимность (постулирующая единство человека с природой в разных проявлениях), разделение по линии новых форм господства (потребителей и производителей соответствующих технологий), основанных на искусственном интеллекте и биотехнологиях, и власти особого типа постчеловеческой касты — людей-роботов, обладающих преимуществами биологических и технических механизмов. Отрицая иерархию, капитализм, расизм, колониализм и эксплуатацию (исторически определявших прогресс индустриального общества), постгуманизм, следовательно, создаёт другие разделительные линии (машины, люди и сверхлюди), которые могут стать основой для новой дискриминации: теперь уже людей как биологического вида. Проектируемая колонизация биопространства Вселенной — лишь один из возможных вариантов мессианской идеи. Результатом постгуманистического проекта может стать новая конструкция власти — технически рациональной, лишённой эмоций и вполне безжалостной.

Вклад технологий в изменение природы человека действительно важен и нуждается в переосмыслении. Но каковы критерии оценки этих изменений и должны ли они

априорно воспроизводить постгуманистическую парадигму? Сама постановка проблемы различия человеческого и нечеловеческого миров не является принципиально новой и присутствует в гуманистических теориях. Возможно, людям, благодаря технологиям биоинженерии, удастся избежать ограничений дарвиновской эволюции, но это не является исключительным достижением нашей эпохи — взаимодействие человека с научными технологиями существовало всегда, и в этом смысле люди всегда имели гибридную природу, дополняя себя инструментами и приборами. Современное решение проблем жизни и смерти — продолжение того же спора, и, вопреки технократическим рекомендациям, оценивается преимущественно в гуманистических категориях (например, основной аргумент против бессмертия — не техническая невозможность его достижения, а психологический мотив — скука)[17]. Несмотря на технологические достижения, мы остаёмся людьми, а наши тела и души несут на себе оковы реальности. Отказ от гуманизма выглядит, как минимум, преждевременным.

Постгуманизм как философия отрицания гуманизма в случае её осуществления на практике способен стать гораздо более деспотической властью, чем все, ранее возникавшие формы, поскольку даже теоретически биотехнологии могут программировать сознание, а машина отрицает понятие сострадания. В реальности, торжество учения постгуманизма не исключает формы глобального управления, основанной на господстве нового типа менеджеров — экологов, программистов, операторов технических средств и биоинженерий. Это тип системообразующего мифа, легитимирующего синтез традиционализма и технического прогресса, основанный на возможностях контроля, манипулирования и технологий принятия решений без участия человека или с минимальным его участием. Поэтому новая конструкция власти не исключает возникновения ещё большего неравенства и типов господства по иным критериям.

Итак, состоятельность научных аргументов постгуманизма (действительно значимых и интересных) нивелируется их абстрактным характером и идеологической предвзятостью. Можно высказать предположение, что постгуманизм — неточный термин, поскольку объединяет научные гипотезы с идеологической программой социального переустройства. Даже отталкиваясь от гуманизма, мы не способны уйти от него. Ведь мы не сможем поменять своё человеческое восприятие на другое и отказаться от творчества как системообразующего критерия личности. Для описания новых явлений поэтому достаточно одной категории — гуманизм, который исторически может иметь разный смысловой потенциал. Его масштаб определяется степенью осознания человечеством проявлений дискриминации, и именно в соответствии с этим меняется исторический объём этого понятия. Если сегодня явления, ранее казавшиеся естественными (такие, как эксплуатация природы, животных или других людей), начинают восприниматься как противоестественные — это значит, что пришло время переосмыслить их с позиций гуманизма, но не его отрицания. В качестве альтернативы постгуманизму уместно предложить для обсуждения новую формулу — рационализированный гуманизм.

---

[17] Впрочем, мечты о бесконечном продлении человеческой жизни не новы. Их всплеск, очевидно также вдохновленной достижениями науки того времени, отмечался и в начале XX в. А Бернард Шоу даже написал цикл из пяти пьес «Назад к Мафусаилу» (завершён в 1921 г.), где затронул эту тему. Ему ответил Карел Чапек. Еще в 1918 г. в статье «Философия и жизнь» он усомнился в том, что бессмертие принесет человеку счастье, а героиней своей знаменитой пьесы «Средство Макропулоса» (1921г.) сделал великую певицу Эмилию, прожившую 337 лет. Причём автор «законсервировал» её в тридцатилетнем возрасте, дал ей силу, красоту, талант, дающий возможность творческой жизни. Но внимательный слушатель замечал, что от её технически безупречного пения веет холодом. А устами Эмилии в последнем акте пьесы автор говорит: «Искусство имеет смысл, когда им не овладел. А как овладеешь, то видишь, что всё это зря <…> До ста, ста тридцати лет ещё можно выдержать, но потом <…> начинаешь понимать, что… потом душа умирает <…> Скука. Нет, даже не скука <… > у вас, людей, для этого просто нет названия». — *К. Чапек.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 4. Пьесы. — М.: Худ. лит. 1976. С. 352. Для Чапека одна из ценностей жизни заключалась в её кратковременности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

Брайдотти Р. (2021). *Постчеловек* [*Braidotti R.* (2021). Posthuman]. — М.: Изд. Института Гайдара.

Бритиков А.Ф. (1970). Русский советский научно-фантастический роман. [*Britikov A.* (1970). Russian-Soviet Science-Fiction Novel]. — М.: Наука.

Вольтер. (1985). *Философские повести* [*Voltaire* (1985). Philosophical Novels]. — М.: Правда.

Ламетри Ж.О. (1983). Человек-Машина [*La Mettrie J.* (1983). Man-Machine] / *Ж.О. Ламетри* (1983). *Сочинения*. — М.: Мысль. С. 169–226.

Медушевский А.Н. (2024). Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? Ч. I [*Medushevskiy A.* (2024).Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? Part I] // *Вопросы теоретической экономики.* № 3. С. 171–185.

Уэллс Г. Дж. (2021). *Открытый заговор* [*Wells H.* (2021). Open Conspiracy]. — М: Кислород.

Харари Ю.Н.(2018). *Homo Deus. Краткая история будущего* [*Harari Y.N.* (2018). Homo Deus. A Short History of Future]. — М.: Синдбад.

Харауэй Д. (2017). *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х* [*Haraway D.* (2017). Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialistic Feminism of 1980-es]. — М.: Ad Marginem Пресс.

Циолковский К. (1960). *Путь к звёздам:* Сборник научно-фантастических произведений [*Tsiolkovskiy K.* (1960). The Way to Stars. The Collection of Science-fiction Essays]. — М.: Изд. АН СССР.

Alix L.L. (2023). A Post-humanist and Anti-capitalist Understanding of the Rights of Nature (with a coda about the commons) // *Oñati Socio-Legal Series* Vol.13. No. 3. Pp. 1003–1035.

Arvidsson M. (2024). Posthuman Feminism as a Theoretical and Methodological Approach to International Law // *International Law and Posthuman Theory*. / Ed. by M. Arvidsson, E. Jones. — N.Y. Routledge. Pp. 31–59. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/86855/9781032658032_10.4324_9781032658032-3.pdf?sequence=1&isAllowed=y (access date: 25.06.2024).

Balisteri M. (2023). Gamete Space Colonization: Why Space Colonization Based on Gametes is Morally Preferable to Colonization Based on Embrios // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 7–23.

Braidotti R. (2019). *Posthuman Knowledge*. — Cambridge: Polity Press.

Braidotti R. (2021). *Posthuman Feminism.* — Cambridge: Polity Press.

Braman S. (2023). *Posthuman Law: Information Policy and the Mechanic World*. URL: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1011/932 (access date: 25.06.2024).

Clarke A. (1968). *2001: A Space Odyssey*. — N.Y.: New American Library.

Davies M. (2021). Re-forming Property to Address Eco-social Fragmentation and Rift // *Journal of Human Rights and the Environment*. Vol. 12. Special Issue. Pp. 13–37.

Genome Editing (2023). URL: https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/what-is-Genome-Editing (access date: 25.06.2024).

Global Risks Report (2023). URL.: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/digest (access date: 25.06.2024).

Greely T. (2020). *Human Reproductive Cloning: the Curious Incident of the Dog in the Night Time*. STAT. 21.02.2020. URL: https://www.statnews.com/2020/02/21/human-reproductive-cloning-curious-incident-of-the-dog-in-the-night-time (access date: 25.06.2024).

Hohmann J.M., Schwobel-Patel Ch. (2023). A Monument to E.G. Wakefield: New and Historical Materialist Dialogues for a Posthuman International Law // *International Law and Posthuman Theory.* / Ed. by J. Arvidsson. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4382009 (access date: 25.06.2024).

Human Cloning- an overview (2023). URL: https://www.sciencedirect.com/topics/biochemistry-genetics-and-molecular-biology/human-cloning (access date: 25.06.2024).

Immortality (2022).URL: https://www.templeton.org/discoveries/immortality-research (access date: 25.06.2024).

Käll J. (2017). A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. Vol. 18. No. 5: Special Issue Traditions, Myths, and Utopias of Personhood. Pp. 1145–1162.

Käll J. (2023). *Posthuman Property and Law. Commodification and Control Through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence.* — N.Y.: Routledge.

Kalpokiene J., Kalpokas I. (2023). Creative Encounters of a Posthuman Kind — Anthropocentric Law, Artificial Intelligence, and Art // *Technology in Society*. Vol. 72. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X23000027 (access date: 25.06.2024).

Kam H. (2023). New Bottles for Old Wine? On Playing God: Post-and Transhumanism from the Prtspective of *Kalam* // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 24–50.

Laing M. (2020). On being Posthuman in Human Spacies: Critic Posthumanist Social Work with Interspecies Families // *International Journal of Sociology and Social Policy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/341038396_On_being_posthuman_in_human_spaces_critical_posthumanist_social_work_with_interspecies_families (access date: 25.06.2024).

Landgraf E. (2023). *Nietzsche's Posthumanism.* — Minneapolis: University of Minnesota Press.

Langlois A. (2017). The Global Governance of Human Cloning: the Case of UNESCO // *Humanities and Social Science Communications*. 21.03.2017. URL: https://www.nature.com/articles/palcomms201719 (access date: 25.06.2024).

Lindroos-Hovinheimo S. (2021). *Private Selves*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Nayar P.K. (2023). *Posthumanism*. URL: https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0122.xml (access date: 25.06.2024).

Norman J. (2022). *Posthuman Legal Subjectivity. Reimagining the Human in Anthropocene.* — N. Y.: Routledge.

Oberauer A.N. (2021). *Posthumanism: A Philosophy for the 21st Century*? Digitalization, Gene-edited Babies and Climate Crisis: is Humanity Doomed or Simply Outdated? Posthumanism's philosophical framework asks these questions. 05.09.2021 URL: https://www.thecollector.com/posthumanism-philosophy-of-the-21st-century/ (access date: 25.06.2024).

Palgrave Handbook of Critical Posthumanism (2022). *S. Herbrechter, M. Rossini, M. de Bruin-Mole, C. Muller* (Eds.). — N.Y.: Springer International Publishing.

Paszkiewicz K., Ruthven A., Segarra M. (2021). «Posthuman kinship» // *Dictionary of Gender in Translation*. 25.05.2021. URL: https://worldgender.cnrs.fr/en/entries/posthuman-kinship/ (access date: 25.06.2024).

Posthuman Legalities: New Materialism and Law Beyond the Human (2021). *A. Grear, E. Boulot, I.D. Vargas-Roncancio, J. Sterlin* (Eds.). — Northampton: Elgar.

The Bloomsbury Handbook of Posthumanism (2020). *M.R.Thomsen, J. Wamberg* (Eds.) — N. Y.: Bloomsbury Academic.

Wolfe C. (2010). *What is Posthumanism?* — Minneapolis, London: University of Minnesota Press. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%2016/Wolfe_What_Is_Posthumanism.pdf (access date: 25.06.2024).

Zenou T. (2022). The Long and Gruesome History of People trying to Live Forever // *The Washington Post*. 01.05.2022. URL: https://www.washingtonpost.com/history/2022/05/01/immortality-gilgamesh-bezos-thiel/ (access date: 25.06.2024).

Медушевский Андрей Николаевич
amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy
Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor. Higher School of Economics (Moscow)
amedushevsky@mail.ru

POST-HUMANISM: ACADEMIC THEORY, SOCIAL UTOPIA OR THE NEW IDEOLOGY OF POLITICAL DOMINANCE? (PART II)

Abstract. The Post-humanist rethinking of the current social condition put under question many important paradigms of science and technologies. New social reality is determined by progressive dissolution of the itinerary line between human being and machine. That involves three principal areas of human transformation: technological (transplantation of technical devices into human body); biological (the use of bio-technologies of genome editing, and human cloning for the development of neo-eugenic program), and ethical one (the empathic characteristics of super-human beings or bio-robots under creation). This area of investigations includes the rethinking of basic postulates of classic humanist philosophy regarding the role of human intellect, race and gender, life and death, immortality, power and violence, and creation of a new super-human being as a result of the current bio-technological transmutation. The special part of this debate is the role of artificial intellect and its controversial impact in transformation of the human condition itself. By doing this critical work, different post-humanist, or trans-humanist theorists argues the impact of cognitive sciences, neurosciences, bioethics, cybernetic, artificial intellect, new legal regulations and respective technologies in construction of a new man, family, property, society, and political order, presumably more fair, inclusive, and prosperous. The author put this complex of theories under critical analysis showing the changing place of such components as science, technology, ideology, and political implications of post-humanist movement and programmatic regarding its impact in the formation of principally new concept of social hierarchy, power and dominance, perhaps, potentially even more authoritarian than ever before. He separates populist and scientific implications of post-humanism describing it as a mental diagnosis of our epoch. Among his important conclusions is the proposal of rationalized humanism notion as theoretical alternative to post-humanism definition.

Keywords: *humanism, post-humanism, trans-humanism, anthropocentrism, human rights, animal's rights, artificial intellect, bio-robots, social hierarchy, power, dominance, rationalized humanism.*
JEL: B59, K19, O10.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Зарубина
д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Москва)

НАУЧНАЯ МЕТАФОРА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «человеческий потенциал», получившее распространение в социальных науках. Показано, что рассмотрение его в качестве многозначной научной метафоры открывает перспективу исследований роли и места человека в современных процессах экономического и социального развития, в сфере труда и социального творчества, инновационной деятельности. Его отличие от хорошо уже известного понятия «человеческий капитал» состоит не только в учёте личностных качеств индивида, но в новых ракурсах исследований институциональных и культурных условий приобретения и накопления разнообразных ресурсов, а также возможностей их реализации в профессиональных и трудовых, творческих, социальных, культурных и других контекстах. Метафора «человеческий потенциал» позволяет учитывать и исследовать связь прошлого, настоящего и будущего в его накоплении и реализации, а также связь индивидуального и коллективного, личностного и институционального в процессе приобретения, накопления и реализации. Современная цивилизационная аналитическая перспектива в интерпретации Ш. Эйзенштадта рассматривается в качестве плодотворного методологического подхода, позволяющего исследовать активность социальных агентов в конкретных культурных и институциональных условиях и при учёте исторической контингентности, т.е. исследовать специфику человеческого потенциала конкретных социальных общностей в конкретный момент времени. Цивилизационный анализ человеческого потенциала даёт возможность раскрыть особенности его исторического становления и реализации, природу его многообразия, динамики в условиях социальных трансформаций, значение инакомыслия и протестных движений в возникновении новых форм человеческого потенциала. Представления о «множественности модерностей» обосновывает неповторимость путей к формированию современного человеческого потенциала обществ, принадлежащих к разным цивилизациям. Цивилизационный подход позволяет также объяснять многообразие ответов разных обществ на вызовы цифровизации для их человеческого потенциала. Делается вывод о плодотворности цивилизационного анализа в исследованиях возможностей формирования и реализации человеческого потенциала российского общества в условиях современных геополитических вызовов.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, научная метафора, социальные трансформации, институты, цивилизационная аналитическая перспектива, «множественные модерности», цифровизация.*
JEL: A11, A12, A13, B41, B50
УДК: 303.01, 303.04, 304.5
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_159_174
© Н.Н. Зарубина, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Зарубина Н.Н.* Научная метафора «человеческий потенциал»: аналитические возможности цивилизационного подхода // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 159–174. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_159_174.

FOR CITATION: *Zarubina N.* Scientific Metaphor «Human Potential»: Analitical Capabilities of the Civilizational Approach // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 159–174. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_159_174.

Постановка проблемы

Сегодня перед нашим обществом одновременно встали проблема цивилизационного выбора, решаемая сейчас в пользу самостоятельности России как «государства-цивилизации», и проблема поиска внутренних ресурсов для преодоления вызовов и угроз, для решения задач экономического развития в условиях санкций и внешнего давления. Представляется, что главным ресурсом, которым наше общество располагает, является *человеческий потенциал*, который надо не только поддерживать, формировать в соответствии с требованиями момента, но и реализовывать с помощью соответствующей институциональной среды. Всё это требует целенаправленных действий от государства и различных профессиональных сообществ — научного, педагогического и т.д., для чего необходимо научное знание о человеческом потенциале современной России.

Одной из проблем поиска научных оснований исследований человеческого потенциала является неопределённость как самого понятия, так и методологических оснований и подходов к его исследованию. Понятие «человеческий потенциал» начало использоваться относительно недавно и в настоящее время предполагает разграничение с такими близкими понятиями, как «человеческий капитал», «культурный капитал» и т.п. Междисциплинарные исследования человеческого потенциала, которые ведутся экономистами, психологами, представителями менеджериальных наук, социологами, часто обобщают и анализируют это понятие на основе предложенного еще П.А. Сорокиным принципа интегрализма [*Сорокин, Позднухова*, 2023. С. 32]. Можно предположить, что если рассматривать человеческий потенциал не как строгое понятие, а как научную метафору, то она окажется весьма плодотворной.

Проблема настоящей статьи — выявление основных смысловых пластов научной метафоры «человеческий потенциал» и их пересечений с цивилизационной аналитической перспективой. Методологические возможности такого подхода полезны для исследований человеческого потенциала социальных общностей в конкретных исторических обстоятельствах, но на сегодня они представляются недооценёнными.

Человеческий потенциал: научная метафора, задающая аналитическую перспективу

В последние десятилетия понятие «человеческий потенциал» стало часто использоваться в экономике, социологии и других социальных науках. Это вызывает дискуссии о его определении, операционализации, а также о его специфическом содержании по сравнению с уже устоявшимся, хотя тоже не вполне определённым понятием «человеческий капитал». Хотя последнее получило широкое применение в экономических науках и социологии, о его определении, содержании и индикаторах продолжаются споры (см., например, [*Соболева*, 2022]). Здесь ни в коей мере не ставится задача анализа дискуссий о «человеческом капитале», выделю лишь один момент, представляющийся значимым для развития нашей темы. Известная исследовательница риторики экономического знания и центральной роли в ней научных метафор Д. Макклоски говорит о метафоре человеческого капитала, соединяющей заимствованные из экономической теории идеи инвестиций в оборудование и навыков работников, которые благодаря ей поясняют друг друга, «обмениваясь своими коннотациями», от чего «обе выигрывают» [*Макклоски*, 2015. С. 59]. В.В. Радаев в работе, посвящённой инструментализации понятия капитала и его форм в социологии, назвал его нынешнее использование «метафорическим», путь от которого к операциональным категориям является «неблизким и витиеватым» [*Радаев*, 2002. С. 20].

Действительно, перенос категории капитала из экономической науки в социологию, осуществленный П. Бурдье, породил такие понятия, как «социальный», «культурный», «символический» и другие капиталы, которые, несмотря на наличие у них таких свойств, как способность к производству прибавочной стоимости, к конвертации, к накоплению и т.д. [*Радаев*, 2002], всё же являются скорее метафорами, поскольку допускают различные интерпретации.

В то же время некоторые исследователи полагают, что, даже при расширительном толковании *человеческий капитал* является строгим понятием, так как подпадает под определение капитала, даваемое экономической наукой, и представляется собой окупаемые вложения в человека [*Капелюшников,* 2012. С. 6–7]. Как правило, это инвестиции в образование, квалификацию и здоровье работников, которые могут принести реальные исчислимые преимущества на рынке как самому работнику, так и работодателю. Расширительный подход (Г. Беккер, Дж. Коулмен, Р.М. Нуреев и др.) предполагает обязательное включение в содержание понятия человеческого капитала, помимо количественных, и качественные характеристики рабочей силы, такие как мотивация, ценности, эмоциональный настрой, характер образования и т.д.

Н.М. Плискевич, которая характеризует понятие «человеческий капитал» как метафору, убедительно показывает, что формальные количественные показатели не дают представлений о реальном состоянии человеческого капитала в конкретных условиях. Раскрыть эвристические возможности этого понятия позволяет именно трактовка его как широкой метафоры. Она позволяет выявить не только приносящие реальные денежные преимущества на рынке особенности квалификации и навыков, но и исследовать их качественные характеристики, имеющие потенциал раскрытия в будущем; исследовать не только носителей высокой и востребованной, обеспечивающей реальную прибыль, но любой квалификации; раскрыть национальные, культурные, исторически обусловленные особенности человеческого капитала. Такой подход даёт возможность шире взглянуть на составляющие его элементы, синтезировать разные ракурсы исследований. Причём это не означает выхода за рамки научного экономического анализа [*Плискевич*, 2012. С. 28–44]. Как утверждает на основе анализа развития понятия человеческого капитала В.А. Аникин, его сведение исключительно к продолжительности образования и получения квалификации — не просто сужение аналитических возможностей понятия, оно «вредно для общества», поскольку игнорирует те личностные качества и компетенции, которые позволяют эффективно использовать человеческий капитал и нуждаются в целенаправленном развитии [*Аникин,* 2017. С. 134].

Качественно расширенные содержательные аспекты метафоры «человеческий капитал» сближают её с другой метафорой — *человеческий потенциал*. Иногда их используют как синонимы, не объясняя различие смыслов [*Плискевич*, 2024. С. 175]. Встречаются подходы, при которых расширительная трактовка человеческого капитала фактически пересекается с человеческим потенциалом. Так, в монографии Н.Е. Тихоновой и её коллег в названии, а также в названиях глав используется понятие «человеческий капитал», а в тексте часто говорится о «человеческом потенциале» [*Тихонова, Латов, Датова, Каравай, Слободенюк,* 2023. С. 143, 147, 218, 341–342 и др.]. В то же время, различие понятий-метафор, обусловленное научным дискурсом их использования, существует, и я постараюсь его раскрыть.

Понятие «человеческий потенциал», как представляется, изначально возникло как метафора, за которой в разные периоды развития дискурса социальной динамики, трансформаций и модернизации общества, стояли разные смыслы и разные аналитические перспективы.

Во-первых, это м*етафора разностороннего развития и возможностей человека на микроуровне,* в 1960–1970 гг. инициированная трудами психологов и направленная на то, чтобы привлечь внимание к развитию индивида на фоне общей сосредоточенности иссле-

дователей и практиков на проблематике экономического роста (Human Potential Movement). Это учёт личностных качеств, способствующих реализации индивида как работника, таких как потребность в осмысленном содержании труда, а также позволяющих это делать институциональных условий [*Аникин*, 2017. С. 134]. Н.Е. Тихонова, исследуя человеческий потенциал российских профессионалов, подчёркивает, что в современном мире он представляет собой «не только знания и навыки, но и многие важные для эффективной деятельности работников личностные особенности». Это «готовность к саморазвитию, инициативность, осознанная ответственность за собственную жизнь и т.д.» [*Тихонова*, 2020. С. 71].

Во-вторых, инициированное А. Сеном использование человеческого потенциала как *метафоры расширения возможностей самореализации индивидов, свободного выбора образа жизни*. Ключевым здесь является понятие возможностей, с реализацией которых связан человеческий потенциал. В операционализированном М. уль Хаком виде эта концепция легла в основу вычисления Индекса человеческого развития (ИЧР / Human Development Index (HDI)). В уточнённой в 2010 г. формулировке он становится *метафорой человеческого развития*. Его определение выглядит так: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете»[1].

В-третьих, мы видим *метафоры человеческих ресурсов* на уровне компании, когда её эффективность и конкурентоспособность рассматриваются как производные от способности реализовывать потенциал сотрудников и управлять им. В таких случаях человеческий потенциал рассматривается как «дополненный» человеческий капитал или некие качества, не входящие в понятие человеческого капитала — желание учиться, любознательность, проактивность, мотивация и т.п. [*Сорокин, Позднухова*, 2023. С. 30–32].

В-четвёртых, академик Т.И. Заславская определяет человеческий потенциал как «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими общностями» [*Заславская*, 2005. С. 10]. Это определение представляется наиболее интересным, поскольку фактически здесь человеческий потенциал становится *метафорой жизнеспособности общности*. Автор определяет общность, которая обладает человеческим потенциалом, как национальную, подразумевая национальное государство. Однако представляется, что её в таком понимании можно использовать и более широко, распространяя и на полиэтнические общности на макроуровне, и на социальные, профессиональные, культурные и т.д. общности на мезоуровне.

Характерно, что к рассмотрению человеческого потенциала Т.И. Заславская обращается в контексте обсуждения проблем модернизации российского общества, которая как раз подразумевает ответ на вызовы современного развития. Наряду со способностью *к демографическому и социально-экономическому воспроизводству*, предполагается *социокультурный потенциал* как способность воспроизводить значимые особенности менталитета, социализации, противостоять вызовам для нравственных, духовных императивов данной общности. Кроме того, социокультурный потенциал как проявление жизнеспособности общества/общности состоит в способности противостоять деградации нравственности, саморазрушительному и девиантному поведению и т.д. Столь же значим и *деятельностный потенциал*, означающий способность воспроизводить в ответ на вызовы современности творческие, проактивные, инновационные способности социальных акторов. Нетрудно увидеть, что все выделенные Заславской составляющие человеческого потенци-

[1] Индекс человеческого развития — Гуманитарный портал // https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index?ysclid=lx3dbskney37435521 (дата обращения: 20.06.2024).

ала общности переплетены между собой, оказывают друг на друга существенное влияние [*Заславская*, 2005. С. 10].

Человеческий потенциал в таком понимании тесно связан с характеристиками социальной, институциональной системы, позволяющей его формировать и реализовывать [*Сахарновский*, 2012. С. 87]. Именно качество институтов использования человеческого потенциала определяет его конвертацию в уровень экономического развития. А.А. Аузан обращает внимание на то, что высокий уровень человеческого развития (в терминологии Индекса человеческого развития ООН) не обязательно проявляется в высоком уровне валового продукта на душу населения [*Аузан*, 2023. С. 45–46], как это видно на примере нашей страны.

В-пятых, очевиден *метафорический характер самого понятия «потенциал»*: он накапливается, а затем может как реализоваться в каких-то эффективных практиках, так и стагнировать и даже сокращаться. Само использование понятия «потенциал» означает сложную связь прошлого, настоящего и будущего, индивидуального и коллективного. Человеческий потенциал формируется *в прошлом*, реализуется в социальных практиках и институциональных рамках, которые возможны только *в настоящем*, а *в будущем* он обеспечит самосохранение и подъём индивида и общности на новый уровень самореализации. Человеческий потенциал означает не только реально востребованные на современном рынке труда навыки и квалификацию, но и те, которые могут быть востребованы в будущем [*Сорокин, Позднухова*, 2023. С. 36]. Аналогично, это и те деятельностные, когнитивные, моральные качества, мотивация и т.п., которые могут реализоваться в будущем в определённых институциональных условиях и контекстах определённой культурной среды. Проблема состоит именно в подходящих условиях, делающих актуальными те или иные характеристики человеческого потенциала.

Носителем составляющих человеческий потенциал качеств является индивид, но они могут быть приобретены только в коллективах, в рамках их нормативных и ценностных контекстов. Знания, квалификация, деятельностные установки, мотивация и т.п. являются продуктом социализации, всегда происходящей в социальных общностях в рамках специальных институтов. Реализовываться человеческий потенциал индивида также может при наличии культурных и институциональных условий, задаваемых принадлежностью к исторически развивающимся общностям. Поэтому он различается как в группах и сообществах — этнических, конфессиональных, гендерных, возрастных, территориальных, профессиональных и т.д. внутри одного общества, так и в разных обществах. Например, в дореволюционной России старообрядцы, в силу особенностей их мировоззрения и условий жизни, накопили и реализовали потенциал предпринимательской активности, а неформальная организация институтов взаимной поддержки в старообрядческих общинах способствовала её реализации.

Человеческий потенциал общности как на мезо-, так и на макроуровнях является не простой суммой потенциалов отдельных индивидов и групп, а представляет собой их эмерджентный эффект, определяемый условиями накопления и реализации. Например, хорошо известно, что россияне являются авторами многих знаковых изобретений и технологических инноваций, которые затем дорабатывались и воплощались в жизнь за пределами нашей страны. То есть изобретатели, видящие новые возможности, люди, способные придумать нестандартные решения технических проблем, в России всегда были, чему способствовала прежде всего русская культура [*Зарубина*, 2015]. Однако практическая реализация и тем более внедрение на потребительский рынок с целью получения прибылей нередко тормозились институциональной системой, как, например, внедрение в русской армии начала XX в. изобретенной А.С. Поповым радиосвязи. Современные исследования показывают, что российские технопредприниматели, работающие в самых передовых технологических отраслях, мотивированы в первую очередь творчеством, в то время как

рыночные преимущества, получаемые от внедренных на рынок инноваций, их интересуют в меньшей степени [*Бычкова, Гладарев, Хархордин, Цинман*, 2019].

Институциональные трансформации и динамика ценностей вызывают к жизни изменения социального запроса на человеческий потенциал определённого качества и уровня, востребованность обществом различных видов и составляющих человеческого потенциала. Например, привычные образовательные практики могут перестать соответствовать потребностям рынка труда в условиях быстрых технологических изменений. Периоды нестабильности могут усилить востребованность таких составляющих человеческого потенциала, как инновативность, творчество, проактивность, и поставить вопрос об адекватности существующих институтов их реализации.

В условиях институциональных трансформаций человеческий потенциал может не только развиваться, но и, напротив, обесцениваться, деградировать, не находя себе соответствующего применения [*Плискевич*, 2022]. Н.М. Плискевич, используя понятие «человеческий капитал» в расширенном понимании, фактически синонимично человеческому потенциалу, отмечает, что в условиях социальных трансформаций он деградирует, если разрушаются институты его использования и воспроизводства, хотя потребность в нём может сохраняться. Революции оказываются особенно дисфункциональными для накопления и реализации человеческого потенциала, поскольку они не только разрушают и производящие и использующие его институты, но и радикальным образом меняют ценностные ориентации, привычные нормы поведения, формы профессиональной деятельности людей [*Плискевич*, 2012. С. 61–63]. Так, Россия 1920-х гг. XX в. столкнулась с острым дефицитом высококвалифицированных кадров, необходимых для восстановления экономики и вообще налаживания нормальной жизни после окончания гражданской войны, однако накопленный человеческий потенциал частично был утрачен вследствие прямых военных потерь и массовой эмиграции, частично как бы «законсервировался», и для его актуализации были необходимы институциональные и культурные трансформации[2].

Технологические переходы также становятся вызовами для накопленного человеческого потенциала как высокого, элитарного, так и рутинного уровня. Быстрое внедрение новых технологий обесценивает накопленные ранее практические и когнитивные навыки, квалификацию, а также в более широком плане — способы взаимодействия с окружающей средой и людьми, нормы поведения, мотивацию. Так, в условиях цифровизации, а затем и быстрого распространения искусственного интеллекта исчезают или обречены на исчезновение целый ряд профессий и занятий, в том числе и связанных с высоким уровнем определённой квалификации. При этом оказываются востребованы новые профессии, требующие не обязательно высоких, но качественно иных компетенций [*Кёниг*, 2023. С. 107–108]. Аналогичные процессы происходили при переходе от доиндустриального к индустриальному укладу и, как известно, сопровождались тяжёлыми социальными потрясениями.

В-шестых, представляется особенно важным, что человеческий потенциал может быть *метафорой проактивной деятельности*, свободы воли, способности поступать вопреки нормам и запретам. Дело в том, что турбулентные процессы, происходящие во всех сферах современных обществ, порождают непредвиденные последствия и обстоятельства, в которых прежний опыт, т. е. нормы и стандартные действия оказываются неэффективны. Важнейшим качеством человеческого потенциала становится проактивность

[2] В то же время история экономического роста 1930-х гг. связана не только с крайней централизацией процессов и возможностью концентрации ресурсов на приоритетных направлениях. Не менее важно и то, что в стране, несмотря ни на что, сохранился достаточно значимый слой носителей качественного человеческого потенциала, сформировавшихся и получивших образование до революции и внесших огромный вклад и в экономическое развитие, и в «культурную революцию» [*Балацкий, Плискевич,* 2017]. Обычно это игнорируется.

как способность самостоятельно определять и изменять среду, условия, цели и средства его приложения. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала непригодность устоявшихся норм и институтов как здравоохранения, так и труда и занятости, образования, предпринимательства и т.д. в качественно новой среде и потребовала инновационных решений. Результатом стал рост дистанционных форм взаимодействий в различных сферах, быстрый рост нестандартных форм занятости, активизация новых форм бизнеса, в том числе в интернете[3]. Кроме того, проактивность как качество человеческого потенциала востребуется и в результате усложняющихся геополитических вызовов, экономических санкций, распространения «культуры отмены», попыток изоляции нашей страны. Многократно усложнившиеся условия требуют нестандартных решений от хозяйственников и управленцев, бизнеса, от всех, кто обеспечивает нормальное функционирование социальных институтов и развитие страны вопреки сложившимся обстоятельствам.

В-седьмых, хотелось бы отметить и особую значимость, которую приобретает человеческий потенциал в условиях интенсивной цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в разные сферы жизни общества. Здесь человеческий потенциал может означать *те специфические качества, которые отличают человека, его сознание, мышление, чувствование от машинного интеллекта*. Французский исследователь Г. Кёниг выделяет такие качества, как здравый смысл, чувство юмора, эмпатию, которым невозможно обучить искусственный интеллект, способный их лишь имитировать [*Кёниг*, 2023]. Именно эти качества составляют ничем не заменимый потенциал человека, который, как предполагается, будет особенно востребован в цифровом обществе.

Можно было бы продолжать перечислять разнообразные смыслы метафоры «человеческий потенциал». Она используется разными социальными науками — экономикой, социологией, научным менеджментом, психологией и т.д., что позволяет говорить о её междисциплинарном характере. Кроме того, исследователи отмечают, что метафора «человеческий потенциал» позволяет открывать новые аспекты в уже освоенных предметных областях, новые ракурсы постановки классических проблем, а также актуализировать фронтирные разработки, соединяющие потенциал различных научных подходов и парадигм [*Овчарова, Аникин, Сорокин*, 2023. С. 8].

Таким образом, именно метафорический характер понятия «человеческий потенциал» — не слабая, а сильная его сторона. Ибо сила метафоры именно в неопределённости и неясности, которая мобилизует интуицию и эвристику [*Шмерлина*, 2017. С. 19]. А.И. Кравченко даже утверждает, что «новые яркие метафоры формируют успешную научную теорию», по его мнению, образование новых ярких «живых» метафор — это признак жизнеспособности и продуктивности науки [*Кравченко*, 2016. С. 129]. Д. Макклоски подчёркивает, что невозможно думать об экономике только «на языке математики и логики», не используя метафор, и назвала метафору «самым важным приёмом экономической риторики» [*Макклоски*, 2015. С. 55]. Метафора связывает уже известные области с исследуемыми, неизвестными, позволяет синтезировать исследовательские перспективы и предметные области. Наиболее яркие метафоры в экономической теории, по мнению Д. Макклоски, служат для передачи новаторских идей, а также сравнения экономических теорий с неэкономическими, при этом многозначность метафор делает их эвристические возможности практически неисчерпаемыми [Там же. С. 58–59]. В то же время метафора может и блокировать правильное понимание реальности, если она является лишь продуктом наименования сущего, т.е. лингвистической активности, а не познания, стремящегося

[3] По данным Глобального мониторинга предпринимательства, в 2020 г. в России 21% начинающих предпринимателей отметили, что пандемия открыла для их бизнеса новые возможности (Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчёт. Россия 2020–2021. С. 37. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/2010_11_23_sovkomflot/otchet_2021-red-2_send.pdf (дата обращения: 12.08.2024).

к открытию новых смыслов, к формированию новых концептов и понятий [*Шмерлина*, 2017. С. 19–20].

Представляется, что метафора человеческого потенциала является продуктивной в силу того, что выполняет текстообразующую функцию: она «может стать той ниточкой, начав распутывать которую можно прийти к развитой системе тезисов, понятий, концептуализаций» [*Абрамов*, 2008. С. 28]. Она намечает аналитическую перспективу, формирует исследовательскую установку, которая реализуется в разных предметных и дисциплинарных полях и позволяет концептуализировать человеческие составляющие экономического развития, социальных, культурных и технологических сдвигов.

Таким образом, метафора человеческого потенциала, в отличие от расширенных толкований человеческого капитала, не только шире, поскольку учитывает мотивацию, ценностные ориентации, мировоззренческие, поведенческие и другие личностные особенности работника [*Аникин*, 2017. С. 134]. Она делает больший акцент на институциональных условиях реализации личностных ресурсов индивидов и сообществ в контекстах решения национальных, общегосударственных проблем, связанных с ответами на вызовы становления новых технологических укладов, императивов модернизации и постмодернизации, а в целом — повышения жизнеспособности общества. Именно поэтому широкая метафора человеческого потенциала, которая нередко критикуется исследователями именно за «неопределённость», в современной конкретной ситуации оказалась востребована российскими социальными науками.

В фокусе двух аналитических перспектив: цивилизационный подход к проблематике человеческого потенциала

Анализ человеческого потенциала на национальном уровне, на уровне больших социальных сообществ, требует учёта конкретных исторических условий его формирования. Представляется, что для этого может служить современный цивилизационный подход, плодотворность которого как раз определяется комплексным анализом *структуры—культуры—действия* с учётом исторической контингентности [*Браславский*, 2013]. Одними из первых цивилизационный подход использовали для анализа человеческого потенциала авторы монографии «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» [*Россия как цивилизация*…, 2015], что позволило им получить интересные результаты о влиянии заимствованных в ходе постсоветских реформ институтов на человеческий потенциал российского общества.

Современный цивилизационный анализ используется прежде всего историками, культурологами, социальными философами, во-первых, как альтернатива линейному подходу к исследованиям социальной динамики. В последние десятилетия цивилизационный подход стал востребованным инструментом изучения различных темпов, векторов, типов и результатов современных социально-экономических трансформаций в незападных обществах. Во-вторых, несколько реже он востребован как методологическая альтернатива институциональному и ценностному подходам, рассматривающая их в качестве *среды действий* людей, создаваемой их активной деятельностью. При этом в социальных науках он характеризуется именно как аналитическая перспектива, рассматривающая различные аспекты жизни общества под углом зрения человеческой активности, не просто включённой в институциональные и культурные контексты, но активно их создающей в условиях исторической контингентности [*Браславский*, 2013].

При всём многообразии определений цивилизации и её аналитической направленности, я остановлюсь на подходе Ш. Эйзенштадта. На мой взгляд, он в наибольшей степени отражает перспективу цивилизационных исследований, предполагающую интегриро-

ванный макро-микро анализ, объединяющий действия, институциональные структуры, культурные и духовные ценности, помещённые в контексты исторической уникальности каждого конкретного общества [*Eisenstadt*, 2003a. P. 17].

По Ш. Эйзенштадту, понятие цивилизации предполагает зародившиеся в «осевое время» представления об идеальном трансцендентном порядке, задающие базовые онтологические и космологические концепции, духовные и культурные ориентиры и институциональные способы регулирования различных «арен» социальной жизни с целью разрешения экзистенциального противоречия между трансцендентным идеалом и реальностью. При этом каждая цивилизация порождает множество альтернативных духовных, культурных, идеологических, символических систем и соответствующих им нормативно-институциональных способов регуляции хозяйственной, социальной, политической, повседневной жизни, воплощаемых посредством активности социальных агентов [*Eisenstadt*, 2003b. P. 34].

Исследователи обращают внимание на то, что Ш. Эйзенштадт выделяет не какую-либо центральную «культурную программу», из которой развивается цивилизация, а широкую «проблематику» как совокупность идей, проблем, перспектив, доступных для обсуждения. Анализ этой проблематики приводит к различным, в том числе и противоположным, взаимоисключающим, конфликтующим интерпретациям, что, в свою очередь, открывает возможности дальнейших исследований человеческой активности и креативности [*Браславский, Козловский*, 2023. С. 118]. Многообразие реальных воплощений христианской, исламской, буддийской и т.д. культурных повесток и соответствующих регулятивных институтов в различных регионах мира демонстрирует не только способы реализации цивилизационных «повесток», но и влияние на них конкретных исторических условий. Под влиянием исторической контингентности из единой повестки развиваются практически автономные цивилизационные проекты, такие как североамериканская цивилизация, существенно отличающаяся от европейской, или российская «цивилизация-государство».

Рассмотрим несколько важных пересечений цивилизационной аналитической перспективы в интерпретации Ш. Эйзенштадта и исследований человеческого потенциала. Прежде всего он представляется наиболее перспективным для исследований человеческого потенциала конкретных обществ, поскольку рассматривает человеческую активность и креативность в контекстах возможностей и ограничений, накладываемых культурной и институциональной сферами, а также фундаментальной неопределенности человеческого существования, инициирующей постоянное конструирование и обновление социального порядка и культуры [*Eisenstadt*, 1998. P. 39].

Как мы видим, цивилизации гетерогенны, они включают различные типы социальной активности, формируют соответствующие виды востребованного человеческого потенциала, цивилизационные процессы создают условия для развития личности в различных социальных группах и, в конечном счёте, условия для жизнеспособности конкретных обществ. В качестве примера можно привести западноевропейскую Реформацию, сформулировавшую в XVI в. новые мотивационные принципы для повседневной мирской активности и, таким образом, давшую мощный импульс для развития капиталистической экономики и развития рациональных институтов в различных областях жизни общества (М. Вебер). В культуре России также всегда присутствовали альтернативные варианты повестки, каждая из которых по-своему представляла человека и основания для развития человеческого потенциала. Различные интерпретации базовых ценностей православия и институтов, регулирующих жизнь верующих и задающих монашеский идеал в XV в., предлагали стяжатели и нестяжатели, идеи вселенского православия и имперского устроения общества латентно утверждали реформы патриарха Никона в XVII в. в противоположность национальной замкнутости старообрядческой Руси. Западники и славянофилы, затем евразийцы и другие сторонники цивилизационной специфики России с XIX в. и по сей день предлагают различные варианты развития страны, суть которых кратко можно

сформулировать как альтернативу автономной личности, защиты индивидуальных прав и свобод, индивидуальной ответственности, с одной стороны, и приоритета коллективизма, сильного государства, олицетворяющего общие интересы и цели, поддерживающего идеал социальной справедливости, — с другой. Ясно, что столь разные предполагаемые видения человека, его отношения с обществом и государством предполагают и формирование различного человеческого потенциала, прежде всего в его мотивационной, социокультурной и социально-психологической составляющей [*Тихонова*, 2023. С. 18].

Как известно, Н.А. Бердяев предложил рассматривать историю и культуру России сквозь призму антиномий национального сознания. А.С. Ахиезер рассматривал российскую цивилизацию через оптику расколов и инверсионных переходов между соборным и авторитарным идеалами на протяжении её более чем тысячелетней истории [*Ахиезер*, 1997]. А.А. Аузан говорит о «двухъядерной» экономической культуре и биполярности России: К-Россия — коллективистские ориентации, преобладающие на большей части территории европейской части страны, за исключением мегаполисов, и И-Россия — индивидуалистические ориентации, преобладающие к востоку от Урала и в мегаполисах. По мнению учёного, это «два рычага» для развития России, поскольку каждый из них создаёт собственный специфический человеческий потенциал. И-Россия — это потенциал инноваций, конкуренции, демократических институтов, а К-Россия — потенциал стабильности, постепенных изменений, солидарности, взаимопомощи [*Аузан*, 2023. С. 70–72]. Задача состоит в том, чтобы использовать потенциалы обеих в качестве «моторов» развития, избегая их «взаимной блокировки» [Там же. С. 76].

Попытки искусственного заимствования и насаждения ценностей и институтов оказываются непродуктивными для развития человеческого потенциала вследствие его глубокой укоренённости в цивилизационных основаниях общества. В определённый момент «чужие» институты вступают в противоречие с условиями воспроизводства человеческого потенциала, начинают тормозить его развитие и снижать его уровень, одновременно понижая и уровень жизнеспособности как групп и сообществ, так и общества в целом [*Россия как цивилизация*…, 2015. С. 368–369].

Примером могут служить интенсивные заимствования институтов западного образца в постсоветский период в 1990-х гг. и позже, в том числе в тех сферах жизни общества, которые непосредственно формируют человеческий потенциал и создают условия для его применения. Деиндустриализация привела тогда к массовой деградации человеческого потенциала инженеров и квалифицированных рабочих, а также рабочих среднего уровня квалификации, поскольку разрушались институты, его востребующие. Это не значит, что общество и экономика объективно в них не нуждались, их недостаток ощущается отечественной экономикой до сих пор, а снижение уровня профессионального образования в этих областях препятствует их восполнению. Распад жёсткой идеологической системы, деидеологизация образования и воспитания в условиях отсутствия институциональных альтернатив привели к снижению способности общества противостоять распаду нравственных ориентиров, росту преступности, деструктивного и саморазрушительного поведения в различных социальных группах. Подобных примеров из истории можно привести много, в том числе реформирования систем образования и здравоохранения с нехарактерной для нашей страны ориентацией на «рентабельность» и «финансовую эффективность», приведшую к серьёзнейшим проблемам в обеих, и как результат — к снижению уровня национального человеческого потенциала, жизнеспособности общества.

Ещё одно преимущество цивилизационной теории Ш. Эйзенштадта — его идея модернизации как «вторичных осевых прорывов», вызванных новыми экзистенциальными противоречиями, требующими решения на цивилизационном уровне. Й. Арнасон считает таким экзистенциальным противоречием равно значимые императивы автономии личности и социального контроля, которое, в свою очередь, порождает противоречия

в сферах политики, экономики, идеологии и познания [*Арнасон*, 2011. С. 14]. Решение этих противоречий было связано с поисками новых институциональных порядков, регулирующих действия социальных агентов, и новых культурных, символических форм их осмысления. Модернизационные трансформации, произошедшие сначала в странах Запада, а затем распространившиеся по всему миру, продемонстрировали, с точки зрения Эйзенштадта, «множественность модерностей» как цивилизационных ответов на вызовы современности [*Eisenstadt*, 2000].

В свете этой идеи цивилизационной теории Эйзенштадта раскрывается целый ряд проблем трансформаций человеческого потенциала в условиях модернизации. Прежде всего модернизация ставит под сомнение адекватность потребностям общества накопленных ранее квалификации, знаний и опыта, поскольку прежняя мотивация и творческая активность агентов оказалась бессмысленной. Институты, регулирующие производство и использование человеческого потенциала, также быстро разрушаются, утрачивая прежнюю значимость. Так, в период интенсивного развития промышленного капитализма ремесленное производство повсеместно не выдерживало конкуренции с фабричным, а квалификация ремесленника, пусть даже виртуоза, уступала на рынке массовым навыкам фабричного рабочего. В то же время, множественные ответы на вызовы модернизации предполагают, что накопленный в каждой цивилизации человеческий потенциал разных типов может по-разному проявить себя в период трансформаций и кризиса и вызвать к жизни новые формы адаптации общества к культуре модернити.

Социалистический период в истории России стал с точки зрения теории «множественных модерностей» «коммунистическим вариантом модерна» [*Эйзенштадт*, 1999. С. 239–240; *Арнасон*, 2011]. Необходимость ускоренной индустриализации в условиях централизованной плановой экономики и качественно новые задачи, стоявшие перед обществом, потребовали и новое качество человеческого потенциала как на элитарном, так и на массовом уровне. Организатор и заведующий Центрального института труда в 1920-х гг. А.К. Гастев утверждал: «Очевидно, тот тип культурного человека, который нам придётся создавать в унисон с развивающимся хозяйством, будет характеризоваться не теми чертами, которые интересовали старую русскую, — начитанную, но неряшливую интеллигенцию... Самая культура в нашем понимании — есть не что иное, как техническая и социальная сноровка» [*Гастев*, 1972. С. 95]. Сопровождавшая советскую индустриализацию культурная революция как раз была призвана сформировать человеческий потенциал нового типа, сочетающий техническую квалификацию, соответствующую уровню индустриального общества, с идеологически инспирированной мотивацией «строителя нового общества».

В то же время сама процитированная мысль Гастева несёт в себе противоречие. Он акцентирует внимание на развитии необходимых быстро расширяющемуся промышленному производству знаний, без которых невозможна работа в новых условиях. Однако такой подход может удовлетворять требованиям к человеческому потенциалу невысокого уровня. Чем выше требования к человеческому потенциалу, тем выше должна быть общекультурная подготовка его носителей. Без этого даже специальные знания не дают полной отдачи. А доступ к таким знаниям был ограничен идеологически. При этом, чем выше уровень культуры носителя человеческого потенциала, тем сложнее ему существовать в рамках жёстких идеологических ограничений. В целом пренебрежение общекультурным развитием (которое проявляет и Гастев, говоря о «начитанной, но неряшливой» интеллигенции прошлого) — фактор, влияющий на качество человеческого потенциала. Об этом периоде нашей истории академик М.Л. Гаспаров сказал: «культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает» [*Гаспаров*, 2008. С. 192].

На протяжении нескольких десятилетий советский вариант модерна демонстрировал высокие темпы развития, главным образом благодаря мотивационной составляющей

мобилизационного типа. Во время Великой Отечественной войны эта мотивация оказалась спасительной, позволила в крайне сложных условиях перестроить экономику и победить, хотя и ценой колоссальных потерь. Однако неизбежное ослабление мобилизационной составляющей привели к застою и нарастанию кризиса, который и продемонстрировал тупиковый характер советского варианта модерна.

Тем не менее до сих пор сторонников социалистического выбора в нашей стране больше, чем капиталистического: по данным опроса, проведённого Институтом социологии РАН в 2024 г., в социалистическом обществе хотели бы жить 43% опрошенных, а в капиталистическом — 15% (затруднились с ответом 34%) [*Как живёшь*, *Россия*?..., 2024. С. 46]. Придерживаются точки зрения, что у России должен быть *свой особый путь развития*, основанный на традиционных представлениях о справедливом экономическом устройстве в стране и в мире, 51% респондентов [Там же. С. 57].

Сторонники западной капиталистической экономики составляют меньшинство: 4% хотели бы, чтобы российская экономика развивалась по тому же пути, что США и страны Западной Европы, 13% — сторонники «шведского социализма» [Там же]. В то же время согласно исследованиям западники составляют в современной России небольшую (около 7% в массовых слоях населения), но стабильно присутствующую во всех слоях российского общества группу, характеризующуюся сходными взглядами на отношения и приоритеты интересов личности, общества и государства, пессимистически и недоверчиво смотрящую на окружающую реальность и будущие перспективы. Западники чаще встречаются среди групп с высоким уровнем культурного и человеческого потенциала — предпринимателей и самозанятых, лиц с качественным высшим образованием во втором и более поколении, в крупных городах, среди молодёжи из высокообразованных семей, получившей качественное образование, в том числе и за границей, но везде, кроме последней группы, они составляют меньшинство [*Тихонова*, 2023]. Это подтверждает факт, что западническое мировоззрение, появившееся в России в XVIII в. и распространившееся в XIX в., продолжает оставаться стабильным и, в силу высокого человеческого потенциала его носителей, достаточно влиятельным альтернативным цивилизационным проектом.

Цифровизация рассматривается как распространение нового технологического уклада, однако она столь сильно влияет на социальные, экономические, трудовые и прочие отношения, когнитивные и деятельностные составляющие общества, что её, как представляется, можно рассматривать как ещё одну «вторичную осевую революцию». Цивилизационный подход позволяет анализировать многие процессы, сопряжённые с цифровыми трансформациями производства и использования человеческого потенциала в разных обществах, в частности объяснить цивилизационную природу западных технологий манипулирования «nudge» (незаметное подталкивание к желаемым действиям) [*Кёниг*, 2003. С. 157–158], и китайские «социальные рейтинги». С позиций цивилизационного анализа можно также и рассмотреть вариант цифровизации для России, который был бы наиболее эффективен для использования и развития национального человеческого потенциала.

Ещё одно значимое пересечение аналитической перспективы исследований человеческого потенциала с цивилизационной аналитической перспективой в социальном знании состоит в значимости способностей *действовать вопреки* установленному институциональному порядку и общепринятым ценностям, которая рассматривается не как социальная патология, а как важнейший элемент цивилизационного устроения, обеспечивающий развитие общества. Ш. Эйзенштадт придавал большое значение протестным, революционным, еретическим и т.п. движениям, инакомыслию, благодаря которым выдвигаются конкурирующие идеи и символы, а также соответствующие им способы институциональной регуляции «арен» социальной жизни, осуществляются социальные трансформации. В его работах, посвящённых протестным движениям и революциям [*Эйзенштадт*, 1999],

показано, как они повышают жизнеспособность обществ и социальных общностей в ситуациях изменения внутренних и внешних условий их существования. Выбор маргинального в рамках цивилизационной повестки России коммунистического варианта модернизации, изначально продвигавшегося незначительной группой революционеров, в начале XX в. был обусловлен несостоятельностью реализованного варианта развития в условиях войны и экономического кризиса, его неспособности как полноценно использовать накопленный человеческий потенциал, так и развивать адекватные потребностям его развития формы, такие как креативность и инициатива.

Безусловно, не все проявления инакомыслия оказываются продуктивными и для цивилизационного развития, и для накопления человеческого потенциала. Однако поиски альтернативных сценариев, ведущиеся в их контекстах, даже если эти сценарии отвергаются, способствуют развитию и закреплению таких важных сегодня качеств человеческого потенциала, как инновативность, проактивность, способность видеть мир иначе и принимать ответственные решения.

Как мы видим, цивилизационная аналитическая перспектива может многое дать для понимания процессов накопления и реализации человеческого потенциала в России, выявить препятствия и перспективы его развития.

Заключение

Понятие «человеческий потенциал» может быть весьма эвристически плодотворным, если его рассматривать как многослойную метафору. Различные смыслы, которые можно раскрыть через неё, существенно расширяют предметные области исследований возможностей человека как работника и активного агента разнообразных социальных практик, способствующих повышению жизнеспособности общества. Цивилизационная аналитическая перспектива представляется адекватным подходом к анализу человеческого потенциала конкретного общества, поскольку рассматривает активную агентность в культурно-символических и структурно-институциональных контекстах с учётом исторической контингентности, что особенно важно, поскольку последняя часто выпадает из предметного поля исследователей.

Подход к анализу цивилизаций, обоснованный Ш. Эйзенштадтом и его последователями, показывает, что каждая цивилизация формирует не какой-то специфический «самобытный» человеческий потенциал в соответствии со своим «культурным кодом», а многообразные потенциалы акторов, вовлечённых в различные, нередко конфликтующие, интерпретации цивилизационной повестки и построение соответствующих институтов социальной регуляции. Какой именно из возможных типов человеческого потенциала будет наиболее востребован и получит приоритетные возможности реализоваться, определяет как исторический выбор, так и стечение обстоятельств. Именно здесь есть возможности для целенаправленного формирования человеческого потенциала необходимого типа.

Концепция «множественной модерности» в рамках цивилизационного подхода Ш. Эйзенштадта предполагает много вариантов «вторичного осевого прорыва», каждый из которых обусловлен цивилизационной повесткой конкретного общества в конкретное время. С этой точки зрения прямое заимствование как «наиболее эффективного» западного пути невозможно, поскольку каждое общество совершает свой собственный переход к современности, но его поиски могут приводить к срывам и деструктивным тенденциям внутри обществ, подобно «коммунистическому варианту модерна» в России или маоистском Китае, приводящим к потере нереализованного человеческого потенциала. Невозможно и простое заимствование институтов производства и использования человеческого потенциала, если они не соответствуют цивилизационной повестке.

Периоды социальных трансформаций и турбулентности могут быть деструктивны для человеческого потенциала, но и могут дать импульс для его обновления и развития в качественно новых направлениях. Инакомыслие, способность действовать вопреки правилам и запретам, протестные и революционные движения, рассматриваемые в рамках цивилизационной теории Ш. Эйзенштадта как важный фактор обновления общества, способствуют, в конечном счёте, повышению его жизнеспособности, что подтверждает высочайшую значимость креативности и инновативности как составляющих человеческого потенциала общества.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абрамов Р.Н. (2008). Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии [*Adramov R.N.* (2008). Definitionist Metaphor in Theoretical Sociology] // *Социологический журнал*. 2008. № 4. С. 23–34.

Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки [*Anikin V.* (2017). Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations] // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120–156.

Арнасон Й. (2011). Коммунизм и модерн [*Arnason J.* (2011). Communism and modernity] // *Социологический журнал*. № 1. С. 10–35.

Аузан А.А. (2023). *Культурные коды экономики*. [*Auzan A.A.* (2023). Cultural Codes of the Economy]. — М.: Издательство АСТ.

*Ахиезер А.*С. (1997). *Россия: критика исторического опыта.* Т. 1. [*Akhiezer A.S.* (1997). Russia: Criticism of Historical Experience]. — Новосибирск: Сибирский хронограф.

Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события [*Balatskiy E., Pliskevich N.* (2017). Economic Growth in the Context of Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Modern Events] // *Мир России*. № 4. С. 97–117. DOI:10.17323/1811-038X-2017-26-4-71-96.

Браславский Р.Г. (2013). Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии [*Braslavskiy R.G.* (2013). Civilizational Theoretical Perspective in the Sociology] // *Социологические исследования*. № 2. С. 15–24.

Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2023). Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта [*Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V.* (2023). Civilizational Turn in the Contemporary Sociology: The Contribution of S.N. Eisenstadt] // *Социологические исследования.* № 10. С. 116–125. DOI: 10.31857/S013216250028309-2

Бычкова О., Гладарев Б., Хархордин О., Цинман Ж. (2019). *Фантастические миры российского хай-тека*. [*Bychkova O., Gladarev B., Kharkhordin O., Tsinman Zh.* (2019). Fantastic worlds of Russian high-tech]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гаспаров М.Л. (2008). *Записи и выписки* [*Gasparov M.L.* (2008).Recordings and extracts]. — М.: Новое литературное обозрение.

Гастев А.К. (1972). *Как надо работать* [*Gastev A.K.* (1972). How to work]. — М.: Экономика.

Зарубина Н.Н. (2015). Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте [*Zarubina N.* (2015). The Civilizational and Institutional Contexts of Innovation-Driven Development in Russia] // *Мир России*. № 2. С. 28–49.

Заславская Т.И. (2005). Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. [*Zaslavskaya T.I.* (2005). Human Potential in the Modern Transformation Process] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–16.

Как живешь, Россия? (2024). *Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года:* Бюллетень / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др. [*How are you doing, Russia?* (2024). Express Information. Stage 54 of Sociological Monitoring, April 2024. (2024)]. — М.: ФНИСЦ РАН.

Капелюшников Р.И. (2012). *Сколько стоит человеческий капитал России?* [*Kapelyushnikov R.I.* (2012). How Much is Russia's Human Capital Worth?]. Препринт WP3/2012/06. Серия WP3. Проблемы рынка труда. — М.: НИУ ВШЭ.

Кёниг Г. (2023). *Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта.* [*Koenig G.* (2023). The End of the Individual. A Philosopher's Journey to the Land of Artificial Intelligence]. — М.: Individuum.

Кравченко А.И. (2016). Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? [*Kravchenko A.I.* (2016). Metaphors in Sociology: New Perspectives or a Path to Nowhere?] // *Социологические исследования*. № 7. С. 125–133.

Макклоски Д. (2015). *Риторика экономической науки.* [*McCloskey D.* (2015). The Rhetoric of Economics]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Овчарова Л.Н., Аникин В.А., Сорокин П.С. (2023). Введение. [*Ovcharova L.N., Anikin V.A., Sorokin P.S.* (2023). Introduction] // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований*. — М.: ВЦИОМ. С. 5–9.

Плискевич Н.М. (2012). *Человеческий капитал в трансформирующейся России.* [*Pliskevich N.M.* (2012). Human Capital in a Transforming Russia]. — М.: Институт экономики РАН.

Плискевич Н.М. (2022). Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации [*Pliskevich N.M.* (2022). Institutions, Values, and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization] // *Мир России.* Т. 31. № 3. С. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53.

Плискевич Н.М. (2024). Человеческий капитал профессионалов в современной России (размышления над новой книгой Н.Е. Тихоновой и её коллег) [*Pliskevich N.M.* (2024). Human Capital of Professionals in Modern Russia (Reflections on the New Book by N.E. Tikhonova and Her Colleagues)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 165–179. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2024_1_165_179.

Радаев В.В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [*Radaev V.V*. (2002). The Concept of Capital, Forms of Capital and their Conversion] // *Экономическая социология*. Т.3. № 4. С. 20–32.

Россия как цивилизация: материалы к размышлению. (2015). [Russia as a Civilization: Materials for Reflection (2015)]. — М.: Издательство журнала «Мир России».

Сахарновский С.Н. (2012). Институциональные факторы формирования человеческого потенциала [*Sakharovsky S.N*. (2012). Institutional Factors of Human Potential Foundation] // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 4. № 2. С. 83–92.

Соболева И.В. (2022). Риски подхода с позиций человеческого капитала для устойчивого развития [*Soboleva I.V.* (2022). Risks of a Human capital approach to sustainable development] // *Экономическое возрождение России.* № 1. С. 120–128. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-120-128.

Сорокин П.С., Позднухова Е.А. (2023). «Человеческий потенциал»: концептуализация понятия и обзор современных полидисциплинарных дискуссий через призму социологии. [*Sorokin P.S., Pozdnukhova E.A*. (2023). «Human Potential»: Conceptualization of the Concept and Review of Modern Multidisciplinary Discussions through the Lens of Sociology] // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований.* — М.: ВЦИОМ. С. 26–39.

Тихонова Н.Е. (2020). Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала [*Tikhonova N.E.* (2020). Russian Professionals: Specific of Jobs and of Human Potential. DOI: 10.31857/S013216250010300-3] // *Социологические исследования*. № 10. С. 71–83.

Тихонова Н.Е. (2023). Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения [*Tikhonova N.E.* (2023). The Worldview of Supporters of the Western Path of Development for Russia among the General Population] // *Мир России.* № 4. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35.

Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2023). *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы* [*TikhonovaN.E., Latov Yu.V., Latova N.V., Karavay A.V. Slobodenyuk E.D.* (2023). Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors]. — М.: ФНИСЦ РАН.

Шмерлина И.А. (2017). Метафора — когнитивный барьер (на примере использования понятия «институт») [*Shmerlina I.A.* (2017). Metaphor as a Cognitive Obstacle (Exemplyfied by the Concept «Institute»] // *Социологические исследования.* № 10. С. 15–25. DOI: 10.7868/S0132162517100026

Эйзенштадт Ш. (1999). *Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций*. [*Eisenstadt S.N.* (1999). Revolution and transformation of society. Comparative study of civilizations]. — М.: Аспект-Пресс.

Eisenstadt S.N. (1998). Comparative Studies and Sociological Theory: Autobiographical Notes // *The American Sociologist*. Spring 1998. Pp. 38–58.

Eisenstadt S.N. (2000). Multiple Modernities // *Daedalus.* Vol. 129. No. 1. Pp. 1–29.

Eisenstadt SN. (2003a). Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities.* Vol. 1. — Brill Academic Pub. Pp. 1–32.

Eisenstadt S.N. (2003b).The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1. — Brill Academic Pub. Pp. 33–56.

Зарубина Наталья Николаевна
n.zarubina@inno.mgimo.ru

Natalya Zarubina
Dr. Sc. (Philos.), professor MGIMO University, Moscow
n.zarubina@inno.mgimo.ru

SCIENTIFIC METAPHOR «HUMAN POTENTIAL»: ANALYTICAL CAPABILITIES OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH

Abstract. The article examines the concept of "human potential", which has recently become widespread in the social sciences. It is shown that considering it as a multi-valued scientific metaphor opens up the prospect of research into the role and place of man in modern processes of economic and social development, in the sphere of labor and social creativity, and innovative activity. The difference from the already well-known concept of "human capital" consists not only in taking into account the personal qualities of the individual, but in new angles of research into the institutional and cultural conditions for the acquisition and accumulation of various resources, as well as the possibilities for their implementation in professional and labor, creative, social, cultural and other contexts. The metaphor "human potential" allows us to take into account and explore the connection between the past, present and future in its accumulation and implementation, as well as the connection between the individual and the collective, personal and institutional in the process of acquisition, accumulation and implementation. The modern civilizational analytical perspective, as interpreted by S. Eisenstadt, is considered as a fruitful methodological approach that allows one to study the activity of social agents in specific cultural and institutional conditions and taking into account historical contingency, i.e. explore the specifics of the human potential of specific social communities at a specific point in time. A civilizational analysis of human potential makes it possible to reveal the features of its historical formation and implementation, the nature of its diversity, dynamics in conditions of social transformation, the significance of dissent and protest movements in the emergence of new forms of human potential. The idea of "multiple modernities" substantiates the uniqueness of the paths to the formation of modern human potential of societies belonging to different civilizations. The civilizational approach also makes it possible to explain the diversity of responses of different societies to the challenges of digitalization for their human potential. The conclusion is drawn about the fruitfulness of civilizational analysis in studying the possibilities of forming and realizing the human potential of Russian society in the context of modern geopolitical challenges.

Keywords: *human potential, scientific metaphor, social transformations, institutions, civilizational analytical perspective, «multiple modernities», digitalization.*
JEL: A11, A12, A13, B41, B50.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Л. Римский
старший преподаватель, Московский психолого-социальный университет (Москва)

СПРАВЕДЛИВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЦЕННОСТЬ И КАК РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (Часть 1. Социальное государство)[1]

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, которое проводилось с целью выявления представлений и мнений российских граждан о справедливом социальном государстве и их приоритетах в деятельности государства такого типа. Полевая часть исследования включала онлайн фокус-группы и онлайн массовый анкетный опрос граждан на эффективной выборке (1003 респондента из жителей городов России с населением от 100 тыс. человек из всех федеральных округов). Подавляющее большинство российских граждан желает видеть государство правовым и социальным, но по их оценкам российское государство должно ещё развиваться в направлении социального, решив немало проблем. Среди таких проблем участники исследования указывали на необходимость повышения уровня пенсий, пособий и других социальных выплат, снижения уровня неравенства благосостояния разных социальных групп, снижения уровня бедности, преодоления бюрократизма и коррупции и др. Отмечали они и необходимость улучшения взаимодействий государства с гражданами, чтобы государство слушало своих граждан и делало то, что нужно им. При этом разные поколения российских граждан имеют разные приоритеты в развитии социального государства. Так, представители старшего поколения образец социального государства видели в советском государстве, но, как и другие поколения, не в уравнивании доходов всех граждан, а в обеспечении благосостояния по их заслугам. Подавляющее большинство граждан (74%) считает необходимым для государства обеспечение баланса между развитием экономики и решениями социальных проблем, но только меньшинство их (40%) отмечает наличие такого баланса в деятельности современного российского государства.

Ключевые слова: *справедливое социальное государство, характеристики социального государства, справедливость, принципы справедливости.*
JEL: D70, D71, D73, H10, H70
УДК: 316.3, 316.47, 334.02
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_175_196
© В.Л. Римский, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Римский В.Л.* Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских граждан (Часть1. Социальное государство) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 175–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_175_196.

FOR CITATION: *Rimskiy V. A* Fair Social State as a Value and as a Reality for Russian Citizens (Part 1. Social State) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 175–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_175_196.

[1] Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта № 123091200057-8, который в 2023–2024 гг. выполнялся в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Цель, методология, конкретные методики и основные этапы исследования

Конституция Российской Федерации определяет наше государство как социальное в соответствии с нормами ст. 7, которые конкретизируются некоторыми другими статьями, например, о правах и свободах граждан (ст. 37–44), защите семьи, материнства и детства (п. ж.1 ст. 72) и некоторыми другими. Все эти конституционные нормы определяют социальные обязательства российского государства перед гражданами, которые были подтверждены и несколько расширены в ходе внесения изменений в Конституцию РФ по результатам общенародного обсуждения и голосования в 2020 г. (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Конституционные нормы социального государства в России конкретизируются в законодательстве, определяя какие социальные группы и по каким правилам могут получить и получают поддержку от государства.

В течение более чем тридцати лет с 1993 г., когда понятие социального государства было впервые включено в Конституцию РФ, общество, экономика и государство постоянно менялись, меняя и социальное государство в нашей стране. О. Александрова выделяет три этапа в развитии социального государства в постсоветской России [*Александрова,* 2022. С. 10–13], отличавшиеся условиями функционирования государства и общества. По её периодизации первый этап осуществлялся в 1990-е гг. Как известно, в начале этого этапа произошёл распад СССР, отказ России от социалистического пути развития и переход к капитализму. В этот период государство осуществляло минимальные социальные программы вследствие постоянного дефицита государственного бюджета. На втором этапе от начала 2000-х гг. до мирового финансового кризиса 2008 г. сначала происходил восстановительный рост экономики после дефолта 1998 г., а затем экономический рост продолжился в связи с благоприятной конъюнктурой цен на энергоносители — основного товара российского экспорта. Рост государственных доходов позволил несколько увеличить финансирование социальной сферы, но уровни зарплат, пенсий и различных государственных пособий оставались низкими. На третьем этапе в 2010-е и последующие годы происходят существенные изменения в социальной сфере вследствие начавшейся в 2010 г. реформы бюджетных учреждений. Резко выросли объёмы платных услуг государственных и муниципальных учреждений в образовании, медицине и других областях. Государство стало обеспечивать эффективность использования финансовых и материальных ресурсов в социальной сфере за счёт, с одной стороны, роста объёмов платных услуг государственных и муниципальных учреждений в образовании, медицине и других областях, а с другой — сокращения числа таких учреждений и персонала в них.

Это лишь краткое описание более чем тридцатилетнего развития социального государства в постсоветской России с момента принятия Конституции РФ в декабре 1993 г. Упомянутые выше поправки в Конституцию РФ 2020 года (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) стали определённым итогом этого развития, превратив в конституционные нормы некоторые дополнительные социальные гарантии гражданам. Таковы нормы о том, что минимальный размер оплаты труда не должен быть меньше прожиточного минимума трудоспособного населения страны, что пенсии должны индексироваться не реже одного раза в год и что граждане имеют право на обязательное социальное страхование, адресную социальную поддержку, а также индексацию социальных выплат. Но анализ уже пройденных этапов развития социального государства позволяет сделать негативный прогноз о том, что эти дополнительные конституционные гарантии вряд ли будут способствовать решению многих проблем, препятствующих обеспечению достойной жизни и свободного развития граждан в соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ. Эти конституционные гарантии никак не способствуют повышению уровней пенсий и социальных пособий, остающихся низкими. Не влияют они и на сниже-

ние уровня различий в доходах и благосостоянии разных социальных групп российского общества. Не отменяют они и осуществляемую коммерциализацию социальной сферы [*Болдырев,* 2020. С. 75], дополнительно снижающую уровень жизни низко- и малообеспеченных российских граждан.

Не получила удовлетворительного для российских граждан решения и проблема обеспечения социальной справедливости. Многолетние общенациональные исследования российского общества, осуществлённые в течение постсоветского периода Институтом комплексных социальных исследований и Институтом социологии РАН (ныне Институт социологии ФНИСЦ РАН), показывают, что, с одной стороны, субъективные восприятия социальных неравенств российскими гражданами поддерживают их представления о нарушениях социальной справедливости в обществе. С другой стороны, обеспечение справедливости в обществе — одна из самых существенных проблем для массового сознания в России [*Горшков* 2023. С. 151, 154]. Этот комплекс проблем высокого уровня социального неравенства и представлений граждан о низком уровне социальной справедливости является одним из значимых обоснований вывода о недостаточной развитости, определённой слабости социального государства в нашей стране [*Лапин, Ильин, Морев*, 2020. С. 21; *Плискевич*, 2020].

Многолетние исследования Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ РАН) также показывают существование значимого для российских граждан запроса на социально ответственное государство, направляющее свою деятельность на обеспечение их благополучия. Однако около 50% респондентов массового анкетного опроса 2021 г. не видели «усилий государства в этой области» [*Великая, Чиряева*, 2022. С. 20]. В том же исследовании были обнаружены весьма позитивные оценки респондентами выполнения государством своих социальных обязательств в отдельных областях. Так, более половины респондентов указали на выполнение государством своих обязанностей в обеспечении гарантий прав на выбор профессии (73%), защиты материнства и детства (70%), прав на отдых (66%), на получение информации (59%), на социальное обеспечение и пенсии (56%), охрану здоровья и медицинскую помощь (51%). Ниже были оценки респондентами обеспечения государственных гарантий прав на бесплатное образование (50%), жильё (40%), судебную защиту прав и свобод граждан (39%), благоприятную окружающую среду (39%), свободу мысли и слова (38%) и обеспечение равенства перед законом и судом (23%) [Там же. С. 20–21].

Это сравнительно недавнее исследование ИСПИ РАН можно считать направленным на запрос российских граждан на социальное государство. Исследователи делают вывод, что развитие социального государства в нашей стране определяется не только осуществлением эффективной социальной политики государства, но и тем, насколько сами граждане окажутся способными повлиять на реализацию этой политики в собственных интересах [*Великая, Чиряева,* 2022. С. 22]. Можно добавить, что для обеспечения такого влияния мнения и оценки российскими гражданами социального государства должны быть известны органам власти и представляться им достаточно обоснованными. А для этого необходимо продолжение исследований социального государства социологическими методами, потому что иначе невозможно обеспечить соответствие реалий социального государства ожиданиям граждан от его функционирования.

Как свидетельствуют многие социологические исследования, российские граждане именно от государства ожидают обеспечения справедливости в обществе. По результатам наших предшествующих исследований, значимая причина состоит в том, что, с одной стороны, российские граждане используют разнообразные принципы и критерии справедливости для оценки практически всех социальных взаимодействий в своей жизни. Но, с другой стороны, большинство из них не доверяют обеспечение справедливости никаким другим субъектам, кроме государства [*Римский,* 2019. С. 169]. Поэтому целесообразно

продолжать изучать комплексный запрос граждан на справедливое социальное государство и оценок, насколько их запрос реализуется в деятельности органов государственной власти.

Основной целью нашего исследования было выявление представлений и мнений российских граждан о справедливом социальном государстве и их приоритетов. Кроме того, необходимо было определить, какие принципы реализации справедливости в социальной сфере предпочитают граждане в действиях государства, а какие они реально наблюдают.

В соответствии с целью была разработана методология исследования, которая использовалась нашим научным коллективом при выполнении 2019–2021 гг. исследовательских проектов № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» и № 20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества», осуществлённых при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

Общей методологией этих исследований была теория справедливости Л. Болтански и Л. Тевено [*Болтански, Тевено*, 2013]. Принципы справедливости в реализуемой государством социальной политике определялись в соответствии с их классификацией по мирам справедливости Болтански и Тевено. На основе своего анализа они выделили шесть миров справедливости, указав, что их может быть определено и больше, например, по иным критериям или в зависимости от целей исследований. В наше исследование в качестве стимулов для ответов его участников было решено включить некоторые принципы справедливости миров Болтански и Тевено. А для адаптации к российской реальности было решено также добавить к ним некоторые социалистические принципы справедливости, декларировавшиеся и частично реализованные в советский период развития нашей страны. Целями формирования такого набора принципов справедливости были, с одной стороны, обеспечение достаточного для анализа их разнообразия, а с другой — их сравнительно небольшого количества для использования в эмпирической части нашего исследования.

По результатам проведённой концептуализации положений теории справедливости Болтански и Тевено [*Болтански, Тевено*, 2013. С. 252–328; *Ковенева,* 2008. С. 11–14; *Наумова,* 2014. С. 248] для нашего исследования был сформирован следующий набор:

- *из мира вдохновения*: служение другим и общему благу с помощью реализации своего вдохновения и даже гениальности. Эти принципы справедливости было решено не применять, поскольку их не применяет государство;
- *из патриархального мира*: соответствие положению в социальной иерархии, соответствие социальному статусу, заслугам индивида перед этой иерархией, учёт личных добродетелей индивида;
- *из мира репутаций*: на основе поддержки общественного мнения большинства общества и распространённой в обществе моды на те или иные мнения и оценки. Эти принципы справедливости государство применяет, но результаты предыдущих исследований показали скорее негативное отношение к ним российских граждан. По этой причине и для сокращения набора принципов справедливости в нашем исследовании эти принципы справедливости было решено не использовать;
- *из гражданского мира*: насколько индивид представляет позиции и блага организаций и сообществ, к которым принадлежит, насколько индивид проявляет солидарность с другими и обеспечивает выражение их интересов, насколько обеспечиваются законность, права и свободы граждан, а также общественные блага;
- *из рыночного мира*: соответствие богатству индивида или сообщества, соответствие тому, насколько обеспечивается рыночная конкуренция, насколько поведение индивида или сообщества соответствует накоплению богатства, насколько

соблюдаются правила социального поведения на рынках, насколько рыночное поведение легитимно;

- *из индустриального мира или мира науки и техники*: насколько производительна и эффективна трудовая деятельность индивида или сообщества, насколько она полезна и результативна, насколько трудовая деятельность поддерживает и использует инновации, ведущие к разрывам с традицией ради повышения эффективности производственной и иных видов деятельности, насколько поддерживается человеческий потенциал и квалификация персонала, насколько деятельность способствует развитию из настоящего в будущее на основе обоснованного прогнозирования;
- *из мира советского социализма (добавлен при концептуализации)*: насколько обеспечивается примерно одинаковый для всех граждан уровень материального благосостояния, насколько обеспечивается равенство прав граждан, независимо от их социального статуса и включая бесплатные для граждан государственные услуги в сферах образования, медицины, предоставления жилья и других.

Число таких принципов, предъявляемых участникам исследования, было сравнительно небольшим. Было подобрано пять модельных ситуаций с восемью сходными по формулировкам принципами справедливости в каждой. Таким способом была осуществлена адаптация к целям исследования так называемых виньеток, т.е. описаний модельных ситуаций, в которых объединялись компоненты социальных представлений и оценок принципов справедливости [*Пузанова, Тертышникова*, 2015]. Применение метода виньеток позволило свести многообразие принципов справедливости в социальной политике государства к сравнительно небольшому числу вариантов, достаточно хорошо понимаемых участниками исследования. Эти варианты, безусловно, не охватывали всё многообразие принципов справедливости, но их совокупность позволила получить оценки участников исследования по принципам справедливости, как минимум, пяти различных её миров. Этим было обеспечено достаточное для последующего анализа разнообразие эмпирических данных. С другой стороны, полученный таким способом стимульный материал оказался вполне посильным для оценивания участниками исследования. И хотя у них встречались непонимание и затруднения с оцениванием отдельных принципов справедливости в некоторых модельных ситуациях, применённый подход позволил выявить некоторые существенные закономерности оценок социальной политики.

Предыдущие исследования показали различия в оценках справедливости и запросов к государству в зависимости от условий социализации разных поколений. Поэтому методология исследования была дополнена использованием некоторых положений теории поколений в социологии и политической науке. Понятие поколения многозначно. Существуют различные теории поколений, но все они исходят из положений о том, что возрастная стратификация общества оказывается существенной для анализа практически всех социально-политических процессов. При этом близкие по возрастам индивиды в большинстве своём имеют близкие мировоззрения, сходные ценности и стили мышления. По-видимому, впервые в современной истории эти положения были обоснованы в начале 90-х гг. XX в. американскими исследователями Нейлом Хоу и Уильямом Штраусом [*Howe, Strauss,* 1991]. Проведя анализ истории с XVI в. до современности, они пришли к выводам об определённой цикличности в развитии общества, а также о том, что индивиды, родившиеся в те или иные периоды, имеют сходные ценности и типы мышления. При этом остаётся существенным вопрос о периодизации развития общества, о том, каковы границы тех или иных периодов, а также насколько массовым является сходство ценностей и типов мышления индивидов, принадлежащих одному поколению.

Для определения критериев выделения поколений в российском обществе был избран подход А.В. Селезнёвой [*Селезнева,* 2011. С. 23–24]. Основными критериями

выделения поколений в российском обществе стали периоды социализации индивидов, соответствующие этапам развития нашей страны, различающимися своими социально-политическими характеристиками. Были выделены три крупных исторических периода: советский (до окончания 1963 г.), поздний советский (от 1964 до 1991 г.) и постсоветский (начиная с 1991 г.).

Примерно в соответствии с этой периодизацией были выделены три крупных поколения современного российского общества. Они определялись примерно по годам рождения, соответствующим границам выбранных исторических периодов, с учётом близости ценностей и особенностей социализации членов каждого поколения. Эти три поколения сейчас находятся примерно в таких возрастах: от 18 до 34 лет (молодёжь, постсоветская социализация), от 35 до 60 лет (средние возраста, позднесоветская социализация) и от 61 года (старшие возраста, советская социализация). Отнесение индивидов к тому или иному поколению несколько условно, потому что и стили мышления, и типы социализации у них могут существенно различаться. Поколения взаимодействуют, передают друг другу традиции, ценности, стандарты и приоритеты социального поведения. Но различия социально-политических условий социализации для каждого из выделенных поколений по гипотезе исследования должны были привести к существенным различиям их оценок справедливости и сути социального государства. Эта гипотеза подтвердилась по результатам анализа собранных эмпирических данных.

Конкретные методики проведения исследования были разработаны на основе выбранной методологии и осуществлялись поэтапно. Настольное исследование проводилось с августа 2023 г. по июль 2024 г. Оно включало анализ вторичной информации о ранее проведённых исследованиях, близких по тематике к проводимому исследованию. Это позволило уточнить исследовательские вопросы, варианты конкретных методик, а также сравнить полученные нами результаты с аналогичными, полученными другими исследовательскими коллективами.

Для получения информации качественного типа по тематике исследования, а также для возможностей интерпретации результатов последующего массового анкетного опроса, проводились фокус-группы. По ресурсным ограничениям исследовательского проекта всего было проведено три онлайн фокус-группы с подбором участников каждой из них примерно из одного поколения. 15 января 2024 г. была проведена фокус-группа с представителями старших возрастов (от 60 лет и более). На следующий день 16 января 2024 г. проведено последовательно две фокус-группы: с представителями молодёжи (18–23 года) и средних возрастов (35–60 лет). Технологии видеоконференций позволили на каждой фокус-группе провести дискуссии с жителями разных федеральных округов и разных по численности населения городов России.

На основе результатов фокус-групп были уточнены вопросы и варианты ответов массового анкетного опроса, который был проведён в период с 22 января по 1 февраля 2024 г. на онлайн панели случайно набранных респондентов (метод — приглашение в панель в открытых источниках). По ресурсным ограничениям исследовательского проекта респонденты для массового анкетного опроса отбирались во всех федеральных округах России, но из населённых пунктов, имеющих от 100 тыс. жителей в возрасте от 18 лет.

Исключение из выборки жителей малых городов и сельских населённых пунктов было проведено на основании малого количества и низкой репрезентативности участия в онлайн панели таких граждан. Включение в опрос только жителей городов с населением 100 тыс. жителей и более позволило сократить смещения по отсутствию доступа к сети Интернет. Предыдущие исследования показали, что по вопросам, включённым в проект, не возникает принципиальных различий по параметру урбанизации (проживания в населённых пунктах разного типа). Поэтому построение выборки на основе средних и крупных городов соответствовало целям и задачам исследования.

При сборе данных массового анкетного опроса осуществлялся контроль получающегося состава выборки по полу, возрасту и долям респондентов из населённых пунктов с разной численностью жителей. Поэтому заполнение анкет осуществлялось до тех пор, пока во всех основных социально-демографических категориях не было набрано достаточного для статистического анализа числа заполненных респондентами анкет. Такой подход в проведении онлайн опросов является обычным, потому что в процессе их проведения сложно контролировать доли респондентов по полу, возрасту и типу места жительства.

Было решено включить в базу данных анкетного опроса в формате SPSS ответы всех респондентов, заполнивших анкеты. Но для вычислений процентов их ответов было решено использовать веса, откорректировавшие структуру полученной выборки в соответствии с данными Росстата о населении России на 1 января 2024 г. В результате общий объём достигнутой выборки составил 1913 респондентов, а для вычислений процентов их ответов использовалась откорректированная выборка из 1003 респондентов.

Анализ собранных в анкетном опросе данных проводился в системе статистического анализа IBM SPSS Statistics. В анализе статистической значимости связей и зависимостей в данных массового опроса определялась вероятность ошибки поддержки соответствующих гипотез, которая обозначалась p. В проведённом анализе был принят как значимый уровень вероятности $p<0,01$ или ниже для оценивания статистических связей и зависимостей (в отдельных случаях использовались и вероятности $p<0,05$). Такой уровень вероятности соответствует возможности ошибки на уровне 1%, т.е. в одном случае из 100 однотипных опытов.

Характеристики социального государства в оценках граждан

В дискуссиях на всех фокус-группах их участникам сначала предлагалось описать свои ассоциации с понятием «государство», а затем — «социальное государство». Это было сделано для того, чтобы выявить силу связи в сознании российских граждан понятия государства с его определением как социального.

Ассоциации с государством у участников фокус-групп были разнообразными, но у всех поколений они связаны с обеспечением социального порядка, жизнью по закону, обеспечением защиты граждан и их безопасности, действием Конституции РФ, осуществлением государственной власти. У большинства участников фокус-групп Россия ассоциируется с Родиной или местом своего проживания. Но оценки, связанные с этими ассоциациями, были весьма различными. Для одних Россия ассоциируется с чем-то великим, своим, родным, с поддержкой граждан со стороны государства. Другие участники фокус-групп отметили стагнацию в развитии страны или развитие по тупиковому пути. Некоторые представители старших возрастов утверждали, что СССР развивался в правильном направлении, в отличие от современной России.

У молодёжи присутствовали и ассоциации государства с суверенитетом, объединением людей общей идеей, а также с ведением войн и борьбой за власть. У представителей средних возрастов — с социальным обеспечением, заботой о человеке, социально-экономическим развитием, отсутствием коррупции, патриотизмом, самобытностью. У старшего (советского) поколения отмечены наиболее позитивные ассоциации с государством в сравнении с другими возрастами. Например, у представителей старших возрастов были ассоциации государства со справедливостью и социальной защитой. Но в этой же группе встретилось и мнение о противостоянии государства гражданину и о том, что государство препятствует обеспечению блага народа, нормальной жизни граждан и обеспечению их благополучия. Старшие возраста оценивают действия государства как нередко осуществляемые в ущерб населению, а не для обеспечения его благосостояния. Такие граждане

воспринимают государство как внешнюю по отношению к гражданам силу, задающую законы и правила жизни, обладающую правом на насилие для их исполнения. Во всех трёх фокус-группах были участники, по сути утверждавшие, что государство — внешняя сила по отношению к гражданам, даже что оно враг гражданам, что оно, поддерживая минимальный уровень жизни, просто задабривает людей, не допуская сильных протестов против своей политики.

В понимании идеального государства тоже обнаружились различия поколений. Ассоциации молодёжи с идеальным государством включали правовое государство, равенство перед законом, обеспечение прав и свобод, благополучия граждан, а также их безопасности и низкого уровня преступности, в целом — социальной стабильности. Ассоциации участников средних возрастов с идеальным государством включали его необходимость быть человечным, правовым, но при этом обладать сильной властью, обеспечивать мир и развитие во всех сферах. Для средних возрастов важно, чтобы государство имело прозрачную для граждан власть и было некоррумпированным. У некоторых представителей старших возрастов идеальное государство ассоциируется с сильным лидером, руководителем государства, а также с государством, которому можно верить и которое дружественно по отношению к своим гражданам. Другие участники этой группы высказывали надежды не на сильного лидера, а на работу системы управления государством и на обеспечение социальной справедливости в нём.

Для некоторых представителей старших возрастов идеальное государство ассоциируется с СССР. Они признают, что в СССР были недостатки, но считают, что достоинства советского государства много существеннее его недостатков, изъянов. Российское государство, по их оценкам, во многом не соответствует идеальному, в частности, вследствие недостатков государственного управления большими территориями и непредсказуемостью политических и государственных решений для граждан. При этом все участники фокус-групп называли себя патриотами, любящими Россию и города, в которых они проживают.

Никто из участников дискуссий на фокус-группах по собственной инициативе не применял определение «социальное» к понятию «государство». Это было вполне ожидаемо по результатам ранее проведённых исследований, поэтому далее участникам фокус-групп предлагалось описать свои ассоциации именно с понятием «социальное государство». Получив такое задание от модератора фокус-групп, представители всех поколений высказали суждения о том, что социальное государство очень важно и необходимо для российских граждан. Правда, среди молодых участников встретилась просьба определить это понятие с мотивировкой, *что* оно для них, но они не уверены, что правильно его понимают. Такого определения от модератора в ходе дискуссии на этой фокус-группе, безусловно, дано не было, потому что методика её проведения исключала представление участникам каких-либо установок. В частности, не следовало давать участникам фокус-групп установку, как нужно правильно понимать «социальное государство». В исследовании решалась иная задача — выявить имеющиеся у граждан его трактовки, а установка модератора могла бы сдвинуть собираемые данные.

Дискуссии на фокус-группах показали позитивное отношение к социальному государству всех трёх поколений. Как необходимые нормы деятельности социального государства они отмечали государственную поддержку граждан при резких изменениях условий жизни, которые могут возникнуть в ситуациях как чрезвычайных, так и неизбежных, при негативных изменениях в жизни, например при потере работы или дееспособности. Представители всех поколений сходились в том, что государство должно обеспечивать справедливое распределение материальных благ в обществе. И это распределение не должно приводить к равенству благосостояния для всех, не должно оно определяться и несправедливым обогащением. Благосостояние должно опираться на заслуги граждан,

их достижения, трудовые вклады, ощутимую пользу для общества. Представители всех поколений также считали нормой для социального государства его ориентацию на обеспечение блага граждан и поддержку их развития. А для этого необходимо, чтобы государство слушало своих граждан и делало то, что нужно им.

Оценки реальных действий российского государства, данные участниками фокус-групп, были как позитивные, так и негативные. Они приводили примеры, как государство помогало им в воспитании детей, в получении ими образования, как государство помогает инвалидам, что для них абсолютно необходимо. Молодые граждане утверждали, что семьи с детьми и пенсионеры имеют хорошую эмоциональную поддержку от органов социального обеспечения, что они довольны проводимыми мероприятиями. Но этого, по их мнениям, недостаточно. Молодёжь и представители средних возрастов утверждали, что государство вовсе не всегда слушает своих граждан, не всегда выявляет их реальные проблемы и помогает их решить. Органы власти нередко не хотят заниматься решениями проблем граждан, делают это «просто для вида». Представители всех поколений отмечали, что пока помощь пенсионерам, инвалидам и малоимущим, предоставляемая государством, недостаточна для обеспечения их нормальной жизни.

Среди мнений молодёжи было высказано и такое: не следует ориентироваться на социальную поддержку от государства. Если социальная поддержка будет — это хорошо, но обычно она небольшая, и потому нужно рассчитывать на свои силы, обеспечивать себя и своих детей самостоятельно, не ожидая поддержки от государства.

Представители средних возрастов довольно определённо формулировали, что социальное государство необходимо для выравнивания уровней благосостояния граждан, недопущения существенных различий в доходах, чтобы не было ни нищих, ни слишком богатых. Но, по мнениям представителей средних возрастов, сейчас российское государство такое выравнивание уровней благосостояния осуществляет недостаточно. Государство, по их мнениям, создаёт излишние барьеры для получения нуждающимися выплат, но и большинство граждан недостаточно активно в обеспечении собственного благосостояния. Не получается гармоничного взаимодействия общества и государства в обеспечении благосостояния граждан, а их сотрудничество необходимо для социального государства.

Количественные оценки важнейших характеристик социального государства в оценках граждан были получены по результатам массового анкетного опроса. Респондентам предъявлялся список из десяти таких характеристик с предложением отметить, какие из них необходимы в социальном государстве. Точная формулировка вопроса и проценты ответов по поколениям приведены в табл. 1.

Здесь и далее для выявления связей и зависимостей ответов респондентов от их социальных характеристик использовалось построение и анализ таблиц сопряжённости. Сравнение ответов респондентов проводилось по поколениям, уровням образования (наличию или отсутствию у них высшего образования) и материального положения семей респондентов. Уровни материального положения определялись по таким субъективным категориям их оценок: плохое, очень низкий доход; не очень плохое, но жить на такой доход нелегко; приемлемое, хотя многого себе позволить не могут; хорошее, но не всё, что хотят, могут себе позволить; очень хорошее, могут позволить себе почти всё, что хотят.

По данным табл. 1 проценты выбора характеристик социального государства были весьма высокими во всех поколениях (не имели мнения по этому вопросу лишь чуть более 1% респондентов). В целом можно сделать вывод, что ожидания от социального государства у российских граждан сложились. Сравнение ответов респондентов на этот вопрос по поколениям с использованием таблиц сопряжённости, тем не менее, показало, что на уровне статистической ошибки менее 1% нет различий в ответах поколений только по первым двум характеристикам. По остальным — различия есть на этом и даже

Таблица 1

Как вы считаете, что должно быть в социальном государстве? Отметьте всё, что вы считаете необходимым, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
Материальная поддержка нуждающихся	77,9	75,7	77,8	81,6
Дополнительные выплаты и льготы тем, кто имеют особые заслуги перед государством	62,1	59,2	62,8	63,6
Пенсионное обеспечение для всех по возрасту, в старости	85,4	79,8	85,3	93,3
Равные возможности доступа к профессиональному (среднему и высшему) образованию	76,8	70,9	76,8	84,7
Равные возможности доступа к квалифицированной медицинской помощи	83,5	76,7	84,3	90,0
Обеспечение равенства всех граждан перед законом	80,5	71,9	81,8	87,5
Обеспечение равного доступа всех граждан к правосудию	73,2	61,7	75,7	80,1
Обеспечение прав и свобод граждан в соответствии с Конституцией РФ	77,7	71,0	78,7	83,0
Обеспечение достойных условий жизни и благополучия всех граждан	84,4	78,1	85,1	90,8
Обеспечение безопасности жизни граждан	82,0	75,8	83,0	87,0
Что-то ещё? Напишите, что именно:	0,1	0,0	0,2	0,0
Не знаю/ нет мнения по этому вопросу	1,3	2,2	0,8	1,5

Источник: расчёты автора по данным исследования.

более низких уровнях статистической ошибки, т.е. эти различия следует считать достоверными. Так, чем старше поколение, тем более важным для него является пенсионное обеспечение по старости, равные возможности доступа к профессиональному (среднему и высшему) образованию и к квалифицированной медицинской помощи, обеспечение безопасности жизни граждан и в целом — обеспечение достойных условий жизни и благополучия всех граждан. Выполнение государством этих условий вместе с материальной поддержкой и дополнительными выплатами обеспечивает достойную жизнь и благополучие граждан, о чём они чаще задумываются с возрастом. Но та же закономерность выявилась и для обеспечения прав и свобод граждан: чем старше поколение, тем важнее для него обеспечение конституционных прав и свобод, равенство всех перед законом и равный доступ к правосудию.

Вполне ожидаемым оказалось и то, что постсоветское поколение реже, чем два советских, выбирало все или большинство из предложенных десяти характеристик социального государства. Имеющие высшее образование существенно чаще, чем не имеющие его, выбирали все десять из этих характеристик ($p<0,001$). Существенных статистических различий в оценках характеристик социального государства по уровням материального положения обнаружено не было. Можно сделать вывод, что более определённые и обдуманные представления о характеристиках социального государства имеют два советских поколения, а также — граждане с высшим образованием. И при этом для всех трёх поколений российских граждан все характеристики социального государства являются важными, поскольку все проценты ответов в табл. 1 превышают 61–62%.

Насколько развитым является социальное государство в оценках граждан

В дискуссии на фокус-группе старших возрастов было высказано мнение, что Россия в реальности не является социальным государством. Главным аргументом в поддержку этого мнения было отсутствие реальных гарантий от государства достойного уровня жизни граждан. Представители старших возрастов хотели бы уровня пенсий по возрасту на уровне европейских стран, например Эстонии, бесплатного и хорошего качества медицинского обслуживания, отсутствия сильного расслоения общества по уровню материального обеспечения и регионов России по уровню их бюджетов, а значит, и возможностей социального обеспечения своих жителей. Представители старших возрастов отмечали также недопустимое, по их мнению, различие в возможностях получения образования обычных граждан и богатых или работающих на высоких должностях в органах государственной службы. Отмечали они также, что в социальном государстве, по их мнению, правосудие должно быть справедливым, а преступники должны получать заслуженные наказания. По мнению представителей старших возрастов, для социального государства необходимо соблюдение прав и свобод граждан, а также справедливые и честные выборы, в проведении которых в России они сомневаются.

Для получения количественных оценок уровня развития социального государства в России респондентам массового анкетного опроса предлагалось ответить на соответствующий вопрос, а затем в следующем вопросе уточнить, должна ли Россия становиться развитым социальным государством, и, наконец, чего России для этого не хватает. Точные формулировки соответствующих вопросов анкеты и проценты ответов на них приведены в табл. 2, 3 и 4.

Таблица 2

В какой мере, на ваш взгляд, Россия является социальным государством?, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
В полной мере	31,2	41,9	28,9	24,8
В некоторой мере	52,9	45,3	54,0	59,7
Совсем не является	12,2	8,0	13,8	12,0
Не знаю/ нет мнения по этому вопросу	3,7	4,8	3,4	3,5
Всего	100	100	100	100

Источник: расчёты автора по данным исследования.

По данным табл. 2 представители постсоветского поколения более других поколений оптимистичны в отношении того, что Россия в полной мере является социальным государством (42%). И уровень такого оптимизма снижается с ростом возраста поколения: среди позднесоветского поколения таких респондентов около 29%, а среди советского — всего 25%. В выборе варианта ответа о том, что Россия в некоторой мере является социальным государством, закономерность оказалась обратной: чем старше поколение, тем чаще его представители выбирали именно этот вариант. Причём в целом по выборке именно этот вариант ответа оказался наиболее частым — почти 53%, хотя постсоветское поколение выбирало его существенно реже (45%) за счёт повышенного выбора варианта, что Россия — в полной мере социальное государство, и пониженного выбора варианта, что Россия — совсем таковым не является. Вариант ответа, что Россия — совсем не социальное

Таблица 3

Должна ли Россия стремиться стать социальным государством?, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
В полной мере	56,1	41,5	58,6	67,0
В некоторой мере	8,5	9,9	8,3	7,2
Совсем не должна	0,3	0,4	0,4	0,0
Не знаю/ нет мнения по этому вопросу	3,9	6,4	3,8	0,9
Отказ от ответа (дали ответ «Россия уже в полной мере является социальным государством»)	31,2	41,9	28,9	24,8
Всего	100	100	100	100

Источник: расчёты автора по данным исследования.

Таблица 4

Чего сейчас не хватает России, чтобы быть в полной мере социальным государством? Отметьте всё, что считаете важным, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
Низкий уровень пенсий, пособий и других социальных выплат	57,2	44,8	59,1	67,7
Низкое качество обеспечиваемых государством социальных услуг	34,9	30,0	33,8	45,4
Недостаточный уровень обеспечения нуждающихся достойным жильём	37,7	32,5	37,2	47,0
Недостаточная поддержка материнства и детства	19,0	20,2	18,5	19,1
Недостаточно высокий уровень обеспечения безопасности граждан	32,8	26,5	34,3	36,1
Несправедливое распределение социальных выплат и услуг между разными группами	32,7	26,3	33,2	39,6
Низкая доля государственного бюджета, отводимая на социальные выплаты и услуги	32,7	26,6	31,7	44,6
Бюрократизм и коррупция органов власти	52,7	41,4	53,7	64,8
Высокий уровень неравенства благосостояния разных групп граждан	50,9	37,3	52,5	63,8
Высокий уровень бедности	46,1	36,4	47,4	54,5
Другое — что именно?	1,2	1,1	0,6	3,4
Не знаю/ нет мнения по этому вопросу	1,1	1,0	1,5	0,0

Источник: расчёты автора по данным исследования.

государство, в целом по выборке выбирался редко — 12% респондентов. Постсоветское поколение выбирало этот вариант существенно реже — 8%, а позднесоветское поколение — существенно чаще — 14%, но всё равно существенно реже двух других вариантов. Поэтому большинство респондентов оценивает социальное государство в России как развитое в некоторой мере (53%) во многом за счёт двух советских поколений. А постсоветское поколение существенно чаще других отмечает, что социальное государство в России развито в полной мере, но и у них такие ответы дало не большинство (42%), а примерно столько же, сколько выбрали вариант о его развитости в некоторой мере (45%).

Уровень образования и материального положения существенно разделили ответы респондентов на вопрос табл. 2. Не имеющие высшего образования чаще отмечали, что Россия — в полной мере социальное государство, а имеющие высшее образование чаще отмечали, что она является социальным государством в некоторой мере и несколько реже — что совсем не является. Имеющие хорошее и очень хорошее материальное положение существенно чаще отмечали вариант, что Россия — в полной мере социальное государство. Лица с плохим и не очень плохим, но низким материальным положением считают, что Россия совсем не является социальным государством, а с приемлемым материальным положением, что Россия — в некоторой мере социальное государство. Можно сделать вывод: мнение российских граждан об уровне развитости социального государства в России существенно зависит от уровня их материального положения — чем этот уровень выше, тем более высокие оценки развитости социального государства в России склонны они давать.

На этот вопрос отвечали только те респонденты, которые были не согласны с тем, что Россия — в полной мере социальное государство. Таких респондентов было примерно 31%, и именно они составили категорию отказавшихся отвечать на этот вопрос. Так произошло в результате программирования демонстрации респондентам анкеты онлайн опроса в соответствии с его логикой.

Проценты ответов на вопрос табл. 3 приведены, тем не менее, от всей выборки. И получилось, что даже без тех, кто считают социальное государство в России уже развитым в полной мере, большинство респондентов (56%) считают, что Россия должна стремиться в полной мере стать социальным государством. При этом вполне ожидаемо, что респонденты, указавшие, что Россия в некоторой мере или совсем не является социальным государством, существенно чаще других указывали на это ($p<0,01$). Таких респондентов был 81% среди указавших, что Россия в некоторой мере является социальным государством, и 85% среди указавших, что Россия совсем не является социальным государством.

Существенно чаще других необходимость России стать в полной мере социальным государством отмечали представители советского поколения (67%). Имеющие высшее образование чаще, чем не имеющие его, утверждали, что Россия должна в полной мере стать социальным государством. А по уровню материального положения существенных различий обнаружено не было. Таким образом, советское поколение и граждане с высшим образованием существенно чаще других желают, чтобы Россия стала социальным государством в полной мере.

Вопрос табл. 4 задавался всем респондентам, независимо от их ответов на предыдущие вопросы анкеты. Для анализа их ответов все упомянутые в нём проблемы, препятствующие развитию социального государства в России, были несколько условно, потому что все они взаимосвязаны, разделены на три категории:

1) материальные проблемы:
   a) низкий уровень пенсий, пособий и других социальных выплат;
   b) недостаточный уровень обеспечения нуждающихся достойным жильём;
   c) недостаточная поддержка материнства и детства;
2) неэффективность государства:

a) низкое качество обеспечиваемых государством социальных услуг;
b) недостаточно высокий уровень обеспечения безопасности граждан;
c) низкая доля государственного бюджета, отводимая на социальные выплаты и услуги;
d) бюрократизм и коррупция органов власти;

3) несправедливая дифференциация в обществе:
a) несправедливое распределение социальных выплат и услуг между разными группами;
b) высокий уровень неравенства благосостояния разных групп граждан;
c) высокий уровень бедности.

Как и прогнозировалось при разработке инструментария исследования, были обнаружены существенные различия поколений в указании трёх типов проблем развития социального государства в России. Так, совокупность всех трёх типов материальных проблем отмечают примерно 12-13% респондентов всех поколений без статистически значимых отличий между ними. Никаких материальных проблем не отмечает чаще всего молодёжь, одну — среднее поколение, две — старшее советское ($p<0,01$). Не имеющие высшего образования существенно чаще, чем имеющие его, не указывали ни одной материальной проблемы ($p<0,001$). Напротив, имеющие высшее образование существенно чаще указывали одну материальную проблему из заданного в списке вопроса ($p<0,001$). Две или три материальные проблемы указывали примерно одинаково, как имеющие, так и не имеющие высшее образование. Уровень материального положения респондентов существенно влиял на их выбор материальных проблем. Ни одной материальной проблемы существенно чаще не указывали имеющие хорошее и очень хорошее материальное положение ($p<0,001$). А имеющие плохое и не очень плохое, но низкое материальное положение существенно чаще указывали две или три такие проблемы из предложенного списка ($p<0,01$).

Среди материальных проблем и в целом среди десяти предложенных для оценивания все поколения чаще всего отмечали низкий уровень пенсий, пособий и других социальных выплат (57%). Но в оценках этой проблемы были существенные различия поколений. Постсоветское поколение существенно реже других указывало на эту проблему, а позднесоветское, особенно советское поколение — существенно чаще ($p<0,01$). Например, имеющие не очень плохое, но низкое материальное положение существенно чаще других указывали проблему низкого уровня пенсий, пособий и других социальных выплат, а имеющие хорошее или очень хорошее материальное положение — существенно реже ($p<0,01$). Другая проблема — недостаточная поддержка материнства и детства — всеми поколениями упоминалась сравнительно редко, на уровне 19–20%. Но при этом молодёжь постсоветского поколения указывала на неё существенно чаще, чем другие ($p<0,001$).

Молодёжь существенно чаще других поколений не видит никаких проблем неэффективности государства ($p<0,0001$). Одну или две такие проблемы существенно чаще отмечали представители среднего, позднесоветского, поколения ($p<0,04$). Три или четыре такие проблемы чаще других отмечало старшее, советское, поколение ($p<0,0001$). Имеющие высшее образование существенно чаще не имеющих его отмечали две или четыре проблемы неэффективности государства ($p<0,004$), а не имеющие его существенно чаще первых не отмечали ни одной такой проблемы ($p<0,0000005$). Лица с хорошим и очень хорошим материальным положением существенно чаще других не отмечали никаких проблем неэффективности государства ($p<0,00002$). В отличие от них те, кто указывали на плохое и не очень плохое, но низкое материальное положение, существенно чаще других отмечали все четыре проблемы неэффективности государства ($p<0,007$).

Наиболее часто из проблем неэффективности государства респондентами указывалась проблема бюрократизма и коррупции органов власти (53%). Она стала второй по выборам среди всех десяти предложенных респондентам к оцениванию. Молодёжь,

постсоветское поколение, существенно реже других эту проблему выбирала, а два советских поколения — существенно чаще ($p<0,005$). Имеющие высшее образование участники опроса тоже существенно чаще указывали на эту проблему в сравнении с не имеющими его ($p<0,03$). Уровень материального положения респондентов не оказал существенного влияния на их выбор этой проблемы. Таким образом, в целом по выборке большинство респондентов отмечало бюрократизм и коррупцию органов власти (53%), а другие проблемы неэффективности государства — существенно меньшие их доли — примерно 33–35% респондентов.

Молодёжь постсоветского поколения существенно чаще других поколений не замечала несправедливую дифференциацию в обществе, а потому не отмечала ни одной из входящих в эту группу проблем ($p<0,000000000002$). Все три проблемы из этой группы чаще других называли представители старшего, советского, поколения ($p<0,00002$), несколько реже — среднего, позднесоветского, поколения ($p<0,005$). Имеющие высшее образование существенно чаще не имеющих его отмечали две или три проблемы несправедливой дифференциации в обществе ($p<0,02$). В свою очередь, не имеющие высшего образования существенно чаще не выбирали ни одной проблемы из этой группы ($p<0,00000004$). Вполне ожидаемо имеющие плохое и не очень плохое, но низкое материальное положение существенно чаще выбирали все три проблемы из этой группы ($p<0,0000003$), а имеющие хорошее или очень хорошее материальное положение — ни одной ($p<0,0000008$).

Среди проблем несправедливой дифференциации в обществе оказались две проблемы, ставшие по уровням выбора респондентов третьей (высокий уровень неравенства благосостояния разных групп граждан — 51%) и четвёртой (высокий уровень бедности — 46%). При этом молодёжь, постсоветское поколение, существенно чаще других не выбирала в качестве проблемы высокий уровень неравенства благосостояния разных групп граждан ($p<0,00000000005$). А оба советских поколения существенно чаще выбирали эту проблему ($p<0,003$). Респонденты с высшим образованием существенно чаще не имеющих его отмечали эту проблему ($p<0,00005$). Уровень материального положения не оказал существенного влияния на выбор проблемы высокой степени неравенства благосостояния разных групп граждан. Исключение составили лица с хорошим материальным положением: они существенно чаще других не выбирали, чем выбирали, эту проблему ($p<0,001$).

Высокий уровень бедности как проблему молодёжь, постсоветское поколение, также существенно чаще других не выбирала, а советские поколения — наоборот, существенно чаще выбирали ($p<0,03$). Уровень образования не оказал существенного влияния на выбор респондентами проблемы высокого уровня бедности, а материальное положение оказало. Имеющие плохое и не очень плохое, но низкое материальное положение существенно чаще отмечали проблему высокого уровня бедности ($p<0,0002$), а имеющие приемлемое и хорошее материальное положение — существенно реже ($p<0,03$).

Можно сделать вывод, что российские граждане хотели бы развития и совершенствования социального государства в нашей стране. Но они отмечают некоторые существенные для них проблемы, которые должно решить российское государство, становясь развитым социальным. И оценки представленных выше, а возможно, и других проблем в российском обществе во многом различны в разных поколениях и отдельных социальных группах.

Оценки наилучшего варианта социального государства для России

Для расширения возможностей интерпретации запроса российских граждан на социальное государство на фокус-группах и в массовом анкетном опросе задавался вопрос о том, в каком типе общества они хотели бы жить. Точная формулировка вопроса и проценты ответов на них по поколениям приведены в табл. 5.

Таблица 5

А в каком обществе вам хотелось бы жить? Выберите только один вариант, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
В обществе, где уровень благосостояния граждан не сильно различается, где нет слишком бедных и слишком богатых, но трудно заработать существенно больше других.	42,0	43,6	42,1	39,9
В обществе открытых возможностей, где каждый зарабатывает столько, сколько может, тратя своё время, используя квалификацию и таланты; поэтому кто-то остаётся довольно бедным, кто-то становится богатым.	46,4	49,1	45,4	46,5
Не знаю/ нет мнения по этому вопросу	11,5	7,3	12,5	13,6
Всего	100	100	100	100

Источник: расчёты автора по данным исследования.

Как показывают данные табл. 5, у российских граждан находят примерно равную поддержку две различные позиции в отношении устройства общества по модели примерно равных уровней благосостояния всех его членов (42%) и по модели общества открытых возможностей (46%). Проценты ответов показывают, что несколько большие доли респондентов во всех трёх поколениях хотели бы жить в обществе открытых возможностей. Но это превышение доли оказалось статистически значимым только для молодёжи постсоветского поколения ($p<0,001$). Среднее, позднесоветское, поколение статистически существенно реже, чем два других, хотело бы жить в обществе открытых возможностей ($p<0,001$). Старшее, советское, поколение также несколько чаще отмечало желание жить в обществе открытых возможностей.

Имеющие высшее образование также существенно чаще не имеющих его отмечали своё желание жить в обществе открытых возможностей (50%, $p<0,03$). По уровням материального положения мнения респондентов существенно разделились. Среди респондентов, имеющих плохое (55%) и не очень плохое материальное положение (48%), гораздо чаще хотят жить в обществе без существенных различий уровня благосостояния, а среди тех, у кого хорошее (59%) и очень хорошее (62%) материальное положение, существенно чаще среднего отмечается желание жить в обществе открытых возможностей ($p<0,007$).

Поэтому следует выявленные в исследовании различия желаний разных социальных групп жить либо в обществе с примерно равным уровнем благосостояния у всех его членов, либо в обществе открытых возможностей оценить как существенные. Некоторое превышение долей выбора модели открытого общества российскими гражданами во многом определяется не столько преимуществами этой модели, сколько недостатками модели общества с примерно равными уровнями благосостояния у всех его членов, что показали дискуссии на фокус-группах.

В этих дискуссиях мнения участников разделились в достаточном соответствии с данными массового анкетного опроса, что добавило возможностей их интерпретации. Как и в опросе больше оказалось сторонников жизни в обществе открытых возможностей. Эта модель общества привлекала её сторонников обеспечением социальной справедливости, как они её понимали: тот, кто больше и лучше работает, тот и должен иметь более высокий уровень благосостояния. Такое понимание социальной справедливости и желание её обеспечения было характерно для представителей всех трёх поколений. Та часть молодёжи, которая поддерживала модель общества с примерно равными уровнями благосостояния

всех его членов, аргументировала свой выбор тем, что в ситуации «открытых возможностей» мало шансов «пробиться», мало кто сможет реализовать свои таланты. Утверждалось также, что модель равного уровня благосостояния ближе к концепции социального государства, а также к концепции социализма. Возражавшие им утверждали, что социализм показал свою неэффективность и прекратил своё существование в нашей стране. В ответ сторонники первой модели отвечали, что всё в мире циклично, и социализм ещё вернётся. Некоторые из молодых участников предлагали найти какой-то третий вариант, потому что им обе модели общества не очень нравятся, и в условиях наличия только двух представленных моделей они выбирали вторую — общество открытых возможностей.

Среднее, позднесоветское, поколение выбирало общество открытых возможностей тоже во многом потому, что, по их мнению, обеспечение примерно равного уровня благосостояния будет плодить бездельников, которых государство вынуждено незаслуженно обеспечивать. Выбиравшие модель общества открытых возможностей представители старшего, советского, поколения высказывали пожелание, чтобы при её реализации в обществе всё же не было бедных. Другие представители советского поколения добавляли, что одновременно, при реализации этой модели не должно быть и слишком богатых, а своё благосостояние они должны честно зарабатывать. Фактически, эти представители советского поколения предлагали добавить некоторые существенные характеристики социального государства в реализацию модели общества открытых возможностей.

С учётом суждений, высказанных в дискуссиях на фокус-группах, получается, что обе предложенные для оценки модели не вполне устраивают все ныне живущие поколения. Модель общества примерно равных уровней благосостояния ближе, чем модель общества открытых возможностей, к концепции социального государства. Но социальная справедливость скорее будет реализовываться в модели общества открытых возможностей. Никакой другой модели общества, более устраивающей участников фокус-групп, никто из них не предложил. И выбор из двух предъявленных моделей осуществлялся, скорее, по принципу выбора лучшего варианта из обоих не очень устраивающих из-за своих недостатков.

В исследовании решалась также задача проверки того, насколько российские граждане осознают ресурсные ограничения государства, связанные с реализациями разных вариантов стратегий его развития при учёте приоритетов граждан. Для этого в форме виньеток были разработаны три варианта описаний государственной политики в социальном государстве. Для того, чтобы эти варианты можно было реально использовать в дискуссиях на фокус-группах и в массовом анкетном опросе, в каждый из этих вариантов было включено ограниченное число характеристик, а самих вариантов было разработано только три. Точная формулировка вопроса и проценты ответов на них по поколениям приведены в табл. 6.

По данным табл. 6 подавляющее большинство респондентов выбрали второй вариант социального государства, сбалансированный по развитию рыночной экономики и решениям социальных проблем (74%). Но этот выбор существенно различался в разных поколениях: молодёжь, постсоветское поколение, существенно реже, а два советских поколения существенно чаще выбирали этот сбалансированный вариант социального государства ($p<0,02$). Тем не менее и в постсоветском поколении большинство выбрало именно такой вариант (67%). Несогласная с этим молодёжь существенно чаще других поколений выбирала вариант с приоритетным развитием рыночной экономики (15%, $p<0,0000000002$). Но этот вариант, как и вариант с приоритетом решений социальных проблем над развитием экономики, получил невысокие доли выбора во всех поколениях респондентов.

Имеющие высшее образование существенно чаще не имеющих его отмечали второй вариант сбалансированного развития социального государства (78% против 70%, $p<0,002$). Материальное положение не сильно влияло на выбор — во всех группах по материальному положению большинство выбирало второй вариант, и в этот выбор наибольший вклад внесли люди, имеющие хорошее материальное положение (81%, $p<0,000009$). Кроме того,

Таблица 6

Какой вариант социального государства вы считаете наилучшим для России? Выберите только один вариант, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
Государство, где развитие рыночной экономики более важно, чем решения социальных проблем. Поэтому уровень налогов — низкий, господдержка — только наиболее социально уязвимым группам	9,2	15,0	8,8	2,3
Развитие рыночной экономики и решения социальных проблем одинаково важны. Поэтому уровень налогов — средний, господдержка — не только социально уязвимым группам граждан, но и некоторым другим	74,0	66,5	74,6	82,0
Решения социальных проблем более важны, чем развитие экономики. Поэтому уровень налогов — высокий, господдержка оказывается самым широким слоям граждан	9,8	10,6	9,7	9,0
Не знаю/ нет мнения по этому вопросу	7,0	7,9	6,8	6,6
Всего	100	100	100	100

Источник: расчёты автора по данным исследования.

имеющие очень хорошее материальное положение существенно чаще других выбирали первый вариант с приоритетным развитием экономики (34%, p<0,000000000006). Но таких респондентов в выборке оказалось всего 25 человек, и они не оказали существенного влияния на общие результаты.

Модераторы дискуссий фокус-групп при обсуждении вопроса табл. 6 обращали внимание участников на то, что реализация каждого варианта социального государства обеспечивается тем или иным соотношением развития экономики, уровня налогов, активностью граждан и частного бизнеса. Фокус-группы проводились по поколениям, и ни одно из них не выбрало первый вариант социального государства с приоритетным развитием экономики по причине того, что у государства в нём, полагали участники фокус-групп, очевидна недостаточная/низкая ответственность в деле поддержки своих граждан. Второй вариант социального государства, сбалансированный по развитию рыночной экономики и решениям социальных проблем, оценивался всеми поколениями как хорошо подходящий для современной России именно в силу своей сбалансированности между экономикой, налогами и социальной защитой. Все поколения отмечали, что в этом варианте есть и защита граждан, и возможность их развития. При этом налоги средние, а не высокие, что позволяет большинству с ними справляться, как утверждали представители средних возрастов, позднесоветского поколения. Некоторые представители старших возрастов, советского поколения, высказали предложение использовать этот второй сбалансированный вариант, но при условии повышения налогов на богатых граждан.

На фокус-группах третий вариант социального государства с приоритетом решений социальных проблем также оценивался как подходящий для современной России. В этом варианте представителям средних возрастов была важна государственная поддержка каждого гражданина. В поддержку этого выбора ими приводились аргументы о том, что такая модель реализуется во вполне успешных современных скандинавских странах. Среди представителей старших возрастов, советского поколения, аргументом в поддержку третьего варианта было то, что он ближе всего к модели СССР, которая им представлялась наилучшей для социального государства.

Те же самые виньетки, что и в вопросе табл. 6, были использованы для предложения как участникам фокус-групп, так и респондентам массового анкетного опроса, чтобы оценить, какой вариант социального государства реализуется в настоящий период в нашей стране. Точная формулировка вопроса и проценты ответов на них по поколениям приведены в табл. 7.

Таблица 7

К какому варианту социального государства ближе современное российское государство, по вашему мнению?, % (данные приводятся по всей выборке и отдельно по каждому поколению, обозначенному интервалом возрастов)

Варианты ответов	Все	18–34 лет	35–60 лет	От 61 года
Государство, где развитие рыночной экономики более важно, чем решения социальных проблем. Поэтому уровень налогов — низкий, господдержка — только наиболее социально уязвимым группам	33,1	34,1	32,3	34,7
Развитие рыночной экономики и решения социальных проблем одинаково важны. Поэтому уровень налогов — средний, господдержка не только социально уязвимым группам граждан, но и некоторым другим	40,2	38,2	39,8	44,2
Решения социальных проблем более важны, чем развитие экономики. Поэтому уровень налогов — высокий, господдержка оказывается самым широким слоям граждан	6,7	10,5	6,4	2,3
Не знаю / нет мнения по этому вопросу	20,0	17,2	21,5	18,8
Всего	100	100	100	100

Источник: расчёты автора по данным исследования.

По вопросу табл. 7 мнения поколений в основном разделились между первым и вторым вариантами, третий вариант с приоритетным решением социальных проблем выбирало явное меньшинство, среди которого оказалось существенно больше молодёжи постсоветского поколения (10,5%, $p<0,00000004$). Но по первым двум вариантам различия оказались статистически малозначимыми. Во всех поколениях несколько большая доля респондентов выбирала второй вариант социального государства, сбалансированный по развитию рыночной экономики и решениям социальных проблем (40%). Довольно существенная доля респондентов не имела мнения по этому вопросу (20%), и среди таких респондентов было существенно больше представителей познесоветского поколения (21,5%, $p<0,011$). Скорее всего, затруднившиеся с ответом на этот вопрос опасались дать социально неодобряемый ответ, например, основываясь на своём собственном опыте.

Имеющие высшее образование существенно чаще не имеющих его выбирали первый вариант с приоритетом развития рыночной экономики (34% против 30%, $p<0,03$). Но второй сбалансированный вариант имеющие высшее образование всё равно выбирали чаще, хотя и примерно столь же часто, как и не имеющие высшего образования (39% против 41% с незначимыми различиями).

Материальное положение не сильно влияло на мнение о реализуемом варианте социального государства. Можно отметить, что имеющие не очень плохое, но низкое материальное положение существенно чаще других отмечали либо первый вариант с приоритетом развития рыночной экономики (36%, $p<0,02$), либо затруднялись с ответом (25%, $p<0,02$). Напротив, имеющие хорошее материальное положение существенно чаще отмечали второй сбалансированный вариант (48%, $p<0,00002$) и существенно реже других затруднялись с ответом (14%, $p<0,00005$).

Дискуссии на фокус-группах по вопросу табл. 7 выявили определённые различия мнений и оценок поколений. По мнениям молодёжи постсоветского поколения, реализуется либо первый, либо второй вариант, по ним было сложно оценить определённее. По их мнению, возможно, государство пытается реализовать второй, сбалансированный, вариант, но это не во всём получается. Представители средних возрастов позднесоветского поколения также соглашались с тем, что второй вариант не во всём получается. Они обосновывали эту позицию, например, тем, что для детей с серьёзными заболеваниями постоянно приходится собирать деньги на лечение от граждан и благотворительных организаций, а обеспечить финансирование их лечения должно государство. Представители старших возрастов советского поколения высказали также мнение, что современное российское государство реализует какой-то иной вариант, отличный от трёх обсуждавшихся, потому что оно обеспечивает благосостояние не всех граждан, а только «узкой прослойки людей».

На фокус-группах никто из участников не высказал суждения о том, что реализуемый вариант социального государства не вполне соответствует ожиданиям граждан. Но этот вывод следует из анализа как дискуссий на фокус-группах, так и данных массового анкетного опроса. В своей повседневной жизни российские граждане не задумываются о вариантах социального государства, о том, каковы желаемые его варианты, насколько они реализуются в настоящий период. Но получив в исследовании в качестве стимулов соответствующие вопросы для ответов и обсуждений, участники исследования показали, что для них наиболее желателен сбалансированный по развитию рыночной экономики и решениям социальных проблем вариант социального государства. Их же оценки реализуемого варианта социального государства свидетельствуют о том, что во многом такой сбалансированности в действиях российского государства не получается. А потому в сфере его деятельности желаемое гражданами во многом расходится с тем, что они наблюдают в реальности.

Заключение

Проведённое исследование показало, что по мнениям подавляющего большинства граждан российское государство должно быть правовым и социальным. Такое государство, по мнениям представителей всех поколений, должно поддерживать своих граждан при резких изменениях их жизни: чрезвычайных ситуациях, потере работы или дееспособности и других. Оно призвано обеспечивать справедливое распределение материальных благ в обществе в соответствии с заслугами граждан, не допуская несправедливое обогащение и коррупцию. Справедливое социальное государство по мнениям всех поколений должно ориентироваться на обеспечение блага своим гражданам и поддерживать их развитие.

Участники исследования давали разные оценки уровню развитости социального государства в России, но большинство высказывалось за то, что оно ещё не в полной мере является социальным и что российскому государству необходимо дальнейшее развитие в этом направлении. И тут российские граждане видят немало проблем. Среди них участники исследования отмечали необходимость повышения уровня пенсий, пособий и других социальных выплат, снижения уровня неравенства благосостояния разных социальных групп, снижения уровня бедности, преодоления бюрократизма и коррупции и т.д. Отмечали они и необходимость улучшения взаимодействий государства с гражданами, важность того, чтобы государство слушало своих граждан и делало то, что нужно им.

Большинство граждан поддерживают развитие социального государства в России в направлении достижения баланса между рыночной экономикой и решениями социальных проблем. Участники исследования мотивировали это тем, что развитие экономики даёт

государству ресурсы для решения социальных проблем и поддержки своих граждан. Никто из них не указал на обратное влияние — развитие государством человеческого капитала позволит буквально вкладывать его в экономику, что будет способствовать её развитию. Однако то, что современное российское государство развивается близко к модели такого баланса между рыночной экономикой и решениями социальных проблем поддерживало уже меньшинство респондентов массового анкетного опроса.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Александрова О.А. (2022). Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра [*Alexandrova O.A.* (2022). The social state: where it went yesterday, and what to do tomorrow] // *Народонаселение*. Т. 25. № 2. С. 6–18. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.1.

Болдырев О.Ю. (2020). Проблемы реализации социального государства и конституционная реформа 2020 [*Boldyrev O.Yu.* (2020). Problems of the implementation of social state and the constitutional reform 2020] // *Народонаселение*. Т. 23. № 4. С. 71–82. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.7.

Болтански Л., Тевено Л. (2013). *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов* [*Boltanski L., Teveno L.* (2013). De la justification. Les èconomies de la grandeur]. — М.: Новое литературное обозрение.

Великая Н.М., Чиряева Л.М. (2022). Эффективность российского социального государства в оценках населения (по результатам мониторинга Как живешь, Россия? / Отв. ред. О. Б. Истомина. [*Velikaya N.M., Schiryaeva L.M.* (2022). The effectiveness of the Russian social state in population assessments (based on the results of monitoring How are you living, Russia?] [Электронный ресурс] // *Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы:* Материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 22 апреля 2022 г. — Иркутск: Издательство ИГУ. С. 18–24. URL: http://pi.isu.ru/ru/about/depatments/socioeconomic/docs/2021-2022/sbornik-sots-processy-2022.pdf (дата обращения: 22.08.2023).

Горшков М.К. (2023). Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики [*Gorshkov M.K.* (2003). Social justice and inequalities as an object of sociological diagnostics] // *Россия реформирующаяся:* Ежегодник. Вып. 21 / Отв. ред. М. К. Горшков. — М.: ФНИСЦ РАН. С. 150–172. DOI: 10.19181/ezheg.2023.

Ковенева О.В. (2008). Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлечённости» [*Koveneva O.V.* (2008). French Pragmatic Sociology: from the sités model to the theory of «multiple modes of engagemen»] // *Социологический журнал.* № 1. С. 5–21.

Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) [*Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V.* (2020). Extreme Inequalities and the Welfare State (Part 2)] // *Социологические исследования*. № 2. С. 20–30. DOI: 10.31857/S013216250008491-3.

Наумова Е. (2014). Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлечённости» в капитализм [*Naumova E.* Sociology of «sites» L. Boltanski and L. Thevenot and «modes of involvement» in capitalism] [Электронный ресурс] // *Социологическое обозрение*. Т. 13. № 3. С. 246–251.

Плискевич Н.М. (2020). Социальное государство в современной России (О книге «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н.И. Лапина) [*Pliskevich N.M.* (2020). The Social State in modern Russia. On the book «The formation of the welfare stat and prospects of the social state in Russia. Realities and projects» / N.I. Lapin (ed.)] // *Вопросы экономики*. №12. С. 141–152. DOI: 10.0042-8736-2020-12-141-152.

Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г. (2015). Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения [*Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G.* (2015). The vignette method in sociological research: methodological principles and methodological solutions] // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. №4. С. 44–56.

Римский В.Л. (2019). Справедливость от государства: ожидания и реальность [*Rimskiy V.L.* (2019). Fairness from the state: expectations and reality] // *Власть и элиты.* Т. 6. № 2. С. 156–175. DOI: 10.31119/pe.2019.6.2.6.

Селезнева А.В. (2011). Политико-психологический анализ политических ценностей российских граждан [*Selezneva A.V.* (2011). Political and psychological analysis of the political values of modern Russian citizens: a generational cross-section] // *Вестник Томского государственного университета. Философия, Социология. Политология.* № 3(15). С. 22–33. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha:000725482/SOURCE1 (дата обращения: 28.06.2024).

Howe N., Strauss W. (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.* — New York: William Morrow & Company.

Римский Владимир Львович
vlrim@yandex.ru

Vladimir Rimskiy
Senior lecturer, Moscow Psychological and Social University (Moscow).
vlrim@yandex.ru

A FAIR SOCIAL STATE AS A VALUE AND AS A REALITY FOR RUSSIAN CITIZENS[1]

Abstract. The study was conducted in order to identify the ideas and opinions of Russian citizens about a fair social state and their priorities in the activities of this type of state. The field part of the study included online focus groups and an online mass questionnaire survey of citizens on an effective sample of 1003 respondents from residents of Russian cities with a population of over 100,000 people from all federal districts. For Russian citizens, the rule of law and the social state are unconditional values, according to their ideas; the Russian state cannot be different. But according to the estimates of the study participants' majority the Russian state should still develop in the direction of the social, having solved many problems. Among such problems, the study participants pointed out the need to increase the level of pensions, benefits and other social payments, reduce the level of inequality in the well-being of different social groups, reduce poverty, overcome bureaucracy and corruption, and others. They also noted the need to improve the state interaction with citizens so that the state listens to its citizens and does what they need. At the same time, different generations of Russian citizens have different priorities in the development of the social state. Thus, representatives of the older, Soviet generation saw the Soviet state as an example of a social state, but, like other generations, without equality of welfare for all citizens, but ensuring their well-being according to merit. It seems obvious to Russian citizens that the state must be fair. But a mass questionnaire survey showed a significant discrepancy between respondents' assessments of the principles of fairness desired and actually applied by the state for several model situations. Correlation analysis based on the same data showed very weak statistical links between respondents' assessments of their expectations and reality in the application by the state of all the principles of fairness included in the study, without any exception. Under such conditions, it is almost impossible for both citizens and public authorities, based on the well-known expectations of citizens, to predict how the state should apply the principles of fairness so that they meet the expectations of citizens. If we add to this that support for the principles of fairness varies between generations and other social groups, then it is necessary to recognize this set of problems as very complex and, at the same time, necessary to solve in order to ensure fairness by the Russian state.

Keywords: *a fair social state, characteristics of a social state, fairness, principles of fairness.*
JEL: D70, D71, D73, H10, H70.

[1] The article was prepared based on the results of research project No. 123091200057-8, which was carried out in 2023–2024 at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

М.А. Фельдман
д.ист.н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

СЕКРЕТНОЕ СОВЕЩАНИЕ В ЦК ВКП(б) 22–23 ИЮНЯ 1931 г. — ПОИСК НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА

Аннотация. В статье рассматривается одно из наиболее важных, поворотных событий начала 1930-х гг. — Совещание хозяйственников ВСНХ и Наркомата снабжения в ЦК ВКП(б) по обмену мнениями между руководителями хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба (22 -23 июня 1931 г.). Смысловая нагрузка Совещания хозяйственников была связана с высокой степенью секретности самого события. Его материалы не были опубликованы: о нём в июне 1931 г. не сообщала ни главная газета страны — печатный орган ВКП(б) газета «Правда», ни какие-либо иные газеты. Завеса полной, многолетней секретности над Совещанием объяснялась тем, что представленная в выступлениях управленцев картина состояния экономики разрушала пропагандистские клише о ходе первой пятилетки. Не менее важно было и то, что материалы Совещания подтверждали правоту доводов хозяйственников, правоту курса на соблюдение рациональных принципов регулирования экономики. В определённой степени это было возвращение к опыту нэпа, к опыту наработок первоначальных вариантов первого пятилетнего плана. Именно с Совещания 22–23 июня 1931 г. следует отсчитывать реальное начало периода более рационального социально-экономического курса, получившего название «минireформ», тогда как итоги Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. и Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности были только предпосылками к этому.

Ключевые слова: *совещание июня 1931 г., хозяйственники, ЦК ВКП(б), экономика, специалисты, рабочие, хозрасчёт.*
JEL: B24, N44
УДК: 338(091)
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214
© М.А. Фельдман, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фельдман М.А.* Секретное Совещание в ЦК ВКП (б) 22–23 июня 1931 г. — поиск нового экономического курса // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 197–214. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214.

FOR CITATION: *Feldman M.* Secret Meeting in the Central Committee of the CPSU (b) on June 22–23, 1931 — Search the New Economic Course // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 197–214. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214.

Введение

Длинное и замысловатое название документа — «Совещание хозяйственников ВСНХ и Наркомата снабжения в ЦК ВКП(б) по обмену мнениями между руководителями хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба с репликами т. Сталина, выступлениями Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышева, В.М. Молотова от 22–23 июня 1931 г.» (далее — *Совещание*) — возникло не случайно.

Смысловая нагрузка документа была связана, во-первых, с высокой степенью секретности самого события. Материалы Совещания не были опубликованы. Более того — о нём в июне 1931 г. не сообщала ни главная газета страны — печатный орган ВКП(б) газета «Правда», ни какие-либо иные газеты. Только 5 июля в «Правде» был опубликован текст выступления И.В. Сталина на Совещании. Во-вторых, в отличие от широко освещавшейся Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, состоявшейся в Москве с 30 января по 4 февраля 1931 г., в данном случае прослеживается стремление Сталина снизить планку формата Совещания: *приглашённые* в ЦК ВКП(б) руководители хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба, директора крупнейших промышленных предприятий и строек должны были только *обменяться мнениями* по предложенной сверху повестке.

В-третьих, вместо стенографического отчёта о работе Совещания, в историческую литературу и в общественное сознание советского времени, упомянутое событие вошло только в связи с речью Сталина, получившей в газетном варианте название — «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства»[1]. Показательно, что передовые статьи газеты «Правда» за 25 и 27 июня 1931 г. содержали ряд тезисов сталинского выступления, но без указания авторства.

Традиционные оценки событий не исчезают сами по себе, и в содержательной монографии 2013 г. американского историка Р. Такера «Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941 гг.» краткое сообщение о Совещании практически полностью посвящено речи Сталина. По мнению исследователя, Сталин выступил как инициатор нового, более рационального экономического курса на основе «шести условий т. Сталина» [*Такер*, 2013. С. 140–141].

Но, чем же тогда был вызван столь плотный слой туманной завесы секретности вокруг Совещания хозяйственников 22–23 июня 1931 г.?

Первый шаг в ответе на этот вопрос был сделан О.В. Хлевнюком в 2010 г., отметившим, что от Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, июньское Совещание «отличалось гораздо большей откровенностью и радикальностью выводов. Видимо поэтому Политбюро приняло специальное постановление не печатать стенограмму совещания. Опубликованы были лишь несколько до неузнаваемости переработанных докладов руководителей государства». По мнению автора, основными выразителями «нового курса» являлись Орджоникидзе и Сталин, а также «другие выступавшие» [*Хлевнюк*, 2010. С. 116–117].

Более расширенный вариант толкования Совещания дал британский историк Р. Дэвис, отметивший, что «основные докладчики довольно откровенно признали, что промышленные планы на 1931 г. до сих пор не выполнены. Но они также настаивали на том, что план 1931 г. всё ещё остаётся полностью реалистичным». Совещание «закрепило последние тенденции в экономической политике, но они оставались неоднозначными и противоречивыми». Однако и у Дэвиса, раздел, посвящённый работе Совещания, назван вполне определённо: «Сталинские условия индустриального развития» [*Davies*, 1996. Pp. 65, 67]. Невыясненными остались «неоднозначность и противоречивость» «последних тенденций в экономической политике».

---

[1] Правда. 1931. 5 июля. С.1.

Краткий обзор немногочисленных отрывков из монографий, затрагивавших работу Совещания, позволяет сформулировать круг невыясненных проблем.

1. Почему материалы Совещания не были опубликованы за все годы советской истории?

2. Какова была роль представителей хозяйственной элиты на Совещании?

3. Почему выступления на Совещании руководителей партии были в печатном варианте до неузнаваемости переработаны?

4. Как связаны Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (30 января – 4 февраля 1931 г.) и Совещание?

5. Какова действительная роль советских лидеров в выработке «нового курса».

6. Каков был реальный характер взаимоотношений представителей политической и хозяйственной элит в авторитарном государстве на примере событий первого полугодия 1931 г.?

Прелюдия

Понимание происходящего вокруг Совещания и хода его работы возможно только в общем контексте событий декабря 1930 г. — июня 1931 г. в единой взаимосвязи трёх событий: Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (17–21 декабря 1930 г.) (далее — *Пленум*)[2]; Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (30 января — 4 февраля 1931 г.; далее — *Конференция*), собравшей представителей ВСНХ и директорского корпуса, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных структур [*Первая…*, 1931], а также Совещания 22–23 июня 1931г[3].

На основе ряда Постановлений ЦК ВКП(б) и СНК лета 1929 г., резолюций Пленума ЦК ВКП(б) ноября 1929 г. произошло очередное существенное увеличение капиталовложений в промышленность — в 1930 г. на дополнительные, сверхплановые 57, а в 1931 г. — на 80% [*XVI съезд…*, 1935. Т. 1. С. 840–841]. Подобное увеличение, *не подтверждённое материально-техническими ресурсами*, несло значительный риск и потрясения для советской экономики [*Davies,* 1989. P. 489]. Масштаб кризисных явлений, вызванный «Великим переломом» [*Великий…*, 2020] в период осени 1929 г. — 1930 г., поставил страну на грань экономической, финансовой и социальной катастрофы. Огромные капитальные вложения в тяжёлую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере оказались заморожены в незавершённых стройках. Непомерное увеличение капитальных вложений в тяжёлую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну «спецеедства», падение дисциплины на производстве ввергли советскую промышленность в глубокий кризис [*Хлевнюк,* 2010. С. 85–86].

Понимание опасности было зафиксировано прежде всего руководителями экономического блока и в наиболее аргументированной форме отражено в Записке Председателя ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе от 9 декабря 1930 г., представленной в Политбюро ЦК ВКП (б) за неделю до Пленума[4]. Это был далеко не единичный сигнал, отражавший негативные тенденции в развитии советской экономики во 2-м полугодии 1930 г. и, как следствие, нарастание тревожных настроений в советском руководстве [*Davies*, 1989. Pp. 111, 118, 209].

Наш анализ архивных материалов Пленума показывает: совокупность критических замечаний (реже в докладах, чаще в выступлениях прениях) создавала поразительную

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д, 460.

[3] РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д, 7, 8.

[4] РГАСПИ.Ф.558. Ф.558.ОП. 11. Д. 145. Л. 43–52.

картину состояния экономики СССР осени 1929 г. — 1930 г.: строительство промышленных комбинатов и индустриальных узлов при отсутствии должного уровня механизации и необходимого числа специалистов и квалифицированных рабочих; масштабный разрыв между строительством новых предприятий и оснащением их оборудованием в качестве характерной черты второго года пятилетки; разрыв как в планировании, так и в самой реконструкции отраслей промышленности и транспорта; отсутствие сбалансированной финансовой системы, даже в условиях обширной эмиссии денежных средств; непродуманный переход от «коммерческого кредита к плановому»; высокая текучесть рабочих кадров в промышленности и в строительстве.

Характерно, что в большинстве выступлений тема «вредительства» специалистов ушла на второй план. Ставка на стандартизацию речей участников Пленума не увенчалась успехом: критике подверглись практически все составляющие «Великого перелома».

Ключевым моментом на Пленуме стало предложение Орджоникидзе максимально сконцентрировать финансовые и материально-технические средства на строительстве ограниченного круга ведущих промышленных объектов[5]. Фактически Орджоникидзе сообщил всем участникам Пленума содержание своей Записки в Политбюро от 9 декабря 1930 г. Работа Пленума стала предпосылкой перехода к более умеренному курсу 1931–1936 гг.

Однако куда сложнее было отказаться от волюнтаристской идеологии. Так, в докладе заместителя председателя СНК и СТО СССР, председателя Госплана и члена Политбюро В.В. Куйбышева «О народно-хозяйственном плане на 1931 г. (контрольные цифры)» предполагались фантастически быстрые темпы роста промышленности в 1931 г. (прирост выпуска продукции на 45, вместо 25% в 1930 г.)[6].

Очевидна двойственность решений Пленума: понимание Сталиным и его окружением ошибочности отказа от роли товарно-денежных отношений, игнорирования хозрасчёта, осознание невозможности развития экономики без использования опыта специалистов, низкая эффективность «ударных методов труда» [*Фельдман*, 2023], соседствующая с продолжением расширения сферы командно-административных методов управления, курсом на «бешеные» темпы роста в 1931 г. — «решающем году пятилетки». Это свидетельствует о весьма частичном признании провала левацкого эксперимента в экономике — «Большого скачка» в конце 1929 г. — 1930 г.

Пути выхода из кризисной ситуации в экономике были не ясны советскому руководству, и единственным выходом в этой обстановке было обращение к опыту хозяйственной элиты — руководителей главков, трестов и крупных предприятий. *Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности* (30 января — 4 февраля 1931 г.) должна была стать таким каналом передачи информации. В работе конференции, заседавшей в Доме профсоюзов — том самом, где два месяца назад состоялся процесс по делу «Промышленной партии» [*Судебный…*, 2016], приняли участие более 700 человек. Это были первые лица советского государства, представители ВСНХ, ВЦСПС, руководители крупных предприятий [*Davies,* 1989. P. 11].

Следует отметить: большинство высказываний представителей директорского корпуса на Конференции носило однозначный характер: критика сталинской инициативы — «Особого квартала» в 1929 г. — квинтэссенции «штурмовых, ударных» методов хозяйствования; указание на широкомасштабный характер выпуска в СССР в 1930 г. бракованной промышленной продукции; признание гигантских размеров текучести рабочих кадров, порождённой тяжелыми материально-бытовыми условиями жизни [*Фельдман*, 2021].

Заметим, что основные положения речи Г.К. Орджоникидзе [*Первая…*, 1931. С. 6–21] во многом совпадали с критическими замечаниями хозяйственников. Так, в частности,

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д, 460. Л. 31.

[6] Там же. Л. 8–13 об.

Орджоникидзе поддержал тезис о расширении прав директоров предприятий, даже с учётом того, что под этим он прежде всего понимал расширение ответственности руководителей заводов и фабрик, а хозяйственники — легализацию внеплановых экономических операций. Исходя из этого по-разному понимался и острейший для начала 1930-х гг. вопрос о хозрасчёте. Если допустимость материальной ответственности предприятий-поставщиков перед заказчиками не вызывала у Орджоникидзе сомнений, то договорные отношения между предприятиями понимались только в рамках сохранения многочисленных регламентирующих инструкций и ограничений, без упоминания не только элементов рынка в «плановой экономике», но и роли товарно-денежных отношений.

Спустя два месяца после окончания процесса по делу «Промышленной партии» особую значимость имели слова Орджоникидзе о том, что основная масса специалистов не имеет ничего общего с «вредителями».

Анализ выступлений участников Конференции позволял Сталину сделать ряд неприятных выводов: Конференция не привела к росту авторитета «вождя», поскольку *его имя вообще отсутствовало в прениях*, и это был скрытый сигнал руководству страны.

Максимальное использование в советской литературе цитат из речи Сталина на Конференции [*Первая…*, 1931. С. 187–193] позволяло создавать впечатление полной управляемости ходом конференции, прежде всего за счёт приказного характера призывов к выполнению нереальных количественных показателей; к завершению пятилетки в ряде ведущих отраслей в три года (т.е. уже в 1931 г.) и т.д. Знаменитый рефрен генсека о необходимости за десять лет выйти на уровень индустриального развития развитых капиталистических стран указывал на вектор развития, но не на инструменты регулирования.

Фактически, сталинское выступление полностью игнорировало то, о чём говорили на протяжении пяти дней работы Конференции её участники. Генсек был готов к «мягкой» критике отдельных недостатков, но не к правдивой картине провалов в экономике. Тем не менее выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции Конференции [*Первая…*, 1931. С. 194–210] были направлены на корректировку экономического курса, а не на его слепую поддержку. Глубина и масштабность кризисных явлений в народном хозяйстве привели к тому, что вопреки ожиданиям советских лидеров, вопреки утверждениям пропаганды, положение дел в экономике СССР за 1-е полугодие 1931 г. стремительно ухудшалось, в том числе и в силу невозможности пополнения валютных ресурсов[7]. Курс на «минireформы» [*Хлевнюк*, 2010. С. 113–117] требовал не деклараций и незначительных шагов, а решительных действий. Таким образом, проблема кризисного состояния народного хозяйства СССР в глазах советского руководства была обозначена, но масштаб и структура бедствия, комплекс причин, приведших советскую страну на грань экономической катастрофы, как и пути выхода из сложившейся ситуации в начале 1931 г. оставались «покрытыми мраком».

Совещание хозяйственников 22–23 июня 1931 г.

Заметное нарастание кризисных явлений в экономике СССР в первые месяцы 1931 г. усиливалось как ростом внешней задолженности, так и краткосрочностью самих кредитов. Руководство советского государства искало выход из сложившейся ситуации и вновь, как и в январе 1931 г., обратилось к опыту хозяйственной элиты, пригласив 22–23 июня 1931 г. в ЦК ВКП(б) ряд управленцев из предприятий, подотчётных ВСНХ и Наркомату снабже-

[7] Внешняя задолженность СССР в 1931 г. в 1,5 раза превысила стоимость советского экспорта (подсчитано по: [*Хлевнюк*, 2010. С. 118]).

ния. К сожалению, два тома архивных материалов (РГАСПИ. 17. ОП. 28. Д. 7 и Д.8) не дают информации о количестве, должностях и инициалах приглашённых на Совещание.

22 июня

Открывая работу Совещания, Председатель СНК СССР В.М. Молотов объявил, что представители директорского корпуса приглашены для обмена мнениями в целях обеспечения выполнения плановых задач III квартала 1931 г.[8]

Подчёркнуто локальный характер объявленной повестки не соответствовал последующему признанию Молотова: о явно неудовлетворительных результатах I квартала в работе промышленности. Глава правительства обозначил только две причины такого явления: срыв транспортных перевозок и отсутствие хозрасчётных отношений. Вступительное слово заканчивалось оптимистическим заявлением о том, что ЦК ВКП(б) и СНК приняли все необходимые меры по исправлению ситуации, и во втором полугодии «всё будет по-другому»[9].

Менее радужным было выступление председателя Госплана СССР В.В. Куйбышева[10], отметившего «очень печальные итоги пяти месяцев, а в конце концов и всего первого полугодия 1931 г.» и указавшего, что ещё только предстоит «вскрыть все недостатки, все недочёты, обнажить положение вещей, с тем, чтобы на основе этого совершенно обнажённого, ясного положения, в котором мы сейчас находимся в данный момент, сделать соответствующие выводы…».

Примечателен был призыв В.В.Куйбышева, обращённый к «красным командирам производства»: «безболезненно вскрыть и безболезненно обрисовать то положение, в котором находимся». Трудно сказать, понимал ли Куйбышев, что этим призывом он открывал «ящик Пандоры»? Что призыв к правдивому изображению дел в экономике СССР в период «Великого перелома» может развеять всю ту мифологию «социалистического строительства», которую настойчиво внедряла коммунистическая пропаганда на всех уровнях?

Следует отметить, что речь Куйбышева, демонстрировала и уровень понимания экономических проблем, характерный для политической элиты СССР: отмечались следствия (плохая организация труда, высокая текучесть рабочих кадров, отсутствие хозрасчёта[11]), но без указания причин. Насыщение текста речи статистическими данными основывалось только на базе количественных индикаторов, причём в сравнении с предшествующим годом, но не с плановыми показателями.

Но и в таком формате в речи Куйбышева прозвучало признание: в главном шахтёрском бассейне страны — Донбассе — за первые пять месяцев 1931 г. произошло сокращение добычи угля на 4,5% в сравнении с аналогичным периодом 1930 г. Председатель Госплана связал это с сокращением удельного веса кадровых, квалифицированных рабочих со стажем не менее 8 лет с 40% в 1930 г. до 26% в 1931 г. (т. е. за один «ударный» год пятилетки), однако никаких объяснений такого явления не предложил. В ещё большей степени (на 10–20%) сокращение выпуска продукции коснулось лёгкой и пищевой промышленности[12]. В этой связи просьба Сталина назвать отрасли, увеличившие выпуск продукции[13], явно была попыткой разрядить ситуацию.

Немало времени Куйбышев посвятил осуждению уравнительной системы оплаты труда и так называемой «обезличке», но объяснение того, каким образом такая система стала господствующей в СССР после свёртывания нэпа, не прозвучало.

---

[8] РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 28. Д. 7. Л. 1.

[9] Там же. Л. 2.

[10] Там же. Л. 8–33.

[11] Там же. Л. 8–9.

[12] Там же. Л. 11, 13, 19, 20.

[13] Там же. Л. 21.

Положение в капитальном строительстве, по словам Куйбышева, ухудшалось с каждым месяцем, не позволяя выполнить план 1-го полугодия. Тем удивительнее было завершение его речи заявлением о наличии всех условий для выполнения плана III квартала 1931 г.[14] Правила оформления нужных выводов для советских лидеров с апреля 1929 г. — со времени победы Сталина и его сторонников на Пленуме ЦК ВКП(б) — уже не подлежали сомнению. Тем не менее последние предложения выступления Куйбышева, содержали обращение к хозяйственникам с предложением *совместных* действий по вскрытию недостатков и выработке мероприятий по их преодолению. Впервые за годы первой пятилетки приказной тон сменился призывом к совместным действиям.

Выступления представителей директорского корпуса открыл П.И. Полозков — директор фабрики «Красная Пресня»[15]. Традиционно бодрое начало, что задания III квартала 1931 г. будут выполнены, быстро сменилось заявлением об отсутствии хозрасчёта на предприятии. Саркастически прозвучали слова Полозкова: «хозрасчёт у нас витает около кабинетов директоров и медленно спускается в цех». Причина заключалась не в отдельных недостатках, а в результатах кредитной реформы, проведённой в период «Великого перелома»: банковский контроль за возвращением выданных денежных средств отсутствует. Обычным делом для советских промышленных предприятий стали невозврат банкам кредитов и отсутствие платежей за поставленные сырье и продукцию. Указав на порочность такой практики, Полозков обратился к руководству страны с просьбой кардинально изменить порядок кредитно-денежных отношений.

На пути внедрения хозрасчёта оказались тотальный контроль партийных структур за работой директоров и специалистов и, как следствие, отсутствие реального планирования в цехах и на предприятиях. Без устранения такого контроля хозрасчёт, по утверждению директора фабрики, так и останется декларативным[16].

Предложения Полозкова нашли развитие в выступлении начальника Главэнергопрома ВСНХ СССР И.П. Жукова[17], предложившего ввести существенные штрафные санкции за несвоевременные поставки импортного и отечественного оборудования и бракованных материалов. На данный же день системой стали невыполнение договорных обязательств, приводящие к срыву утверждённых на любом уровне планов.

Сохранение такой системы (отсутствия ответственности за срыв обязательных поставок), подчеркнул управляющий объединением «Союзверфь» И.И. Кондратьев[18], может привести к невыполнению Программ индустриального развития. Если в первые пять месяцев 1931 г. предприятия судостроения получали от четверти до трети положенных поставок металла, то итог очевиден: выполнение плана за указанный период на 20%.

С точки зрения коммунистической пропаганды пассаж Кондратьева о роли и содержании хозрасчёта выглядел безукоризненно: «мы должны выдвинуть такую систему планирования, чтобы каждый цех, каждый мастер, каждая бригада участвовали в планировании; чтобы в этом деле принимали участие живые люди, которые работают на местах». Однако это полностью противоречило принципам командной экономики. Наличие в договорных обязательствах целого ряда оговорок девальвировало смысл хозрасчёта и регулярности поставок, позволяло допускать вольные трактовки «твёрдых» договоров.

Как видно уже по первым выступлениям, руководители промышленных предприятий и всесоюзных объединений смогли уйти от локального формата объявленной повестки. Они подвергли резкой критике практику декларативного, формального хоз-

[14] Там же. Л. 31–32.
[15] Там же. Л. 34–40.
[16] Там же. Л. 38–39.
[17] Там же. Л. 41–44.
[18] Там же. Л. 45–58.

расчёта, пренебрежения к роли денег и товарно-денежных отношений — основ курса «Великого перелома».

Проблема высокой текучести рабочих кадров в 1929–1930 гг. неоднократно отмечалась советскими лидерами. Но, как правило, это увязывалось с притоком в рабочий социум «классово незрелых» малограмотных жителей деревни. На Совещании ряд директоров высказал принципиально иную точку зрения: «крайне плохое снабжение» рабочих не позволяло сохранять рабочие коллективы[19].

Сообщение директора Днепровского металлургического завода имени Ф.Э. Дзержинского И.П. Манаенкова[20] об ухудшении и без того тяжёлого материального положения технических специалистов на промышленных предприятиях вызвало удивление Молотова — «ухудшилось?» [21]. Связать пропагандистские штампы о «росте благосостояния советских людей» и реальность оказалось нелёгким делом, но ответ Манаенкова не оставлял недоговор нностей: «технический персонал чрезвычайно мало получает, и премии которые он получает, его не стимулируют». Без быстрейшего разрешения этой проблемы, заключил Манаенков, «следует ожидать пассивности специалистов».

Успешный ход строительства Магнитки, иных предприятий во многом зависит от наличия квалифицированных рабочих кадров, заявил председатель ЦК союза рабочих промышленного и коммунально-жилищного строительства СССР А.Н. Рябов[22]. Однако именно здесь существуют большие проблемы: подготовка строителей идёт медленно и небольшими партиями, но куда опаснее отсутствие подготовки эксплуатационных кадров для заводских цехов строящихся гигантов.

Вечернее заседание 22 июня открылось со справки Куйбышева: плановые задания по промышленности первых пяти месяцев 1931 г. были выполнены не на 78,9, а на 80,9%[23]. Заметим, что столь подчёркнутое внимание к количественному показателю явно не соответствовало содержанию предшествующих выступлений.

Характерно, что на это уточнение отреагировал, (но своеобразно), только Саватьев, представляющий спиртовую промышленность. По его словам, выполнение спиртовыми заводами плановых обязательств сократилось с 85% в 1930 г. до 67% за первые пять месяцев 1931 г. Во многом это объяснялось отсутствием новых предприятий и необходимых плановых ремонтных работ[24].

Выступление управляющего трестом Востокосталь[25] Я.П. Иванченко[26] привлекло особое внимание: положение с недопоставками металла, его низким качеством прочно вошло в разряд наиболее обсуждаемых в управленческом корпусе в 1-м полугодии 1931 г. Управляющий трестом не обманул ожиданий, самокритично отозвавшись о своей работе, степени выполнения плановых заданий (64% за первые пять месяцев 1931 г.). Но далее Иванченко привёл целый ряд факторов, приведших к такому результату. Коллапс транспорта обусловил срывы поставок руды и угля, иного сырья. Были сорваны и поставки импортного оборудования на стройки металлургических заводов. Однако наиболее острой оказалась кадровая проблема. При наличии в тресте 53 тыс. рабочих не хватало 28 тыс. рабочих рук, или трети работников. Ещё более острой была нехватка специалистов: среди

---

[19] Там же. Л. 78, 81.

[20] Там же. Л. 68–80.

[21] Там же. Л. 80.

[22] Там же. Л. 81–90.

[23] Там же. Л. 91.

[24] Там же. Л. 92–102.

[25] Трест Востокосталь, образованный в сентябре 1930 г., объединял действующие предприятия металлургической, железорудной, марганцевой промышленности восточных районов СССР, а также строительства новых заводов.

[26] Там же. Л. 102–111.

трех тысяч лиц, занимавших должности инженерно-технических работников, почти ⅔ (1900) не имели специального образования. Высшее техническое образование имели только 11% хозяйственников (338 человек) [27].

Иванченко дипломатично умолчал о причинах нехватки специалистов, в частности о масштабных репрессиях против «старых» специалистов. Однако, с учётом недавнего процесса над вымышленной «Промпартией», это был секрет Полишинеля. О масштабе дефицита специалистов говорил и такой факт — на предприятиях «Востокстали», по оценке Иванченко, фактически отсутствовали дипломированные плановики. В силу указанных причин доминировало и низкое качество планирования, отсутствовал хозрасчёт.

Раскрыть причины нехватки рабочих, освещаемые и в официальной прессе, было безопаснее: низкая и обезличенная оплата труда; питание, не соответствующее нормам; нехватка жилья даже барачного типа. Высокая текучесть кадров срывала все планы производственно-технической подготовки, — так завершил свою речь управляющий трестом.

Уровень квалификации руководителя во многом определяется умением видеть и предлагать пути решения проблем. Однако выступление Иванченко ограничилось призывом к преодолению трудностей, обещанием ввести сдельную оплату труда не только на одном Нижнетагильском заводе и «заставить рабочих выполнить производственные программы». Тем не менее выполнение планов III квартала и всего 2-го полугодия директор «Востокстали» обещал только в том случае, «если помогут с кадрами» и будет устранена «катастрофа в горнорудной промышленности»[28].

Как видно, на вечернем заседании Совещания цепь *безоговорочных* обещаний выполнения планов III квартала и всего 2-го полугодия завершилась.

Озвученная в выступлениях хозяйственников ситуация с планированием, управлением и обеспеченностью кадров была удручающей, далёкой от победных реляций об успехах пятилетки. Драматизм положения усиливался тем, что всё это проходило в присутствии работников аппарата ЦК ВКП(б), членов Политбюро ЦК и лично Сталина. Становилось понятно: резолюции Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности не смогли изменить положение дел в экономике. Более того, итоги первых пяти месяцев 1931 г. свидетельствовали о нарастании негативных тенденций.

Трудно сказать, было ли выступление Орджоникидзе[29] внеплановым или стояло в повестке дня. Всё содержание речи, её очевидная затянутость, повышенная эмоциональность склоняют к первому варианту. Поддержав формально идеи доклада Куйбышева, Орджоникидзе назвал «пустяками» приведённое Председателем Госплана различие количественных показателей выполнения плана.

Подтверждая отсутствие хозрасчёта на предприятиях, председатель ВСНХ сообщил, что в условиях острого дефицита металла во II квартале ему лично приходилось распределять металл между предприятиями. Это был далеко не единичный случай подключения членов Политбюро для продвижения плановых поставок: так, за своевременное снабжение оборудованием Сталинградского тракторного завода отвечали Сталин и Молотов, пытаясь личным влиянием и энергией восполнить отсутствие рыночных связей.

Стремясь сгладить впечатление от выступлений хозяйственников в первый день Совещания, Орджоникидзе сообщил, что «в 1931 г. мы ввели хозрасчёт» и банки стали контролировать движение денежных средств. Однако тут же председатель ВСНХ объявил, что на предприятиях нет оборотных средств, а без них не может быть хозрасчёта. Но и этот вопрос не должен был казаться тупиковым, поскольку ЦК ВКП(б) поручил СНК СССР разработать нормативные документы о создании на предприятиях фондов оборотных средств.

---

[27] Там же. Л. 104–105.

[28] Там же. Л. 111.

[29] Там же. Л. 112–142.

Переместив хозрасчёт из разряда реального в категорию потенциального, председатель ВСНХ на большом количестве примеров работы передовых заводов стремился доказать, что в любой ситуации можно и нужно бороться за выполнение плана. В заключение своей речи Орджоникидзе резко оценил аресты старых специалистов: недопустимо «чохом признавать людей вредителями»; недопустимо чтобы «милиционер являлся хозяином предприятия». Приподнятой была и концовка выступления: Орджоникидзе призвал «бешено, зверски драться за выполнение плановых заданий». Эмоциональные выступления всегда хорошо принимались в большевистской среде: «бурные, продолжительные аплодисменты» проводили Орджоникидзе.

Выдержать такую планку обмена мнениями было по плечу далеко не каждому, и последующий оратор — И.А. Адамович, председатель Сахаротреста СССР, заявив, что прозвучавшие выступления членов Политбюро «полностью раскрыли все вопросы»[30], насытив свою речь общими словами и шутками, охотно принимаемыми участниками Совещания.

Разрядка напряжения была, однако, недолгой. Уже в выступлении наркома труда СССР А.М. Цихона[31] было заявлено, что сдельщина не работает, не мотивирует, и не может мотивировать рабочих, поскольку «рабочий даже не знает, за что он работает». Если одно утверждение Цихона (работа ударных бригад постоянно блокируется простоями из-за неритмичных поставок, нехватки необходимых инструментов и оборудования) наносило удар по мифу «ударничества», то другое (из-за неудовлетворительного планирования в бригадах отсутствует хозрасчёт) разрушало продолжение этого мифа — пропаганду движения хозрасчётных бригад.

Мысль об отсутствии хозрасчёта на предприятиях была усилена С.М. Ганьшиным — председателем правления Всесоюзного объединения «Союзнефть» («это на словах — хозрасчёт, на бумаге, а не на деле»), связавшим отсутствие хозрасчёта с низкой трудовой дисциплиной и большим числом аварий на производстве[32].

Градус «обмена мнений» заметно вырос, когда М.А. Грановский — председатель правления строительства гиганта химической промышленности — Березниковского химкомбината — уже в начале своей речи[33] заявил, что в реальной жизни прослеживается не та картина, которую рисовали на Совещании выступления Куйбышева и Орджоникидзе. Развивая свою мысль и подтвердив отсутствие хозрасчёта на предприятиях, Грановский достаточно резко проговорил: «я рад, что сегодня товарищи Куйбышев и Орджоникидзе отказались оперировать теми дутыми цифрами, которые у нас практиковались (!). Ни к чёрту не годится такая отчётность, ибо она только вводит всех нас в заблуждение». Такая оценка ставки на количественные показатели на встречах руководителей партии и хозяйственников ещё не звучала.

Кратковременность воздействия командных методов управления была проиллюстрирована Грановским на примере постановления бюро Уральского обкома ВКП(б): Уральскому цементному заводу было поручено в 24 часа обеспечить строительство химкомбината цементом, а на практике цемент поступал всего несколько дней). Волюнтаризм же указанных методов, например, произвольное срезание запланированных ранее капиталовложений на завершение строительства Березниковского химкомбината (нужно было 50 млн руб., пообещали 30, дали 19 млн руб.), закономерно вёл к понижению качества монтажных работ.

---

[30] Там же. Л. 142.

[31] Там же. Л. 157–165.

[32] Там же. Л. 171.

[33] Там же. Л. 177–189.

Было от чего Молотову завершить вечернее заседание 22 июня, отложив выступления ряда записавшихся хозяйственников. Примечательна была и оговорка Молотова — «планировали ограничиться только утренним заседанием»[34]. У директорского корпуса оказалось иное мнение.

23 июня

Второй день работы Совещания открылся выступлением Свердлова[35], представлявшего предприятия пищевой промышленности[36]. Самокритичное заявление — план пяти месяцев 1931 г. по выпуску консервов был выполнен только на 62% — было аргументировано весьма распространёнными объяснениями: транспортным коллапсом и отсутствием в полном объёме нужного металла для консервных банок. По свидетельству Свердлова, не помогло даже личное вмешательство Сталина и Микояна и специальное решение Политбюро ЦК ВКП(б) с требованием отпуска 100 т олова. Но даже после этого предприятиями было получено 25% положенного металла. Так, в 1-м полугодии должны были получить 22,5 т белой жести для изготовления консервных банок, а получили всего 5 т. В результате из-за недопоставок не работал три месяца флагман консервного производства — Лысьвенский завод.

Невозможность за счёт государства обеспечить своевременные поставки сырья заставила создать вокруг предприятий пищевой промышленности «зелёную зону» — сеть огородных хозяйств на площади 125 тыс. га. Получение с подсобных хозяйств 300 тыс. т овощей поможет решить сырьевую проблему, оптимистично завершил Свердлов.

Оптимизм в большевистской среде ценился высоко, но показать невзначай ограниченность возможности властных рычагов «вождя мирового пролетариата», первого лица Советского государства, руководителя Политбюро ЦК ВКП(б), да ещё публично, было подобно раскату грома.

Однако упомянутый раскат был только началом бури. Выступление руководителя финансового ведомства всегда приковывает внимание. Речь наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько[37] началась с оценок финансовой сферы страны в 1-м полугодии 1931 г. За этот период вместо 18 в бюджет поступило 15,5 млрд руб., причём наибольшие потери вызвала низкая рентабельность промышленных предприятий.

Дипломатично оговорившись (принятые в первые месяцы 1931 г. соответствующие Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР должны были в перспективе изменить к лучшему положение дел в финансовой сфере), нарком сообщил о неотложных мерах: «… для покрытия наших грехов (!), наших прорывов в обобществлённом секторе (мы) вынуждены были апеллировать с новыми требованиями к массам населения…». Отметим, что сокращение расходов на социальные нужды для покрытия грехов — неожиданный эвфемизм в речи наркома финансов СССР.

Сложнее обстояло дело с себестоимостью продукции. Как отметил Гринько, несмотря на принятые в апреле 1931г. поправки к кредитной реформе, которые должны были положить конец бесконтрольному расходованию денег, автоматизм кредитования продолжается, хотя и в меньших размерах. В результате не сокращалась, а росла себестоимость выпущенной продукции.

Второй раз на утреннем заседании 23 июня 1931 г. прозвучал тезис, в косвенной форме констатирующий неспособность Постановлений ЦК ВКП(б) и СНК, личного обращения первых лиц государства изменить сложившуюся систему управления.

---

[34] Там же. Л. 189.

[35] Как было отмечено выше, в стенограмме отсутствуют инициалы выступающих. Инициалы Свердлова установить не удалось.

[36] Там же. Д, 8. Л. 1–9.

[37] Там же. Д, 8. Л. 10–32.

Но вера в магическую мощь нормативно-правовых рычагов не покидала советских управленцев, и сообщение Гринько о принятии «не сегодня — завтра» Постановления Совета Труда и Обороны о реформировании договорных отношений между предприятиями, способного кардинально изменить положение дел в экономике, было встречено участниками Совещания спокойно и с удовлетворением. То, о чём говорил нарком финансов — для ликвидации автоматического кредитования предприятия должны были получить право «отказаться от поставок неаккуратному плательщику того количества товаров, которое ему намечено», — казалось, может быть реализовано в приказном порядке. Вопрос: как будет работать ожидаемое Постановление в условиях тотального дефицита и упора на количественные показатели, на Совещании не прозвучал.

Как сообщил Гринько, новацией июня 1931 г. стала директива Политбюро, оформленная в виде закона, об «увеличении процента от величины прибыли в распоряжении объединения или предприятия». В принципе, это были «собственные дополнительные оборотные средства объединений или предприятий для эксплуатации и капитального строительства». Однако, подчеркнул нарком, для этого необходим был «переход на бездотационный режим работы»[38]. Заметим — это было недостижимо в первой половине 1930-х гг.

Эзопов язык на Совещании был не чужд не только докладчикам, но и слушателям. Прямой вопрос к Гринько о праве предприятия распоряжаться своими собственными оборотными средствами был озвучен в такой форме: «расскажите о характеристике природы оборотных средств». Ответ был достоин вопроса: «новый закон позволит каждому объединению более вольготно использовать собственные оборотные средства»[39]. Как видно, в разъяснении наркома финансов выпали слова «предприятие» и «распоряжаться». Реальное управление оборотными средствами продолжало оставаться объектом компромиссных соглашений между наркоматами, объединениями и предприятиями.

Невозможность называть вещи своими именами обусловила тот факт, что вместо слов «товарно-денежные отношения» (в «социалистической стране»!) Гринько активно использовал слово «товарооборот». Но именно критика наркомом «товарооборота, основанного на распределении, постановка задачи самостоятельного ведения субъектами производства финансовых операций (в тексте — «делания денег») позволяла искать варианты, отличные от командно-административного стиля управления. Не случайно, в этой части выступления нарком подробно остановился на роли кустарной промышленности в снабжении рынка товарами первой необходимости.

Казалось, утром 23 июня 1931 г. отдельно взятые представители хозяйственной и партийно-государственной элит заговорили на одном языке. Выступление управляющего трестом «Артёмуголь» К.А. Румянцева[40], однако, показало степень напряжения на Совещании. Если традиционные жалобы на плохое снабжение, срыв поставок оборудования были выслушаны членами Политбюро ЦК ВКП(б) спокойно, то приведённые Румянцевым данные о масштабе арестов инженеров в Донбассе («нужно привести… ужасающую цифру — 50% инженеров (региона) состоят на принудительных работах (на срок) от восьми лет до одного года) вызвали изумление Молотова: «сколько вы говорите процентов?»[41].

В сочетании с указанием на отсутствие у арестованных антисоветских побуждений («взяты за технические неполадки, завал лавы», и т.п.) вывод Румянцева о невозможности требовать добросовестного руководства механизацией работ в шахтах от арестованных специалистов завершился заявлением управляющего трестом о невыполнимости плана

[38] Там же. Л. 22–23.
[39] Там же. Л. 22–23.
[40] Там же. Л. 38–56.
[41] Там же. Л. 38.

пуска в 1931 г. новых шахт именно из-за отсутствия квалифицированных кадров и плохого снабжения. Первоначально ряд членов Политбюро ЦК ВКП(б) (Микоян, Куйбышев, Орджоникидзе) подвергли критике Румянцева за паникёрские настроения — «проблемы со снабжением есть у всех!»). Затем работа Румянцева и его аппарата была названа «никудышной и позорной»[42]. Однако проблема нехватки и незаменимости специалистов предстала во всей остроте, а обоснованность их арестов поставлена под сомнение. Примечательна и спокойная реакция Сталина на кипение страстей в ходе выступления Румянцева: генсек только спросил Румянцева о качестве отечественных врубовых машин и запасных частей к ним и «удовлетворился» полученным ответом: «низкое»[43].

Официальный ответ на жалобы критикующих уровень и качество снабжения был дан в выступлении руководителя Наркомата снабжения А.И. Микояна[44]: соответствующие нормы и планы поставок выполняются полностью и в срок. Ответственность за низкий уровень норм была возложена на самих хозяйственников, не занимавшихся, по утверждению наркома, этой проблемой. Микоян признал, что 50 ударных строек снабжаются по «особой статье», но это решение не подлежало обсуждению.

Последующее выступление директора строительства Магнитогорского металлургического комбината (трест «Магнитострой») Я.С. Гугеля[45] было выстроено с очевидной целью: смягчить возникшее напряжение. Проблемы Магнитки были сведены исключительно к нехватке импортного кирпича. Положительно (но без анализа статистических данных) оценив деятельность ударных хозрасчётных бригад на строительстве комбината, Гугель отметил только излишнюю численность отдельных бригад. Оптимизм обязательства Гугеля — соблюдать сроки всех этапов строительства — причудливым образом сочетался с указанием на высокие риски монтажа доменных печей.

Но оптимистические нотки недолго звучали на Совещании. Уже следующее вступление — секретаря ЦК ВКП(б) П.П. Постышева[46] — было насыщено критическими, тревожными нотками. Постышев фактически поддержал основные положения речи Румянцева, заметив, что, во-первых, существующая в стране система организации труда — слабое звено, не просто тормозящее работу во всех областях и краях, но «временами убийственное». Повсеместно сдельщина носила фиктивный характер и не стимулировала труд работников. Судя по ряду заводов, близки были размеры оплаты рабочего времени и периодов простоев. Создаваемые в административном порядке ударные хозрасчётные бригады показывали свою неэффективность и не пользовались доверием рабочих. По оценке секретаря ЦК ВКП(б), формальный характер носила и система коллективных договоров.

Исправить ситуацию с «отвратительной организацией труда» должна была специальная комиссия. Итог этой части речи секретаря ЦК ВКП(б) был весьма однозначным: «заинтересованности рабочего в результатах своего труда нет». И, как подчеркнул Постышев, это не локальное явление, а характерное для многих заводов. В устах секретаря ЦК ВКП(б), ответственного за пропаганду и агитацию, фактически это означало девальвацию официальной громкой шумихи вокруг движения ударных бригад.

Во-вторых, Постышев ещё более заострил внимание на теме положения специалистов. Обращаясь к присутствующим, секретарь ЦК ВКП(б) произнёс немыслимые ещё совсем недавно слова: «если вы не сумеете своих инженеров защитить от всяких демагогов и провокаторов, если не сумеете сломить у рабочих настроение, которое у нас было в своё время законным,… — не будет выполнен план третьего квартала 1931 г.»[47]. Время «вреди-

[42] Там же. Л. 52.
[43] Там же. Л. 50.
[44] Там же. Л. 57–72.
[45] Там же. Л. 73–92.
[46] Там же. Л. 93–103.
[47] Там же. Л. 100.

тельства» старых специалистов прошло, подчеркнул Постышев, а примеров травли инженеров на местах предостаточно. Между тем инженерно-технические работники должны быть под защитой партии[48].

Секретарь ЦК ВКП(б) не стал прямо оспаривать официальный тезис о широком распространении вредительства в среде «старых специалистов», на котором были построены надуманные, сфальсифицированные «Шахтинское дело» и процесс «Промпартии». Но указание на наличие в советском обществе «демагогов и провокаторов», способных к нарушению прав специалистов, высвечивало и служебное положение последних.

Можно предполагать, что впечатление от речи Постышева было немалое, если верный сталинец, Председатель ВЦСПС Н.М. Шверник весьма сдержанно вступился за столь критическую оценку распропагандированной деятельности ударных хозрасчётных бригад, лишь отметив большой потенциал многих ударных бригад. В то же время Шверник поддержал Постышева в оценке формальности действующей сдельной оплаты труда. Здравые мысли о недопустимости произвольной замены рамок норм выработки; о возможности введения неограниченности выплат в рамках сдельщины были озвучены со ссылкой на предложения рабочих[49]. Однако безусловная преданность Сталину требовала вполне определённых шагов, и Шверник оказался одним из тех немногих участников Совещания, кто от имени членов профсоюзов безоговорочно пообещал выполнить план III квартала 1931 г.

Иные оценки прозвучали в выступлении начальника Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности ВСНХ СССР А.Ф. Толоконцева[50]. Уже самое начало речи не оставляло никаких недоговорённостей: «Если посмотреть на выполнение первого квартала…, то у нас такого положения дел никогда не было». Как подчеркнул руководитель главка, в экономике в 1-м полугодии 1931 г. произошёл не только спад промышленного производства, но и снижение качественных показателей. Более того, в истекшие пять месяцев произошло ещё одно неприятное событие: существенная задержка выплаты заработной платы рабочим.

Указав на прямую связь между преобладанием неквалифицированных рабочих и низким качеством продукции, Толоконцев отметил, что четыре года назад (т.е. в период нэпа) уровень развития хозрасчёта и сдельщины был выше и лучше[51]. Нечастым явлением в 1930-е гг. была похвала нэпу!

На долю Молотова выпала нелёгкая участь — подвести по горячим следам предварительные итоги всех сообщений до выступления Сталина, на мнение которого привык ориентироваться Молотов. Текст выступления председателя СНК СССР[52] отражает раздумья главы правительства (показательна первая фраза выступления: «разрешите мне коротко остановиться, на том, что здесь было»). Далее Молотов выразил согласие со многими выводами, прозвучавшими на Совещании. Были подтверждены неудовлетворительные оценки, данные хозяйственниками итогам 1-го полугодия 1931 г., признание неэффективности системы организации труда и заработной платы, фиксация отсутствия хозрасчёта, ряд других негативных моментов. Однако вся вина за подобные явления Молотовым была возложена на самих хозяйственников и на профсоюзы.

Согласившись с доводом Румянцева о разрушительном характере изъятия органами ОГПУ 50% специалистов в угольной промышленности Донбасса, Молотов в то же время «не заметил» другой тезис Румянцева: о необоснованном аресте инженеров и техников.

---

[48] Там же. Л. 103–104.
[49] Там же. Л. 107, 113.
[50] Там же. Л. 140–153.
[51] Там же. Л. 143.
[52] Там же. Л. 154–171.

Вывод Молотова был сдержанно-оптимистичен: есть все основания надеяться на успешное выполнение плана 3-го квартала и всего 2-го полугодия 1931 г. Залогом для такого вывода глава правительства назвал «бодрое, уверенное, единодушное отношение» участников Совещания к поставленным партией задачам.

Заключительное слово на Совещании было предоставлено Сталину[53].

Два дня Сталин вслушивался в сообщения хозяйственников и партийных работников. Картина происходящего в экономике СССР не вызывала сомнений: кризисные явления шли по нарастающей. Недовольство присутствующих на Совещании временами вырывалось в довольно негативные сентенции. Никто не подвергал критике лично Сталина, не подвергал сомнению курс «Великого перелома», но критические оценки были даны многим компонентам экономической и социальной политики периода осени 1929–1930 гг. Итоги 1-го полугодия 1931 г. не оставляли у Сталина сомнений: повторить манёвр начала февраля 1931 г. — принять резолюции Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, предусматривающие рациональные перемены, и продолжать прежний курс уже не получится.

Максимально смягчив оценки ситуации в экономике, объясняя деструктивные явления первых месяцев 1931 г. «железнодорожной катастрофой, кризисом железнодорожного хозяйства»[54] и возлагая вину за плохую организацию труда и заработной платы на хозяйственников и профсоюзы, Сталин попытался снизить остроту обсуждения на Совещании. Заявив о масштабном вредительстве старых специалистов в отраслях советской экономики в 1928-1929 гг. (по произвольной оценке Сталина, в указанные годы половина интеллигенции враждебно относилась к советской власти[55]), генсек сообщил о мифических успехах социалистического строительства в 1930 г., после которых специалисты «изменили своё отношение к советской власти и приступили к сотрудничеству с ней»[56]. Аналогично переместив годы разрухи снабжения в период нэпа (1928 г.), Сталин связал высокую текучесть рабочих кадров не с трагическими последствиями коллективизации, а с возможностью широкого выбора у работников лучших материальных условий в городах и рабочих посёлках[57].

Обобщив сказанное хозяйственниками на Совещании, Сталин в тезисном порядке, *от своего имени*, представил их аудитории. Однако одновременно прозвучала и угроза вождя: план второго полугодия должен быть выполнен любым путём. Высокие темпы роста для Сталина оставались незыблемой величиной, однако реальность требовала применения более взвешенных методов.

В отличие от Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, на Совещании не были приняты итоговые резолюции, и тезисы выступления Сталина (получившие известность как «шесть условий товарища Сталина», вскоре после Совещания вышедшие отдельной брошюрой[58], неоднократно переиздаваемой в центральных и региональных издательствах), превратились в директивный документ политического характера.

Содержание тезисов (организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами; механизировать труд; ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих; ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии; добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная произ-

[53] Там же. Л. 172–204.
[54] Там же. Л. 205.
[55] Там же. Л. 190.
[56] Там же. Л. 188–190.
[57] Там же. Л. 174–176.
[58] Шесть исторических условий т. Сталина. — М., 1932.

водственно-техническая интеллигенция; изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания; укреплять хозрасчёт, поднять внутрипромышленное накопление) позволяет говорить о существенном учёте Сталиным суждений и требований выступавших на Совещании.

Уже первые месяцы после Совещания показали решимость власти осуществить меры, намеченные на Совещании. Выделим перестройку системы оплаты труда рабочих, предполагавшую активизацию материальных стимулов и отказ от уравнительных форм заработной платы в пользу сдельщины. 10 июля 1931 г. Политбюро одобрило два постановления, которые существенно меняли положение специалистов и в какой-то мере ограничивали права ОГПУ. В первом постановлении ОГПУ лишалось права на аресты специалистов (инженерно-технический персонал, военные, агрономы, врачи и т.п.) без согласия соответствующего наркома (союзного или республиканского). Второе постановление под названием «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения» содержало развёрнутую программу юридической и политической реабилитации специалистов [*Хлевнюк*, 2010. С. 88]. Сложность реализации этих мероприятий [*Илюхов*, 2010. С. 224, 228, 229] не меняла главного: создавались условия для стабилизации в экономике и социальной сфере.

Сталина нельзя назвать «инициатором нового, более рационального экономического курса» [*Такер*, 2013. С. 140–141], но поддержка им мероприятий такого курса означала начало реальных изменений экономической политики. Достигнутое на Совещании определённое совпадение взглядов представителей политической и хозяйственной элит, позволяло выйти из кризиса в экономике СССР. В этом главное значение событий, проходивших в аппарате ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931г.

Завеса полной, многолетней секретности над Совещанием объяснялась тем, что представленная в выступлениях управленцев картина состояния экономики разрушала пропагандистские клише о ходе Первой пятилетки. Не менее важно и то, что материалы Совещания подтверждали правоту доводов хозяйственников, правоту курса на соблюдение рациональных принципов регулирования экономики. В определённой степени это было возвращение к опыту нэпа, к опыту наработок первоначальных вариантов Первого пятилетнего плана.

Не случайно похвальное слово нэпу прозвучало на Совещании в выступлении Толоконцева, а несколько ранее, 3 февраля 1931 г., на предпоследнем заседании Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, подобную же оценку нэпу дал в своём выступлении и Молотов: «новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии. Развёртывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота» [*Первая…*, 1931. С. 168].

Как представляется, именно с Совещания 22–23 июня 1931 г. следует отсчитывать реальное начало периода более рационального социально-экономического курса, получившего название «минireформ», тогда как итоги Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. и Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности являлись только предпосылками к этому.

Однако, как и любое действие, носящее вынужденный характер, принятое в критической ситуации, сталинский манёвр носил временный характер, имел свою логику развития и зависел от успехов индустриализации и отсутствия барьеров на пути к установлению единоличной власти.

Цепь совещаний хозяйственников, начатых в январе и в июне 1931г., была продолжена в сентябре 1934 г., мае 1935 г., июне 1936 г. [*Совещание…*, 1934; *Совет…*, 1935; *Совет…*, 1936], проложила дорогу: учёту мнения специалистов; ставке на бездефицитную работу предприятий; программе обязательного технического обучения рабочих; принятию

масштабных социальных программ; выдвижению задачи приоритета качественных показателей [*Фельдман*, 2022]. Успехи советской экономики в период 1931–1936 гг. подтверждали правильность такого выбора.

Вместе с тем диалог хозяйственной и политической элит на протяжении указанного периода фиксировал нарастающую степень прозрения хозяйственников в отношении многих мифов официальной пропаганды, глубину расхождения подходов к осуществлению экономической политики у хозяйственной элиты и политического руководства Советского государства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

«Великий перелом» и его последствия: Материалы XII Международн. научн. конф., Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. (2020). [*«The Great Turning Point» and its consequences*: Proceedings of the XII International Scientific Conference, Yekaterinburg, September 26–28, 2019 (2020)]. — М.: РОССПЭН.

Ильюхов А.А. (2010). *Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг.* [*Ilyukhov A.A.*(2010). How the Bolsheviks paid. The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941]. — М.: РОССПЭН.

Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931 г. (1931). [*The First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry*. Verbatim report 30.01–05.02.1931 (1931)]. — М.-Л.: Огиз-Гос. соц.-экон. изд-во.

Совещание руководящих работников тяжёлой промышленности 20–22 сентября 1934 г. (1935). [*Meeting of the Leading Workers of Heavy Industry on September 20–22.09.1934*. (1935). Verbatim report]. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.

Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности Союза ССР. Первый Пленум. (1935). [*Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. First Plenum* (1935).]. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.

Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР. Второй Пленум. 25–29 июня 1936 г. (1936). [*Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. June 25–29, 1936*. (1936).]. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги (2016). В 2 т. Т. 1. / отв. ред. С.А. Красильников. [*The Trial of the «Industrial Party» in 1930: Reparation, Conduct, Results* (2016): In 2 vol. Vol. 1 / S.A. Krasilnikov (ed.)]. — М.: РОССПЭН.

Такер Р. (2013). *Сталин — диктатор. У власти. 1928–1941 гг.* [*Taker R.* (2013). Stalin Is a Dictator. In Power. 1928–1941]. — М.: Центрполиграф.

Фельдман М.А. (2021). «Благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчёта оказались совершенно подорванными» (Новый взгляд на события 1-ой Всесоюзн. конф. раб. соц. пром-ти 30.01–4.02.1931 г.) [*Feldman M*. (2021). «Due to mismanagement, the principles of self-financing turned out to be completely undermined» (A new look at the events of the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry on January 30 — February 4, 1931] // *Экономическая история:* Ежегодник. 2020. — М.: Институт российской истории.

*Фельдман М.*А. (2022). Второй пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР: ретроспектива (25–29 июня 1936 г.) [*Feldman M.* (2022). The second plenum of the Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR: at retrospective (June 25–29, 1936)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 177–192.

Фельдман М.А. (2023.) Феномен ударничества в промышленности СССР как составная часть «Великого перелома» [*Feldman M.* (2023). The phenomenon of percussion in the industry of the USSR as the USSR as an integral part of the «Great Turning Point»] // *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 30. № 4. С. 87–98.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. (2010). [*Khlevnyuk O.* (2010). Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. — М.: РОССПЭН.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня — 13 июля 1930. (1935). Т. 1. [*XVI Congress of the All-Union Communist Party (b)* (1935): Verbatim report]. — М.: Партиздат.

Davies R.W. (1989). *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

Davies R.W. (1996).*The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. — Basingstoke: Macmillan.

Фельдман Михаил Аркадьевич
feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)
feldman-mih@yandex.ru

SECRET MEETING IN THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU (B) ON JUNE 22–23, 1931 — SEARCH THE NEW ECONOMIC COURSE

Abstract. The article examines one of the most important turning events of the early 1930s — a meeting of business executives of the Supreme Economic Council and the People's Commissariat of Supply in the Central Committee of the CPSU (b) on the exchange of views between the heads of economic associations of the Supreme Economic Council and the People's Commissariat (June 22–23, 1931). The semantic load of the Meeting of business Executives was associated with a high degree of secrecy of the event itself. The materials of the Meeting were not published: in June 1931, the main newspaper of the country — the press organ of the CPSU (b), the newspaper Pravda, or any other newspapers did not report on it. The veil of complete, long-term secrecy over the Meeting was explained by the fact that the picture of the state of the economy presented in the speeches of managers destroyed propaganda cliches about the course of the First Five-year Plan. It was equally important that the materials of the Meeting confirmed the correctness of the arguments of business executives; the correctness of the course on compliance with rational principles of economic regulation. To a certain extent, it was a return to the experience of the NEP, to the experience of working out the initial versions of the First Five-year Plan. It was from the Meeting on June 22–23, 1931, that the real beginning of the period of a more rational socio-economic course, called the "mini-reform", should be counted, whereas the results of the Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) in December and the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry were only prerequisites for this.

Keywords: *meeting , business executives, Central Committee, economics, specialists, workers, self-financing.*
JEL: B24, N44.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М.С. Круглова
к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА РАЗВИТИЯ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

Аннотация. В статье анализируется дискуссия о китайской модели государства развития. Долгое время концепция государства развития была удобной теоретической рамкой для объяснения экономических успехов стран Восточной Азии. Считалось, что грамотное вмешательство государства в экономику позволило Японии и Южной Корее совершить своё «экономическое чудо». Быстрый экономический рост КНР начался позже, но для объяснения его достижений также стала применяться данная концепция. Однако в академическом и политическом дискурсе до сих пор нет консенсуса в отношении китайской модели. Западные исследователи считают, что китайская модель не отличима от корейской или японской, а некоторые отличия от усреднённой модели присутствуют в экономической политике каждой из этих стран. Учитывая специфику исторического развития, очевидно, что Китай значительно отличается от других классических примеров восточноазиатских государств. Высказываются предположения, что Китай вышел за пределы концепции государства развития и перешёл на этап «пост-развития» или нео-развития. Китайские ученые, делая упор на то, что основных экономических результатов в КНР достигали именно местные правительства, а не центральное, в свою очередь настаивают на «особости» и отличиях китайских реформ. В работах китайских авторов встречаются концепции «местное правительство развития» и «локализм развития». Однако и в китайской научной среде нет консенсуса по отличительным чертам китайской модели. Часто выражаются сомнения и в объяснительной силе всей концепции не только по отношению к Китаю, но и к другим странам.

Ключевые слова: *государство развития, китайская модель развития, реформы, политика развития.*
JEL: O20, P21
УДК: 330.8
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224
© М.С. Круглова, 2024
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Круглова М.С.* Китайская модель государства развития: обзор исследовательской литературы // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 215–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224.

FOR CITATION: *Kruglova M.S.* Chinese Model of Developmental State: A Literature Review // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 215–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224.

[1] Автор использует собственный вариант понятия «теории государства развития» вместо привычного, хотя и несколько неудачного англицизма «девелопментализм». В своё время это направление экономической теории, охватывающего целый ряд концепций догоняющего развития, представлялось весьма многообещающим: уже в 1950–1960-е гг. среди экономического мейнстрима сложился консенсус, что простой перенос рецептов микро- и макроэкономики в «развивающиеся страны» может привести к негативным результатам. Обзор различных концептов девелопментализма представлен в работе Нуреев Р.М. Экономика развития: Модели становления рыночной экономики. — М.: Норма, 2008. — *Прим. ред.*

Введение

Идея «государства развития» (Developmental State) долгое время считалась одной из влиятельных концепций, подходящей для описания опыта экономических реформ в странах Восточной Азии [*Evans*, *Heller*, 2013]. Понятие государство развития было предложено Ч. Джонсоном, исследовавшим опыт экономического чуда послевоенной Японии [*Johnson*, 1982] и широко использовалось впоследствии при исследовании стран Восточной Азии [*Amsden*, 1989, *White*, 1984; *Wade*, 1990; *Evans,* 2014; *Yu*, 2008, *Kasahara*, 2013; *Wan*, 2014].

Вопрос применимости концепции государства развития к анализу китайских реформ не имеет однозначного решения в исследовательской литературе. Часть исследователей полагает, что, хотя различия между Китаем и восточноазиатскими государствами развития существуют, их недостаточно[1], чтобы выделить китайский кейс в отдельную модель. Однако есть те, кто стоит на противоположных позициях [*Fewsmith*, 2011]. С некоторыми оговорками они сравнивают Китай сегодня с Японией в послевоенный период её развития и вплоть до 1980-х гг. и Южной Кореей после 1990-х годов [*Knight*, 2014; *Kalinowski*, 2015; *Baek*, 2005]. Другие полагают, что большие различия между Китаем и другими государствами означают, что классическая модель государства развития ныне неприменима как к Китаю, так и к другим странам с развивающейся экономикой [*Hofstede, Bond,* 1988; *Trubek*, 2008; *Evans* 2013, 2014; *Diegues et al*, 2023]. Российских исследований китайской модели развития значительно меньше, а их авторы высказываются менее определённо [*Бергер*, 2009; *Григорьев, Жаронкина*, 2024].

Цель данной статьи — охарактеризовать основные существующие исследовательские позиции по применению модели государства развития к изучению опыта китайских реформ последних десятилетий. Актуальность этого вопроса определяется прежде всего необходимостью найти место опыту китайских экономических реформ в существующей экономической теории, потребностью описать китайский путь модернизации без существующих в литературе оговорок.

«Государство развития» по Ч. Джонсону

Следуя авторской позиции Ч. Джонсона, государства развития характеризуются высоким профессиональным уровнем бюрократии, высокой степенью национального самосознания, сочетанием рыночных механизмов и государственного планирования [*Johnson*, 1982]. Согласно выдвинутой Джонсоном теории государства развития, историческая и культурная специфика Восточной Азии выражается в высокой степени автономии, открывая путь для технократической бюрократической элиты, обладающей способностью и готовностью вмешиваться в экономику, поддерживая экономическое развитие путём предоставления отраслевых субсидий и различных форм поддержки. Целый ряд исследователей стремился показать релевантность понятия на примере стран Восточной Азии. Сам Джонсон приписывал успех Японии промышленному плану японского Министерства международной торговли и промышленности и тесным связям между политикой и торговлей. В его понимании ключевые факторы успеха модели государства развития — наличие сильной политической воли, приоритет экономического развития, использование руководством страны различных формальных и неформальных механизмов политического и делового сотрудничества [*Johnson*, 1982]. Релевантность теории стремились показать и на примере других восточноазиатских стран: Южной Кореи [*Amsden*, 1989] и Тайваня [*Wade*, 1990].

---

[1] 许瑶 [Xu Yao]. 发展型国家的理论渊源与基本内容 [The theoretical origin and basic content of the developmental state]. URL: https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/2284540.html (access date: 27.08.2024).

В последующих работах Джонсон конкретизировал своё понимание государства развития. Во-первых, в стране должен быть достигнут консенсус относительно выбранной модели развития. Все стейкхолдеры должны иметь соответствующие мотивации к развитию в принятом направлении. Этот консенсус должен быть сформирован не только внутри группы лидеров, но и среди всего общества. Вовлечение общества, помимо прочего, делает возможным значительное снижение затрат правительства на реализацию экономической политики и поддержание стабильности в социально-экономической системе. Джонсон предложил четыре ключевых элемента государства развития, взятых им из опыта изучения японской модели: наличие бюрократии с развитыми управленческими навыками; политико-экономическая система с достаточным пространством для внедрения инноваций; действенные механизмы государственного вмешательства в экономику при условии примата законов рыночной экономики; наличие координационных центров, таких как Министерство промышленности и информационных технологий в пореформенной Японии [*Johnson*, 2010. P. 355].

По мысли Джонсона технократы, необходимые развивающемуся государству, отличаются от бюрократии в авторитарных режимах, которые часто привлекают иностранный капитал для получения прибыли и прибегают к репрессиям для защиты рентоориентированной системы управления экономикой. Напротив, в модели государства развития бюрократическая команда с высокими управленческими навыками является основой, обеспечивающей нормальное функционирование развивающейся экономики. Часть этой бюрократии может быть представлена инженерами и специалистами в новых технологиях, но большинство должно быть специалистами широкого профиля, которые формулируют и реализуют государственную политику [*Johnson*, 2010. P. 351]. В обязанности этой команды входит определение списка ключевых отраслей, формирующих производственную структуру национальной экономики. Кроме того, они осуществляют и промышленную политику, координируя развитие стратегически значимых отраслей [*Johnson*, 2010. P. 351]. Важное условие функционирования бюрократического аппарата в государстве развития — его свобода от вмешательства и влияния со стороны любой группы стейкхолдеров. Несмотря на необходимую высокую степень обособленности бюрократического аппарата, ключевой по Джонсону элемент японской модели — государственно-частное партнерство, позволяющее государству вмешиваться в экономические процессы, не нарушая при этом автономии рынка.

Подводя итог, теория государства развития не дискутирует необходимость предоставления рыночных свобод, а наиболее её значимое отличие от рыночного либерализма состоит в том, что она не отделяет экономические процессы, протекающие в пространстве рыночной экономики от национальной политики как таковой. В государстве развития власть и капитал тесно взаимодействуют друг с другом, а конечная формулировка цели развития зависит от политического выбора общества.

Дискуссия о китайской модели. Китай — исключение?

В своё время теория государства развития стала вызовом для неоклассической экономической теории, так как последняя взлёт экономик стран Восточной Азии объясняла действием рыночных факторов и включением так называемых азиатских тигров в систему международной торговли, теория же государства развития поставила вопрос иначе, заявив о ключевой роли государственного регулирования в росте стран Восточной Азии. Второй аналогичный вызов для неоклассики — опыт китайского экономического чуда, где государственное вмешательство в экономику и механизмы планового регулирования невозможно оспорить. Однако в какой степени современный Китай, выстраивающий рыночные инсти-

туты в реальности плановой экономики, и государство развития как аналитический конструкт соответствуют друг другу? Подчеркнём, что в рамках данной статьи мы не ставим целью дать свой исследовательский ответ на поставленный вопрос, но лишь стремимся привести обзор существующих позиций по проблеме.

Среди авторов существуют как те, кто настаивает на исключительности китайского опыта и неприменимости термина «государство развития» к нему, так и те, кто придерживается противоположных позиций. Так, Д. Найт полагает, что все страны можно назвать государствами развития, если выполняются два условия: во-первых, государство заявляет экономическое развитие своей основной целью, и во-вторых, государство стремится достичь этой цели посредством институциональных реформ. По мнению Найта, в первые тридцать лет существования КНР была сосредоточена на политической, а не экономической ситуации, и только после 1978 г. Китай сделал акцент на экономике, превратившись в государство развития [*Knight*, 2014]. Аналогичных позиций придерживаются и такие авторы как С.-В. Бэк [*Baek*, 2005], М. Бисон [*Beeson*, 2010], Т. Калиновски [*Kalinowski*, 2015]. Бэк рассматривает государственный контроль над финансовыми ресурсами и экспортно-ориентированную промышленную политику в Китае, делая вывод, что между Китаем и другими странами Восточной Азии нет существенной разницы, отмечая его сходство с Тайванем. Бисон считает, что китайские и японские экономические режимы регулирования имеют много общего и обоим подходит концепция государства развития. Фундаментальное сходство заключается в том, что в Китае и Японии правительственное вмешательство подвергается гораздо меньшей критике, чем в Великобритании и США. Тем не менее, Бисон признаёт, что институционально эти две страны различаются, что обуславливает различия как в механизмах регулирования, так и в результатах экономической политики [*Beeson*, 2010]. Схожих позиций придерживается и Караянис в соответствующей статье, где он с соавторами рассматривают Китай как случай реализации идеи государства развития. Китай сохранил большинство характеристик модели государства развития стран Восточной Азии, а не следовал англосаксонскому типу экономической либерализации. Китайский подход, следуя авторской позиции, представляет собой экономику с высокой степенью государственной интервенции в рыночные процессы, где правительство настаивает на неравномерности капиталистического развития, поощряет адекватную норму сбережения и поддерживает рост в отдельных стратегических секторах экономики. Стимулирование совокупного спроса, развитие инфраструктуры, стратегическая промышленная политика и регулируемая торговля являются основными характеристиками китайского подхода к экономическому развитию [*Karagiannis, Cherikh, Elsner*, 2020. Pp. 16–17; *Караянис, Шерих, Эльснер*, 2022].

Учёные расходятся в мнениях относительно того, применима ли эта модель к Китаю. Такие её сторонники, как Бек, полагают, что подход Китая имеет общие характеристики с ранней восточноазиатской моделью. Среди её особенностей — государственный контроль над финансами, прямая государственная поддержка государственных предприятий, импортозамещающая индустриализация тяжёлой промышленности, высокая зависимость от экспортных рынков, высокая внутренняя норма сбережений и т. д. [*Baek*, 2005. P. 485].

Однако есть и те авторы, кто полагают, что модель государства развития не соответствует задачам описания китайского опыта реформ. Например, отдельные авторы полагают, что правительство Китая систематически недофинансирует наиболее продуктивные сектора экономики, например, кредитный голод испытывают малый и средний бизнес в Китае, сфера услуг и другие сектора экономики. Отрасли, воспринимаемые китайским правительством не как системообразующие, нуждаются в неформальных источниках финансирования, что несовместимо с духом государства развития. Поэтому теория государства развития не может объяснить экономическое развитие Китая [*Tsai*, 2004. P. 1].

Джон Найт считает, что Китай не обязательно должен полностью соответствовать общепринятой практике других стран Восточной Азии, при этом китайский опыт соответ-

ствует определению «страны развития» [*Knight*, 2014. P. 1335]. Чжан Хань занимает компромиссную позицию. Он признаёт, что многие политические практики Китая очень похожи на политику других стран Восточной Азии [*Zhang*, 2014].

Ещё одна версия теории государства развития предполагает, что сетевые отношения между государством и обществом способствуют развитию, что следует из наблюдений за местным экономическим развитием. Учёные считают, что местные органы власти проявляют большой энтузиазм в отношении развития и обладают большой политической гибкостью, формируя тесную интерактивную сеть с поселковыми и сельскими предприятиями [*Zhang*, 2007]. Часть оппонентов идеи государства развития в её применении к китайскому случаю указывают на то, что традиционная концепция государства развития предполагает централизацию экономической власти, тогда как в Китае экономический рост, особенно на ранних этапах реализации политики реформ и открытости, обеспечивался за счёт местных властей. Такие концепции, как «местное правительство развития» и «локализм развития» предлагаются для описания этого явления [*Zhu*, 2004. Pp. 424–447; *Yu*, 2012]. Обнаруживается, что политика местных органов власти в Китае в значительной степени соответствует определению государства развития [*Stubbs,* 2009; *Bardhan*, 2010. Pp. 247–248]. По словам Марка Бисона, Китай является «парадоксальным государством развития» [*Beeson*, 2009. P. 22]. Это обусловлено уникальными национальными условиями Китая, включая социалистический строй, сложными отношениями между центральными и местными органами власти и иными факторами.

Хотя теория основана на обобщении опыта развития стран Восточной Азии, Китай сюда не включается. Если копировать чужие образцы и с их помощью объяснять успех Китая, это приводит к идее «подрезать ноги, чтобы влезть в туфли». Некоторые учёные уже давно призывают рассматривать Китай с точки зрения государства, находящегося за пределами «теории развития» [*Yu, Shi,* 2008].

Позиция китайских исследователей

В китайской науке существуют отдельные интерпретации концепции государства развития. Юй Чжэньэнь характеризует государство развития как режим с устойчивым стремлением социально-политической системы к обеспечению экономического развития, высокой степенью социальной автономии бюрократии, тесным сотрудничеством между правительством и бизнесом, а также высокой степенью поддержки стратегических отраслей [*Yu Zhenen*, 2008].

Другой исследователь из Китая, профессор Школы экономики Чжуннаньского университета экономики и права Ян Хутао рассматривает государство развития в стадиях его эволюции. Государство развития — это страна без эффективного рыночного механизма и государственного управления в начале пути, страна, в которой отсутствуют зрелые социальные структуры, рыночные субъекты и гражданское общество. Реализуя национальный запрос на экономическое развитие, правительство мобилизует, организует, вдохновляет и руководит общественными и экономическими процессами и в итоге направляет спонтанную и движимую внутренними механизмами рыночную экономику в необходимом направлении. Режим может быть авторитарным или либеральным, но его конечная цель — сформировать экономику, в которой доминируют внутренние экономические стимулы и которая обладает внутренними движущими силами. Сильное правительство чрезвычайно важно для государства развития, поскольку оно является единственным ведущим экономическим субъектом. Встроенность правительства в экономику имеет решающее значение, однако правительство может только направлять экономические и социальные субъекты для достижения экономических и социальных целей, а не заменять их [*Yang*, 2018].

Китайскому научному дискурсу также не чужда дискуссия о возможности применения концепции государства развития к Китаю. Гэн Шу (Школа государственного управления Чжэцзянского университета) и Чэнь Вэй (Институт социальной работы и социальной политики Восточно-Китайского университета науки и технологий) использовали спор о китайской «индустриальной модели» как повод для обсуждения, как именно китайское правительство управляет и развивает промышленность. Они кратко анализируют сходства и различия между моделью «государства развития» Японии и Южной Кореи. Оба автора полагают, что опыт Китая в реализации политики реформ и открытости очень похож на модель государства развития Восточной Азии. И эта модель может помочь проанализировать и понять достижения «китайского чуда» [*Geng*, 2017].

Профессора Национальной школы развития Пекинского университета Линь Ифу и Чжан Вэйин, рассматривали промышленную политику в КНР через призму правительственного вмешательства в экономику, отмечая, что Китай в значительной степени обусловил существующие результаты экономического развития и структурной трансформации экономики целенаправленным государственным вмешательством в экономику посредством жёсткого распределения финансирования в ключевые с точки зрения промышленного развития отрасли. Линь Ифу в своё время выступил своего рода апологетом того, что современный Китай — это государство развития, которое следует этой модели и поныне [*Geng*, 2017].

Актуальна ли модель «государства развития» для КНР?

Модель развития Китая после реформ и открытости в основном соответствует моделям вышеупомянутых развивающихся стран [*Zhang*, 2017. Pp. 86–87]. Она использует промышленную политику в качестве средства, а также опирается на общественные ресурсы для решения трудных задач, таких как институциональная трансформация, привлечение капитала, развитие инфраструктуры, промышленный рост — всего того, что лежит в основе так называемого «Китайского чуда» [*Tang*, 2022].

Многие учёные не согласны с этой точкой зрения. Среди них наиболее чёткую позицию занимает профессор Университета Джона Хопкинса в США и Гонконгского Университета науки и технологий Келли Цай. По её мнению, опыт Китая отличается от ряда стран Восточной Азии по трём причинам: фрагментированная система регулирования; непоследовательность промышленной политики; промышленное развитие, опирающееся на иностранный капитал [*Tsai*, 2004. P. 1]. Однако у Цай есть последовательные оппоненты. Так, Гэн Шу оппонирует ей по трём выделенным пунктам. «Фрагментированность системы регулирования» вызвана размерами Китая. Региональные различия в КНР колоссальны, и в этой ситуации нет иного выхода как делегировать полномочия правительства местным органам власти и поощрять последние адаптировать меры промышленной политики к местным условиям. По мысли исследователя, «местное правительство, ориентированное на развитие», является характеристикой государства развития китайского типа. Непоследовательность промышленной политики обусловливается геополитической турбулентностью. Если «азиатские тигры» изначально развивались в фарватере внешнеполитического взаимодействия с США, то Китай на всём своём недавнем пути развития находится в ситуации нестабильности существующей внешнеполитической обстановки, что характеризуется в том числе действующим санкционным давлением и сложными отношениями с США [*Geng*, 2017].

В вопросе взаимодействия местных и центральных властей как характерной черты китайской модели государства развития интересен китайский опыт создания системы положительной мотивации региональных чиновников. Поскольку местная бюрократия в Китае обладает значительной административной автономией, это позволило создать

в Китае метод управления с китайской спецификой, который сделал местную бюрократию главным творцом «государства развития» в Китае. Институциональной основой этой роли является своего рода карьерный турнир: борьба чиновников за экономической рост, где наградой является дальнейший карьерный рост. Однако, как показал опыт, сильный стимул сам по себе породил ряд негативных последствий: внутреннюю конкуренцию между провинциями за инвестиции, борьбу за показатели вопреки качественному развитию и перманентный внутрибюрократический конфликт, характерный становлением обособленных групп интересов во власти и бизнесе [*Zhou*, 2007. P. 48]. Последнее долгое время было в фокусе внимания общественных дискуссий вокруг коррупциогенности китайской системы государственного управления. Как писал профессор Университета науки и технологий Гонконга Дин Сюэлян, в Китае большинство людей может сказать, какие связи имеет каждая группа с особыми интересами, каждая из которых представляет собой сочетание политических и деловых ресурсов[2]. Однако, как ни парадоксально, именно эти группы влияния сближали китайский опыт с другими странами модели «государства развития», обеспечивая связь между бюрократическими и бизнес-структурами, рождая своего рода китайскую модель «кланового капитализма»[3].

Есть китайские исследователи, которые считают, что Китай уже отошёл от модели государства развития и движется к модели демократического социализма [*Ruan*, 2008. P. 20]. Этот путь кардинально отличается от модели любой страны Восточной Азии.

Заключение

Опыт экономического роста Китая в последние десятилетия уникален в исторической ретроспективе как с точки зрения достигнутых результатов и продолжительности периода экономического роста, так и с точки зрения модели экономических реформ, описание которой в рамках существующих неоклассических исследовательских схем, неизбежно неполно. Одной из попыток систематического рассмотрения китайского роста является использование модели государства развития — теоретического конструкта, выросшего на основе рассмотрения экономического роста ряда стран Восточной Азии, так называемых «азиатских тигров». В рамках данной статьи мы показали, что существующая исследовательская литература по теме не обладает консенсусом относительно применимости теории государства развития к китайскому опыту.

---

[2] 丁學良：〈利益集團綁架國家政策〉，FT中文網 [Дин Сюэлян: «Группы интересов похищают национальную политику». Китайская сеть] URL: www.ftchinese.com/story.php?storyid=001022530 (дата обращения: 25.08.2024).

[3] История кланового или кумовского капитализма (crony capitalism) в Китае насчитывает не одно столетие. Отношения подробного рода принято назвать термином «гуаньси». Китайский термин, в русском языке понимаемый как «связи», «кумовство», «круговая порука», «блат» в оригинале не несёт в себе отрицательной окраски и обозначает помощь, поддержку, услугу. Эквивалентом этого эффекта в русском языке может служить термин «социальный капитал», который используется спользуется для описания отношений, которые могут привести к обмену услугами или «связям», выгодным для вовлечённых сторон. Формирование подобных «связей» происходит среди людей, у которых может быть общность идентификации, например общий диалект, фиктивное родство (люди с одинаковой фамилией), родство (ближайшие родственники), место работы. Вовлечённые могут создать свою социальную сеть с помощью гуаньси. Такая сеть позволяет облегчить взаимный обмен услугами. Гуаньси служили надёжной заменой слабым социальным институтам. Подобные связи существовали во всех слоях китайского общества и позволили китайскому правительству создать экономическую систему, в которой членам семей и друзьям чиновников и руководителей бизнеса предоставляются несправедливые преимущества в виде рабочих мест, кредитов, патентов. Это явление со временем получило название кумовской капитализм [*Круглова*, 2022. С. 82] [Рейтинг кумовского капитализма в КНР см. Comparing crony capitalism around the world // The Economist. URL: https://www.economist.com/graphic-detail/2016/05/05/comparing-crony-capitalism-around-the-world (access date: 18.08.2024).

Интерес, с нашей точки зрения, представляют имеющиеся попытки модернизировать имеющуюся модель государства развития с учётом особенностей китайской модели. Ключевой в этом направлении момент — констатация географической несоразмерности Китая и стран классической модели «государства развития»: Японии, Тайваня, Сингапура, Южной Кореи. Для последних была характерна высокая степень централизации бюрократического аппарата, национальная однородность политического пространства и тесный сплав государства и бизнеса. Китай же демонстрирует опыт реализации идеи государства развития в ситуации высокой географической протяжённости страны и региональной неоднородности социально-экономического пространства. Последнее обусловило, следуя ряду авторов, перенос центра тяжести в реализации задач государства развития на местные власти посредством создания соответствующих поведенческих стимулов для региональной бюрократии. С одной стороны, это наблюдение важно для характеристики китайских экономических реформ, с другой — существенно обогащает концепцию государства развития в её способности быть экстраполированной на современность.

Как среди западных, так и китайских авторов нет единого мнения о китайской модели государства развития. До сих пор стоит вопрос, применима ли вообще эта модель для описания экономической политики китайских властей. В то же время китайские авторы стали часто применять такие определения, как «новое государство развития» и «нео-развитие» или страна «пост-развития» [*Huang*, 2016] для описания китайской модели государства развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бергер Я. (2009). Китайская модель развития [*Berger J.* (2009). The Chinese Development Model] // *Мировая экономика и международные отношения*. No. 9. С. 73–81. DOI:10.20542/0131-2227-2009-9-73-81.

Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития [*Grigoryev L., Zharonkina D.* (2024). China's Economy: Thirty Years of Outpacing Development] // *Вестник международных организаций*. Т. 19. No. 1. С. 1–38. DOI:10.17323/1996-7845-2024-01-08.

Караянис Н., Шерих М., Эльснер В. (2022). Особенности китайской модели «государства развития» [*Karayannis N., Scherich M., Elsner W*. (2022). Features of the Chinese model of the «developmental state»] // *Вопросы регулирования экономики.* Т. 13. No. 1. С. 6–19. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.1.006-019.

Круглова М.С. (2022). Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинского десятилетия (1928–1937). Роль неформальных связей [*Kruglova M.S.* (2022). Banking sector in China during the Nanjing decade (1928–1937) as an example of synthesis in economic policy. The role of informal ties] // *Terra Economicus.* Vol. 20. No. 4. С. 75–86. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-204-75-86.

Amsden A. (1989). Asia's Next Giant-How Korea Competes in The World Economy // *Technology Review*. Vol. 92. No. 4. Pp. 46–53.

Baek S.-W. (2005). Does China Follow the East Asian Development Model? // *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 35. No. 4. Pp. 485–498.

Bardhan P. (2010). The Paradigm of Capitalism under a Developmental State: Does It Fit and India? // *Singapore Economic Review*. Vol. 55. No. 2. Pp. 247–248.

Beeson M. (2009). Developmental States in East Asia: A Comparison of the Japanese and Chinese Experiences // *Asian Perspective*. Vol. 33. No. 2. Pp. 5–39.

Beeson M. (2010). East Asian Developmental states: Comparisons between China and Japan's Experiences // *Economic and Social System Comparisons*. No. 2. Pp. 69–76.

Diegues A., Pereira A. Hiratuka C. (2023). Chinese Developmental State uniqueness: an interpretation based on productive development policies and the dynamics of institutional change Chinese Developmental State uniqueness: an interpretation based on productive development policies and the dynamics of institutional change // *2nd International Workshop on the Chinese Development Model.* Pp. 1–38.

Evans P. (2014). The capability enhancing developmental state: concepts and national trajectories // *The South Korean Development Experience / E. Kim* (ed.). — UK: Palgrave Macmillan.

Evans P., Heller P. (2013). Human Development, State Transformation and the Politics of the Developmental State // *The Oxford Handbook of Transformations of the State.* — Oxford: Oxford University Press.

Fewsmith J. (2011). Debating the China model // *China Leadership Monitor*. Vol. 35. No. 21. Pp. 1–7.

Hofstede G., Bond M. (1988). The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational dynamics*. Vol. 16. No. 4. Pp. 5–21.

Johnson C. (1982). *MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975*. — Stanford: Stanford University Press.

Kalinowski T. (2015). Crisis management and the diversity of capitalism: fiscal stimulus packages and the East Asian [neo-] developmental state // *Economy and Society*. Vol. 44. No. 2. Pp. 244–270.

Karagiannis N., Cherikh M., Elsner W. (2020). Growth and Development of China: A Developmental State «With Chinese Characteristics» // *Forum for Social Economics*. Vol. 50. No. 3. Pp. 257–275. DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515.

Kasahara S. (2013). *The Asian developmental state and the flying geese paradigm*. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/osgdp20133_en.pdf (access date 27.08.2024).

Knight J. (2014). China as a developmental state // *The World Economy*. Vol. 37. No. 10. Pp. 1335–1347.

Stubbs R. (2009). What ever happened to the east Asian Developmental State? The unfolding debate // *The Pacific Review*. Vol. 22. No.1. Pp. 1–22.

Trubek D. (2008). Developmental states and the legal order: towards a new political economy of development and law // *Law & Development Review.* Vol. 25. No. 2. Pp. 2–105.

Tsai K. (2004). Off Balance: The Unintended Consequences of Fiscal Federalism in China // *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 9. No. 2. Pp. 1–26.

Wade R. (1990). *Governing the market: Economic theory and the role of government in East Asian industrialization*. — Princeton: Princeton University Press.

Wan M. (2014). *The China Model and Global Political Economy: Comparison, Impact, and Interaction.* — New York: Routledge.

White G. (1984). Developmental States and Socialist Industrialisation in the Third World // *Journal of Development Studies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 97–120.

Yang H. (2018). China's Image from the Perspective of the Developmental State: What Kind of «Developmental State» is China? // *JCIR.* Vol. 6. No. 1. Pp. 95–116.

Yu Z. (2008). *Fazhan xing guojia*, [*Developmental State*]. — Changchun: Jilin Chubanshe.

Zhang F. (2017). The Chinese developmental state: standard accounts and new characteristics // *Journal of International Relations and Development*. Vol. 21. No. 2. Pp. 739–768. DOI:10.1057/s41268-017-0085-1.

Zhu J. (2004). Local Developmental State and Order in China's Urban Development during Transition // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 28. No. 2. Pp. 424–447.

查默斯 • 约翰逊 [Chalmers *Johnson*]. (2010). 通产省与日本奇迹—产业政策的成长 [1925—1975] [*MITI and the Japanese Miracle—The Growth of Industrial Policy [1925-1975]*]. — 金毅等译，吉林出版集团有限责任公司 [Translated by Jin Yi et al., Jilin Publishing Group Co., Ltd.].

耿曙[*Geng* Shu]. (2017). «发展型国家»模式与中国发展经验之辩 [The Debate on the «Developmental State» Model and China's Development Experience]. 澎湃新闻 [The Paper]. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1619814 (access data: 27.08.2024)

黄宗昊 [*Huang* Zonghao] (2016). 中国模式与发展型国家理论 [The Chinese Model and the Theory of Developmental State] // 当代世界与社会主义 [*The Contemporary World and Socialism*]. No. 4. Pp. 166–174.

阮思余 [*Ruan* Siyu]. (2008). 從發展型國家走向民主社會主義國家？ [From a developmental state to a democratic socialist state?] // 二十一世紀 [Twenty-first century]. Vol. 110. No. 12. Pp. 14–23.

唐世平 [*Tang* Shiping]. (2022). «新发展三角»：国家能力、制度 基础和社会经济政策 [The «new development triangle»: state capacity, institutional foundations, and socio-economic policies] // 世界政治研究 [*World Politics Studies*]. Vol. 15. No. 3. Pp. 1–34.

郁建兴、石德金 [*Yu* Jianxing, *Shi* Dejin]. (2008). 超越发展型国家与中国的国家转型 [Beyond the Developmental State and China's National Transformation] // 学术月刊 [*Academic Monthly*]. No. 4. Pp. 23-32.

郁建兴、高翔 [*Yu* Jianxing, *Gao* Xiang]. (2012). 地方发展型政府的行为逻辑及制度基础 [The behavioral logic and institutional basis of local developmental governments] // 中国社会科学 [Chinese social sciences]. No. 5. Pp. 206地方发展型政府的行为逻辑及制度基础207.

张宏远 [*Zhang* Hongyuan]. (2007). «发展型国家» 理论的回顾及其在中国研究适用性之探讨 [A review of the «developmental state» theory and discussion of its applicability to Chinese research] // 东亚研究 [*East Asian Studies*]. No. 2. Pp. 86–121.

张汉 [*Zhang* Han]. (2014). 在变动中寻求国家、市场与社会 的 结 构 性 契 合 与 协 同———对发展型国家理论及中国模式的比较研究 [Seeking structural fit and synergy between the state, market and society in changes—a comparative study of developmental state theory and the Chinese model] // 经济社会体制比较 [Comparison of economic and social systems]. No. 3. Pp. 121–131.

周黎安 [*Zhou* Li'an]. (2007). 中國地方官員的晉升錦標賽模式研究 [Research on promotion tournament model of local officials in China] // 經濟研究 [*Economic studies*]. No. 7. Pp. 36–50.

Мария Семеновна Круглова
mashakruglova999@gmail.com
Maria Kruglova
PhD (History), senior research fellow, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow
mashakruglova999@gmail.com

CHINESE MODEL OF DEVELOPMENTAL STATE: A LITERATURE REVIEW

Abstract: The paper discusses the Chinese model of developmental state. The concept of the developmental state was a convenient theoretical framework for explaining the economic success of East Asian countries. it was considered that competent government intervention in the economy allowed Japan and South Korea to perform their "economic miracle". China's rapid economic growth began later, but this concept also began to be used to explain its achievements. However, there is still no consensus on the Chinese model in academic and political discourse. Western researchers believe that the Chinese model is generally indistinguishable from the Korean or Japanese model, and some differences from the average model are present in the development policies of each of these countries. Given the specifics of historical development, it is obvious that China differs significantly from other classic examples of East Asian developmental states. It has been suggested that China has gone beyond the concept of the developmental state and entered the "post-development" or "neo-development stage". Chinese scholars, emphasizing that the main economic results in the PRC were achieved by local governments, not the central government, in turn insist on the "specialness" and complete dissimilarity of Chinese reforms to the policies of their neighbors. In the works of Chinese authors, the concepts of "local development government" and "development localism" are encountered. However, even the Chinese scientific community doesn't show consensus on the distinctive features of the Chinese model. Doubts are often expressed about the explanatory power of the entire concept not only in relation to China, but also to other countries.

Keywords: *developmental state, Chinese development model, reforms, development policy.*
JEL: O20, P21.